

Экипаж Ковчега.

Научно-фантастическая повесть.

Жанр: альтернативная история, постапокалипсис.

Автор: Турченко Вячеслав Михайлович.

Все права защищены. © 2012.

Глава 1.

Высокая волна.

2012, декабрь, 13. Атлантический океан.

Все этого ждали, но никто по-настоящему не верил. Слишком много концов света было обещано в последние годы. Ни Нострадамусу, ни слепой Ванге, ни календарям Майя, ни даже всероссийскому шарлатану Глобе ввести народ в заблуждение не удалось. Граждане уже не верили никому. Каждый занимался своим делом. Если грянет, будем встречать, но если нет – надо заботиться о куске хлеба на завтра. И о месте под Солнцем.

У каждого своё представление об этом местечке под светилем пятой звёздной величины. Один мечтает о горсти варёного риса, другой – о власти если не над самой звездой, то для начала над отдельно взятой планетой в её системе. Вот эти последние что-то и перемудрили. Или коллайдер в разгон пошёл, или "Арпу" в резонанс вогнали, а может, яйцеголовые ещё что-нибудь такое врубили. Никто уже этого не расскажет. Рассказчиков не сыскать, а слушателей осталось немного.

Всё произошло буднично и почти незаметно.

Мы с Максом и Евой завешали плановое погружение на подводное плато в семидесяти милях севернее Азорского архипелага. Только что его очертания растаяли под нами во мраке - сегодняшняя программа была выполнена, и я переключил органы управления аппарата на всплытие. Мы висели в толще тёмной океанской пучины, потревоженной только лучами мощных светильников. Системы «Дельфина» работали нормально. Я взглянул на указатель заряда батарей – оставалось 30%, на пару часов нормальной работы. Макс докладывал на «Петергоф» наши координаты и глубину – 2380 метров. Ева просматривала записи наружной видеокамеры. Словом, нормальная рабочая обстановка на борту научно-исследовательского глубоководного аппарата. Угадайте следующее слово! Совершенно верно. ВДРУГ.

В окружающем мраке раздалось глухое мощное гудение, едва слышимое скорее даже не ухом, а всем телом, на грани инфразвука. Запищал зуммер предупредительной сигнализации. Жёлтая лампочка «Скорость погружения» тревожно замигала. Я бросил взгляд на глубиномер. Стрелка прибора резво вращалась: 2400, 2450, 2500... Такое зрелище я видел на приборной доске спортивного самолёта, когда мой друг и фанатик высшего пилотажа Алекс однажды решил взять меня на "слабо" в пикировании с полупереворота. Скорее тебя стошнит, дружище. Старого моряка непросто довести до задуманного тобой эффекта. Поштормуй пару недель подряд, тогда посмотрим на твой вестибулярный аппарат.

- Какого чёрта, Фэд? – рявкнул Макс.

- Судя по приборам, мы резко погружаемся, или же датчик глубины накрылся.

- Экстренное всплытие!

- Есть!

- Пилоты, в чём дело? - подала голос Ева.

Система аварийного автоматического управления уже сработала без моего участия. Безопасная глубина погружения "Дельфина" составляет 3000 метров. В нормальном, ручном режиме мы иногда даже превышали

этот порог на 30 – 50 метров безо всяких последствий. Но сегодня ситуация попала под контроль электроники из-за резкого возрастания показаний глубиномера. На значении 2750 зажёгся красный сигнал, и взвыла сирена аварийного оповещения. Сбросился аварийный металлический балласт, активировались пиропатроны экстренного всплытия, и в клубах пузырей и жёлтой мути отработанной химии наш "Дельфин" пробкой устремился к поверхности. В бормотании газов за бортом и визге алярмов, я еле разобрал ободряющую фразу Макса:

-Фэд, я тебе оборву все внешние признаки пола.

То, что он сказал, было сказано сгоряча, но по голове мне настучать следует. Готовил аппарат к погружению я, подпись бортинженера об этой готовности стояла моя, стоимость аварийного всплытия описывается числами с несколькими нолями. В общем, укрощая взбесившуюся электронику и переводя системы в режим сближения с кораблём-маткой, я, как говорится, намыливал одно место.

«Дельфин» ухнуло на первой после прибытия на поверхность волне, затем стало мерзко болтать в верхнем слое океанской зыби. Даже опытным морякам такая беспорядочная качка не всегда сходит с рук. Морской геолог Ева Светлова резко сменила цвет симпатичного личика на инопланетно-зелёный и потянула авиационный пакет из-под сидения.

- "Петергоф", я "Дельфин", экстренное аварийное всплытие. Мы в порядке, ложная тревога. Дайте курсовой. Координаты... Фэд, мать твою, что с сонаром, нет базы! "Петергоф", у меня проблемы с навигацией, дайте маяк. Приём. Фэд, что ты себе позволяешь? Вообще ничего не работает!

Я и сам видел, что экран гидроакустической навигации пуст. Нет ни зелёной «нулевой» точки судна-матки, ни отметок навигационных буёв. Ни на гидроакустическом, ни на УКВ каналах связи не было слышно голосов дежурного оператора или вахтенного помощника "Петергофа". Электроника сегодня явно бастовала, и этот саботаж грозил мне крупными неприятностями.

- Уравнять давление. Открыть люк. Поднять антенны радара и GPS!

Я высунулся по пояс из люка. Набежавшая волна без промедления окатила мой торс. Благо, на этот случай все мы были облачены в водонепроницаемые комбинезоны. Открываю лючок вспомогательного отсека и высвобождаю телескопические мачты навигационных антенн. Обзор из миниатюрной рубки "Дельфина" почти никакой, да и волна какая-то рваная, короткая и высокая, прямо тебе не Атлантика, а Чёрное море. Макс дёргает меня снизу и протягивает портативную радиостанцию:

- Свяжись с базой, пусть засекают нас и ведут, я врубаю радиомаяк.

- "Петергоф", "Петергоф", я "Дельфин", даём маяк, у нас проблемы с электроникой, встречайте. Приём.

Строго по Высоцкому: а в ответ – тишина.

- Вымерли они там, что ли? На радаре лишь мелкая шелуха, эфир пуст, ни одного спутника на GPS! Ни матки, ни буёв на экране. Фэд, объясни мне, что это значит?! Где мы находимся? Они что, во времени провалились?

Похоже, что таки да, как выражаются жители южной Пальмиры. Двадцать минут обсервации, попыток связи, визуального и радионаблюдения выдают нам лишь один результат: горизонт чист, если не считать незначительной метки на экране радара в полутора милях. Корабль-носитель "Петергоф" водоизмещением 7 тысяч тонн, десятков навигационных буёв, несколько американских спутников системы глобальной навигации и даже геостационарный спутник связи, который мы пытались задействовать для вызова экстренной помощи – все они дружно покинули наше пространство и время.

- Если быть объективными, то скорее мы, как наименее крупный и важный объект, покинули привычный континуум, - я попытался перевести в шуточки. Максим включил ходовой двигатель «Дельфина» на экономход и выруливал на единственное эхо-отражение на экране радара. Вскоре я снова высовываюсь из люка. Наш аппарат качается возле спасательного надувного плота, на резиновом понтоне которого набито: "Petergof, St. Petersburg". А из тента плота перепугано выглядывает мой подчинённый, электронщик и акустик Петро Гарбуз из службы базового техобеспечения. Вот ты-то мне сейчас и нужен, ты-то и ответишь за эти электронные шутки! Но почему плот?

- Петруччо, принимай конец! Крепи! Двигай сюда!

В тесноватом обитаемом отсеке "Дельфина" с прибытием мокрого Петра жить становится почти невыносимо, но мы, следуя поговорке, не в обиде. Люк закрыт. Мы все – слушаем. И пытаемся осознать. Ибо то, что мы слышим, больше похоже на злую шутку, или бред разболевшегося Петиново воображения.

- Волна до неба. Примчалась, как ветер. Я на корме настраивал радиобуй. Судно перевернулось и покатило по вертикальной стене воды на правый борт. Как игрушка со спинки дивана. Грохот, крики. Я со страху прыгнул подальше за борт. Чуть не захлебнулся. Когда вынырнул – увидел пару обломков и гору воды. Какой-то Эльбрус! Она цепляла вершиной облака и мчалась за горизонт. Вскоре недалеко всплыл самонадувной плот. Забрался на него, а тут и вы подошли. Это что-то нереальное, таких волн не бывает.

- Фэд, какую глубину показывал прибор до ЧП?

- Две двести восемьдесят.

- Аварийка сработала на две семьсот пятьдесят. Значит, высота волны была не менее трёхсот семидесяти метров. Скажите мне кто-нибудь, что могло породить ТАКУЮ ВОЛНУ? Какое землетрясение или удар метеорита? И что ещё натворила ЭТА ВОЛНА? Братцы, вы понимаете, что вообще произошло?!

Мы не понимаем. Чтобы понять, нужно время. Нужно что-нибудь увидеть ТАКОЕ. Это уже ждало нас, более того, это происходило сейчас, где-то недалеко, и будет происходить так далеко, как только может быть далеко на этой маленькой планете. Везде. Попробуйте осознать это. ВЕЗДЕ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ.

- Как командир экипажа, приказываю. Включить радиобуй космической связи для подачи сигнала бедствия. Аварийные припасы спасательного плота перенести на "Дельфин". Все потребители электроэнергии аппарата отключить в целях сохранения заряда батарей. Радар включать

каждые два часа на предмет обнаружения плавучего объекта или берега. Продукты питания и пресную воду расходовать только с моего разрешения. Установить ходовые вахты в следующем составе: с нуля до четырёх – капитан Максим Соломонов. Четыре–восемь – бортинженер Фёдор Солнцев. Восемь–двенадцать – техник Петро Гарбуз.

- А я? Максим Николаевич, а я?

- Тебе, Ева отводится особо ответственная должность кока и добытчика. В снабжении плота и в нашем аварийном комплекте имеется небольшой запас медикаментов, пищевых концентратов, питьевой воды и рыболовные снасти. Сейчас ты должна всё это взять на учёт, затем приступаешь к рыбалке. Не знаю, сколько нам придётся болтаться в море. Без рыбы в этих краях мы не останемся, это поможет нам избежать голода. Альтернативы пока нет. Надежды, что нас кто-то спасёт – тоже. Поэтому прошу всех членов экипажа подготовиться к суровым лишениям. Это не высокие слова, ребята. Плот – пушинка в океане. "Дельфин" без подзарядки батарей может пройти пять – семь миль. До ближайшего берега не менее семидесяти. Следовательно, наш аппарат можно использовать только как средство укрытия от волн и солнца. Комфорта не обещаю, но гарантирую уверенное удержание на плаву в любую погоду, если ходовая вахта будет закрывать люк при малейшей опасности. Пока всё. Приступить к несению вахты!

Время вечернее. Моя вахта. Какое-то косматое злое Солнце садилось за морской горизонт в окружении рваных тёмных облаков, подсвеченных снизу недобрым желтоватым сиянием. Не нравился мне закат. Впрочем, не мне одному и не только закат. День, начавшийся завтраком в уютной кают-компании "Петергофа", подготовкой к погружению на лазурной ленивой зыби утреннего океана – вдруг заканчивался каким-то сюрреалистичным закатом Солнца за горизонт опустошённой диким цунами планеты. На потерявшейся посреди бескрайнего океана мизерной посудине, неспособной к плаванию без специального корабля обеспечения и большого коллектива специалистов. А само судно со всей командой, похоже, уже покоилось на подводном плато, которое мы так спешно покинули всего пару часов назад. В голове это не помещалось. Ребята устраивались в креслах обитаемого отсека. Я, в позе приснопамятного танкиста Гудериана, уселся на плоском комингсе люка и стал вертеть головой, ведя наблюдение. На горизонте не видно ни одной точки или огня. Бесполезный бинокль висит на шее, портативная радиостанция молчит, сигнальная ракета выглядывает из специального контейнера. Волна немного убилась. Кто-то просится снизу. Ева.

- Фёдор Ильич, выпустите меня.

Выпускаю. Усаживаюсь на маленькой рубке, уступая девушке место "командира танка". Она неуверенно распечатывает рыболовную снасть из аварийного комплекта.

- Похоже, на рыбалку ты выехала впервые в жизни.

Грустно кивает. Разбираемся со снастями, излагаю тезисы великой мужской науки, забрасываем. Странно на меня посматривает. Кажется, что она чему-то радуется. Последствия шока? Отдаю ей бинокль, а сам приступаю к таинству.

- Ева. Тебе повезло с именем. Не исключено, что ты сейчас единственная женщина на Земле. Почти как тогда, в первый раз.

-Ой, Фёдор Ильич...

- Прости за бестактность. Сколько тебе лет?

- Двадцать девять.

- А мне – сорок шесть. Не намного больше. Можно на "ты". Федей, наверно, будет рановато, но на Фёдора обещаю отзываться.

- Неудобно. Вы офицер, бортинженер, а я...

- А ты погулять вышла? Думаешь, я не знаю, какой конкурс ты выдержала, чтобы попасть в экспедицию? Какой медицинский отбор прошла? Милая, я ни разу не видел на борту этого аппарата людей, о которых можно сказать: вот этот – просто так. Изволь уважать себя, особенно в сложившихся условиях. Ты – член экипажа. И неизвестно, кто из нас окажется самым нужным или полезным для выполнения задачи.

- Какой задачи?

- Моя неуместная шутка содержит долю правды. Что-то случилось в масштабах всей планеты. Возможно, и задачи у нас будут даже глобального уровня.

- Не слишком ли громко сказано?

- Боюсь, что именно так или почти так. В эту минуту гибнут миллионы, если не миллиарды, людей на всей планете. Творится такое, что я не в силах представить. Такую волну могли породить силы, несравнимые даже с землетрясениями. Ты, как геолог, должна с этим согласиться.

- Господи, я не могу поверить. Это же чудовищно, как можно говорить об этом?

- Я хотел бы ошибиться!

- Хорошо, Фёдор... Я проходила курсы по выживанию и спасению на море. Имею представление, что это непростое и малоперспективное дело. О каком спасении планеты мы можем сейчас говорить? Кто бы нам помог?

- Лёгкой жизни в ближайшие годы не гарантирую. А насчёт помощи – настоящему моряку и волна помощник. Принимай!

На крючке бьётся рыбина. Восхищенные вопли, оживление "в низах". Главное – отвлечь товарищей, да и себя самого от страшных мыслей, уже выющих чёрные гнезда в глубинах души: что с близкими? Пережить ТАКОЕ в приморских городах, где остались наши семьи, невозможно. И попробуй не взвыть в голос на глазах у девушки, не осознавшей, насколько точной могла оказаться моя глупая шутка про её имя.

Глава 2.

Три красных ракеты.

2012, декабрь, вторая половина. Атлантический океан.

Сказать, что надоело – значит, ничего не сказать. Столько дней на болтающемся, как известная инстанция в проруби, "Дельфине" - это перебор. Сначала у Евы, а потом и у Петруччо прекратились приступы

морской болезни. Петя - бывший подводник, а, как известно, после лётчиков у них - самая слабая вестибулярка. И это, пожалуй, единственный плюс в длинном списке негатива. Мы с Максом, как старшие по возрасту, опыту и чинам делаем вид, что всё идет по плану, что спасение рядом и оснований для волнения нет. Молодёжь делает вид, что верит в нас и в успех нашего безнадёжного предприятия. Золотые ребята, они даже не подозревают, как поддерживают нас самих. Похожие на прессованные опилки галеты и кисленькие конфетки из аварийного рациона заканчиваются, невзирая на ежедневное уменьшение порций. Пропорционально растёт аппетит, вспоминаются сытные обеды и недоеденные когда-то котлеты. Спасибо небу, прошёл дождь, мы приняли бесплатный душ и собрали в спасательном плотике приличное количество пресной воды. От голода спасает подвяленная рыбка, нечасто, но регулярно попадающая на крючок. Идея с парусом провалилась в зародыше. Превратить погружаемый аппарат в парусную яхту оказалось делом пустым.

Мы потерялись в океане. Спутниковая навигация не работает. Другими средствами определения координат "Дельфин" не оборудован. Экран радара чист, как совесть младенца. На моей вечерней вахте посвежело, а с наступлением темноты начинается шторм. Оставаться на верхней палубе опасно. Задраиваем внешний люк. Проходят часы. Швыряет безбожно, порой аппарат подныривает на несколько метров, но в его прочном корпусе четыре человека могут чувствовать себя в относительной безопасности. Скоро обнаруживаем, что спасательный плотик, принаитованный к "Дельфину", исчез. Хорошо, успели вычерпать из него пресную воду и собрать её в одной из балластных цистерн нашей мини-подлодки. В отсеке, рассчитанном на три человека, тесно. Петруха скорчился на каком-то чехле между креслами командира и наблюдателя. Согласно воинской истине: "Только сон приблизит нас к увольнению в запас". Мн-да, дембель в опасности. Пытаемся дремать.

- Шум винта малотоннажного судна, - внезапно громко рапортует наш электронщик. Школа. Он служил акустиком на подлодке. Все оживляются, но кроме Петра, никто ничего не слышит, только бормотание волн за бортом.

- Петя, ты уверен?

- Командир, меня сам мичман Петренко учил. По магнитофонным записям, с помехами. Как он матерился! Даже действием оскорблял, правда, не по голове. Берёг слабое место. Докладываю: идет самым малым, дистанция не более двух миль, пеленг без приборов не скажу.

- Включить сонар! Быстрее, Фэд, возможно, это шанс.

Гидролокатор показывает небольшой объект в семнадцати кабельтовых.

- Ракету! Приготовить фальшфейер!

Я выпихиваю себя в люк, рву шнурок сигнальной ракеты. Волны пытаются затолкать меня обратно и прорваться вовнутрь нашего кораблика. Бешено сопротивляюсь, за шиворот льются потоки, и вот награда: в пелене брызг, на грани видимости из моей ныряющей позиции различаю в вышине три красных расплывчатых отсвета.

- Визуальный контакт, четыре часа!

- Задраить люк! Включить аварийные огни! Питание на ходовой двигатель! Докладывать пеленг на цель!

Мои пальцы летают над пультами. Акустик не отрывает взгляд от экрана, громко, по-военному, сыплет цифрами докладов. В неярком свете панелей вижу лицо Евы. Если надежда имеет глаза, они сияют так, как у этой девушки. Красивая. Как я раньше не замечал?

Мигая оранжевыми проблесками и подывая сиреной, "Дельфин" подруливает к небольшой яхте. "Dream sail", "Парус мечты". Порт приписки – Марсель. Как тебя занесло сюда со Средиземного моря? Судёнышко поплавок летает на штормовой волне, вид у него печальный. Вместо грот-мачты из палубы торчит сломанный огрызок. Почти все леера ограждения вырваны с корнем, на бортах видны солидные вмятины. Но серьёзных повреждений корпуса не видно. Людей на палубе – тоже. Зажигаю фальшфейер и различаю такой же яркий, густо дымящий огонь на корме яхты. Судя по всему, принять наши швартовы некому. Петро вызывается перебраться на яхту и произвести стыковку двух кораблей. Это вам не космос, это штормящий океан. Попадёшь между корпусами – размажет в кляксу. Неосторожное движение – и тебя никто не найдёт среди волн. Безжалостно сажая аккумуляторы, Макс демонстрирует высший пилотаж и подводит наш аппарат в нужное место, в нужное время. Невзирая на присутствие леди, в отсеке стоит жуткая матерщина. Издержки мужской профессии... Техник перелетает с борта на борт, и через некоторое время два несолидных судёнышка связаны воедино десятком всевозможных концов, шкотов, фалов и чёрт знает каких верёвок, лишь бы покрепче и надёжно. Я отправляюсь с дипломатическим визитом на флагман союзной эскадры. Чуть не смыло.

На корме Петруччо уже ведёт переговоры с экипажем в составе единственной персоны, в коконе из парусины, намертво привязанной к ограждению кокпита. Слышу английскую речь. Судя по голосу, персона принадлежит к женскому полу, крайне напугана. Сейчас её требования не выходят за рамки нескольких часов сна без риска оказаться за бортом. Прострация. Мне показалось, что я уловил запах спиртного. Здесь поможет только покой и время. С большими трудностями переправляем спасённую (или кто тут кого спасает?) на борт "Дельфина", где Ева берёт над ней шефство. Бегло осматриваем яхту на предмет наличия отсутствия других членов экипажа. Заодно убеждаемся, что тонуть в ближайшее время судно не намерено. Краткий доклад командиру. Приказ: оставаться на яхте, следить за концами, отдыхать по очереди, ждать окончания шторма. Люк нашей субмарины захлопывается. Порывшись в парусном рундуке, находим плавучий якорь. Это небольшой парашют из парусины. Заброшенный в воду с носовой части яхты, он поможет нам держаться против волны. Легче будет штормовать. Злоупотребляю служебным положением: на первую вахту ставлю Петра. В маленькой каюте, заваленной запасными парусами, вью себе уютное гнездышко. Только сон...

Шторм выматывал наши силы четыре дня. Мы с Петруччо почернели от недосыпа, руки покрыты мозолями, волдырями и ссадинами от вечно рвущихся и сращиваемых нами буксирных концов. Порой казалось, что

кроме волн, рваных канатов и летающего над головой батискафа в жизни у меня не было, нет, и не будет ничего иного. И подлая мыслишка: "А оно тебе надо?" высовывает острый носик из-за угла подсознания. Прочь! Бывало хуже. Но реже, да.

И настал тот день, ради которого терпели. Зыбь вздымала наши судёнышки на мощном дыхании, но в последнюю ночь мы с техником даже поспали по очереди. Все пятеро собрались на палубе "Паруса мечты". Мы, наконец, можем разглядеть поближе нашу новую спутницу. Мари Мейер, лет тридцати, француженка. Симпатичная маленькая брюнетка. Беседуем по-английски, благо, ни у кого из нас это не вызывает проблем: морская профессия без этого сегодня невозможна. Мари с мужем на своей яхте решили пересечь Атлантику оригинальным маршрутом. Гигантская волна накрыла их на подходе к Азорам. В момент удара Мари находилась в каюте. От гибели её спасли военно-морская привычка мужа держать все люки заdraенными и тяжёлый киль яхты. Супруг, управлявший корабликом, исчез. Судёнышко несколько раз перевернулось через киль, но вскоре вернулось в нормальное положение. Мачта была сломана, Мари обошлась крепкими ушибами и мелкими ранами. Яхта была в их семье уже не первый год, и Мари имела представление о её устройстве. Супруг, отставной флотский офицер, давал ей уроки по судовождению, они вместе прокладывали курс на карте. Придя в себя, она запустила двигатель и попыталась продолжить путь на острова, ближайшую землю на момент катастрофы.

- Но магнитный компас показывает чёрт знает что! – Воскликнул Макс. В этом мы убедились в первый же день.

- Так и есть, а моя антенна спутниковой навигации улетела вместе с мачтой.

- И что же ты делала?

- Я поняла, что архипелаг без средств навигации мне не найти. Поэтому сориентировала судно по Солнцу на восток в надежде выйти к европейскому или африканскому берегу, встретить людей и там решать мои проблемы. Запас топлива у нас был хороший, продуктов и воды тоже достаточно. Единственная моя оплошность - цистерна питьевой воды дала трещину, которую я заметила слишком поздно. Спасалась от жажды пивом, которого на борту было несколько ящиков. Когда начался шторм, намертво привязала себя в кокпите. Шансов спастись в такую погоду почти не было, и тут, как из-под воды – тройная красная ракета.

- Точно, из-под воды, - пробормотал я.

Без лишних церемоний Мари Мейер вместе со своей яхтой была зачислена в состав нашего экипажа. Объединение дало нам неплохую добавку к рациону в виде консервов и колбасы, а также навигационные карты района плавания. Кроме моральной, после гибели мужа, поддержки, Мари получила профессиональный морской экипаж и батискаф в придачу. Ничего смешного. Батискаф был оборудован современными средствами наблюдения и связи. Невзирая на то, что остаток энергии аккумуляторов составлял не более 10%, мы могли и были намерены использовать эти средства с полной отдачей. Зато яхта имела приличный запас горючего и дизельный двигатель.

Проинспектировав механическое хозяйство, я убедился в его исправности и готовности к использованию. Оставалось выбрать курс.

- На восток! – сказал командир. Иного пути у нас не было. Караван, состоящий из прогулочной яхты с батискафом на буксире, тронулся в путь. Надо сказать, что духом мы воспряли. Одно дело болтаться на перископной глубине, без хода и надежды самостоятельно решить возникшие сложности. И совсем другие ощущения, когда ты можешь сам выбирать свой курс. На ходовую вахту был готов заступить любой из нас. Ева упросила меня дать пару уроков рулевого матроса и стала счастливой хозяйкой штурвала на утренней молодёжной вахте. Медленно, намного медленнее, чем хотелось, мы продвигались на восток. Наступило католическое Рождество. Мы поздравили нашу французскую подружку, выпили пива.

Глава 3.

Решение капитана.

2013, январь, начало. Атлантический океан.

Наступление Нового Года мы не заметили. Штормило, было некогда.

Одна из проблем людей, терпящих бедствие в океане, - это скученность на малой площади. Ты постоянно находишься на виду у других и сам постоянно видишь, как цветасто выражаются моряки, эти надоевшие морды. Даже отправление естественных надобностей происходит, как минимум, с ведома этих "морд", что не добавляет комфортности при разнополем, а в нашем случае даже интернациональном экипаже. Как-никак, мы с Максом и Евой были гражданами России. Иноземная фамилия Петрухи Гарбуза в комментариях о происхождении не нуждается. Присоединение к экипажу Мари вообще порождало смутные воспоминания о сборище безродных космополитов и методах борьбы с этим явлением в недавнем светлом прошлом. О светлом будущем мечтать мы побаивались, а настоящее пытались скрыть друг от друга решительностью в глазах и уверенностью в разговорах. Надо сказать, что с каждым днём это становилось трудным и неблагодарным занятием. Начало панических разговорчиков не должно исходить от капитана. Чтобы не подорвать его авторитет и уважая стойкость более молодых и неопытных товарищей, я первым нарушил запретную тему.

- Друзья, предлагаю поговорить о наших планах.

Макс настороженно посмотрел мне в глаза. Мы знакомы с курсантских лет, вместе выхлебали не один фунт морской соли и научились понимать друг друга. Уловив тему на подсознательном уровне, он зорко осмотрел наше воинство. Воинство встретило смотр демонстративно бодро поднятыми подбородками и подчёркнуто спокойными выражениями лиц. Удовлетворённым прищуром командир дал мне "добро" продолжать.

- При самых подходящих условиях плавания, наша скорость составляет менее трёх узлов. Учитывая то, что курс по Солнцу и звёздам мы выдерживаем только приблизительно, наш суточный переход не превышает 50 миль, при этом мы расходует много горючего на буксировку «Дельфина». Полноценное использование батискафа без специализированного судна невозможно. Наши задачи сейчас намного

проще. Круг этих задач и варианты их решений я и предлагаю обсудить. Дальнейшее замалчивание наших проблем и обмен неоправданно оптимистическими взглядами считаю нецелесообразным.

Ну и выдал. Знай инженерную мысль! Капитан понял:

- По морской традиции, во избежание злоупотребления авторитетом старших, первыми высказываются самые молодые. Акустик Гарбуз, прошу вас!

- Благодарю, Максим Николаевич. Все мои попытки установить радиосвязь с внешним миром остались без результата, хотя гарантирую, что аппаратура в рабочем состоянии. То же относится к средствам спутниковой навигации и связи. Выводы неприятные. Если они подтвердятся даже частично, батискаф нам действительно потребуется нескоро, при всём уважении к Фёдору Ильичу.

Петруха знал, что я был одним из авторов и создателей этого чуда подводной техники, знал моё отношение к воплощённой мечте юности. Он сам был влюблён в "Дельфин" всеми фибрами своей электронно-транзисторной души. Спасибо, дружище. Мне всегда везло с экипажем.

- Мадам Мейер, прошу высказать ваше мнение.

- "Парус мечты" мог развивать более 16 узлов при хорошем ветре и исправном парусном снаряжении. Под мотором мы давали 8, а иногда и 10 узлов. Вполне достижимо для нас проходить 200 морских миль в сутки и тем самым намного увеличить вероятность достижения берега и людей. Мой бедный Жан всегда был сторонником быстрого передвижения, он ведь был военный моряк, впрочем, это уже... - на глазах молодой женщины блеснул бриллиант слезинки, и она отвернулась.

- Спасибо, Мари, мы грустим вместе с вами и, похоже, еще неоднократно будем благодарить вашего супруга за хорошее судно. Научный сотрудник Ева Светлова, пожалуйста.

- Воды и продуктов питания, при экономном режиме, у нас осталось на десять дней. В последние два дня мы поймали лишь одну небольшую рыбку, через неделю продовольственный вопрос может стать у нас самым главным. Вчерашний дождик слегка отодвинул проблему питьевой воды, но Петины шутки типа "Моется тот, кому лень чесаться" уже перестают веселить даже его самого. Я морской геолог, но не навигатор и не эксперт по выживанию. Поэтому поддерживаю любое предложение по выходу из создавшейся ситуации.

- Ева, мы признательны тебе за заботу о наших желудках, а еще больше за дружескую поддержку нашей спутницы в трудную минуту. Мы мужчины, тем более моряки, не умеющие открыто выражать свои чувства. Думаю, Мари присоединится к нашему мнению, - Французенка нежно обняла подругу.

- Бортинженер Солнцев. Ваше заключение о технических аспектах плавания.

- Состояние корпуса и силовой установки яхты удовлетворительное, чем не могу похвастаться в отношении батискафа. Батареи "Дельфина" на грани полной разрядки, через неделю они совсем выйдут из строя. Специальное оборудование, к примеру, радио, навигационное,

акустическое и электронное, в том числе два бортовых и один портативный компьютер, может быть демонтировано и установлено на яхте. Самое необходимое оборудование можно снять с батискафа относительно быстро. Запас горючего на яхте - на восемь суток полного хода, экономичным ходом – более чем на двенадцать. Если удастся раздобыть подходящий материал для мачты, то парусов и шкотов имеем достаточно, специалистов по их применению у нас три человека. Следует без сожалений расстаться с "Дельфином" и направиться к ближайшим берегам с приемлемой скоростью. Мы терпим бедствие, командир, этот факт нет смысла скрывать друг от друга. Поэтому, следует принимать решения, направленные в первую очередь на спасение наших жизней и здоровья, отыскание твёрдой земли, людей и возвращение в цивилизованный мир. О наличии которого я, невзирая на атеистическое воспитание, хотел бы крепко помолиться.

- Благодарю всех за содержательные доклады и выдержку, проявленную в сложившихся обстоятельствах. К сожалению, я не могу дополнить ваши сведения ничем существенным, ибо нахожусь с вами, в прямом смысле, в одной лодке. Строить предположения о причинах, а тем более о результатах происшедшей катастрофы, я не могу ввиду отсутствия объективной информации. Субъективное, мое персональное мнение, таково: масштабы этого события могут оказаться очень большими.

Нас пять человек, из них только мы с Фэдом можем похвастаться длительным знакомством, крепкой дружбой и, как говорят пилоты, слётанностью. От нас обоих, - мгновение на обмен взглядами: "Не так ли? – О чём речь!", - могу отметить, что коллектив у нас подобрался прекрасный. Как опытные моряки, мы рады видеть ваши уверенные и продуктивные действия в первые, самые трудные дни нашего дрейфа, вашу волю к победе. Особенно хочу поблагодарить женскую часть команды за то, что не поддались панике и унынию. Глядя на вас, мужчинам просто стыдно быть слабыми. Мы обычные люди, нам тоже бывает тяжело на сердце и у нас тоже остались близкие, о судьбе которых страшно думать.

Нам предстоит выбираться со смертельной ловушки. Волею обстоятельств я стал вашим командиром, с вытекающими требованиями безоговорочной дисциплины и ответственности перед товарищами за каждое слово и поступок. В экстремальной ситуации я возлагаю на себя право без церемоний и уговоров требовать немедленного выполнения любого моего распоряжения. В случае моей гибели или недееспособности, моим заместителем остаётся старший механик Солнцев. По праву морского профессионала и старшего по возрасту.

По прибытии в цивилизованные условия и отступлении грозящей нам опасности, каждый из вас волен будет идти, куда ему угодно и поступать по-своему. Но до тех пор, пока я командир этого экипажа, не рекомендую оспаривать мои требования, а тем более прямые распоряжения. Мы на войне. Наш враг – стихия. Цена победы – наши жизни. Одиночки редко выживают в таких условиях.

Приказываю: до наступления завтрашнего рассвета демонтировать из батискафа максимум полезного оборудования. Участвуют все. Старший – бортинженер. С восходом Солнца снимаемся курсом на восток.

Глава 4.

Навигация и астрономия.

2013, январь, 09. Атлантический океан.

Мой "Дельфин" уже несколько дней где-то дрейфует в одиночестве, с наглухо задраенными люками и с письмом внутри о событиях, принудивших к этому. Такая вот дорогостоящая бутылка с запиской для грядущих детей капитана Гранта осталась за кормой. Остались позади счастливые денёчки шумных экспедиций, уникальных погружений, радостного предвкушения возвращений в родной порт.

Наблюдаем за Солнцем и немногими известными звёздами. Чего греха таить, расслабились современные судоводители с приходом спутниковой навигации. Настоящий штурман среди нас только Макс. Он-то и заметил, что небо на протяжении ночи ведет себя не так, как следует. Пытаясь хотя-бы приблизительно определить наше местоположение по Полярной звезде, он вдруг обнаружил, что она перестала быть "центром вращения" звёзд Северного полушария. Центр этот сместился, и весьма прилично. Приняв за аксиому, что хоть Солнце-то таинственные пакостники, учинившие катастрофу, не стронули с места, Макс вычислил новое положение географических полюсов Земли, линии Экватора и соответствующих стран света. Поелозив навигационной картой на штурманском столе, командир заявил, что Экватор сейчас проходит через Средиземное море, Северную Америку и Австралию. И, двигаясь навстречу встающему утру Солнцу, мы приближаемся не к Западной Африке и даже не к Гибралтарскому проливу, а вероятнее всего, к Северной Испании, а то и к Бискайскому заливу. Вот и причина, почему так долго не открывается предполагаемая на востоке земля: мы двигались наискосок, по-старому – на северо-восток, почти не приближаясь к берегам. Объяснение крайне неустойчивой погоде, частым штормам и шквалам: нужны будут многие десятилетия, прежде чем климат планеты «притрётся» к новой орбите и начнёт успокаиваться. Да, ситуация с навигацией.

В курс были внесены соответствующие поправки, и наука восторжествовала: сегодня перед обедом над яхтой закружила чайка. Эти птицы улетают далеко в открытое море, но об относительной близости земли свидетельствуют однозначно. На борту поднялся такой гвалт, что испуганная птаха улетела прочь.

- Каррамба, соблюдать тишину, золотая команда! – голосом пиратского главаря взревел наш капитан, - Ещё не вечер!

Молодёжь не заметила наглого плагиата командира, но с удовольствием включилась в предложенную игру. Петруччо заорал дурным голосом что-то в пиратско-блатном стиле, за что едва не был повешен на несуществующей рее и навсегда лишён права исполнять песни в общественных местах.

- А говорят про певучий украинский народ. С таким слухом - и такой голос.

- Пан мичман Петренко говорил, что акустик должен хорошо слышать и чётко докладывать, а вопли обкуренных рокеров и павиан повторит. Он также осуждал какое-то ногодрыгание, но я понял только про рукоблудие.

- Мудрым был ваш пан мичман!

- Умел учить. Как отца родного вспоминаю. Кладезь мудрости, - валял дурака этот парнишка, умеющий нарисовать электронную схему, разглядывая через лупу вскрытый микрочип. - Мне всегда попадались хорошие учителя.

- Учителям везло с учеником, - еле слышно произнёс Максим, когда молодые люди переместилась к носовой части судна, и мы с ним остались в относительном уединении кокпита.

- Сколько на утренней вахте?

- Трое. Пара веток деревьев, одна совсем близко, листья почти свежие.

- Значит, скоро.

Мы с командиром не ставили в известность остальных, что уже вторые сутки наблюдаем признаки приближающегося берега. Несколько раз в бинокль видели парящих птиц, встречались ветки деревьев и обычный бытовой мусор в виде обрывков пластика, кусков бумаги или обломков дерева. Молодые люди воспринимали это, как рядовое загрязнение моря, но опыт давал нам возможность раньше замечать и подробнее читать эти приметы. Вчера рано утром недалеко от борта проплыл еле заметный силуэт, и мне с трудом удалось удержаться от шума. Тихонько приоткрыв дверь в каюту, я встретился глазами с Максом. Прежде, чем занять место у штурвала "Дельфина", мой друг восемь лет отработал капитаном на сухогрузе. Это хорошая школа для тех, кто хочет научиться мгновенно просыпаться от взгляда, изменения ритма качки или от шестого чувства. Через минуту он бесшумно появился в кокпите и направил бинокль в указанном мною направлении.

- Молчим пока, - одними губами сказал мне и так же тихо скрылся в помещении. Силуэт утопленника растаял в рассветной дымке. Если мёртвое тело плавает вдали от берега - значит, оно имело два-три дня подводного дрейфа до "всплытия". В океане такие "лакомые кусочки", цинично говоря, "не залёживаются". Множество жителей моря, от акул до мелких крабов, быстро находят угощение и освобождают стихию для нового витка жизни. Значит, океан "сыт по горло"...

Мы не хотели волновать ребят, пытались оттянуть момент откровения как можно дольше, хоть немного продлив их неведение и надежду.

- Корабль лево тридцать! - раздался вопль ученика великого прапорщика. Действительно, школа! Над горизонтом белела надстройка крупного судна.

Через час "Парус мечты" описал дугу вокруг обнаруженного судна и лёг в дрейф.

Теплоход "Мари Роуз" был необитаем. Никто и не стал бы обитать на огромном, 230 метров длиной корабле, на три четверти погружённом в воду носовой частью. Этот бывший линейный контейнеровоз, "матка" на морском сленге, совершал длительные, часто кругосветные рейсы между крупными портами мира, которые только и могли принять и обслужить

его. Сдав-приняв большую партию грузовых контейнеров, он величественно продолжал свой бесконечный путь, оставляя на берегу мелочные заботы, а за кормой – не достойные его внимания тихоходные сухогрузы. Многие завидовали экипажам этих кораблей. Особенно те, кто не знал про короткие стоянки в портах, про необходимость держать высокую скорость в любую погоду, про соответствующий высоте волны и периоду качки "комфортный отдых на море", про изнурительный труд штурманов и механиков. В своё время, поддавшись молодым амбициям, я отдал дань машинным отделениям этих красавцев. Задора хватило в общей сложности на четыре года. Потом возникло понимание того, что я сам становлюсь одной из машин, расположенных ниже ватерлинии, что подходит период техобслуживания моих деталей, но эти детали выпущены в единственном, эксклюзивном варианте и никто не сможет воспроизвести мои сердце, почки, изношенные нервы и кости. Я уступил ручку телеграфа следующему поколению романтиков. И вот встреча старых знакомцев. Судно стояло почти вертикально, зарывшись носовой частью в море и вознеся к небу огромный гребной винт. Волны лизали оставшиеся закреплёнными на палубе контейнеры, почти достигая бывшей лобовой переборки жилой надстройки. Большая часть палубного груза отсутствовала, судно имело хороший запас плавучести. Его конструктор мог бы порадоваться идеальному совпадению практики с формулами великой науки под названием Теория и устройство корабля.

- Возьмём на буксир, отведём в Лиссабон и получим приз. Должно хватить каждому на яхту, даже останется, - пробило меня на юмор о москве, покусившейся на слона. Девушки с недоверием повернули ко мне головы, а хитрый ученик прапорщика подмигнул за их спинами:

- Абордажной команде десять процентов сверху. Максим Николаевич, прошу включить меня в список призового экипажа!

Ева подозрительно взглянула на Петра. Её мог спасти опыт общения с этим неутомимым балаболом. Ведь "до того", на борту доброй памяти "Петергофа", ей приходилось быть свидетелем, а то и жертвой его не всегда безобидных "солёных приколов". Мари была истинным дитём капиталистического строя, и ее голос прозвучал официально:

-Капитан, а как будет оплачиваться буксировка МОЕЙ яхтой этого судна? Старина Макс плавал слишком долго, чтобы дело обошлось лишь одной жертвой нашей жестокости:

- Двадцать процентов призовых плюс покрытие расходов. Пока нет свидетелей, желательно поискать топливо и другие припасы на борту этого судна. Переход с буксиром будет длинным, наши ресурсы почти исчерпаны. Абордажной команде на бак, приготовить швартовы!

Я запустил двигатель, яхта малым ходом двинулась к полузатонувшему судну. Девушки замельтешили среди канатов, а гадюка Гарбуз, нырнув в каюту за фотоаппаратом Евы, повёл свой репортаж:

- Ильич, это надо увековечить. Ведь потом не поверят!

- Получим мы с тобой, Петруччо. Ой, получим!

- Заржёте – обоих спишу, нет, под килем протяну! До поры молчим. Это надо будет правильно подать, иначе девчата обидятся. А пока готовьтесь вдвоём в группу разведки, - у Макса впервые за всё время весело

блестели глаза. Это был шанс. На большом судне мы могли разжиться всем необходимым, чтобы автономно продержаться длительный период. Как капитан, он, да может быть я, понимали всю сложность и опасность нашего положения. На хрупкой прогулочной яхте, без пищи, воды и горючего, но самое главное – без определённости своего местоположения в бескрайнем океане мы болтались уже почти месяц. Самое страшное – мы с Максом не были уверены, что долгожданный и желанный берег примет нас так же милосердно, как раньше тысячелетиями принимал потерпевших крушение моряков. Свидетели тому безмолвно проплывали мимо.

Пересмеиваясь, мы подводили яхту к левому борту судна. Девушки с энтузиазмом выполняли все распоряжения, Петя документировал подлый розыгрыш под соусом официального фиксирования трудов спасательной команды. По мере приближения, размеры плавучего монстра стали наглядно доходить до сознания абордажных амазонок. Яхта выглядела ореховой скорлупой под нависшим небоскрёбом белой надстройки контейнеровоза. Вряд ли Мари читала дедушку Крылова, но скалить зубки на такого "слоника" ей явно расхотелось. Славная девушка, привыкшая смотреть на мир трезвым взглядом. Камера беззастенчиво фиксировала забавное изменение выражения ее личика. Я успел незаметно показать кулак Петрухе, прежде чем она обратилась ко мне:

- Месье Фэд, это была шутка?

С чувством нашкодившего пса я развёл руками:

- Мари, нельзя постоянно быть серьёзным даже в нормальной жизни, а после длительного стресса нам просто необходимо немного расслабиться. И мы ожидаем получить самый главный приз – возможность выжить.

Она действительно была славная девушка. С грустными глазами и поджатыми плечиками, она приблизилась ко мне. Затем с воплями на нескольких нецензурных языках, известных мне по роду интернациональной профессии, надрала уши старому больному механику. Она сделала это так, как не умела даже соседская бабка, в прошлой жизни моего детства изловившая семилетнего воришку в своём малиннике. А уж баба Зина знала в этом толк!

Когда закончился этот ужас, я лицезрел старшину второй статьи Гарбуза. Его воспитанием в "параллельном классе" занималась Ева. Ему не позавидовал бы ни Каин, ни даже праведник Авель, хотя о строгости праматери человечества ходят легенды. Я возблагодарил судьбу за бережное ко мне отношение. Хитрый Макс прикрылся дипломатической неприкосновенностью капитана, но чёрная метка на следующем пиратском саммите ему была гарантирована. Самое нехорошее заключалось в том, что видеосъёмка нашей экзекуции была произведена предавшим меня другом от начала и до конца. Нас принудили встать на одно колено и целовать женскую обувь, громко клясться в лояльности, любви, уважении и во многих вещах, о которых женщины вспоминают в таких случаях. Процесс грозил продлиться до наступления Страшного суда, приговор которого для мужской части экипажа уже был ратифицирован. Тогда капитан сказал:

- Группа разведки, получить инструктаж.

И мы его получили. "Парус мечты" удалился от возможного греха, а мы с техником стали пробираться в надстройку "Мари Роуз". Я повидал разных судов на своём веку, в том числе и собратьев этого великана. Но они в основном находились в горизонтальном положении, ну, или отклонёнными в пределах поляры штормовой остойчивости. Перемещаться по переборкам вместо палуб было дико и неестественно. Но разведка была произведена быстро и тщательно. Как говорится, профессионализм не пропьёшь. Я знаю, где и что искать на грузовом теплоходе.

День заканчивался. Экипаж расположился на опрокинувшемся бортовом балконе огромной надстройки полутонувшего корабля. Прямо на переборке, ставшей палубой, в железном ящике весело трещал огонь. Мы ели жареное мясо, пили найденное вино, наслаждались чистотой собственных тел и свежей одеждой с чужого плеча. Корабль еле заметно покачивался на океанской зыби.

Его постигла участь всего мирового флота 13 декабря 2012 года. Получив повреждения в носовой части, судно стало опасно зарываться. Экипаж спешно покинул его на спасательной шлюпке правого борта, захватив только самое необходимое. Об их судьбе мы уже не узнаем. А "Мари Роуз", передумав тонуть, лишь круто изменила наклон своей продольной оси и стала бороздить опустевшие моря по усмотрению ветра, течений и других неодушевлённых судоводителей. Которые любезно и привели её на пересечение с курсом "Паруса мечты". В кладовых мы нашли множество не успевших испортиться продуктов и консервов. В цистернах запасов – пресную воду, газойль и машинные масла. В кладовых и мастерской судна – инструменты и всякие детали, без которых ни я, ни Петя не могли чувствовать себя полноценными морскими инженерами. Что касается Макса, то я мог только сочувствовать девушкам. По наивности души, они приняли ортодоксальную штурманскую веру в лист навигационной карты и циркуль с заточенным карандашиком. Ну, секстан. Ага. Плавали, знаем. Когда нашли залежи карт, энтузиазм ещё украшал их чело. Когда поволокли связки толстых лоций, стали видны капельки пота. Но когда ненасытный Соломонов взял-таки на abordаж заваленную вырванной мебелью штурманскую рубку, Мари заявила, что её яхта не имеет достаточного водоизмещения, чтобы обеспечить безопасное плавание с таким количеством бумаг, регламентирующих это плавание. Они пока не знали, что мы с Петрухой уже спустили на воду спасательную шлюпку левого борта и тихонько наполняли её действительно нужными для плавания железками, жидкостями и другими вещами, к примеру, подвесным мотором, спасательным плотом, аквалангом и запасными баллонами со сжатым воздухом. Мы нашли непроницаемые термоизолирующие спасательные костюмы, упаковки рабочей одежды и обуви, тёплые куртки и многое, многое другое, о чём человек, живущий на берегу, никогда мог бы и не припомнить, но без чего в море опытному человеку становится неуютно. К примеру, обычный огнетушитель. Кто видел горящие, как бумага, листы корабельной стали, тот знает. Я – видел. Петрухе рассказал незабвенный Петренко. Ох, подозреваю, непростой был этот мичман. Если у них такие мичмана, то на что

способен, к примеру, украинский старший мичман? Я уж молчу про офицеров. Ладно, шутки шутим, но дело делаем.

Одного дня для качественного мародёрства на погибающем судне нам не хватило. На третий день оказалось, что нам нужно такое же, но исправное судно. Для транспортировки награбленного имущества. А когда мы взломали пару уцелевших контейнеров, пришёл коллапс. Вопрос навигации встал во весь рост. Нам нужен свой остров Монте-Кристо для укрытия сокровищ. Макс засел за свои талмуды, влезал на плоскую, ставшую почти горизонтальной, корму со своими блестящими бронзой приборами, орал на девчат, пока они не смылись и едва не утопили яхту, учинив перегруз судёнышка продовольствием. В общем, как любой пиратский налёт, дело сопровождалось воплями, алчностью и полным отсутствием дисциплины. Как всегда, остатки рассудка сохранил лишь капитан. Когда ему удалось собрать экипаж и добиться тишины, он заявил:

- Я знаю наши координаты.

Мы напряглись.

- Мы находимся в трёх десятках миль от побережья Франции, между Нантом и Брестом. Добро пожаловать на родину, Мари.

Девушке пришлось присесть, чтобы не упасть. Ева держала её за руку.

- Хочу поделиться моими наблюдениями. Когда на море происходит авария, подобная этой, - он обвёл глазами приютившее нас судно, - поднимается тревога всепланетного масштаба. Задействуются поисково-спасательные службы многих стран, на место происшествия устремляются сотни людей и десятки единиц техники. Особенно в районе с высокой плотностью судоходства. Ничего этого мы не наблюдаем, даже плотного судоходства, ибо, с вашего позволения, Мари, "Парус мечты" не может заменить собой десятки теплоходов, которые должны пересекать это место днём и ночью. Нашу команду можно было бы считать спасательной, если бы ей не были присущи признаки банды мародёров. Но даже в этом случае мы не должны быть одинокими в такой близости обитаемого берега, так как мародёрство – одно из самых древних и любимых занятий человека.

Застыв, мы ждали главных слов капитана. В глубине души каждый из нас всё давно понял, но мы ждали его сообщения, мы хотели, чтобы ЭТО сказал он...

- Я скажу. Катастрофа была глобальной, выжили в ней очень немногие. Я боюсь, что выжившие скоро будут завидовать тем, кто этого уже не увидит. Мы должны убедиться в правильности или ошибочности моих слов.

Глава 5.

Земля!

2013, январь, 18. Бискайский залив.

Есть места в океане, вызывающие напряжённые ассоциации. Обычно это связано со сложной навигацией и трудными погодными условиями. Популярные примеры: "ревущие сороковые" широты между

Австралийским и Южноамериканским континентами, мыс Доброй надежды в Южной Африке или пролив Дрейка, пройдя который, моряк имеет право вдеть серебряную серёжку в ухо. За Бискайский залив награда не полагается, но местечко тоже известно в наших узких кругах промозглыми циклонами и вечной болтанкой. Видно, смещение земной оси благотворно повлияло на скверный характер этого залива, иначе ни "Мари Роуз", ни тем более наша яхта не продержались бы тут так долго.

В разведку командир решил отправить меня и Петра. Во-первых, мы мужчины, во-вторых, не пропадём на море, а в-третьих, ему самому, при всём желании, надо было осуществлять общее командование и находиться в штабе, временно квартировавшем на борту непотопляемой "Мари Роуз". Как мы выяснили, при аварии освободились цепи обеих её якорей. Глубина моря была достаточной, чтобы якоря "взяли" грунт. В процессе скитаний судно случайно зацепилось на этом месте. Проведя необходимые наблюдения, мы убедились, что стоящее вертикально судно не намерено ни тонуть, ни менять якорную стоянку в ближайшее время. Нажитое мародёрским трудом имущество было рассортировано, в большей части выгружено обратно. Хабар перераспределили между яхтой и приобретённой нами спасательной шлюпкой. Это был стандартный крытый бот водоизмещением 3.2 тонны, с неприхотливым дизельком и просторным помещением, рассчитанным на 24 человека. Мы с Петрухой нескромно залили его вместительный бак и десяток канистр дизтопливом, запасли всё необходимое, чтобы нашему кораблику не пришлось передвигаться с помощью вёсел; даже небольшая мачта и парус были установлены в штатных гнёздах. Продуктов и воды мы нагрузили, как для полного экипажа "Мари Роуз". Учитывая кучу других мелочей, необходимых джентльменам в автономном плавании, мы были "упакованы" по-царски. Для полного счастья, наш электронщик настроил две найденные радиостанции, позволяющие оставаться в постоянном контакте с базой. Распрощались с товарищами, и наша шлюпка двинулась в путь.

Погода была относительно спокойной, температура воздуха 24 градуса. Видно, изменения климата нам придётся принимать без комментариев. Магнитный компас по-прежнему бессмысленно вращал стрелкой. Мы уже начинали привыкать к новой географии. Максим снабдил комплектом навигационных карт и новых правил ориентирования по светилам, так что движение наше было осмысленным, а настроение бодрым. Каким бы ты ни был просоленным мореманом, возвращение на берег всегда будет приятно волновать твоё сердце. Слишком давно наши ластиногие пращурьы покинули морские просторы. Когда зоркий глаз Петруччо различил на горизонте тёмную полоску, пустынные воды услышали наши радостные голоса. Теория теорией, но было приятно, что командир не ошибся в расчётах. Земля оказалась именно там, где он предполагал. Сначала мы шли просто к берегу, затем выбирали место для высадки. Встречающих не было. Насколько я помнил, эти низменности не были плотно заселены. Но сейчас - ни зданий, ни дорог, ни деревьев. Глазу не было за что зацепиться, только унылое серое болото до горизонта. Наш кораблик, как во льды, вошёл форштевнем в зону прибоя, плотно заполненную плавающим в воде мусором. Здесь было всё: сломанные

деревья, горы бумаги и пластика, всевозможные предметы быта и обломки неизвестных конструкций. Легче сказать, чего не было. Была опасность повредить гребной винт. Поэтому дизель был остановлен, и мы медленно двигались с помощью вёсел и багра. Было впечатление, что мы оказались на мусорной свалке большого города, и зловоние подтверждало наши ощущения.

- Ильич, у меня такое чувство, словно по берегу прошёлся великан с огромным ластиком.

- Петя, ты знаешь, где я был в ТОТ момент. Ластик ты видел своими глазами.

- Вам повезло. То ещё зрелище.

Шлюпка воткнулась носом в прибрежную грязь. Когда-то друзья пригласили меня на охоту, и мы целый день провели на заболоченном озере. Именно берегу того озера, а не залива, носящего имя непокорного племени басков, соответствовала местность, где мы, после многих недель морских скитаний, впервые ступили на сушу. Назвать эту зловонную жижу сушей можно было с большой натяжкой. Хорошо, что мы были обуты в сапоги, найденные на благословенной "Мари Роуз". Ноги по щиколотку ушли в тину. Со всех сторон в море стекались грязные водяные потоки, от маленьких ручейков до серьёзно гремящих речек. Их течение несло новые и новые кучи всевозможных предметов. Бесконечная свалка тянулась по всему видимому побережью и заканчивалась в нескольких сотнях метров от линии прилива.

- Похоже, волна смыла всё живое и неживое, а при отступлении размазала это вдоль побережья. Кто-то устроил генеральную помывку планете.

- Накатываясь на отмель и берег, волна цунами могла стать раза в два выше. Ты можешь себе вообразить, какая это энергия? Миллиарды тонн морской воды налетели на берег и шли вперёд, пока не встретили препятствие в виде высоких гор или скал. Этот напор угасал по мере возвышения суши над уровнем моря. Учитывая, что в этих краях местность равнинная и не очень поднята, цунами, вероятно, ушло на десятки, а то и сотни километров вглубь континента. Произошло это в очень короткое время. До сих пор вода продолжает возвращаться в море, и длиться это будет долгие годы. Прости, но делегации встречающих не будет.

В куче мусора я разглядел изломанную куклу человеческого тела. Сняв шапки, мы просто постояли над ним. Я дёрнул стартовый шнурок сигнальной ракеты:

- Петя, мы салютуем невинно погибшим жителям нашей планеты.

У него покраснели глаза. Хотел отвернуться, но самому было... Через несколько минут мы разомкнули скорбные объятия.

- Ильич, как же нам быть? Страшно!

- Надо жить, Петя. Выжить самим, искать и пытаться спасти как можно больше оставшихся. Они должны быть. Кто-то выжил в море, как мы, кто-то был высоко в горах или в глубине континентов. Если это был природный катаклизм, он имел свой эпицентр. Чем дальше от него, тем

слабее должен быть результат катастрофы, тем больше людей могло спастись.

- С чего начнём?

- Доложим начальству, посоветуемся.

Мы оттолкнули шлюпку от берега и выгребли на чистую воду. Завели мотор и отошли мористее, чтобы избавиться от запаха свалки. Кроме неприятных ощущений, я остерегался подцепить какую-нибудь инфекцию. Гниль и трупы создавали для этого все условия, в мусоре разрушенной цивилизации могли оказаться любые яды. По свежим следам здесь можно было найти много ценного для нас. Через короткое время природа начнёт зализывать раны, и полезные трофеи будут навеки погребены. Но цель нашей экспедиции совсем иная.

- Парус, Парус! Роза на связи!

- Роза, вас слышим! Что нового?

Связь была отличной. Прошлым вечером, проводя отладку радиостанций, Петя долго сканировал эфир на стандартных, а затем и нестандартных частотах связи и радиовещания. Только шум естественных помех иногда врывается в динамики.

Доложив нашу информацию, я предложил командиру следовать обговоренному накануне плану и получил "добро". Это значило, что мы должны совершить разведку крупного города и порта Брест. До него было несколько часов хода, и наш кораблик не быстро, но уверенно побежал по волнам. Мне начинала нравиться "Роза", как окрестили мы шлюпку в благодарность к её громадной мамаше. Похожая на большую черепаху, она солидно вела себя на океанской волне, хорошо держала курс и давала не менее шести узлов скорости. Простое и надёжное оборудование было рассчитано на использование малоподготовленными людьми. Непотопляемый корпус, укрытый несгораемым пластиком, предоставлял нам уютное укрытие. Мы с напарником могли безбедно путешествовать на "Розе" больше месяца. Приблизительно на такое время и планировался наш поход по берегам Бискайского залива. На побережье стояло много промышленных городов и портов, ближе к Испании местность приобретала горный характер, и можно было рассчитывать на встречу с людьми.

Были соображения, которые касались нашего ближайшего будущего. Мы предполагали, и сегодня это подтвердилось, что обширные приморские территории опустошены гигантским цунами. Рассчитывать на то, что нам удастся быстро найти пригодный для нормальной жизни участок суши, было наивно. Более того, на такой участок могли рассчитывать другие выжившие, а начинать новую жизнь с конфликта нам не хотелось. Вывод напрашивался сам: первое время надо оставаться в море. Судно позволит нам не быть привязанными к одному месту и обследовать большие территории, иметь возможность сравнения и выбора наилучшего варианта. В море наверняка блуждают другие корабли с нужными нам припасами, а возможно, и с людьми, нуждающимися в нашей помощи или могущими помочь нам. Ведь послало же провидение яхту Мари Мейер! Где были бы мы, если бы не она? "Парус мечты", безусловно, прекрасное судно. Но оно уже тесновато для нас и наших трофеев. А если говорить на языке профессионалов, то иначе, как

хлипкой посудиною, чудом уцелевшей в этой катастрофе, его не назовёшь. Везение не бывает вечным, это особенно относится к морю. У нас тут расчёт строится на законах физики, а не фортуны. Важнейшей целью нашего похода был поставлен поиск подходящего судна. Выживших в той или иной степени пригодности кораблей должно быть немало, необходимых знаний и навыков для их восстановления нам не занимать. Надо будет – соберём из трёх один корабль!

Глава 6.

Брестская крепость.

2013, январь, 13, вечер. Порт Брест.

В 1941-м году Брестскую крепость в Белоруссии фашисты не могли покорить несколько месяцев. Это - твердыня. Таких мест мало на свете. Такие места защищаются Небесами и Людьми. Людьми с большой буквы. Но есть что-то и от Небес в именах этих твердынь.

Такие города трудно стереть с лица Земли даже катастрофой космического масштаба. Нам никто не зажигает иллюминацию на набережных, лоцманский катер не несётся из-за брекватера, оркестр не скоро загремит медью на покрытых слоем грязи и мусора площадях. Но и волнорез, и некоторые набережные, и даже что-то похожее на бастионы старинной крепости можно рассмотреть в бинокль. Скоро зайдёт Солнце, и поход в разрушенный город откладываем на завтра. Перекусываем печёной картошкой с консервами из запасов "Мари Роуз", усаживаемся на корме с чашками горячего чая. И никакой печки! Вахтенные механики, "тянувшие собаку", то есть вахту с нуля часов до четырёх утра, всегда пекли картошечку на завтрак, используя выхлопные коллекторы мощных дизелей. Как-никак, температура уходящих газов под 400 градусов, только следи, чтоб не подгорело. Немного помудрив, мы с Петрухой очень удачно приспособили для подобных целей дизелёк "Розы".

- Заведут мотор, и через сорок два кэ-э-эк! – Цитировал Петруха своего тёзку, - Ильич, а можно, я буду вас называть "товарищ Сухов"?

Я пресёк неуместные шутки на борту. С Евой будешь шутить. С праматерью, ага. Можешь с Мари, у нее тоже чувство юмора. Посмотри на мои поцарапанные уши. Да, акустик останется, но слушать – нечем, тью-тью. Посмеялись. Так и не спросил француженку, где она научилась так материться?

Судно уютно покачивается на зыби. Отбой.

Через час после заката - шорох входного люка.

- Что, Петя?

- Фёдор Ильич, не включайте свет. На рейде подводная лодка.

- Ты спятил?

- Хотелось бы. Посмотрите.

В бухту вползает гигантское чёрное тело подводного атомохода. Коллеги, чёрт возьми! Видимо, в роковой день их обстоятельства сложились таким же образом, как и у нас на "Дельфине". Конечно, у них

возможности несравненно шире. Вернулись в базу? И что мы будем делать с потенциальным противником? Они ведь тоже в растерянности: ни связи, ни штабов, мёртвый разрушенный порт. Что придёт на ум вышколенному командиру стратегического ракетносца в таких обстоятельствах? Ой-ой-ой... Нам с Петрухой - каюк.

- Спускают бот.

Лёгкая тень надувной лодки падает на воду рядом с чёрным корпусом. Что-то меняется в окружающей обстановке.

- Петька, что это?

- Звук гидронасоса.

Яркая вспышка! Взрыв! Ещё! Ещё! В ушах звенит, чешутся и слезятся ослеплённые глаза. Шлюпку швыряет набежавшей волной, упругий воздушный удар едва не выбрасывает нас за борт. Лязг металла на камнях, какое-то шипенье, плеск осколков на воде. Тишина. Кино продолжается! Мрачной тенью над успокоившейся, затаившейся водой проплывает рубка другой субмарины. Краткий всплеск луча мощного прожектора высвечивает тонущие рваные края пробоин только что взорванной подлодки. Она уже никогда никуда не поплывёт. Гаснет свет. Занавес.

Минут пять очухиваемся.

- Это была торпедная атака. Охотник подстерёг ракетносца. Там всем - кранты.

- Может быть радиационное заражение?

- Не думаю. Реактор обычным зарядом не возьмёшь, ракетные шахты тоже. Но на собственной шкуре проверять неохота.

- Подождём немного и уматываем.

- Не рекомендую. Они могут затаиться в засаде, чтобы взять языка или добить выживших. Акустик услышит наш мотор за сорок миль. Докажи потом, что ты не с этой песочницы.

- Слушай, а ведь это был российский охотник!

- Больше никому.

- Так он-то нам и нужен! Это же наши! Сила!

- Фёдор Ильич! При всём уважении. Это дурная сила. Мне почему-то кажется, что выжившие вояки сейчас мечутся по всему свету в поисках врагов. Связи нет, всё разрушено, никто не отдаёт приказов. Вывод? Война! Та самая, к которой их готовили. Шашки наголо! Я не буду удивлён, если шахты этого покойника уже пусты, и дважды горе тем, кто выжил после катаклизма и был атакован его ракетами. Эти маньяки всегда следили друг за дружкой, вот охотник и поквитался. Завтра накроют его. И так будет, пока все эти бешеные собаки не перегрызут друг друга.

- Думаю, ты прав. Ну что за люди! Даже после ТАКОГО не могут унять свою дурь, им мало и мало крови...

- Насос остановился. Смотрите, эта скала стояла не так!

Да, что-то изменилось в пейзаже. Ночка становилась тёмной, или как там у классика?

Стараясь не шуметь, мы приблизились на вёслах к непоседливой скале. Действительно, она отошла в сторону от отвесного обрыва, нисходящего

в воды залива. За ней темнело небольшое входное отверстие в каменную глубину подземелья.

- Здесь во Вторую Мировую был немецкий подплав.
- А я думал, только у нас в Балаклаве есть подземный порт для субмарин.
- Охрана из пулемета сейчас как врежет.
- Вряд-ли. Видел, они собирались на моторке сюда ехать. Пробуем?
- Мы - фартовые. Идём.

"Роза" еле втянулась через узкий проход в зев каменного бункера. Никто не стрелял, не кричал "Хенде хох!". Мрак и тишина. Я осмелился включить фонарь. Похоже, охраны действительно нет. Вперёд!

Петя тоже осветил местность. Высокий причал, оборудованный подъёмным краном. Узкоколейка. У причала – судно длиной метров сто, выглядит очень прилично. На фоне шарового окраса бортов – белый номер: 347. В глубине тоннеля – высокие закрытые ворота. Под сводами – мёртвые плафоны освещения. Всё чистенько, по-военному.

- Ильич, вход в тоннель смотрит в противоположную от моря сторону. Похоже, так и задумано. Попробуем включить освещение?
- Не взлетим?
- Так мы же фартовые!
- Знаешь ведь. Раз удача, два удача...
- Мы только до раза досчитали!
- За что я тебя люблю, Петруччо?

С освещением было не так просто. В найденном на причале электрошите обнаружился рубильник и замок, очень похожий на замок зажигания в автомобиле.

- Ну да, ведь сначала надо включить автономный генератор. Щас.
- Несколько ловких движений неизвестно откуда взявшихся щипчиков, отвёрток – и в конце тоннеля раздался приглушенный звук движка. Выдержав эффектную паузу, наш техник щёлкнул тумблером. Неяркий синеватый свет заполнил тоннель.

- Ты не пробовал зарабатывать на хлеб угонами?
- Мои первые деньги. Будучи студентами, мы с товарищем организовали фирму по вскрытию захлопнутых автомобилей. Так и называли: "Захлоп". Вы только нашим не говорите, будут подначивать. Знаете, сколько одесских автолюбителей в день умудряются заблокировать замки, позабыв ключи в салоне? Мы вынуждены были раздувать штаты через три месяца после открытия! Вопрос замков зажигания тоже стоял остро, пришлось расширять ассортимент. Я, кстати, до сих пор главный держатель акций ЗАО "Захлоп". Приступим к вскрытию?

Этот парень удивляет меня всё больше. Пока он возился с электронными запорами таинственных ворот, я поднялся на судно. И сразу убедился, что нашёл именно то, о чём наша команда могла только мечтать. Судя по всему, мы находились на территории стратегического пункта питания, технического обслуживания и пополнения боезапаса чёрных монстров, кончину одного из которых только что довелось наблюдать. Судно представляло собой мобильный филиал этого пункта. В носовой его части были каюты, видно, для офицеров экипажа самого теплохода и

командиров подводной лодки. Кубрик для матросов на сорок коек. Кают-компания через камбуз соединялась со столовой рядового состава. Рефрижераторные помещения для хранения приличного запаса продовольствия, несколько кладовых, заполненных всем необходимым. Лазарет на четыре койки и даже операционное помещение.

На мостике я увидел всё, о чём мог мечтать мой друг, тоскующий сейчас на перевёрнутом контейнеровозе. Растягивая удовольствие, я, наконец, спустился в святую святых этого судна. Два современных главных дизеля. Три мощных дизель-генератора. Современные вспомогательные механизмы. Множество специальных машин, полнейшая автоматизация, дублированные системы, оборудованная всем необходимым мастерская... Казалось, что я вижу сон, в котором сбылись все мечты морского инженера! Боясь проснуться, я запустил дизель-генератор. Зажужжал. Включилось освещение. Старт процессора автоматики. Пуск систем жизнеобеспечения механической установки. Паровой котёл. Подогрев главных двигателей. Питание на средства навигации и управления.

Холодный и безмолвный кусок железа, пять минут назад угрюмо смотревший на подземелье тёмными иллюминаторами, начал оживать. Тихонько пели насосы, мягко тарахтел движок, тепло светились стрелки оживших приборов. А главное – откуда-то появился запах. Этот запах знают только моряки. В волшебном букете – лёгкий наркоз газойля, терпковатый привкус выхлопа, смолистое эхо разогретой электроизоляции, строгая нота морской многослойной покраски и неповторимое дуновение тепла нагретого работой металла. Это – запах живого корабля, аромат романтики и силы, умеющей противостоять стихии. Почему-то на пассажирских судах этот запах пытаются убить всякими ароматизаторами, освежителями и прочей отравой. Но искушённые пассажиры всегда просят показать им таинственное машинное отделение. Уши глохнут в грохоте дизелей, зубы ноют от визга турбин, гости потеют от тропической жары в лабиринтах механизмов, шарахаются от рыкающих на автомате компрессоров. Восхищённо жмут руку вахтенного парнишки, управляющую тысячами лошадиных сил. Их выводят под локоток из этой преисподней, и они уходят, часто насовсем. Если им повезёт еще раз попасть на борт – ждите их в машине. Если же нет – понаблюдайте на ближайшей железнодорожной станции. В конце перрона есть знак: "Остановка локомотива". Там иногда можно увидеть человека, словно обнюхивающего уставший с дороги тепловоз – меньший сухопутный брат теплохода. Он источает похожий запах – живого судна. Заговорите душевно с этим человеком, и он вам поведаёт тайну тоски по ушедшим за горизонт кораблям...

Тяжёлые ворота были распахнуты. Неужели и этому учат в электротехническом институте связи имени Попова? Или казацкие усы пана прапорщика просвечивают сквозь хитрую улыбку Петра? Замнём пока. Техник шагал мне навстречу.

- Ильич, тут уже побывали. Похоже, не раз. Свои, хозяева этого подвальчика. Они воют по-взрослому. Стеллажи ракет опустошены. Много торпед и донных мин. Как судно? Рабочее? Отлично. Я видел 37-мм пушечки. Снарядов к ним немеряно, разных типов. На полубаке стоит что-то вроде нашей РБК-шки, заряды тоже имеются. Ну, там ещё

прекрасные консервированные пайки, м-м-мда. Нас так не кормили. Целый продовольственный склад! А мы голодали. В оружейке придётся тупо пилить решётку, но теперь мы никого не боимся! Потом я взбунтую племя басков и объявлю войну Норвегии! Или Дании? Зачем им принц Гамлет? Склероз, Ильич, это такая болезнь! Нельзя забывать классиков. Пусть паясничают. Ночь предстояла трудная. Первое - попытаться открыть вход в пещеру. Судя по всему, гидравлика титанического люка управлялась дистанционно. Искать пульт на затонувшей субмарине не представлялось возможным. Мы пошли на звук работающего генератора. В машинном отсеке подземелья всё было обставлено по морским стандартам, и разобраться в управлении оказалось даже легче, чем мы ожидали.

Следующей ночью я аккуратно выводил "347" из бухты. Корабль проседал до летней грузовой марки под тяжестью всевозможных припасов. Теперь мы имели реальные шансы не только благополучно прожить пару лет, но и в самом деле, если не Норвегии с Данией, то уж племени Мумбу-Юмбу конкретно рассказать, что может сотворить мать Кузьмы со свистящим на горе раком. Ограбленный склад воинствующих империалистов мы хотели поначалу взорвать. Но, по здравом размышлении, не стали этого делать. Там оставалось много такого, чего мы вряд-ли могли легко раздобыть в ближайшем будущем. Боеприпасы, огромный склад качественного продовольствия, не мастерская - целый механический завод, большое количество горюче-смазочных материалов. Рука не поднялась разрушить этот рай для поддержания в боевой готовности атомных ракетносцев. Один из "клиентов" этого заведения уже начал превращаться в подводный памятник милитаризму. Мы не знали, сколько таких кораблей было на вооружении Франции, но были уверены, что немного. Надеялись, что большая их часть уже погибла в разгоревшемся конфликте и во время цунами. Хотелось, чтобы все. Для гарантии, входы в бухту мы закидали найденными донными минами. Только мы знали проход к тайному складу. Петруха перекодировал все дистанционно управляемые замки и закрыл гигантскую дверь-скалу. Сдвинуть её даже с помощью тротила будет делом непростым.

Опасаясь бродившего поблизости подводного охотника, мы малым ходом, прячась в тени берега, прошмыгнули почти до Бордо. Петруха нёс вахту возле противолодочного бомбомёта, я рулил. "Роза" была оставлена в ограбленном бункере. За сутки мы только один раз связались с командиром. В условленное время Петя дал в эфир оговорённую заранее серию помех, означающих чрезвычайную степень важности и секретности. Краткий щелчок и два изменения фона подтвердили взаимное понимание. Основной специальностью Гарбуза была связь, и он знал, как правильно организовать это дело.

Не включая огней, в полном молчании мы подошли к "Мари Роуз" перед рассветом. Отдохнувшие, отъевшиеся товарищи встречали нас, как героев. Надо было трудиться, и мы трудились. В несколько ходок мы увезли в волшебное подземелье всё ценное, найденное на контейнеровозе. Яхту тоже отбуксировали в Брест. Период выживания закончился. Мы были живы, здоровы, богаты и свободны.

Глава 7.

Экипаж.

2013, январь. 347. Траверз острова Ушант.

Прежде, чем отправиться в путь, следует определиться с пунктом назначения. Мы дрейфовали в виду французского острова Ушант. Это место на карте условно разделяет Европу на южную и северную части. Раньше здесь царило оживлённое морское движение, специальные службы строго контролировали его во избежание аварийных ситуаций. Ситуации всё равно случались, и инциденты становились прецедентами. Теория больших чисел предполагает столкновения там, где много движущихся объектов. Сейчас объекты отсутствовали. Макс отвлёкся от штурманских вычислений, которыми была забита его голова последнее время:

- Извращение. Никому не надо докладывать, плыви, куда хочешь, свобода, блин!
- А куда хочешь? На родную Балтику?
- Не знаю, дружище. Поначалу думать об этом было некогда, а сейчас страшно. Посмотришь вокруг – задумаешься. Может, лучше бы сразу?
- Но-но-но, капитан! От кого я это слышу?
- А тебе плясать охота?
- Максим. Отставить. Надежды, что кто-то из наших спасся – ноль. Будем теревить раны – сойдём с ума. Нам выпало жить. Давай жить. У нас на руках трое, им нужна поддержка. Начнут ныть – пропадут. Я тут нашёл фляжку. Давай простимся с родными и закроем тему. Мы не в силах ни изменить, ни отменить того, что случилось.

Не чокаясь, выпили.

- Надо пригласить всех и определиться с планами.

Экипаж собрался в кают-компании.

- Как видно, кроме катаклизма, унёсшего миллионы жизней, оставшиеся в живых военные решили исполнить свою давнишнюю мечту – уничтожить человечество. Раньше им мешали в этом общественность, правительства и хоть какое-то понимание законности. Судя по всему, первые обмены ударами произошли сразу после цунами. Катастрофа принесла панику, неразбериху и гибель большинства государственных структур во всём мире. Оставшись без присмотра, изолированными от всего мира, командиры уцелевших дивизионов и подводных ракетноносцев восприняли ситуацию, как боевую. Кто ударил первым – уже неважно. Важно то, что всем им, к сожалению, удалось преуспеть. Ведь стратегические бункеры и корабли были наиболее защищены на случай такой ситуации, уцелело их немало, и дел они натворили больших. Мы знаем немного, но и этого достаточно. Два раза мы наблюдали полёт скоростных объектов в высоких слоях атмосферы. Они мало похожи на самолёты, вероятно, это ракеты, и их цели вряд-ли научно-исследовательские. Бой подводных кораблей, свидетелями которого стали Фэд с Петром, лишь подтверждает эти предположения.

Радиоэфир пуст. Искусственные спутники повреждены или уничтожены. Прибрежные территории разрушены на сотни километров, морской транспорт потоплен. Оставшиеся военные подразделения и боевые корабли старательно добивают друг друга. Ядерными ударами уничтожены индустриальные центры и города, до которых не добралась стихия. Не хотелось рисовать такие страшные картины, но давайте смотреть правде в глаза. Боюсь, цивилизация делает очень большой шаг назад. Вернуться в исходное состояние невозможно, и мы должны принять этот факт. Оставьте надежду о встрече с вашими родными и близкими. Я должен это сказать, чтобы мы не питали ложных иллюзий и реально посмотрели на сложившиеся обстоятельства.

Нас пятеро. Мы находимся на одном из лучших кораблей, оставшихся на планете. Мы материально обеспечены на несколько ближайших лет вперёд, у нас есть оружие для самозащиты. У нас достаточно опыта и знаний, чтобы применить всё это самым лучшим образом. Обстоятельства сложились так, что каждый из нас вынужден оставить всё, что было в прошлом, и начинать свою жизнь с чистого листа. Сейчас я говорю не как ваш капитан. Я испытываю те же чувства, что и вы. Я тоже растерян. Мне немного легче. У меня есть друг, и дружба наша измеряется не только годами и пройденными вместе милями. Опыт этой дружбы говорит нам, что только вместе мы сможем преодолеть трудности, ожидающие нас впереди. Мы видели вас уже во многих ситуациях за время вынужденной одиссеи – ни один из вас не подкачал. Вы стали нам близкими, без вас нам было бы одиноко и холодно. За каждого из вас мы готовы отдать свою жизнь. Напомню, если у кого-то есть желание уйти – мы приложим все усилия, чтобы помочь найти самое подходящее место и время для этого. Принуждать мы не имеем ни права, ни желания. Каждый сам принимает решение. Если кому-то нужно для этого время – пожалуйста, только скажите. Единственное ограничение: слова "Я передумал" исключаются. Потому что, после принятия решения об экипаже, мы должны будем выработать программу ВСЕЙ нашей дальнейшей жизни. Прошу высказаться, как у нас повелось, самых младших – первыми.

- Мало кто знает, что у меня нет родных. Родители погибли, когда я был совсем маленьким. Воспитывался в детском доме, потом подплав, институт, поработал в НИИ и был приглашён в экспедицию на «Петергоф». Жениться не успел, алиментами не отягощён, – Петруха дурашливо подмигнул девушкам. – Деваться мне некуда, прошу принять в экипаж. Электроники здесь много, интересно же! И вообще, пиратская жизнь мне нравится.

- Подобрать бесхозное имущество, чтобы выжить – это нормально. Отобрать у военных, более сильных и ведущих истребительную войну, я считаю делом благородным. Но грабёж и воровство будут приравняться к измене, пощады не будет. Насилие допускается только в ответ на явную агрессию. Её следует ожидать от отчаявшихся людей, нам придётся многому учиться. Такова будет пиратская жизнь, Петруха.

- Так и я о том же, – пошёл юродствовать хитрый хохол. – Если там без хозяина, без присмотра...

Пришлось цыкнуть. Ой, хлебну я с ним! Но – молодец, немного разрядил.

На лице Мари читалась растерянность и сомнение. Можно было понять женщину, волею случая, оказавшуюся в компании людей, связанных одним языком, общими корнями и прошлым. Нам было проще понять друг друга и принять приемлемую для нас программу действий. Менталитет – очень серьезная вещь, часто он становится решающим в вопросах жизни и смерти.

- Я ожидала этого разговора и много думала, каким путём пойти. У меня на свете были только Жан и дочка Люси. Ей восемь лет, и у неё слабые лёгкие. Перед отплытием мы отправили ребёнка в горный санаторий на острове Сардиния. До тех пор, пока есть шанс, что моя дочь жива, я посвящу свою жизнь её поискам. Если вы поможете мне в этом – я готова буду выполнять любые обязанности на этом корабле. Только научите, ведь я всего лишь хирург ротовой полости. Как жаль, что погиб мой муж, он был бы намного полезней.

Я вспомнил заключительный грабёж "Мари Роуз". Пока мы рыскали по каютам в поисках трофеев, она перетасила на борт "347" медикаменты из лазарета контейнеровоза. Святая простота!

- Мари, ты хочешь сказать, что ты – доктор?

- Всего лишь, Фэд, но вам нужны сильные и агрессивные.

- Макс, ну скажи ей!

- Мари. Уже понятно, что идёт война. Мы, чудом спасшиеся, попали на неё не по своему желанию. Воевать придётся, никуда не денемся. Нас не пошлют защищать ни Москву, ни Киев, ни Париж. Мы будем защищать себя. К сожалению, на войне бывают убитые и раненые. В конце концов, любой из нас может простудиться или порезать палец. Да просто жить мы собираемся долгие годы! Как же обойтись без врача, их на любой войне стремились брать в плен и использовать по прямому назначению. А мы, видите ли, "всего лишь доктор"!

Макс продолжал прочувствованную речь, а я наклонился к Еве:

- Ещё одна погулять вышла.

- Фёдор, но я действительно в этих обстоятельствах мало значу.

- Так скажи об этом громко, и мы тебя через часик высадим на ближайшем пляже.

- Не давайте ей много продуктов. Всё равно, долго не протянет, зачем тратиться? – Гарбуз был безжалостным, когда дело доходило до подначки.

- Петя, тебя спросим в последнюю очередь, - я не успел договорить, когда Ева сорвалась с места и выбежала из кают-компании. Пока я давал Петке по загривку, пока длилась немая сцена, она исчезла. Осмотрев акваторию и не обнаружив тело за бортом, я приступил к поискам. Они быстро закончились в каюте Евы. Рыдает в подушку. Что могут придумать эти женщины? Тронул за плечо.

- Ева, ты ведь не первый день на флоте и знаешь, какие мы грубияны.

- Вы тут выживать собрались, думаете, я не понимаю, что балласт вам не нужен?

Навалился. Обнимаю, целую. Эй, не увлекайся, старик! А разве я не заслуживаю жалости? Мне лучше всех? Как пахнут её волосы!

- Фёдор, не надо, не до этого.

- Ты будешь сомневаться, ты будешь бояться, или просто замучишь меня слезами – но я буду беречь тебя, я заставлю верить в НАШЕ будущее. Я дождусь твоей счастливой улыбки! И для этого употреблю мою силу и положение. Но то, о чём ты подумала, постараюсь заслужить так, как это делают настоящие мужчины. Не используя служебные отношения. Вытри глазки и пойдём, а то ребята подумают, что я это уже заслужил.

- Научи меня вашему морскому хамству. Боюсь, мне придётся его долго терпеть, - всхлипывает в моих объятиях. Целую милые, доверчивые глаза.

- Обратись к Мари. Матерится и дерётся - классно. Спасибо, ты дала мне догадку: ведь её муж был моряком. Объяснит азы, а мы отшлифуем ваши знания, будь спокойна!

Будет мне с молодёжью, ой будет. А сам? Ведь был недавно верным мужем, что бы ни плели о моряках злые языки. Что со мной?

В кают-компании - деловой разговор. Макс мгновенно, по-нашему, допросил мои глаза, улыбнулся взглядом. Ничего от него не скроешь. За что я так привязан к нему? Видно, за то, что и у него от меня нет секретов.

Угрожающее движение к Петькиным ушам и его испуганный прыжок в сторонку слегка расслабили коллектив. Но капитан всё держит под контролем:

- Видно, придётся легализовать телесные наказания. Но делать это будем организованно, при стечении публики, у грузовой мачты. Акустик Гарбуз, вам первый выговор.

- А сколько допускается?

- Первый – он же и китайский.

- Есть первый, он же китайский! - Петруччо потупил шаловливые глазки, чтобы не было видно их весёлого блеска. Неунывающий сукин сын! Может, действительно выпороть? Так ведь не поможет!

Что-то у меня сегодня мысли уходят с делового курса. Коньячок? Или эти волосы? К делу! Распределяем обязанности. Штатное расписание и так уже сложилось, нас мало для полноценного обслуживания и управления судном. Приходится капитана и девушек ставить на штурманские ходовые вахты, и если Мари имеет об этом представление ученика матроса, то Еве на мостике нужен напарник. Куда деваться? Петя приступает к обслуживанию огромного электронного хозяйства и вооружения, на мне всё, что здесь гудит и крутится. Спасает то, что судно совсем новое и в высшей степени автоматизировано. Ведь кому-то надо готовить пищу, делать множество важных дел, известных каждому моряку и о которых не слышал сухопутный человек. Что ж, будем помогать и учить друг друга.

Глава 8.

Европа-южная.

2013, январь. Вольный морской охотник EUROPE (бывший 347).

Мы ещё в Бресте закатали шаровым цветом номера на бортах. Макс изготовил трафарет: "EUROPE". Порт прописки - Земля. Не до оригинальности. Но, когда решался вопрос о флаге и Петруха предложил традиционные череп с костями, девушки возмутились. Сами говорили, что не бандиты! Новая жизнь не должна начинаться на чужих костях! Женщины мудрее мужчин в вопросах политики, убедился я в очередной раз. Голубя Пикассо рисовать никто не брался, белый цвет флага капитуляции все отвергли. Сошлись на зелёном цвете флага с белой веткой мира в центре. Макс сделал запись в судовом журнале. Мари разбила бутылку шампанского о форштевень. Надо было отметить, и мы отметили. Разве не заслужили?

Пока машинная установка не нуждается в вахтенном или техническом обслуживании, нагружаюсь схемами и руководствами, раскладываю в штурманской рубке. Это мой хлеб. В штормовых или боевых условиях учиться будет некогда. Ева оценила, посвятила всю себя несению вахты. Ей очень идёт морская форма. Солнышко, если бы ты вдобавок знала, в чём заключается служба. Что можно увидеть в бинокль среди ночной пустыни океана? Какая милая, а я не замечал. Пробегаю взглядом по навигационным приборам и горизонту. Я - вахтенный офицер при рулевом Светловой. Горизонт чист. Мы идём по старинке, по гирокомпасу и счислению, изредка, на короткое время, включая радар. Петя регулярно появляется в своей набитой аппаратурой келье и сканирует подводную среду. Недавние чёрные убийцы могут быть рядом. Мы на войне. Благо, кое-чему обучены на военно-морской кафедре, учили нас крепко. Задача: самому остаться незаметным и заметить всех вокруг первым. Потом удирай или воюй – решаешь ты. Если же начнёт решать тот, кто заметил тебя – заряжай, готовь госпиталь и одевайся в чистое. Таких, которые могут нас напугать, осталось мало, но и шальная пуля из карабина может подарить тебе сомнительное счастье прокатиться в зашитом мешке по наклонной доске.

Идём средним ходом. Меньше шума и экономия горючего. Курс – на испанский мыс Финистер. В 22.00 Петруха выходит из операторской. Ева готовит бутерброды и кофе. Вечерний перекус, нам ещё тянуть два часа. Бискай лениво вздорит с океанской зыбью, но ведёт себя, в общем, прилично. Вот и капитан. Следом появляется Мари. Всем не спится, мы взбудоражены последними событиями, первой ходовой ночью на мощном и послушном нам корабле. Шутливая вечная пикировка штурманов с механиками: кто на свете всех умнее и важнее на борту. Двух мнений быть не может. Судоводы утираются и попивают кофе. Не припомню случая, чтобы меня переспорили на словах, хотя на деле не раз убеждался, что и в их среде далеко не все - дураки. Один из образцов сейчас восседает в высоком командирском кресле и удовлетворённо жмурится:

- Фэд, тебя исправит только могила.
- Поживу еще.
- Ладно, живи.
- Спасибо, дорогой.

Как в старые добрые времена. Не хочется думать, что творится в мире. Букашка судна затерялась в океане с горсткой людей на борту. На

мостике темно, лишь уютно мерцают приглушенные мониторы и циферблаты приборов. Рядом товарищ, с которым я на таких вахтах выпил столько кофе, сколько не пил на берегу с родными людьми. Мы уважаем и по-своему любим друг друга, а вечные перепалки – лишь дань кому-то из старых капитанов, не принявших зловонные дымные шлейфы из труб, выпадающие сажей на святое – белоснежные паруса благородных фрегатов. Молодёжь притихла, словно в церкви. Да, это наш алтарь, а капитан – пастырь. Ибо в том, куда он повернёт судно в трудный момент, будет решена и его, и наша судьба.

- Фэд, как машина?

Разговорчики закончились. Докладываю:

- В одном месте сочится из-под фланца в системе охлаждения забортной водой. Попытка поджать – не идёт. Судно новое, видать, при постройке перекосили прокладку. На ночь перешёл на резервный насос, завтра устраню. Ничего опасного, даже если придётся задействовать основную магистраль, там сочится двести граммов в сутки. Параметры главных двигателей в норме, электростанция в норме. Серьёзных замечаний нет, критических отклонений до утра не ожидаю. Перед сном всё обойду, в общем, как обычно.

- Акустик.

- Товарищ командир! Разрешите доложить!

- Не разрешаю. Таким тоном – не разрешаю. Мы мирные моряки, чего ты орёшь! Девушек напугал. Учись у "деда": спокойно, кратко и по делу.

- Понял, Максим Николаевич. Электронное хозяйство – в рабочем состоянии. Системы внешнего наблюдения и разведки в норме. У меня возникла проблема на спарке правого борта: под вечер хотел разобраться с её устройством, провозился до темноты, но так и не сумел вскрыть механизм. Какая-то хитринка. Фёдор Ильич, завтра поможете?

- Разберёмся. Нам всем надо в ближайшие дни в совершенстве изучить всё наличное оружие. Не пришлось бы его применять до того, как будем готовы.

- Нам всем в ближайшие дни надо изучить столько нового, что это может закончиться в далёком будущем, – скаламбурил капитан, – И появилась у меня одна хорошая идея. Мы сели на незнакомое судно и рванули на юг. Прямо, как на нашей прежней работе. Вспомни, Фэд: два часа на передачу дел – и в путь. А потом поломки, аварии и прочие радости, особенно если сдал молодому и неопытному коллеге. Нам зарплату сейчас не дают. А за некомпетентность мы можем заплатить собственными жизнями. Поэтому приказываю: делаем поворот на восток. Уходим в открытый океан подальше от прежних торговых путей и приступаем к боевой подготовке. Сколько это займёт времени – неделю или месяц – меня не волнует. Но каждый член экипажа должен в совершенстве изучить материальную и боевую часть. Не хватало мне, чтобы в конфликте моряки путались в коридорах или не могли перезарядить оружие. Право на борт!

Через два дня началась военно-морская подготовка. Никто никого не подгонял, но тренировки шли насыщенным графиком, и к ночи все еле волочили ноги. Мы с Максом и Петром досконально изучили возможности

и технику судна, научили девушек управлять важнейшими механизмами и системами живучести. Все прошли по самым малодоступным помещениям, кладовым и боевым погребам. Даже нам, профессионалам, открылись очень интересные и ценные качества корабля. Потом все учились маневрированию судном на разных скоростях и с разными вводными, на которые наш акустик оказался большой дока. Оказывается, прапорщик Петренко на этом деле имел сдвиг, и забыть его извращённые и невыполнимые задания нельзя до конца дней. Когда начались стрельбы, мы стали выискивать в море полузатонувшие обломки судов и после краткого мародёрского обследования расстреливать. Ценного попадалось мало. Люди не встречались даже на нескольких спасательных плотках, которые мы нашли почти в исправном состоянии и с запасами пищи и воды. Плоты мы не грабили и не топили – может, кому-то пригодятся. Особенно всем понравилось стрелять со скорострельных спаренных 37-мм пушек, которых у нас было три штуки. Они буквально разрезали мишени пополам. Но удовольствие прервал капитан, заявив об ограниченном боезапасе. У нас был противолодочный ракетно-бомбовый комплекс. Мы дали из него всего один залп, все оглохли и остыли от милитаристского пыла. Молодёжь отправилась на боте собирать глушенную рыбу, Макс поднялся на мостик осмотреть окрестности, а я нырнул в машинное отделение привести в чувство электронику, воющую от мощного гидравлического удара по датчикам. Не прошло и двух минут, как зазвенел машинный телеграф: "Полный вперёд". Я исполнил команду, главные дизеля грозно рыкнули, взвыли турбины наддува. Телефон.

- Фэд, перископ в семи кабельтовых. Идёт на сближение, похоже, всплывает. Маневрирую для уклонения, как с запасом мощности?

- Передаю управление на мостик. Топчи, хоть до потолка, выдержим! Где ребята?

- Я связался с ними, идут к нам на пересечение курсов. Надо принять их у штурмтрапа, потом из пушки прикрыть подъём на борт. Попытаюсь заслонить нашим корпусом.

- Есть, капитан!

Я вылетел на палубу. Бот оказался между нами и неизвестной субмариной, рубка которой уже начала появляться из воды. Подлодка шла прямо на него, но не ей было соревноваться в маневренности с надувной шлюпкой и мощным подвесным мотором. Достойный воспитанник мичмана Петренко заложил левый вираж, уходя на траверз субмарины. Макс мгновенно повернул "Европу" вправо, уходя от лобового столкновения с толстым гигантом и в надежде успеть пересечься с Петиним курсом до того, как на чёрной рубке откроется люк и ударит пулемёт. Я уже передёргивал затворы пушки левого борта. Как только наша шлюпка ушла с директрисы, я дал длинную очередь. Но в этот момент Макс изменил курс, и я не преуспел. Ещё очередь! Я увидел вспышки разрывов на корпусе и в районе рубки противника, но также увидел шевеленье на её верхушке. Выползают, гады! Наш бот был уже рядом. Макс экстренным реверсом затормозил "Европу" и выбежал на левое крыло мостика.

- К ним! Бросай всё, спасай ребят!

- Макс, в укрытие!

Я влепил сочную очередь в сторону врага. Его верхний ходовой мостик окутался вспышками и дымом. Теперь можно!

Петя подводил лодку к правому борту "Европы". Штурмтрап затарахтел вниз. Над головой не свистнула, а прогремела пулемётная очередь с подлодки. Голова Мари показалась над палубой. Я рыбкой выбросил её за шиворот к надстройке. Раздались испанские матюги. Ну и баба! Ева. Я не смог поступить с ней так грубо, и мы упали на моё тело в позе "мужчина снизу". Грубовато спихнув её с себя, увидел взлетевшего на борт Петра. Макс тут же дал самый полный, и мы рванули так, что корма присела в воду. Но теперь мы удирать не собирались!

Чёрная гигантская туша окуталась пеной и гейзерами: подводные пираты хотели удрать в своё мрачное царство. На вершине их рубки что-то дымило, сварочными вспышками плевался пулемёт. Мастерски маневрируя, Макс подвёл "Европу" на кабельтов к противнику, и мы с Петей в четыре ствола отвели душу. Не узнав о результатах стрельбы, мы отошли подальше из-за опасения быть засосанными на глубину вместе с погрузившейся лодкой.

- Ну, нет, мичман Петренко такой подарок не упустил бы! Я твоему пулемёту не так отвечу! – в рубке появился разгорячённый казак, - Сейчас вы узнаете, что такое активный пошук! Ильич, встаньте у РБК-шки, пожалуйста! Я соберу данные!

Я не возражал. Мы дали три залпа, потом с полчаса Петя вслушивался в море всеми своими ушами и эхолотами.

- Мы их накрыли. Что-то булькает и позвякивает. На дно они не упали, я бы услышал. Не движутся. Максим Николаевич, ещё пару залпов? Для хороших ребят!

Дали ещё, и ещё, а потом Петруха вывел на громкоговоритель то, что раньше слышал только он. Казалось, что железнодорожный вагон рухнул с моста.

После побоища хотелось увести "Европу" подальше, хорошо вымыть ставшее скользким от пота тело и уснуть без сновидений. Мы опасались радиации. Но Петя сказал, что глубины здесь более трёх тысяч, выплывет нескоро. А коллег-подводников следует подождать, можно узнать много интересного. Врёт он про мичмана. Он сам, наверное, старший мичман!

Мы легли в дрейф и осмотрелись в отсеках. Кроме нескольких отметин от пуль на броне мостика, корабль повреждений не имел, и это было хорошим предзнаменованием: значит, будет фартовый вояка! Экипаж тоже был цел, но передозировка адреналина повлияла на всех по-разному. Никому из нас не приходилось участвовать в настоящем бою, стрелять на поражение и получать пули в ответ.

Я разругался с Максом. Какого лешего командира вынесло из бронированной рубки под пули, ведь мы без него и берега не найдём!

Потом Мари пыталась вежливо, но с металлом в голосе поучать, как надо приглашать мадемуазель на борт. Я сказал, что двести лет назад дам вообще на борт не пускали и правильно делали и пусть скажет спасибо,

что мы приехали за леди вообще и в другой раз подумаем. Потом всё-таки церемонно извинился, поцеловал ей ручку, и мы помирились.

Петруха пытался установить, какой школе Камасутры принадлежит поза "Мужчина, приглашающий леди на борт, лёжа", но был резко пресечён сразу двумя оппонентами. Я заметил мстительный взгляд Мари и ухмылку, блеснувшую в капитанских глазах.

В бою все вели себя достойно. О нас с Петей уже начинали складывать легенды и оды. Девушки подавали патроны и храбро перевязывали раненых, то есть Мари ассистировала капитану на руле, а Ева носилась под пулями между РБК и Петиним постом, корректируя мои залпы. Капитан показал высший класс судовождения, заботы про экипаж и отчаянны-ы-ый! Восхищение сияло в глазах Мари с того момента, как после моего джентльменского приглашения она влетела на борт и приползла в боевую рубку. Я начинаю догадываться, почему у нас с ней немного так... Прохладно. Слепой дурень! Мы ревнуем моего капитана друг к другу! Как же я прозевал, ведь она УМЕЕТ читать его глаза! Да и мои тоже; оказывается, и я её. Мы общаемся с ней словесно, только лишь когда надо на людях уточнить, так сказать, аспекты этикета. В остальных случаях нам достаточно обменяться взглядами, как с Максом. Вот сейчас, разливая наркомовские сто грамм, она даже не спросила, что я буду пить. Взглянула, я взглянул - и передала через штурманский стол то, в чём я нуждался: полстакана водки безо льда. Дела. Вот вам и миссис Мейер. Умеет выбирать мужчин. Её Жан, судя по всему, мало уступал моему Максиму. То есть, теперь нашему Максиму. Надеюсь, это не охладит мои отношения с другом. Я выпил водки и осмотрел экипаж-победитель. Макс уже давно за мной наблюдал прищуренными в улыбке глазами. Я спросил. Он ответил: да, давно. Что ж ты молчал, старый чёрт? А ты это желал видеть? Только и паялся на неё!

- Сам книжку откроет, а сам не читает. Спишу, - сказал капитан губами. А эта французская ехидна добавила, уже ментально:

- И ни черта не видит. Доиграется, пока молодой...

Петруха, разомлев от уходящего стресса и спиртного, действительно, начинал очередной небезопасный солоноватый прикол. Ева посматривала в мою сторону, но молчала. И вот я УВИДЕЛ. Это было даже быстрее, чем у нас с Максом, это был не взгляд, а молния. Меня поразил разряд! Не шок, это было что-то такое, чего я не чувствовал никогда, но хотел бы ощущать вечность! В долю секунды я вдруг осознал, что в свои почти полста лет я не имел понятия, что такое любовь...

- Мнда, - произнёс Максим, - Наконец-то дозрели.

Мы с Евой мысленно осудили его за бестактность. Надо было менять тему. Моя тяжёлая рука, уже занесённая для подзатыльника охламону, мягко опустилась на его плечо:

- Петя, в каком звании ты служил во флоте? Только не зли меня.

- Старшина второй статьи.

- Сказал же, не зли. Не сержантские у тебя навыки.

- Мой прадед по матери - мичман Петренко. Прожил более ста лет. Он Отечественную на подводной лодке прошёл, до отставки служил в

подплаве. Всё знал про подводную войну. Меня на каникулы из приюта забирал и школил так, что я просил Анну Марковну меня к нему не отпускать. Командир, я уже полторы минуты наблюдаю объект на радаре!

Пока мы тут выясняли за его спиной сердечные отношения, парень честно нёс службу.

- Нехорошо, товарищи, - сказал Макс, - Фэд, прошу запуск.

- Машина готова, даю добро.

Уже темнело, когда мы приблизились к обнаруженному объекту на расстояние прямой видимости. Петя произвёл приборную разведку и шумов не обнаружил. В бинокль мы рассмотрели плавсредство неопределённой формы, без иллюминаторов и надстроек. Это был спасательный модуль подводной лодки. Люк закрыт, никаких признаков жизни.

- Боевая тревога.

Мы с Петром заняли места у пушек, все вооружились автоматами, найденными в подземельях Бреста. Мы забыли о них в предыдущей схватке. Спустили разысканный после победы мотобот.

- Может, гранату? Швырнул в люк, и заходи спокойно.

Мы с акустиком на лодке приблизились к модулю, выключили мотор. Тишина. Уравняли давление в отсеке специальным клапаном (плавали, знаем), повернули задвижку люка. Изнутри пахло таким зловонием, что отшатнуло.

- Есть кто живой?

- Показалось или нет?

- Не показалось. Свети.

Меня стошнило. Внутри было месиво растерзанных тел, внутренностей, рваной одежды, лужи крови. Такое можно увидеть только на войне, понял я. Хотя и сам только что прибыл на эту войну. Что-то шевелилось там, слабо стонало.

- Может, пристрелить, чтоб не мучить, а, Ильич?

- Ты сможешь?

- Язык мой дурной. Идём.

Это были самые страшные минуты моей жизни, не могу ни вспоминать, ни рассказывать. Мы привезли на судно три изувеченных тела, только так можно назвать этих несчастных. Ева с белыми глазами помогла занести их в лазарет, потом надолго исчезла. Мари была всё-таки врачом, но держалась не лучше нас всех. До поздней ночи, забыв обо всём, мы промывали, обрабатывали, зашивали и перевязывали наших "гостей". Под утро, выпив водки, все разошлись по каютам. Даже вахту не оставили на дрейфующем судне. Доплавались.

Глава 9.

Морские судьбы.

2013, январь, 31. Атлантический океан.

На ужин сегодня подавали бифштекс, жареную картошку и консервированный салат. Вино. Просто, сытно и вечно, как голод. Обслуживала штатный кок Ева. Мари сейчас было не до этого. Накрыто было на семь персон. Одного, Дюка Вильямса, мы не смогли отстоять. По меньшей мере, перед смертью парнишка увидел Солнце. Со слезами на глазах он смотрел на него до последнего вздоха. Справа от Петра сидит мисс Джейн Николь, оператор ядерного реактора потопленной нами подлодки. Но, ни она, ни старший штурман атомохода Ник Шепард не имеют к нам претензий. Мы к ним тоже. Потому, что их война заканчивалась раньше, чем началась наша. Страшно заканчивалась.

В день минувшего Конца света их ракетоносец следовал из Южной Атлантики в родной Бристоль. В двухстах милях от острова Мадейра они пережили ситуацию, почти аналогичную нашей, на "Дельфине". Сработала автоматика, корабль выбросило на поверхность после прохождения огромной волны. У них была система связи, рассчитанная именно на такой случай. Подводный крейсер оставался в прекрасном состоянии. Как говорил бравый солдат Швейк, всё шло хорошо, пока не вмешался Генеральный штаб. Крысы в штабе потеряли нить событий, уже рвущуюся на куски, тянули драгоценное время, решения не принимались. Затем волна слизала Британские острова, и командир остался один на один с ситуацией, к которой его готовили много лет. Пуски ракет прошли в штатном режиме. Где-то вдали заживо сгорели миллионы людей. Служба, джентльмены.

Атомоход завершил путешествие к родным берегам и убедился, что делать там нечего. За пять суток до встречи с "Европой" он двигался в Бискайском заливе. Чёрный охотник противника (мы с Петром переглянулись) был замечен своевременно. Начался подводный бой. Это сложная и секретная наука. Охотник был подбит торпедой крейсера, но и сам успел дать залп, в котором оказалась торпеда с ЯБ. В переводе – ядерный боеприпас. Ахнуло – мама не горюй. Такие корабли рассчитаны на подобные ситуации, но удар произошёл очень близко. Корпус дал течи, вышли со строя важные механизмы и системы, погибли и были ранены люди. Лишь благодаря героизму и выучке военных моряков, удалось всплыть на поверхность и привести корабль в относительно пригодное состояние. Если бы не это поражение, мы с Петрухой не могли бы и мечтать потопить его нашими мизерными средствами. Командир атомохода был деморализован. Огромный корабль представлял собой ещё грозное опасное оружие, и офицеры приняли решение: громить врага до конца, где бы он ни встретился. Младшие офицеры располагали минимумом информации о происшедшем. У мистера Шепарда хватило ответственности заявить, что пиратство – недостойный моряка Её Величества метод ведения войны на море. Надо искать убежище на суше и спасать экипаж. Противостояние быстро перешло в конфликт, были арестованы и расстреляны несколько офицеров и нижних чинов. Старший помощник Шепард и последовавшие за ним люди решили тайно покинуть корабль, используя спасательный модуль. Их предали. Модуль заблокировали изнутри, но и покинуть корабль он не смог. В день встречи с "Европой" через технологическое отверстие были брошены гранаты. Результат мы с Петей видели. Когда грохотали выстрелы и

взрывы, в спасательном отсеке в мучениях умирали беспомощные люди. Затем лодка стала тонуть, модуль каким-то образом освободился и всплыл. Такая вот история про камикадзе Страшного Суда.

Ник Шепард закончил рассказ. Его перевязанная рука без кисти попыталась отсалютовать погибшим товарищам, но лишь дёрнулась на подвеске. У этих двоих было множество ран, Мари извлекла пока не все осколки, но мы уже не боялись за их жизни.

Мы двигались к Гибралтарскому проливу. Шли очень медленно, в спокойную погоду дрейфовали. Все силы уходили на пациентов лазарета. Но кто-то должен нести ходовую вахту, обслуживать механизмы, обед тоже надо готовить. Нас учили старые моряки: есть такое слово - надо. Никто не стонал. Только сегодня все собрались за одним столом и смогли перевести дух.

Хотелось оттянуть момент приближения к опасному проходу из Атлантики в Средиземное море. Там всегда толпились желающие помериться силами, но пополнять кладбище на дне пролива нашими трупами мы не торопились. Требовалось время, необходимое для взаимного истощения сил всех этих чёрных мстителей. Другая опасность – последствия ядерной войны. Наши приборы фиксировали фоновые уровни радиации в открытом океане. Они были далеки от смертельных, но и безопасными их можно было назвать не всегда. Сомнительно, что перенаселённая индустриальная Южная Европа избежала ядерных атак. Там сейчас был ад или то, что приходит после него. Остров Сардиния не представлял собой стратегической цели. Пусть мизерный, но шанс отыскать маленькую Люси, дочку нашей Мари Мейер – существовал. Мы не могли лишиться мать права на надежду. Планов высказывалось много, но ни один из них пока не был утверждён. До тех пор, пока товарищи не выздоровеют до состояния если не боевого, то, хотя бы, не беспомощного, о Гибралтаре – молчок.

Запасы топлива и продовольствия убывали. Пресную воду я производил из морской, но её качество было далеко от родниковой. Следовало решать вопрос снабжения. В открытом океане редко встречались суда, оставшиеся на плаву, как благословенная старушка "Мари Роуз". Здесь их губили шторма, оставшиеся фанатики-торпедисты или спасшиеся экипажи других судов. То, что осталось от береговых складов и нефтехранилищ, плавало во всепланетной помойке, бывшей раньше прибрежной полосой. Надо выдвигаться в активные ранее районы судоходства. А там - или принимать соучастие в мародёрстве, или подбирать то, до чего ещё никто не добрался. Спасшихся экипажей должно быть немало. Перед ними встают те же проблемы, что и перед нами. Люди не любят делиться во времена катаклизмов. Пришло время всё назвать своими именами и выработать идеологию. Так учили нас комсомольские вожаки, ставшие затем вождями наших государств и дорулившие миром до сегодняшнего состояния. Поэтому мы плюнули на условности и решили: будь, как будет. Не мы создали эту ситуацию, но за себя будем стоять до конца. Эгоизм, инфантильность? Как пожелаете, но в условиях выживания следовать каким-то правилам непрактично. Беспредел? Мы не намерены этим заниматься, но на таковой ответим ещё большим. Спасибо судьбе, пославшей нам для этого едва ли не

лучшее из оставшихся на планете техническое средство. Мы сумеем применить его самым лучшим образом.

Сэр Дарвин был прав. Ибо только естественным отбором можно объяснить тот факт, что на борту "Европы" собрались профессионалы, или люди, очень близкие к морскому ремеслу.

Бездельником на морском судне быть невозможно. Мне пару раз довелось добираться до порта стоянки моего судна в качестве пассажира на чужом борту. Первый день, чего греха таить, отдыхаешь после обильных вчерашних возлияний "по поводу отхода". Второй день наслаждаешься состоянием самого безответственного и незанятого человека на судне: мне за это ничего не будет. На третий день я шёл к "деду" и просил дать работу. Это вам не это - дурака валять, когда все на своих местах и заняты Делом! За неделю такой жизни любой лодырь сошёл бы с ума.

- Кэптэн, я не смогу больше вязать морские узлы, - Ник Шепард пошевелил тем, что когда-то было его правой кистью. На вид ему было хорошо за пятьдесят. Мне подумалось, как в таком возрасте он сумел сохранить достаточно здоровья. Служба подводника требует его больше, чем профессия космонавта. Он продолжил:

- Я навигатор и, осмелюсь доложить, неплохой. Проложить курс, включить радар и посмотреть в бинокль можно и одной рукой. Я требую поставить меня на ходовую вахту. Не преумалая ваших талантов, мистер Солнцев, где это видано, чтобы главный инженер вёл судно!

Я не стал рассказывать мистеру Шепарду, что таланты мои не врождённые. Лет десять назад в открытом океане на нашем сухогрузе вспыхнул пожар. В море нет ничего страшнее. Горел груз. Затем в трюме прогремел взрыв цистерны с каким-то химикатом. Погибли все судоводители, включая капитана. Когда потушили огонь, нас осталось двенадцать, из них на ногах – четверо. По магнитному компасу и светилам мы вели судно три недели. Учились сами: два механика, один матрос и повар. Каждый из нас теперь очень талантливый штурман!

Мисс Джейн Николь вскинула подбородок:

- Моя подводная специальность мне не пригодится лет тысячу, кэптэн. Но вы должны знать, что я пришла на флот одиннадцать лет назад. Я начинала службу в машинном отделении фрегата Её Величества "Корк". Не сочтите это нескромностью, но за все годы моей службы я не получила ни одного взыскания от моих командиров, разве что последний из них выразил своё недовольство весьма оригинально. Ядерные реакторы стали моей специальностью четыре года назад. Мистер Солнцев подтвердит, что бывших механиков не бывает. Я буду очень признательна, если он ознакомит меня с энергетической установкой этого, как я вижу, замечательного корабля. Я официально прошу вас, командир, внести в судовую роль меня и моего товарища. Великая Британия прекратила существование. Надеюсь, наш поступок не будет воспринят, как измена королеве.

Есть женщины не только в русских селеньях! Я попытался представить себе мисс Джейн в промасленном комбезе, с огромным гаечным ключом. И представил! Как-то мне довелось принимать дела у одной симпатичной хрупкой на вид особы. Машина была в идеальном состоянии, а младшие

механики и мотористы были поголовно влюблены в фрау Геке, оказавшуюся вдобавок прекрасной матерью двух детей и супругой мужа – художника. Я придерживаюсь мнения, что мужскую работу всё-таки должны делать мужчины. Но когда дама достойно показала себя в нашем деле – мой низкий поклон и уважение. Мы с Максом переглянулись: "?" – "!!!". Я встал и обнял за плечи наших новых коллег:

- Мисс Николь, мистер Шепард! Мы все давно обсудили эту тему. Дело стояло только за вами. Будем считать, что формальности позади. Мы счастливы приветствовать новых членов экипажа на борту морского охотника "Европа". Добро пожаловать, Джейн, добро пожаловать, Ник!

Глава 10.

Сражение в Гибралтарском проливе.

2013, февраль, 24. Гибралтарский пролив.

Мы трое суток вели разведку на дальних подступах к Гибралтару. Ночами приближались к проливу то с севера, то с юга, то с запада. Я помнил сияние ночных городов и проблески навигационных огней в этих местах, всё побережье здесь было плотно заселено. Сейчас в бинокль можно было иногда заметить лишь редкий костёр в горах. На испанском берегу во многих местах пылали лесные пожары. Но ниже определённой высоты суши – словно циклоп-художник провёл жирную чёрную полосу. Если долго глядеть на неё, начинают шевелиться волосы на голове.

Петя даже спать оставался в своей рубке. Он сейчас был самым нужным человеком на борту: приборная разведка. Прошлой ночью, на грани чувствительности сонара, он обнаружил шумы неизвестного грузового судна. Радар мы включить не решились, но и таинственный корабль не излучал радиолокационных волн. Видать, ребята уже имели кое-какой опыт поведения в непредсказуемых условиях плавания. Они тоже ходили галсами, тоже вели разведку. Оставляя незнакомцев за горизонтом, мы решили тихонько проследить за их попыткой прорыва. Если их никто не тронет, значит, и нам можно рискнуть. Минувшим днём они отошли подальше и легли в дрейф. Мы последовали их примеру и тоже отсыпались в тридцати милях. По всему было видно, что пролив будем брать сегодня ночью.

Под вечер мы с Джейн в сотый раз проверяли состояние механизмов и систем судна. Девушка была слаба, но в ее глазах сиял такой энтузиазм! Рука не поднималась прогнать из машины эту маленькую искалеченную курносую пышечку. Она оказалась грамотным и опытным инженером. Умели учить на флоте Её Величества. Но не только школа – душа наша, машинная – сквозила в её взгляде на сложную схему, пробежке по параметрам, прикосновению к тёплому электродвигателю, нежной болтовне с главным процессором: А скажи ты мне, милый... Я зауживал её всем своим вахтенным сердцем. Я знал, что это хрупкое существо не станет укрощать – рвущие океанскую волну тысячи лошадиных сил сами будут просить её пальчики-сосиски взять железные вожжи и форсировать себя хоть до красного каления. Ну почему только страшная катастрофа смогла послать мне такое чудо?

Ник Шепард оказался опытным морским офицером. Кроме штурманских обязанностей, он взвалил на свои плечи наше вооружение. Профессионально его обследовав, он попросил Еву на часок отвлечься от камбузных дел:

- Мисс Ева. Одной рукой такие дела не делаются.

На палубе и в погребах залязгало железо. Петя возмутился демаскирующими шумами. Штурман вежливо объяснил, что в текущем состоянии вооружения усматривает преступную халатность мистера Гарбуза, который за это состояние отвечал до сих пор. И он будет вынужден доложить командиру, что корабль к бою не готов, а за это мистер Гарбуз получит выговор. Он не знал, что последнее китайское предупреждение за Петрухой уже числилось, но попал в точку, и акустик дело быстренько замял. К обеду от Евы несло оружейным маслом, руки её были покрыты ссадинами, а вместо белоснежного халата она щеголяла в рабочем комбинезоне с инструментальной сумкой на поясе. Обедали всухомятку.

- Пропала девушка. Этот солдафон доведёт нас до язвы желудка, - довольно улыбаясь, ворчал Макс, когда мы остались вдвоём, - отобьёт, посматривай.

- Не отобьёт.

Я знал, что не отобьёт. Было две причины.

Во-первых, джентльмен. Настоящий английский джентльмен. Пытались объяснить ему, что мы - люди гражданские, к чинопочитанию не привыкшие и будем рады обращаться между собой по именам, без мистеров, мадам, фройляйн и так далее. Джейн с удовольствием согласилась, она вообще оказалась лёгкой и приятной в общении женщиной.

- Леди и джентльмены, я уважаю демократические отношения и с удовольствием выслушаю вас, если вы обратитесь ко мне просто по имени. Но моё воспитание и годы военной службы слишком крепко приучили меня к другому образу обращения к людям. Можете считать это причудой старого вояки, если вам так угодно. Прошу вас, если я скажу вам "мадемуазель" или "сэр", не воспринимать начало моей речи, как вызов в суд. Я искренне уважаю и люблю всех вас, простите меня за такой официоз.

Мы простили и произвели его в старшие помощники капитана. Он оказался замечательным товарищем, знал кучу полезных вещей, но особенно мы полюбили старину Ника за его бесконечную коллекцию анекдотов об английском юморе.

Вторая причина уверенности лежала в глубине моего сердца. Всё время после боя с подводным крейсером и прямо-таки телепатического объяснения с Евой мы все были чрезвычайно загружены и измотаны. Но небезразличные люди найдут минутку, чтобы побыть вдвоём и подарить друг другу хоть капельку счастья. Мы не были исключением. Чем отличался наш экипаж, так это чрезвычайно деликатным и бережным отношением друг к другу. После катаклизма, унёсшего множество жизней, после потерь, понесенных каждым из нас - хотелось пощадить друг друга от крови и ужаса, которые мы уже пережили и которые ожидали нас, возможно, сегодня ночью. Все знали, что Максим

ухаживает за Мари, знали про нашу с Евой любовь. Мы и не скрывали этого, а товарищи не завидовали и не сплетничали за спиной. Похоже, отношения начинали складываться и у Пети с Джейн - мы только радовались на молодых симпатичных ребят. Один мистер Шепард оставался без пары. Петруха, как обычно, сболтнул, что было бы неплохо спасти от разбойников хорошо воспитанную леди для равновесия на борту. Старпом юмор принял:

- Я старый закоренелый холостяк, мистер Пит. Меня такими невестами соблазняли в молодости! Но я посвятил себя морю и не вправе был делать одинокой и несчастной ни одну женщину.

Сейчас его слова расходились с делом. Потная Ева шуровала стволы пушки левого борта какой-то длинной палкой. Я осуждающе взглянул в сторону Шепарда, который одной левой рукой, но чрезвычайно ловко орудовал с прицелом.

- Мистер Солнцев, вы должны спросить мисс Светлову, насколько она несчастна.

Англоязычным товарищам нелегко произносить, а тем более запоминать наши имена. Но братишка Ник обладал и не такими талантами.

- Сэр, разрешите ей помочь. Это не женский труд. У меня есть немного времени.

- Сэр, если у вас есть время, я попросил бы вас спуститься в погреб и помочь мне установить на конвейер подачи дополнительные заряды.

- Но мисс Ева...

- Фёдор, всё нормально. Помогите мистеру Нику.

И я таскал тяжёлые гранаты РБК и снаряжал пулемётные ленты, пока моя любимая готовила к бою наше оружие. Вечером мистер Шепард подсел ко мне с рюмкой ликёра:

- Мистер Фэд, сэр. Мисс Ева – врождённый оружейник. Мне приходилось обучать этому многих молодых людей. Парней. Но ни один из них не мог запомнить с первого раза, как работает механизм перезарядки этой пушки. Мисс Ева – смогла. Я хотел бы, чтобы вы сообщили ей, как счастлив старый офицер Её Величества найти такое дарование. Не держите на меня зла, эта леди предназначена не для камбуза. Вы ещё будете приятно удивлены её талантами.

- Сэр, я благодарен вам...

- Мистер Фэд. Берегите и любите её. Откройте ей её саму – и вы узнаете, что такое счастье. Эта женщина – приз настоящему мужчине. Редко мне встречались такие леди, и я уже объяснял, почему не позволил им занять место в моём сердце. Иногда приходится сожалеть о принятых в юности решениях, но принципы надо соблюдать.

После наступления темноты акустик доложил, что неизвестное судно начало движение. Мы тоже снялись и последовали за ним, сократив дистанцию до двенадцати миль. Радары обоих судов по-прежнему молчали, огни не включали. Вся информация поступала от гидроакустической аппаратуры, Макс по счислению определял наше местоположение. Оба корабля входили в пролив с запада, стараясь оставаться на максимальном удалении от берегов. Погода была облачной, море относительно спокойным. На траверзе Кадиса

неизвестное судно на пару минут включило радар, видимо, рискнув проверить горизонт на случай засады. Это дало и нам возможность более точно определиться, используя пассивное сканирование его эхосигналов. Посторонних объектов в море разведка не показала. Но наше судно было замечено. Коллега Макса дал полный ход, и со скоростью 17 узлов его корабль пошёл на прорыв. «Европа» последовала за ним. Заметить наш корабль, окрашенный по всем правилам военно-морского камуфляжа, без приборов было трудно. Выдавать своё местоположение ещё кому-либо, кроме нас, неизвестный капитан не хотел, поэтому его радар молчал. По сути, он оказался в ловушке, и другого пути, кроме курса на восток, у него не было. Загонять в угол опасно даже мышь, поэтому Макс слегка приотстал от нашего визави, демонстрируя отсутствие агрессии во избежание агрессии встречной. Всматриваясь в бинокли, мы сумели определить, что судно имеет силуэт танкера. Это породило надежду, что нападать первыми они не станут: ввязываться в перестрелку, сидя на цистернах с нефтью, рискнёт только псих. Но кто знает, где и с кем им уже довелось побывать и встречаться.

Началась гонка с преследованием. Мы заняли места на боевых постах: Макс с Ником вели корабль, Джейн несла вахту в ЦПУ машинного отделения, Пётр в рубке приборной разведки, Ева на мостике у бортовых пушек, я на носовой спарке. Мари скрылись в пороховом погребе, приготовившись пополнять боезапас по мере его убывания. Мы решили не экономить патроны в случае столкновения. По этому поводу мистер Шепард сказал:

- Никогда нельзя этого делать на войне. Даже если у тебя совсем мало зарядов, постарайся с самого начала нанести противнику максимальный урон, а дальше будет видно. Возможно, он испугается высокой плотности огня и не станет связываться с крутыми парнями. У нас достаточно оружия, чтобы пустить на дно приличную флотилию.

После этого он попросил Еву приготовить к бою РБК и заявил, что, по меньшей мере, один залп он обеспечит самостоятельно. Я изумился изменениям, происшедшим с этим человеком. Обычно слегка чопорный, вальяжный и меланхоличный, сейчас он был быстрым, строгим, кратким и точным в формулировках. Я понял, почему веками Великобританию называли владычицей морей. Ник Шепард рассказывал, что его предки с давних времён служили во флоте Её Величества.

К полуночи миновали траверз Танжера. Я уже начал привыкать, что берега, огни которых раньше отражались даже в облаках, нынче лишь тёмной полосой смутно выделялись на фоне морского горизонта. Скала Гибралтар чёрной громадой высилась по левому борту. Британская крепость на ней признаков жизни не подавала, и проверять её боеспособность не брались даже офицеры флота Её Величества. Лидирующее судно, а за ним и "Европа" приняли правее, надеясь в тени высокого марокканского берега проскочить на просторы Средиземного моря.

- Слышу шумы подвесных моторов, - доложил акустик.

- Боевая тревога!

К носовой пушке почти не доносились звуки работы наших двигателей. Зато, вскоре после докладов о готовности, я услышал выстрелы прямо по

курсу. Сообщил на мостик. Корабль мелко задрожал, шум разрезаемой форштевнем воды заглушил стрельбу. Антенны радаров завертелись на боевой частоте. Я понял, что время нашей скрытности закончилось. "Европа" устремилась к месту схватки со скоростью тридцати двух узлов, на которые была способна.

- Мелкие плавсредства на двух часах. Крупное судно на двенадцати.
- Лодки на трёх часах! Дистанция – двенадцать кабельтовых.
- К бою!

"Европа" вклинивалась между торговым судном и стайей моторных лодок, преследовавших его. Взвизгнула над головой, затем протарахтела вдали автоматная очередь. Вспышки выстрелов. Не верьте сказавшему, что это не страшно. Но я даже не догадывался, насколько опыт поведения в экстремальных, пусть мирных ситуациях может помочь превзойти ужас сражения. Все чувства обострились, реакция стала мгновенной, казалось, я стал видеть в темноте. Гидравлика послушно повернула стволы. Слиться с машиной воедино – мой бизнес. Короткая очередь. Страшное оружие.

- Мелкая цель поражена. Фёдор Ильич, групповая цель, двенадцать градусов правее, дистанция - шесть! Беглый огонь!

Этот угонщик автомобилей начинает командовать боем. Доплавались. Что ж, карты ему, ибо полную картину стычки видит только он. Вспышки собственных очередей сделали меня слепой курицей. Но я привыкаю доверять молодому дарованию. Разворачиваю стволы и поливаю море смертью в указанном секторе. За спиной слышу бешеный лай пушек правого борта. Трассеры Евы устремляются к чёрным точкам, несущимся нам наперерез.

- Молодцом, как говорил мой дед! Бандиты теряют скорость!

Совсем обнаглел. Ну, погоди.

- Макс, что мы сейчас делаем?

- Отбиваем танкер от атаки пиратов. Ты его слушай, Фэд. Всё в тему, Ева уже троих успокоила его рекомендациями. Отрываемся от Сеуты.

Потом был залп. Стоит ли сомневаться, что мистер Ник произвёл его в высшей степени точно. Профи. Эта гроыхающая жуть утопила его родной корабль, и он отомстил за него сполна.

- На горизонте только танкер! Восемь кабельтовых, пеленг девяносто девять.

И мигает прожектором. В ответ – тоже: тире-точки. За всю мою морскую жизнь я совершил два греха: не выучил азбуку Морзе и не умею вязать морские узлы. Максим злоупотребляет этим в наших традиционных перепалках: маслопуп, мол, куда ему, тупому.

- Они согласны на randevu. Ложатся в дрейф. Сигнальщик наш, знает советский код. Там раненые и убитые. Командир, надо бы Мари пригласить, нам снова предстоит. Фёдор Ильич, прапорщик Петренко учил меня не церемониться в бою. Поэтому извинений не приношу.

- Живи пока, - меня трясёт. Только что я убивал людей. Они, правда, тоже хотели вытрясти из меня дух. Но в человеческой душе не только Богом, самой природой заложено: не убий. Не хочется смотреть в глаза товарищей после таких подвигов. Выждав, пока уляжется дрожь в руках,

поднимаюсь на мостик. Все уже в сборе. Ева в уголке сидит бледная, её глаза ещё видят взрывы на чёрных точках, воображение дорисовывает остальные детали содеянного своими руками. Я уже достаточно изучил душу любимой, могу представить её раскаяние и страдания. И сам такой. Присаживаюсь рядом и только нежно сжимаю маленькую ладошку. Поворачивается. О чём мы говорим глазами – вам знать не надо...

- Уважаемые, мы на войне. Отставить сопли! Перешагните это раз и навсегда. Вопрос поставлен просто: или мы, или нас. Я не умею разводить демагогию и читать проповеди. Я – воин. Не убийца и не бандит. Меня учили: есть ситуации, когда надо убить, чтобы не убили тебя. Дело обстоит именно так. Мы защищали безоружных людей. Они не сделали ни единого выстрела, я видел. Если бы мы не совершили того, в чём вы сейчас раскаиваетесь, они уже кормили бы крабов. Я сказал это в первый и в последний раз. Прошу извинить мой резкий тон, но также прошу принять во внимание мои слова. Иначе мы не выдержим следующих схваток, недостатка которых в обозримом будущем обещать не могу, – мистер Шепард поцеловал ручку моей подруге:

- Мисс Ева, я восхищаюсь вашей выдержкой и мужеством. Мне доводилось бывать в переделках, и не каждый мужчина вёл себя так, как это делали вы. Если бы я был моложе, вероятно, я пересмотрел бы свои принципы, и мистер Фэд вынужден был бы вызвать меня на дуэль. Мистер Солнцев, я завидую вам, как и любой позавидовал бы. Надеюсь, вы правильно меня поняли и не сердитесь на старого моряка.

Мне оставалось только пожать его широкую крепкую левую ладонь:

- Я начинаю верить в Бога, мистер Шепард. Только он мог послать нам такого товарища.

- Теперь следует церемонно раскланяться и проследовать к табльдоту за честно заслуженными наркомовскими! – У Петрухи в руках уже была заветная посуда.

- Ева, прошу тебя, надери ему уши. Я не способен руководить подчинёнными без кулаков, но после этого мы останемся без нужного пока специалиста.

Акустик любит пошутить, но чужих шуток не понимает. И когда Ева сделала резкое движение, резво отскочил подальше. Или подыграл? С него станется. Грянул смех. После боя нужна разрядка. Чтобы не сойти с ума.

Глава 11.

Танкер "Runner".

2013, февраль, 25. Танкер RUNNER. Средиземное море.

Смерть и кровь. Почему люди, пережившие страшные потери, боль и ужас – не желают стать милосердными? Почему вместо того, чтобы объединёнными усилиями пытаться построить новую жизнь, они становятся агрессивными и безжалостными? Подонки всех мастей мгновенно сколачивают банды грабителей, подминают под себя слабых, начинают резню и погромы. У них на поводу идут культурные и образованные персонажи, на деле становящиеся сообщниками и

прихлебателями. Это только укрепляет у мерзавцев веру в своё всемогущество, ведущую к ещё большей жестокости, часто оборачивающуюся против них самих. Никогда не мог уразуметь такого феномена: порядочные люди начинают понимать, что всё идёт не так, лишь когда негодяи уже успели объединиться в стаю и навязать свои правила игры. Почему сволочь безошибочно находит другую сволочь и тут же вступает с ней в преступный сговор, а хороший человек в толпе других прекрасных людей не может договориться, что надо провозгласить законы взаимопомощи, порядка и справедливости? Манипулирование толпой – тёмная и страшная наука. К сожалению, владеют нею только нехорошие люди, цель которых – жить за счёт этой толпы. И тот, который рылся в вашем мусоре, тупой лодырь – становится царьком вашего двора и начинает править так, чтобы вы си-и-ильно пожалели о том, что вы умнее, старательнее и трудолюбивей. Теперь вы будете применять свои способности для удовлетворения его извращённых амбиций и скотских желаний. И чем меньше логики и здравого смысла будет в его указах, тем тяжелее вы будете это переносить, и тем большее наслаждение от ваших страданий получит этот недочеловек. Да, нехорошее слово, но найдите лучшее.

Они убили девятерых, ещё четверо были ранены. Мы опоздали. Пока играли в прятки, пираты обстреливали из автоматического оружия танкер "Runner" (Бегун). Чудо, что не произошёл пожар или взрыв: на борту было семь тысяч тонн дизельного топлива.

Капитан погиб в самом начале атаки. Командование перешло к старпому, но вскоре и он был убит. Так длилось, пока на мостике не осталось ни одного офицера. Вахту принял кадет, когда "Европа" наконец прекратила эту страшную эстафету. Пираты были достаточно умны. Они вели огонь по жизненно важным узлам судна, пытаясь не уничтожить его, но захватить. В машинном отделении было множество пулевых пробоин и повреждений. Стармех, второй механик и два моториста лежали на главной палубе в ожидании пластиковых мешков и, как поётся в песне, колосников...

Прорывались в Новороссийск. Большинство членов экипажа были россияне, и решение вернуться к родным берегам даже не обсуждалось. Хотя я заметил пару характерных лиц. Филиппинцы – настоящие моряки, я работал со многими из них и давно уважал этих трудолюбивых, честных и добросовестных ребят. Так сложилось, что русские, украинские и филиппинские члены экипажей торгового флота стали основой плавсостава многих судоходных компаний мира. В Европе или в Америке заработать на достойную жизнь можно было и на берегу: прояви стремление и не будь ленивым. Остальное тебе обеспечат законодательство, профсоюзы и гражданство. В наших странах не было ни первого, ни второго. За третье нам было попросту стыдно. Причина? Читай выше.

- Чиф, вы меня помните?

Конечно, помню. Джерри по кличке Сом, мы с тобой крестили на Экваторе салаг, впервые его пересекающих. Ты был лучшим демоном со шлангом вместо хвоста. Как ты вымазал их отработкой! Снимки этих крестин долго гуляли в интернете.

- Джерри. Рад тебя видеть, - я обнял своего старшего моториста, - Ты подался на танкера?

- Здесь хорошо платят, чиф. Я уже донкерман.

- Боюсь, что следующий денежный перевод твоя Дэви получит нескоро. Помолись за неё и маленькую Сэлли. Даг мне рассказал, что ты так назвал свою дочь после нашего контракта.

- Я уже молился, сэр. Вы же знаете, я неглупый человек и всё давно понял. У нас на островах знают, что море может быть жестоким. Я с детства видел тайфуны и цунами. Но ТАКОЕ не видел ещё никто. Не знаю, стоит ли дальше жить?

- Амиго, ты же моряк. Надо держать курс.

- Куда, чиф?

- Будь рядом со мной. Может быть, мы вместе выясним это. Ты должен знать, мой капитан – Макс Соломонов. Помнишь мои рассказы?

- Сам кэптэн Макс?

- Поверь, он знает курс. И ты знаешь, что он его никогда не терял.

Как ещё вселить в душу человека веру в завтрашний день, спасти её от разочарования и уныния? Недолюбливаю священников, и сам не собираюсь надевать рясу. Но сегодня для этого парня я – единственный на свете близкий человек. И стану преступником, если разобью его веру в кэптэна Макса, байки о котором травил тягучими часами ночной вахты. С фантазиями и враками, принятыми в морском фольклоре и принимаемыми слушателями с теми эмоциями, с которыми ты их преподнесёшь. Романы писать с наших побереженек, как говорит пан Гарбуз. Незачем знать машинному трудяге, какой ценой даются полубогу Максу ответственность за наши жизни, многосуточные штормовые бдения на мостике, и какими глазами смотрит он в мои глаза, начиная вспоминать о моём крестнике – долгожданном плоде его любви.

- Всё будет хорошо, Джерри. Поверь в это. Но сейчас – к делу. Ты знаешь.

- Знаю, чиф. В машине такое творится!

- Собери ребят, я скоро подойду. Будем работать – и всё будет работать.

- Я помню, чиф.

Петя беседовал с плечистым дядькой бандитского вида. Голова его была перевязана, левая рука покоилась на подвеске.

- Фёдор Ильич, знакомьтесь: Владимир Гацков, матрос первого класса. Служил срочную сигнальщиком на крейсере. Стоял на руле во время боя. Чудом остался жив, на мостике крови по колено.

Сигнальщик стал мне подмигивать. Я взволновался: возможно, дядя сбрендил от пережитого, с чего бы ему делать мне глазки? Потом понял, что это нервный тик. Я знал одного парня, у которого на глазах лопнувшим швартовым концом перебило человека пополам. Тик у него остался на всю жизнь.

- Сколько всего людей осталось в живых?

- Десять, из них один очень тяжело ранен, остальные относительно здоровы, хотя досталось почти всем.

- Уже девять. Василий только что скончался, - к нам подошёл молодой человек высокого роста. - Разрешите представиться: кадет Иван Грозовой.

- Это он вёл судно, когда все погибли. Молодец, Ваня, будет из тебя капитан, - Гацков протянул юноше ладонь размером с кочегарскую лопату, - эх, Вася, что я скажу твоей Светлане?

На палубе появились Мари и Ева. Они три часа занимались ранеными в судовом лазарете. Хорошо, что при посадке на борт Мари прихватила огромный баул со всем необходимым. Вскоре спустился с мостика Ник Шепард:

- Матросы начали приборку, там всё в крови. Половина навигационных приборов уничтожена, но в принципе управлять судном можно. Если пойдёт дождь, дело может осложниться. Сейчас это помещение больше похоже на решето, могут дать короткое замыкание электрические цепи и возникнуть пожар. На такой плавучей бомбе это чревато. Не дай Бог встретить ещё одну банду – могут быть большой "бумс" и потери. Я бы взял с собой всё, что может пригодиться, и затопил его от греха подальше. Надо посоветоваться.

Снова замигали огни сигнальных фонарей. Пользоваться радио для ведения таких переговоров было опасно. Невдалеке могут оказаться уши наших недавних знакомцев, да и Гибралтар что-то слишком подозрительно тих. Вскоре было принято решение: принять на борт "Европы" как можно больше горючего, снять с обречённого танкера всё ценное. Отогнать судно в укромное место и затопить.

Глава 12.

Горы острова Сардиния.

2013, март, 16. Средиземное море.

Третий механик танкера, Василий Муравьёв, предложил интересную идею:

- Я читал, что в Персидском заливе собирались строить подводное нефтехранилище. Над шельфовой нефтяной скважиной, наподобие парашюта, под водой подвешивается гигантский колпак. Нефть легче воды. На скважине открывается кран, и нефть, всплывая, заполняет этот колпак. В его верхней точке устанавливается ещё один кран со шлангом, ведущем на плавающий на поверхности понтон. Подходит танкер, забирает часть нефти. На дне открывается кран и восполняет расход под колпаком. Никакого загрязнения среды.

Эта мысль мне, как механику, очень понравилась. При всех достоинствах "Европы", особой экономичностью её двигатели не отличалось, и вопрос бункеровочной базы меня волновал давно. Затопить богатство в семь тысяч тонн мог только бездушный вандал. Я начал обсуждать с коллегой технические аспекты реализации плана (а усомниться в том, что это уже именно план, а не версия, я не дал шансов даже Максусу). Вскоре решение было утверждено нашим капитаном. Ценой невероятных усилий нам удалось перегнать подбитое судно в нужное место и встать на якорь. Это была обширная отмель в районе марокканского порта

Надор. Раньше здесь болели головы наших судоводителей от обилия рыбацких посудин, которым, как известно, правила МППСС (Международные Правила Предупреждения Столкновения Судов) не писаны. Сейчас море было пустынным и мутным, что было нам на руку в целях сокрытия местоположения такого ценного приза. Вторую неделю весь объединённый экипаж днём и ночью грохотал кувалдами, визжал металлорежущим инструментом и демаскировался вспышками электросварки. Судьба послала нам живого и невредимого кока Виктора Ивановича Задорожного, и только его трудами мы не умерли от физического истощения. Идея мудрых арабов была не только воплощена в жизнь, она получила второе дыхание. Мы были закалены невысоким техническим уровнем советского судостроения, привыкли своими головами и руками совершенствовать то, на чём стояло совковое клеймо Знака качества. Наши механики и мотористы могли заткнуть за пояс любого западного Левшу. На этот раз мы превзошли себя. Когда, под траурный вой тифона "Европы", "Runner" на ровном киле медленно уходил под воду, у многих членов его экипажа выступили слёзы на глазах. Но и гордость за качественно выполненную работу была в этих глазах. Кто знает, сколько лет наши двигатели смогут получать здесь необходимую им пищу. А двигатель – это сердце корабля, сама наша жизнь. Я стоял на палубе "Европы" и, обнимая за плечи Еву, хвастался собственными техническими решениями, как последний пацан.

- Я не понимаю и половины того, о чём ты говоришь. Но по твоему тону догадываюсь, что опрометчиво вышла замуж за банального хвастунишку, - недавно Макс в торжественной форме и при стечении всего экипажа сделал официальную запись в судовом журнале о нашем бракосочетании. - Надеюсь, что это произойдёт нескоро, но умрёшь ты не от скромности.

- Миссис Солнцева, дайте человеку насладиться результатом собственных трудов. Возможно, ваши будущие дети будут благодарны ему за это. Мой юмор может показаться некорректным, но если уж так вышло, что не я буду их папой, позволю себе ещё одну бестактность и просить вас иметь честь стать их крёстным отцом.

- Принято, мистер Шепард. Для нас это тоже большая честь. Только не до детей сейчас, сами понимаете.

- Не понимаю. Погибла большая часть человечества. Надо восполнять потери. Я человек военный и приучен заботиться о том, чтобы в случае, часто бывающем на войне, мой боевой пост не остался без солдата, продолжающего сражение. Войны, к сожалению, были и будут всегда. Если бы все женщины думали так, как вы сейчас думаете, миссис Ева, человечество давно уступило бы эту планету тараканам. Настоятельно рекомендую обсудить мои слова в семейном кругу и принять соответствующие решения.

Я всё больше и больше уважаю этого человека. Похоже, и он испытывает ко мне дружеские чувства. О Еве молчу: к ней у него особое отношение, и если бы я не знал мистера Ника, то она каждый день могла бы любоваться сценами дикой ревности в моём исполнении. Она относилась к старпому очень тепло, всемерно выражала глубокое уважение. Мне казалось, что она как бы опекает мисс Николь и мистера

Шепарда. Даже Мари не могла соперничать в дружбе Евы и Джейн, невзирая на сердечные отношения, сложившиеся на "Парусе мечты". Однажды Ева сказала мне, что после пережитого ими в спасательном модуле сохранить рассудок могли только очень сильные люди. Я вздрогнул, вспоминая. Милая моя. Любимая. Не надо об этом.

- Не говори им, любимый. Я преклоняюсь. У нас все – хорошие, но так – смогли только они. Это – Люди. Спасибо, милый, что ты дал мне возможность познакомиться с ними.

- ?

- Я тебя полюбила, когда увидела фото в бюллетене. Такой сидит на комингсе, Гудериан отдыхает! У меня удочка путалась, помнишь? Я с папой рыбачила на Днепре с трёх лет, таких сомов таскали! Прикинулась дурочкой. Мне хотелось, чтобы ты прикоснулся. Тогда, на "Дельфине", было страшно, но я была счастлива! Я сделала всё, чтобы попасть в экспедицию, к тебе. Лишь бы побыть рядом. Ты не видел. У тебя была своя жизнь, я не собиралась вешаться на шею. Но мечтала, чтобы ты стал моим! Это я виновата в том, что случилось. Я ведьма, Федя. Я наколдовала эти ужасы. Но не могу отказаться от своего счастья. Люблю тебя, люблю!

Думал, что уже узнал от неё, что такое счастье. Теперь – узнал.

- Фэд, прошу запуск.

- Машина готова, даю добро.

"Европа", проседающая под весом снятых с "Бегуна" горючего и продовольствия, взяла курс на Сардинию. Шли малым ходом не столько ради экономии топлива, сколько выигрывая время для подготовки пополнения. Наш разросшийся экипаж обжился на новом месте. Судовая роль стала практически полной. На мостике осваивался ставший вторым помощником капитана Ваня Грозовой, с детства носивший кличку популярного русского царя. В машинном отделении под руководством Джейн изучал системы третий механик Вася Муравьёв. Завертелся токарный станок Гены Моисеева, Сантосилдес Джерри с мотористом Витей Коробко зазвенели ключами у механизмов, до которых всё не доходили наши с Джейн руки. Боцман Григорий Иванович Марусин с матросами Владимиром Гацковым и Джоэлом Джонсом разбирались с палубным хозяйством. Ева с облегчённым вздохом передала ключи от продовольственных кладовых профессионалу – Виктору Ивановичу Задорожному.

- Теперь мистер Шепард её точно отошьёт, - смеясь, говорил Максим. Он выглядел отдохнувшим и не таким напряжённым, каким мы уже привыкли его видеть. Только я ещё помнил, каким весёлым и жизнерадостным может быть мой друг. И только мы с Евой знали, как он переживает за Мари: приближался момент истины. Наша подруга извелась, мы часто видели её красные от слёз глаза. Все старались хоть взглядом подбодрить молодую мать. Почти у всех нас были семьи, дети. И большинство из них жили в зоне чёрной полосы на фоне далёких гор. От отчаяния её спасала работа: большинство новеньких были ранены, и ей пришлось бы нелегко, если бы не помощь Евы и нежная поддержка Макса.

Мистер Шепард взял на себя ещё одну обязанность: военно-морская подготовка. Каждый день, после обеденного перерыва, все собирались в столовой экипажа с тетрадками. Один час старпом читал теорию, час мы занимались разборкой, чисткой и регулировками нашего оружия. Ещё час велись учебные стрельбы. Теперь у каждого из нас был свой боевой пост и обязанности по тревогам, но неутомимый старпом решил каждого члена экипажа научить пользоваться всем, что у нас стреляло и взрывалось, а добра этого мы с Петей нагрузили в Бресте с хорошим запасом. Всем было выдано по автомату, пистолету и по паре гранат. За состоянием оружия мистер Ник следил зорко, и я, краснея, получил от него первый нагоняй за плохо вычищенную "Беретту":

- стыдно, мистер Солнцев, жить с лучшим из оружейников, которых я имел честь знать, и так относиться к своему оружию. Не сердитесь на старого солдата, но от этого может зависеть ваша жизнь.

На главной палубе мы своими силами соорудили два дополнительных боевых поста, оснащённые крупнокалиберными пулемётами. Джерри с Джоэлом оказались самыми лучшими в стрельбе из этих дико гогочущих монстров. Их пули лучше было бы называть снарядами. Выброшенную за борт порожнюю бочку они разорвали в клочья.

За четыре дня перехода экипаж если не в совершенстве, то довольно прилично освоился с кораблём и оружием. Старпом, конечно, и слышать не желал о боеготовности, но признал, что постоять за себя мы сможем.

И вот мы уже огибаем южную оконечность Сардинии, входим в бухту Кальяри. Всё та же картина: бухта забита мусором, берег покрыт тиной и обломками. Город разрушен до основания, никаких признаков присутствия людей. Мари держится из последних сил, её руки дрожат. Якорная цепь загремела на баке. Санаторий, где мы надеемся найти Люси, в сорока километрах от города. Он устроен в здании бывшего старинного монастыря высоко в горах. Мари помнит дорогу к нему. Женщину сначала не хотели включать в группу разведки, но нам не хватило совести удержать её на борту силой, а только такой вариант она рассматривала, как единственно возможный. Командиром группы назначен я, в неё входят: Иван Грозовой, Владимир Гацков, Джерри Сантосилдес и, естественно, Мари. Экипируемся, как в глубокую разведку. Оружие, боеприпасы, продовольствие, воду и прочее, что может понадобиться в пути, придётся нести на себе. Хорошо было бы найти автомобиль, но надежда на это слабая. Со всех сторон к морю стекаются реки и ручьи мутной воды. Они здорово усложнят наш путь.

Выступаем на рассвете. Вот и берег. Кроме меня, из нашей группы никто не ступал на него три месяца. Люди взволнованы и потрясены. Помахав на прощание доставившему нас боту, мы начинаем свой путь. Пробираясь среди развалин трудно и опасно, часто приходится обходить горы руин. Мари, следующая за мной, вскрикивает. Резко оборачиваюсь. Из-под камней видна человеческая полуразложившаяся рука. Я переступил через неё, не заметив.

- Мари. Мы не можем ничего изменить. К сожалению, таких находок будет много на нашем пути. Постарайся если не привыкнуть к этому, то хотя-бы не брать близко к сердцу. Иначе все мы сойдём с ума, и твоей дочери никто не сможет помочь. Прости. Надо идти.

Только к полудню выбираемся на окраину города. Если и дальше так пойдёт, путь наш будет нелёгким. Но я даже не представлял, насколько это окажется трудным делом. Чавкая сапогами в иле, перепрыгивая зловонные ручьи или форсируя реки солёной мутной воды, мы теряли скорость и силы. До заката ещё оставалось пару часов, когда я объявил привал. Не было никаких сил. Даже ребята помоложе без слов свалились на землю. Здесь она была сухой и каменистой – мы поднялись выше чёрной полосы, поражённой цунами.

- При всех недостатках нашей экспедиции, я начинаю верить в успех. Посмотрите, сухая земля.

- На том склоне было селение.

Я рассматриваю его в бинокль. Привычные уже развалины. Но ведь волна сюда не докатилась?

- Землетрясение. Меня направили в Спитак в восемьдесят седьмом. Но даже там не было такого, - Володя Гацков был растерян. - Похоже, в море было проще.

Ужас катастрофы в океане. Они потеряли четверых, и только прочности судна, заложенной в его проекте, были обязаны своими жизнями. Среди руин я рассмотрел дымок. Значит, кто-то остался жив. Но знакомиться с ними у нас не было ни сил, ни желания. Поужинав консервами, мы уснули там, где сидели. Одна из профессиональных болезней моряков – гиподинамия. Мы живём на ограниченной площади. Только волевым усилием некоторые из нас "наворачивают круги" по палубе после работы. Человек должен пройти пешком пять километров в день, чтобы оставаться здоровым. Все это знают, но не все соблюдают. Вот мы и выдохлись.

Шагаем по бывшему горному шоссе. Много трещин и провалов, но намного легче, чем по затопленной низине. Миновали разрушенное пустое селение. Катастрофа показала свой масштаб. Нам повезло, что мы пережили это вдали от берегов. Строения были словно размяты гигантскими жерновами. Уцелеть в этом месиве не было шансов ни у кого, будь ты в здании или снаружи. Словно великан старательно растаптывал всё вокруг, даже деревья были вырваны с корнями или поломаны. Что же это было? Какая беда навалилась на Землю с такой яростью? Я не находил ответа, лишь чёрная злоба на военных, призванных защищать людей, а вместо этого удвоивших мучения выживших, зарождалась в душе. Мари уже не скрывала слёз.

- Ты видела дым на противоположном склоне? Значит, погибли не все. Есть надежда, есть, дорогая! Мы будем идти до конца.

Она прильнула к моей груди:

- Я так боюсь, Фэд. Ты не можешь себе представить!

- Могу, Мари. У меня была жена и двое детей. Они жили на побережье. Я молюсь только о том, чтобы их мучения были недолгими. Но жизнь продолжается. Нам выпало жить. И мы должны жить, невзирая ни на что. Сейчас у меня есть Ева. У тебя есть Макс. Нам уже немного легче, есть с кем поделиться, есть, кому доверить себя. Это уже немало на сегодняшний день. А сейчас – в путь.

Мы поднимались всё выше по бывшему серпантину шоссе. Миновали ещё одно селение. Там мы встретили первого человека, пережившего страшный день на суше. Старик сидел на пригорке, возле него паслись две овцы. Он не отреагировал на наше появление. Попытки заговорить с ним на нескольких известных нам языках не увенчались успехом. Он помахивал прутиком и о чём-то беседовал со своими животными. Взгляд его был пустым и далёким. Безумие. Это страшнее смерти. Оставив ему консервов, мы продолжили путь.

Ночевали в каком-то гроте на склоне горы, которую пытались покорить. Если Мари не ошибается, до цели осталось километров десять. Потрескивает костёр из собранных по дороге веток. Здесь уже почти не встречаются деревья. Идти значительно легче, но недостаток кислорода не позволяет развить большую скорость, начинается одышка. И вот за очередным поворотом виднеются белые строения. Мари переходит на бег. Еле удерживаю её за руку:

- Ты хочешь, чтобы в самый важный момент разорвалось сердце?

- Оно разорвалось три месяца назад.

- Здания почти не повреждены. Мари, я боюсь ошибиться, но, кажется, Бог всё-таки есть на свете. Я вижу дым костра.

Это невозможно описать никакими словами. Закалённые годами морской службы, видевшие страдания и смерть мужчины - плакали. Сначала одна девочка сказала:

- Мама.

Затем вторая робко подошла и утонула в объятиях Мари. Молодая женщина обратилась ко мне:

- Вы – месье Жан?

- К сожалению, нет. Он погиб. Меня зовут Фэд. Как вам это удалось?

- Люси и Сара не поехали на экскурсию. Я осталась с ними, мы поднялись на тот пригорок и собирали цветы. Вдруг всё заревело, как тысяча демонов, земля уходила из-под ног. Мы упали и покатались по склону. Я очнулась первой. Девочки были в ссадинах, но в общем целы. Здание монастыря построено четыреста лет назад, оно выдержало удар. У нас был запас продуктов и воды, крыша над головой. Мы знали, что за нами придут. Вот и дождались. Меня зовут Алина. Что в городе? Мои родители остались там.

- Алина, города больше нет. Боюсь, ваших родителей – тоже. Собирайтесь, нам надо идти.

С детьми дорога оказалась длиннее. Мы уже третий день брели по серпантину, спускаясь к бывшему городу. Сверху уже видна бухта и силуэт "Европы" в ней. Мы держали постоянную радиосвязь с кораблём, я слышал ликующий голос Макса:

- Фэд, я знал, что ты мужик, но ты совершил чудо! Мари, милая, как я рад за тебя!

Насчёт чуда он погорячился. Ну, сходили, ну, послала судьба хоть Мари немножечко счастья. Это счастье шагало за ручку с нашей подругой и лепетало что-то по-французски. Я узнал, что означают слова: женщина расцвела. Как-то странно сложились наши отношения, и я никогда особо не наблюдал за Мари. Симпатичная, стройная умная женщина. Я уважал

её и понимал, что Максуд досталась достойная подруга. Но сейчас мои и других ребят глаза, впервые за длительное время, отдыхали на её лице. Плечи её, казалось, расправились, как крылья.

Другое счастье вцепилось ладошкой в мои пальцы. Мы как-то сразу подружались. Взглянула – и я понял – эти глаза я никогда не смогу обмануть. Тринадцатилетняя Сара из Норвегии. По-английски там умеют говорить почти все, и мы болтали с ней на разные темы. Детям удалось легче пережить катастрофу, они ещё не могли оценить её масштабы, а само это событие пережили в забвении. Никто не приехал за ней за всё время, и ребёнок потянулся к первому улыбнувшемуся.

- Дядя Фэд, а ты умеешь рыбачить? Мой папа ловил во-о-от такую треску. Ты бы знал, как её умеет готовить моя мама.

И я хвастался, что ловил. Действительно, ловил, и даже крупнее, чем её папа. Которого, похоже, ты не увидишь больше никогда. Нельзя говорить ребёнку такие вещи.

- Тётя Ева тоже вкусно готовит. Ты пробовала борщ? Ну, красный украинский суп?

- Тётя Алина варила нам суп из помидоров, но мне не понравился.

- Нет, это совсем другое блюдо. Пальчики оближешь.

- Командир, что-то не так, - голос Володи Гацкова был напряжённым. Со скалы правее скатывался камешек.

- Ложись!

Автоматная очередь высекала каменные брызги у моей головы. Прикрывая телом девочку, я переполз в ложбинку. Она плакала. Недалеко страшно кричала Алина. Я увидел, что товарищи расползаются в поисках укрытия.

- Мари, сюда!

Прижимая к себе дочь, женщина бросилась ко мне, упала рядом. Ударил ещё очередь, высекая искры из камней.

- Их немного, я попытаюсь обойти, - Ваня был рядом. – Джерри, за мной. Я и не заметил, как они оказались возле нас. Даю короткую очередь в направлении вспышек.

- Всем стрелять, отвлекать противника!

Ваня с Джерри накрыли их, обойдя с тыла по скале. Четверо мужчин интересовались, что мы несём в увесистых рюкзаках. Детям незачем видеть такое. Мы обследовали местность. За скалой урчал мотором джип. Очень кстати.

- Где служил?

- Чечня.

- Хорошая школа.

- Лучше бы заочно.

Глава 13.

У самого Чёрного моря.

2013, март, 28. Чёрное море.

Алина была ранена в бедро. Её остановили кровь, перевязали. Если бы не Мари, мы бы потеряли девушку. За два часа доехали до бывшего города, но машина не могла преодолеть слой грязи, покрывшей его руины. Дети заняли места на наших с Володей закорках, Ваня с Джерри несут Алину. Она без сознания. Может, и лучше – не увидит этого кошмара, бывшего её родным городом. Целая история – добраться до берега. Трудная история. Когда прибыли на борт, я хотел одного: спать. Не дали. Ева растормошила меня:

- Федя, у Алины открылось кровотечение. Я видела у тебя на плече татуировку группы крови. У неё такая же. Надо спасать.

Я уснул, спасая. Очнулся от нежного поцелуя. Ева тёрлась носиком о мою небритую щеку.

- ?

- !

- Ну и хорошо. Славная девушка. Три месяца опекала детей, не убежала, не бросила.

- Дядя Фэд, а почему ты такой бледный?

- Слишком долго спал. Как ты?

- Тётя Ева готовила красный суп, а я помогала. Будешь?

- Конечно, милая. Солнышко, помоги встать.

Что-то я совсем ослаб. Появляется Виктор Иванович с тарелкой борща:

- Фёдор Ильич, нам надо расписать обязанности. Кто тут главный на камбузе? Все приходят и варят, что хотят!

- А кто ещё?

- Мари пришла с дочкой и варганили что-то своё, домашнее. У нас тут дисциплина, или детский сад?

- Детский сад, Иваныч. Для них живём. Не сердись. Дети настрадались, и разве ты не видел Мари?

- Счастливая. Я и не знал, как может похорошеть женщина, ведь она совсем молодая оказалась! Капитан за обедом улыбался, как мальчишка. Может, наладится, Ильич? – пожилой мужчина утёр слезу.

- Наладится, дорогой.

- Где этот симулянт? Фэд, прошу запуск!

- Спроси у Джейн, капитан. Я что-то не в норме.

- Всё хорошо, мы уже в пути.

Тоже мне новость, а то я не слышу главных двигателей.

- Ты перестал меня уважать?

- И пошутить нельзя. Рассказывай.

- Выспался, готов к труду и обороне.

- Девушку отстояли. Она уже в сознании, Мари с Люсей опекают её. Жди гостей. Вот так, дружище, мы с тобой снова стали папами.

И мы долго смотрим в глаза друг другу. Мои и его дети, наши любимые женщины всплывают из чёрной мути, погубившей их.

- Надо жить, друг.

- Будем жить.

- Какой курс?

- На восток. Я не хотел, но люди желают убедиться. Трудно будет, Федя.

- В проливах будут неприятности.

- Ник сказал: как вмажу!

- А ведь вмажет.

- Мистер Солнцев, я рад приветствовать на борту лучшего из морских инженеров! После мисс Джейн, разумеется.

- Мистер Шепард, я тоже рад видеть вас в добром здравии, - его правая рука уже была свободна от подвески. Он попытался салютовать. Старый добрый служака! Кажется, у меня появился ещё один друг.

- Миссис Ева, оружие правого борта сегодня на техобслуживании. Если вы будете так любезны...

- Есть, мистер Шепард, будет выполнено, - и моя любимая, отсалютовав ему на английский манер, удалились.

- Мне кажется, вы хотели что-то сказать, Ник.

- Да, мистер Фэд. Я подружился с маленькой мисс Сарой Гринфилд. Но сейчас для неё вы - главный герой. Как вы спасали её, прикрывая собой! Ребёнок запомнит это на всю жизнь. Я хотел бы взять опекунство над ней, но, во-первых, она девочка, а во-вторых, я - пожилой человек. Боюсь, у меня мало времени, чтобы воспитать её. Поэтому я хотел попросить вас...

- Мистер Шепард, мы ведь уже друзья, как вы могли подумать?

Он всё же сумел отсалютовать мне искалеченной рукой и удалился. А у меня появилась дочь. За которую, в случае чего, этот строгий мужчина спросит с меня сполна.

- Ходят и ходят, - Петруха был, как всегда, в настроении.

- Я что, совсем плох?

- Не, ну вы же мой начальник, и получать потом по шее за то, шо не зашёл...

И так далее. Одесса.

- Как ты, дорогой?

- Нормально, Ильич. Мы все на борту волновались за вас. Честно. Джоэл даже молитвы шептал. В моём хозяйстве нет проблем, а в машине Джейн установила такие порядки, что все воют.

- Пусть воют, машина должна работать. Мы не на прогулочной яхте, а в боевой обстановке. Это может стоить жизни всем нам. Дай-ка опереться. Хотел спуститься вниз, но не дошёл и до двери. Совсем старый?

- Ильич, не стоит. Там и без вас порядок. Мари говорила, что высосала из вас всю кровь. Набирайтесь сил. Мы ещё повоюем.

- Не хочу больше воевать. Хочу в горы, к тому безумцу, к овцам и детям. Я старый больной механик.

- Так, товарищ лейтенант. Кто тут кого воспитывает? Вы думаете, я - бездушная тля? У вас на руках такая женщина, такой ребёнок. Ещё о своих надо потрудиться. Не хочу слышать. Не видел и не знал. Отдыхайте.

Поправил подушку и ушёл. Три дня безделья. Мари не разрешает вставать, Ева закармливает вкусностями. Девочки радостно звенят голосами, и эти звуки возвращают меня к жизни. Навестил Алину, она

целовала меня в губы. Плакала. Ева не ревновала, такие вещи не входят в список измен. Я знал, что эта девушка будет помнить добро всегда. Вот и стал героем. Хотя, надо благодарить Ваню и Джерри. Этот страшный переход...

Тем временем "Европа" подходила к Дарданеллам. Нет признаков жизни. Так же, как и на островах Мраморного моря. Втягиваемся в Босфор. Мосты разрушены. Стамбул, гигантский город, размазан по холмам. Какая-то лодка пыталась то ли атаковать, то ли пообщаться, но Джоэл дал предупредительную очередь, и посудина отстала. Мы с Максом когда-то работали в Черноморском морском пароходстве:

- Моряки! Поздравляю вас с возвращением в родное Чёрное море! – гремит в динамиках. Кто-то радуется, многие плачут. Кавказ превратился в страну бушующих вулканов. Мыс Хако. Чёрная пустыня. Ребята спускают бот и вскоре возвращаются притихшие, с пустыми глазами:

- Как дальше жить, капитан?

Мой друг стоит на палубе без фуражки, и мне остаётся только сочувствовать ему. Сейчас он несёт ответственность и вину за то, в чём не виноват. Но он взялся командовать нами. И ему – претензии.

- Ребята, надо жить. Вопреки всему, мы должны идти своим курсом. Снимаемся на Одессу.

Ялту и Севастополь можно стирать из географических карт. Крымские горы – непроходимая каменная пустыня. Зелёные ранее склоны Фонтана. Здесь прошла моя юность, здесь я любил и был любимым. Прости, Ева, но это будет в моей душе всегда. Максим опустошён. Я впервые вижу, как он плачет. И помню, как он любил свою Лару, помню голос моего крестника. Их сыну было девять лет. Поздний и желанный мальчик. За что? Плачем, обнявшись. Петя скрылся в своей рубке, слышны рыдания. Ева и Мари утирают глаза, девочки кидаются к нам в объятия:

- Дядя Макс, дядя Фэд, ведь вы – сильные! Не надо плакать, мы такую игру придумали. Вот тётя Ева говорит: Киев, а я на Вэ: Вюрстбург, а она на Гэ: Гамбург.

Хорошо, что вы есть у нас, птенчики. За вашим чириканьем не слышно всхлипов взрослых сильных мужчин. У Евы в Киеве оставалась мать. Боюсь, у неё не было шансов. Днепр и Буг превратились в ревущие чудовища, Херсон и Николаев покоятся на их дне. Какая же силища натворила этих бед? Какого монстра разбудили люди, чем они думали, принимаясь за дело?

Здесь больше нечего делать. Следуем обратно в Средиземное море. Уже прошли Босфор, подходим к острову Мармара. Я только что инспектировал машинное отделение. Действительно, службу Джейн знает туго. Всё сверкает, люди заняты делом, в бортовом компьютере заведен журнал технического обслуживания и профилактических работ. Не будет причин краснеть перед начальством. Благодарно жму руку коллеге, она салютует:

- Сэр, за время вашего отсутствия происшествий не случилось! Докладывает второй инженер лейтенант Николь.

- Зачем же так официально? Спасибо, мисс Николь. Я и не сомневался, что вы справитесь. Как ребята, освоились?

- У нас команда профессионалов. На мой взгляд, Джерри способен подменить механика, а мистер Коробко самостоятельно выполняет любой ремонт. Василий сам планирует и руководит работами по заведованию. Геннадий – мастер на все руки. Мы можем себе позволить нормальный рабочий график, даже с учётом ежедневных занятий с мистером Шепардом. Этот корабль – чудо, я счастлива, что вы позволили мне управлять таким оборудованием, – она восторженно обвела глазами наше обширное хозяйство.

- Джейн, для меня большая честь работать с таким инженером и человеком, как вы. Я знал многих коллег, но редко встречал профессионалов вашего уровня. Был грех, я считал, что наше ремесло – удел мужчин. Вы резко изменили мои взгляды не только на это, но и всё моё отношение к женскому полу. В лучшую сторону.

Поднялся на мостик выпить кофе и поговорить с Максом о дальнейших планах. Сначала мы хотели посетить Балтийское море. Тянуло в родные края, поклониться памяти близких людей. Но после развалин Одессы мы поняли, что только разбередим начавшие затягиваться душевные раны. Следовало искать землю, приспособленную к оседлому образу жизни. Мы не собирались оставаться морскими бродягами. Постоянные шторма, опасные встречи и жизнь по боевому расписанию не добавляли здоровья даже профессионалам, не говоря о детях и женщинах. Вчера в Чёрном море мы встретили притопленный сухогруз. Людей не борту не оказалось. В трюмах был овёс, и мы таскали мешки, пока не заболели спины. Кто знает, где придётся добывать хлеб насущный? Разжились топливом и смазочными маслами, в кладовых нашли немного консервов, муки, соли, сахара. Остальное успело испортиться. Постепенно наш обед всё больше готовился из консервов, и Мари не раз предупреждала, что это может закончиться печально для наших желудков. Следовало серьёзно позаботиться о свежих овощах, фруктах и мясе. Я вспомнил о безумце, встреченном на Сардинии. С ним была пара овечек. Наши дети давно не пробовали свежего молока. Так не годится.

- Радиолокационное излучение! Источник – в шести милях, за островом. Пеленг – двести десять! Двигается на пересечение нашего курса, – Петя тоже знает службу.

- Боевая тревога!

Бегу на свой боевой пост. В машинном отделении – Василий и Гена Моисеев. Они будут обеспечивать со мной безотказную работу установки. Остальные быстро занимают места согласно расписанию. Мистер Шепард может гордиться: за короткое время он сколотил боевую команду, способную крепко постоять за себя. Мари, Ева и девочки спускаются в лазарет. Это самое защищённое место на корабле. Алина ещё лежащая, нога плохо заживает. Джейн готовит к бою носовое орудие. Вдобавок к другим достоинствам, она самый меткий стрелок в экипаже. Какая женщина достанется, похоже, Петрухе в жёны!

В моей профессии тоже есть недостатки. Один из них – ты не видишь происходящих событий. В машинном отделении нет иллюминаторов.

Макс это помнит и старается держать меня в курсе с помощью громкоговорящей связи:

- Боевой корабль, лёгкий фрегат под турецким флагом на прямой видимости. По УКВ требует лечь в дрейф, угрожает оружием. Похоже, просто так не разойдёмся. Я тоже пригрозил, продолжает сближение. К бою! На постах: открывать огонь по вашему усмотрению. Поражать мостик и огневые точки противника.

Сквозь машинный гул слышим лай наших пушек и гоготание пулемётов. Затем знакомые шлепки бомбомёта в исполнении нашего однорукого снайпера. Пулемётная очередь прошивает борт машинного отделения выше ватерлинии. Василий с Геной бросаются переключать пробитую трубу на резервную систему. Электроника жалобно воет от мощных ударов за бортом.

- Цель теряет ход. Они даже не успели пристреляться. Мистер Ник в своём репертуаре! С первого залпа – два прямых попадания. Пытаются скрыться за островом! Нет, братишка!

Турбины взвыли на самом полном ходу. На палубе – непрерывная стрельба. Опять шлепки РБК и грозные удары за бортом.

- Конец пирату! Тонет! Что, крысы, учитеесь плавать? Не бойсь, больше не трону. Прекратить огонь! Пусть выбирают на берег, один плотик у них есть. Отбой тревоги, молодцы! - в голосе капитана я впервые за много месяцев слышу радость и гордость за экипаж.

Бегу к месту повреждения. Ребята уже переключили систему, готовят к работе сварочный аппарат.

- Порядок, Ильич. Мы тут сами управимся. Как там? Почему не стреляют?

- А не по кому, мистер Ник уже отправил их на дно!

- Вот это да!

На палубе ликование. Прodelав круг возле корабля, чья труба ещё видна на поверхности, "Европа" гордо удаляется к Дарданеллам. Турецкие моряки выгребают к берегу, связываться с ними нет никакого желания. Сами напоролись, в другой раз будет не на чём выскакать из-за угла и грабить безоружных людей. Пусть попробуют выжить собственным трудом. Старпома качают. Он не привык к такому яркому выражению чувств и пытается сохранить невозмутимый вид, взлетая и опускаясь на руки товарищей. Вскоре все собираются в кают-компании. Наш экипаж не настолько большой, и с самого начала было решено питаться всем здесь. Места достаточно, да и демократично. Ева с Мари немного задержались. Штопали правый бок Джерри, задетый по касательной, когда он поливал фрегат из пулемёта. Его подменял Джоэл. Двум землякам легче объясняться в боевой обстановке, а места первого и второго номера они всегда разыгрывали на пальцах.

Разливаем "наркомовские". К счастью, в экипаже нет злоупотребляющих, да и спиртное капитан держит под особым контролем. Первый тост – за героя! Мистер Ник смущается:

- Леди и джентльмены, я только сделал свою работу, которой долго учился и занимался всю жизнь.

- Мистер Шепард, любую работу может делать мастер и обычный исполнитель. Вы – мастер. Так же, как и мисс Николь. Её огонь тоже был

эффективным. Я видел, как снаряды рвались на рубке управления противника. Поэтому второй тост – за вас, мисс Джейн!

Петя повернулся к сидящей рядом подруге и нежно поцеловал. Все восхищённо зааплодировали. Он переглянулся с ней и поднялся со стула:

- Друзья, по случаю такого праздника, мы с Джейн хотим сделать заявление.

Народ притих.

- Мисс Джейн Николь дала согласие стать моей женой. Капитан, мы просим вас узаконить наши отношения!

Раздались восхищённые крики. В общем, пьянка переросла в свадьбу. Каждый дарил молодым что-нибудь, оставшееся от прошлой, семейной жизни. А Ева с девчонками торжественно нарядили невесту в фату, которую под большим секретом шили вечерами в нашей каюте. Девочки были сами, как невесты, в белых платьицах, сшитых недавно женским коллективом из запасных простынь.

К вечеру втянулись в пролив и встали на якорь. Опыт уже научил нас, что соваться в узкости после катастрофы надо осторожно. Фарватер сильно изменился, в проливе плавали горы мусора и обломков. Торопиться незачем. Чего доброго, еще какой-нибудь герой выскочит узнать, что у нас в трюме. Холмы вокруг были чёрными и пустыми, на прибрежных помойках галдели чайки – большие любители мусорных свалок. Их много появилось в последнее время. Природа зализывала страшные раны. Кое-где пробивались кустики зелени. Далеко в холмах поблёскивал костёр. Значит, кому-то удалось выжить.

- А не навестить ли нам этих людей?

- Давно под пулями не ползал? Фэд, я скоро стану мизантропом. Единственный береговой человек, который встретил нас без агрессии, оказался безумцем. Мир не только прыгнул с привычной орбиты, он, похоже, весь сошёл с ума.

- Не горячись, просто мы не пытались найти нормальных людей. Всё бродим в поисках вчерашнего дня. А надо заботиться о завтрашнем. У нас дети, им нужны более подходящие условия, чем на боевом корабле. Все их балуют и стараются развлечь, но скоро они затоскуют. Молочка бы им раздобыть, сыру. Тут многие держали баранов. Возможно, что-то уцелело. Возьмём часть наших припасов, а они поделятся своими. Натуральный обмен!

- Доплавались.

- Это точно.

Решили выступить завтра. На карте отметили приблизительное местоположение костра. Экспедиция была в том же составе, что и на Сардинии, только без Мари. Хотя она и настаивала, и хорошо себя показала себя в прошлый раз. Её автомат не молчал во время схватки. У нас было много консервов, сытные и вкусные пайки сухого питания французской армии. Мари поделилась медикаментами и перевязочным материалом. Там могут оказаться больные и раненые люди, медицина осталась только народная. Я прихватил кое-что из инструментов.

Глава 14.

Турецкие подданные.

2013, апрель, 09. Пролив Дарданеллы.

Городок был смыт и растерзан. Наученные опытом преодоления развалин, мы даже не пытались его форсировать, высадились на пустынном берегу. Чавкаем к холмам. Здесь всё тоже смыто, идти трудно из-за мокрого глинистого грунта. К обеду осматриваемся на одной из покорённых вершин. Не так уж и далеко мы продвинулись. Зоркий штурманец Володя первым заметил дымок километрах в пяти, на ещё более высокой вершине.

- Боюсь ошибиться, но там, похоже, зелень.

- Значит, не докатилось. Есть надежда!

Продолжаем путь в нужном направлении, соблюдать которое очень трудно из-за скал и речушек солёной воды, ставших для нас проклятием. Как говорится, терпенье и труд... Уже темнело, когда мы ступили на сухую землю. Да, она покрыта жухлой, но настоящей травой! Хотелось упасть на неё и лежать, настолько мы истосковались по живой земле! Но надо успеть до темноты, иначе нас могут подстрелить с перепугу. Так и есть. В ложбине нас окликают. Оставляю оружие, поднимаю руки и двигаюсь к одинокой фигуре, направляющей на меня двустволку. За спиной – рюкзак с предметами торговли. Разговор не клеится. Крепкий пожилой мужчина, похоже, знает только турецкий. Моему поколению изучать языки по-настоящему пришлось в зрелом возрасте, и язык жестов навеки въелся в рефлекс. Наконец человек понял, что мы не бандиты с большой дороги, приглашает жестами моих товарищей. Из-за камней появляются два молодых парня, о существовании которых я подозревал. Молодцы, горцы, умеют скрываться. У них тоже ружья. О времена, о нравы... В пастушьей хижине мы увидели остальное семейство. Мать с девочкой-подростком. Больше в округе нет живых. Девочка учила в школе английский. Общение стало более содержательным. Нас угощают свежим молоком и сыром. С хлебом у них туго, и наши упакованные в целлофан булочки из пайка подводников здорово улучшают отношения. Малышка уплетает французский шоколад. Парням тоже охота, но они "держат лицо". Мужчины.

Вываливаем наши богатства. Мать тихонько восклицает при появлении каждого нового предмета. Медикаменты она тут же прижимает к груди и куда-то уносит. Мешочек овса тоже бережно уносит, они остались совсем без хлеба. Да, досталось людям. Когда я извлекаю пару пистолетов и пять пачек патронов, парни теряют контроль. Убедившись, что оружие не заряжено, произвожу разборку-сборку. Молодые быстро учатся и уже не выпускают игрушки из рук. Отец что-то осуждающе бормочет, приводя их в чувство. Вот и нормальные люди, а ты волновался, Максим! Когда я достаю молоток, топорик и ещё некоторые инструменты, хозяин начинает трясти мою руку. Ближайший хозяйственный магазин не берётся разыскать даже он, проживший жизнь в этих краях. Вся семья Саида – наши друзья. Люди готовы отдать нам последнее, что у них есть. Их бараны и куры пережили беду относительно безболезненно, и пару дойных овечек с барашком они нам дадут, как говорится, на завод.

Курочек с петушком тоже. Из сарайчика извлекаются понемногу гороха, семян перца, помидоров и огурцов, горсть пшеницы. Да мы целую ферму можем теперь завести, осталось лишь землю подыскать. Этот райский уголок слишком мал, чтобы прокормить двадцать человек.

На рассвете выступаем обратно. Предлагаем главе семейства присоединиться к нам. Выжить они сумели, но в одиночестве бессильны против бандитов, которые уже пробовали вкус картечи их берданок. Девочка пытается переводить:

- Мы не привыкнем к морю. У нас можно жить. Может кто-то присоединится к нам. Будем строить новую жизнь. Аллах наказал людей за грехи, нам следует запомнить этот урок и рассказывать внукам. Жениха дочке найдём, парням – невест. Жизнь должна продолжаться на Земле.

- Саид, мы найдём живую землю и приедем за вами. Вместе легче выживать.

- Успеха вам. Мы постараемся дождаться.

Сердечно прощаемся. Парни проводят нас к полосе поражения цунами, подгоняя баранов. И что мы будем делать с ними на корабле? Поселим на палубе? Боцман прикончит их или меня. У Володи на спине воркует корзина с птицами. Эти вообще разлетятся. Да, пора решать земельный вопрос.

Затем была история с баранами. Они не желали топтаться в грязи! Палками, а иногда и злобными пинками мы еле доставили этих упёртых скотов к берегу. Врагу не пожелаю такой пастушьей жизни. Сил моих не было, а Джерри хватался за нож и открыто угрожал им убийством. Но и это прошло, и мы за рога втягиваем движимое имущество на бот. Боцман приехал нас встречать, и выражение его лица стало официальным:

- Это ещё что? Где они будут жить?

Я так и знал.

- Григорий Иванович, детям надо молоко.

- Этот козёл тоже доится? Поселите их в машинном отделении.

- Там шумно и жарко, перестанут давать молоко. Где-нибудь на полубаке.

- Фёдор Ильич, вы знаете, как я вас уважаю. Не делайте так, чтобы мы стали врагами.

- Ну, на корме сделаем загон.

- Вы через неделю не сможете дышать в надстройке.

- Мыть будем чаще.

- Не позволю превратить корабль в скотовоз. Вы встречали такие суда? Там за вредность доплачивают. И несёт от них на десять миль.

- Давайте посоветуемся с людьми, ведь можно как-то решить вопрос мирным путём. Это ненадолго, мы начинаем поиск береговой базы.

Я понимал, что схватка за чистую палубу только началась, и не хотел заранее накалять страсти. Может, лучше шашлычком побаловаться? Боцман прав на все сто, но дети должны пить молоко. Мари помалкивает, но сама старается подкормить их чем-то вкусным. Люси действительно слабая девочка. Вот и родная палуба. В гостях хорошо, но у моряка свой дом – море. Здесь всё зависит только от нас, и мы

привыкли к тому, что сами прокладываем свой курс. И вот первые бараньи катыши уже запрыгали по надраенной палубе. Нет, ну какая же ты скотина! Боцмана чуть удар не хватил. Матерясь, он побежал докладывать капитану. Тот любовался зрелищем с крыла мостика:

- Фэд, я только думаю, кого из вас он зарежет первым?

- Меня тоже посещали эти мысли.

Решили строить за кормой балкон, сразу названный матросами козлятником. Никто из них принципиально не убирал за баранами и не принимал участия в строительстве. Я был приятно удивлён, когда Джоэл попросился на должность оператора машинной дойки:

- Чиф, мой отец держал этих животных, и я с детства помогал ему. Их давно не доили, они мучаются.

Вымыл руки, выпросил у кока белый халат и чистое ведёрко. И пошёл процесс! Боцман обозвал его козлодом и ушёл от греха, бурча под нос. Эта оскорбительная кличка, к сожалению, надолго прилепилась за хорошим парнем. Но девочки пили парное молоко, которого оказалось больше, чем я предполагал. На следующее утро экипаж получил по тарелке молочной каши. Повар был готов меня целовать:

- Ильич, вы - настоящий хозяин. Ещё неизвестно, кто из них больший баран. Дети будут болеть без молочного, Люся вся прозрачная, уж не знаю, что ей повкуснее приготовить.

К строительству козлятника я привлёк всю машинную команду. Честно говоря, им это тоже не особо понравилось, но открыто бунтовать против меня у ребят не хватило совести. А когда началось обсуждение проекта, посыпались ценные идеи. Загон был сооружён за один день. Получился он просторным, комфортабельным и оснащённым по последнему слову техники. Включая автономный ватерклозет с автоматической смывкой каждый час. И переносной вентилятор, отгоняющий запахи подальше. На втором этаже устроили клетку для курей, и теперь Петин тёзка будет будить нас по утрам. Вымыв перепачканных в грязи животных пресной водой с мылом, Джоэл поздравил их с новосельем и задал корм. Сена, конечно, щедрый Саид нам не дал, но у нас была гора мешков с овсом, пришедшимся троице по вкусу. Повар принёс остатки со стола. Баранья жизнь стала сытой и беспечной. Первые дни Григорий Иванович принимался, но Джоэл соблюдал стерильную чистоту, и вскоре боцман оттаял. Правда, старалсяшний раз не появляться на корме, чтобы не расстраиваться. Нормальный мужик, он понимал, что надо – значит надо. Если бы он не устроил скандал, я бы сам перестал уважать его, как хозяина палубы.

Глава 15.

Мы уйдём на север.

2013, апрель, 28. Атлантический океан.

"Европа" двигалась в Эгейском море. Стояла прекрасная погода, и мы наслаждались голубизной воды. Не хотелось думать, что за горизонтом – разрушенная, зараженная земля и о тех, кто выжил на ней. Иногда Макс подворачивал ближе к островам. Не только полюбоваться, но и

осмотреть на предмет пригодности к жизни. Результаты не радовали. Ниже четырёхсот метров земля была необитаемой, а выше очень редко попадались достаточно уютные и плодородные места. Загораем.

- Однако, жарко. Ведь мы в районе Экватора.

- Так в чём дело, почему тут сухопутные шатаются по палубе?

- Экипажу предъявить дипломы Нептуна! Штатным демонам и русалкам готовить купель! Сухопутным крысам явиться к боцману под арест!

И пошла весёлая кутерьма. В море нечасто празднуют красные дни календаря, но такое событие, как пересечение Экватора впервые в жизни, каждый моряк должен запомнить навсегда. Молодых у нас набралось семь человек, включая малышек и Еву с Мари. Алину вынесли на руках, в процедуре она участвовала, сидя. Попали под раздачу также штурман Ваня по кличке Грозный и, как ни странно, кок.

- Виктор Иванович, как это вы дожили до седин, а на Экваторе не побывали?

- Не посылали. Всё больше по северным маршрутам.

- Ну, не обижайтесь.

Процедура эта длительная, забавная и порой болезненная для молодёжи. Приходится и морскую купель пройти, и выпить черпак солёной водички, и особую Нептунову печать на ягодицу получить. А что вытворяют демоны-мотористы с ветошью, вымоченной в отработанном масле! Неделю будут отмываться.

К вечеру был готов шашлык, стол накрыли на палубе. Капитан в бороде из пакли, с короной на голове вручал дипломы настоящим морякам. Особенно радовались дети. Пересечь экватор в восемь лет – это не каждому дано! Сара и Люси повеселились от души, колокольчики их голосов грели наши души. Этот праздник был устроен в первую очередь для них. Ева отвела девочек спать. Жили они вдвоём в каюте, и там постоянно кто-то придумывал им новые игры, помещение заполнялось самодельными или найденными на берегу игрушками. Наши женщины устроили целую школу для малышек, читая им по очереди разные предметы. Им это не очень нравилось, но преподаватели проявили решительность и подход, вскоре всё вошло в привычку и наладилось. Мари хотела забрать дочку к себе. Но свободных кают было в обрез. Она уступила свою Ване Грозному, а сама с Люси перешла к Максиму. Все знали, что скоро на борту будет ещё одна семейная пара. Алина переехала из лазарета к молодому офицеру. Иван Грозный с минуты первой встречи отходил от неё только для исполнения служебных обязанностей. Чувства их вспыхнули, как огонь, и надо было готовиться к очередной свадьбе. Жизнь продолжалась.

- Друзья, мы должны обсудить тему нашей береговой базы. Во-первых, у нас на руках дети и женщины. Им тяжело на военном корабле. Я не говорю о миссис Джейн, она, кажется, и родилась в машинном отделении. Во-вторых, питаться консервами вредно. Нам нужны свежие продукты. Грабить беззащитных крестьян мы не станем, да много таким путём и не добыть. Надо жить своим трудом. Постараемся разыскать людей, умеющих работать на земле, у нас ведь только Джоэл способен к этому занятию. Мы предоставим материальную базу и защиту, они

потрутся на земле. Какие идеи вы можете предложить? Начинают младшие. Ваня, прошу.

- Спасибо, Максим Николаевич. Я вырос в селе. Правда, после армии поступил в мореходку. Но моих знаний достаточно, чтобы понять две вещи. Первое. Жить на Экваторе для всех нас будет тяжело, кто знает, каким сейчас будет лето. Второе – эти места рано или поздно привлекут всё новых и новых искателей приключений, тут было всегда людно. Всю жизнь воевать и бояться за близких – это не дело. Надо искать место с субтропическим климатом и подальше от этих мест.

- В Европу я бы не совался, - продолжил Петя. – Там, кроме разрушений, ещё и радиационное заражение. Даже здесь приборы фиксируют приличный фон. Надо искать удалённую землю, я согласен с Иваном.

Один за другим выступали моряки. Все говорили по делу, появились интересные предложения. К примеру, исследовать норвежские фиорды. Там раньше прятались целые эскадры, климат должен стать намного теплее, а скалы и острова не должны быть сильно заражёнными. Рыбаки, а почти все мы любили это занятие, сразу согласились. Кто рыбачил в Норвегии, меня поймут. Решили не откладывать на потом и следовать в направлении родины нашей Сары, по пути ведя разведку и подыскивая людей, выживших на берегу и согласных на наши условия. А вдруг и девочке повезёт встретить родню. Она держалась молодцом, очень привязалась ко мне и Еве. Но иногда воспоминания о родителях омрачали её личико, она становилась тихой и незаметной. Ева уводила её на бак, они о чём-то шептались, иногда обе приходили заплаканные, но с повеселевшей Сарой.

Через четыре дня подходили к Гибралтару. Пара шальных моторок выскочила из-под скал в районе Сеуты, но, встреченная пулемётами, убралась на полных оборотах. Мы рискнули проверить горизонт радаром. Точки лодок удалялись, а со стороны океана отсвечивал крупный объект, медленно движущийся к проливу. Сколько таких бедолаг ещё ограбят эти мерзавцы? Сколько выживших в цунами уже сложили головы в этих местах? Не боевое ли судно нам повстречалось? Судя по размерам, воевать с таким нашему кораблику не по зубам. Но вскоре Петя развеял страхи:

- Шумы крупного теплохода. Гремит, как кузнечный цех. У них машина неисправна, еле ползут.

- Боевая тревога!

Через полтора часа связываемся с пассажирским теплоходом "Феликс". Становимся в дрейф, спускаем бот. Я в группе разведки. Судно выглядит печально. Видны разрушенные надстройки, следы пожара. Похоже, досталось им по-настоящему. Людей маловато для такого судна, встречают нас дружелюбно. Знакомлюсь с капитаном. Ганс Моргенстар. Он немец, был старпомом. Капитан и другие помощники погибли, пропало без вести три четверти экипажа и пассажиров. На борту двести сорок два человека. Судно еле держит курс: в машине нет ни одного инженера, четверо мотористов и электромеханик всеми силами поддерживают слабое биение пульса этого доходяги. Воды и продовольствия, к счастью, ещё на пару месяцев.

- Вы всё это время провели в океане?

- Нет, мы долго стояли у Тенерифе. Там не выжил никто. Ремонтировались, как могли. Судно было сильно повреждено, люди ранены. Многие умерли за это время.

Рассказываем о своих приключениях и добытых новостях. Люди опустошены собственными страданиями и нашими сведениями. Много молодых лиц.

- У нас был рождественский тур на Канары и Мадейру. Здесь в основном студенты разных учебных заведений. Отдохнули, называется.

- Зато остались в живых. Их родителям досталось покрепче.

Собираем всех в зале ресторана. Я беру слово, выкладываю общую информацию. Рассказываю о нашем экипаже и судне.

- Я со своими специалистами попытаюсь оживить машинную установку. В Средиземном море делать нечего, мы только что оттуда. Кроме мародёров и выживших одиночек, там никого нет. Зато есть радиационное заражение. Сожалею о ваших близких, но вам вряд-ли повезёт их встретить. То же касается большей части Европы. Вы полные сил молодые люди, и вам легче будет начинать новую жизнь. Найдём чистую плодородную землю. У нас хорошая материальная база и оружие. Если объединимся – всем будет лучше. Одиночки будут ограблены или убиты расплотившимися бандами. Решитесь вступить в такие стаи – будете повешены теми, кто им противостоит. По пути мы посетим Францию, Германию и Данию. Если желаете высадиться, мы дадим вам со своих запасов, что сможем. Но потом на нашу помощь можете не рассчитывать. У нас будет много дел, и отсутствие причин для скуки я гарантирую на годы вперёд. А там посмотрим. Мне сказал один умный старик: надо возрождать человечество. Кому, если не вам?

Пора переквалифицироваться в ораторы. Народ прочувствовал.

Вызываю на борт всех своих спецов, Джейн остаётся на вахте. Спускаюсь в машинное отделение. Мамочка родная, что там творится! Как это судно ещё могло двигаться? Но будем работать, и всё будет работать. Конечно, за два дня привести в норму убитое судно немыслимо, но на третий мы дали десять узлов. Ник Шепард твердит любимые тезисы, что судно легче затопить. Но столько народа не поместится на "Европе", а крупное судно будет нам нужно, чтобы вывезти необходимые припасы из подземелий Бреста, куда проложен наш курс. Скрипя и громохая, "Феликс" потащился на север.

Глава 16.

Европа-северная.

2013, май, 17. Норвежские фиорды.

Наконец я смог добраться до каюты на "Европе". Осунувшаяся подруга тоже еле волочит ноги. Но мы это сделали!

Как у нас шутят, кувалдой и какой-то матерью мы возродили "Феликс" до такой степени, что он не остановится в шторм и не утащит на дно сотни душ. Но это было только начало. Впереди был Брест. Раскрывать нашу тайную базу каждому встречному мы не торопились, мало ли чего. Как ни странно, старушка "Мари Роуз" до сих пор стояла там, где мы её

покинули. Сидела немного глубже, но крепко держалась за жизнь! Её посещали после нас: запасы и некоторое ценное, оставленное нами, исчезли. "Феликс" бросил якорь рядом, а мы, прихватив с него три десятка парней покрепче, на "Европе" последовали в Брест. Начались привычные будни моряков торгового флота: погрузка, матерщина на причале, короткий переход и выгрузка на пассажирское судно. Казавшиеся бездонными кладовые пустели. Мы оставили припасов на чёрный день. Оружия и зарядов хватит на несколько лет такой жизни, посчитал мой английский друг. Я подбил свои результаты, и заявил, что горюче-смазочных материалов и запчастей нам хватит тоже надолго. Вдобавок – затопленный в Средиземном море танкер. Жить можно. Продовольствия много не брали. На "Феликсе" был хороший запас на первое время, а дальше будем сами зарабатывать на хлеб. Прихватив побольше инструментов и одежды, мы закрыли тайник на все запоры и устремились в Английский канал.

Ставшие чёрными, белые раньше обрывы Дувра ввергли Джейн и Ника в уныние. Они не могли покинуть крыло мостика, пока мы не миновали мёртвую равнину по левому борту. Макс, пользуясь безнаказанностью, плотнее прижал корабль к их родному берегу.

- Фэд, теперь я понял, почему вы плакали на рейде Одессы, - Ник Шепард впервые назвал меня просто по имени. Я только обнял за плечи ставших мне близкими людей.

Во Франции нас попытался покинуть один из пассажиров "Феликса". Сорокалетний Жак Риккардо, учитель музыки, потерял на судне жену и ничего больше не хотел, как разыскать оставшегося в Сен-Мало сына. Мы снабдили его одеждой, продуктами и оружием. От этого добра наши корабли аж проседали. У нас будет неприступная крепость. Одна из них, величественное старинное сооружение, была перед нами. Даже многометровые стены, окружавшие прекрасный когда-то город, были разбиты. Всё покрывали знакомые грязь и мусор. Человек пробовал найти свой дом, но едва не захлебнулся, провалившись в яму со зловонной водой.

- Я хочу покончить с собой. Зачем жить?

- Месье Риккардо, у нас дети. Они должны вырасти культурными людьми. Возможно, вы последний музыкант на этом свете, кто их научит?

На "Феликсе" выжили трое детей, к счастью, все при родителях. Сара и Люси с Алиной переехали на большой корабль для перемены обстановки и познакомиться с новыми товарищами. Девушка начинала передвигаться с палкой. Дети прекрасно ладили с французом Николя и голландкой Еленой. Малыш Ярно, тоже из Нидерландов, был ещё слишком молод для них. Знаменитые дамбы этой страны были разрушены. Уровень радиации подходил к опасной черте, выход на открытые палубы запретили. Бешеные потоки воды смыли всё живое, в бинокли мы видели только бескрайние болота. Эта картина наблюдалась, пока не вышли в Северное море и берега растаяли вдали. Невозможно привыкнуть к слезам людей.

Желающих сойти в Дании не оказалось, и мы не стали тратить время. Погода в этих местах раньше редко баловала штилем и теплом. Но

сейчас стояли солнечные дни, мы даже вышли позагорать после обеда. Макс оставался на мостике с Ником и матросом на руле. Там раздавались отрывистые команды. Там сейчас не место посторонним. Мы втягивались в фиорды. Белая туша "Феликса" следовала фарватером, а "Европа" рыскала по сторонам. Разведку вели всеми доступными средствами. Мы прибыли на место. Кораблей на горизонте не наблюдалось. Прибрежные селения и одинокие дома на берегах исчезли. Вечером мы не увидели ни одного костра, сколько ни всматривались в тёмные скалы. Рискуя напороться на камни, Макс обошёл вокруг приглянувшегося днём острова. Везде стоял мрак и могильная тишина.

- До открытого моря почти двадцать миль. На пути к нему - ещё несколько островов, укрывающих от прямой видимости. Там можно будет установить посты предупреждения. Бухта глубокая, вход извилистый, отсюда в ней ничего не увидишь. Завтра обследуем берега. Отбой.

Утро снова обещало хороший день. Желающих ступить на долгожданный берег было много, но надо подождать. Попробуй потом их собрать. Выезжаем на разведку в составе уже сложившейся десантной группы и двух экспертов – студентов факультета растениеводства из Германии. Видно, долго ещё придётся месить опостылевшую грязь. Стараемся быстрее подняться выше её уровня. На высоте трёхсот метров становится суше. Ещё немного – и мы на почти плоском плато. Лес на склонах изломан, но живой. Лопата уходит в грунт всем лезвием, смотрится он солидно.

- Ваня, как впечатление?

- Спросите у специалистов, я могу отличить чернозём от суглинка, но не более. На том пригорке растёт трава, у Козлевича скоро запоры от овса начнутся. - Такое имя пристало к добытому нашим трудом барану, характер которого я невзлюбил ещё в Дарданеллах.

- Хорошая земля. Выгоревший лес послужит удобрением.

- Вот что здесь самое главное!

Сверху стекала чистая речка. Мы не могли напиться горной воды.

- Корчевать без техники будет трудно.

- А кар?

Мы прихватили в Бресте мощный портовый погрузчик. Тяжёлый и приземистый, он станет первым трактором в хозяйстве.

- Как его поднимешь на такую высоту? Сам он не въедет по болоту.

- Дело техники. Даже следов на грязи не оставит, - приспособливать всякие штуки для своих целей нас учили смолоду, и у меня уже есть план. Так же, как у менеджера строительной компании Юргена с непроизносимой фамилией Ив. На переходе мы не тратили время зря. Была произведена перепись населения: возраст, специальность, гражданство, семейное положение. Народ разбит на группы, так или иначе соответствующие общим признакам: физики к физикам, лирики к лирикам. Назначены или выбраны руководители. И вот, вооружившись инструментами, люди выходят на берег. Шлюпки "Феликса" снуют в бухте. Сцены стосковавшихся людей. Карабкаются наверх и принимаются строить свою будущую жизнь. Мы с Гансом тем временем подгоняем белый теплоход как можно ближе к берегу. Ставим на якоря и

притягиваем кормой к прибрежной скале. Ещё в Бресте я задумался: как мы будем поднимать грузы на высоту? Много тонн тяжёлого оборудования и оружия на своих плечах не натаスカешься. И наш подземный заводик заработал. Разборный мощный барабан был создан в рекордные сроки, доведен до кондиции в пути. Сейчас он по частям поднимался на плато. К вечеру он был намертво вколот в скалу, тяжёлый стальной трос натянут между ним и грузовой лебёдкой старика "Феликса". А на следующее утро кар поднялся на подвесной дороге, сопровождаемый восхищёнными криками публики. Дальше пошло легче. По вечерам люди устало ужинали и расходились по каютам. Отвыкшие от нагрузок, они только втягивались в работу. Никто не стонал, а робкие попытки симулянтов товарищи пресекали сами, не давая развиться эпидемии лентяйства. Люди были разные, но общий порыв мотивировал, порождая надежду. Я почти перестал бывать на "Европе", руководя делом на палубе "Феликса". А наш кораблик нёс караульную службу, развозил на острова первые посты, строителей для их укрытий и оружие для обороны. Всем этим руководил мистер Шепард, и дело у него было поставлено, как всегда, на высшем уровне. Козлевича и его невест отправили на заветный пригорок, назначив пастухом музыканта Риккардо. Он сам попросился на эту должность: толку на стройке из меня не будет, хоть какую-то пользу принесу. Джоэл дал ему необходимые уроки, и боцман с филиппинцем, наконец, помирились. Месье Жак на удивление быстро нашёл язык с непокорным бараном, и они зажили душа в душу вдаль от суеты, поставляя детям молоко и яйца. Курам соорудили загородку и курятник на том же пригорке, и месье Жак стал первым фермером в нашей коммуне. Мало того, наш повар научил этого симпатичного человека делать брынзу, и деликатес стал изредка попадать в наши тарелки. Стадо было явно маловато.

Строили деревянные домики. Решили: не надо делать казарму. Нужны индивидуальные дома для семейных или двух-трёх молодых подружившихся ребят. Это сильно увеличивало трудовые и материальные затраты, но жизнь мы хотели наладить человеческую. Даже мистер Ник, человек военный, признал, что казарма – это для солдат, а не для мирных людей. А сам школил ребят, опрометчиво записавшихся во взвод охраны, так, что запахло дезертирством. Не тут-то было! Железная рука, хоть и левая, офицера флота Её Величества умела навести дисциплину.

Деревьев в округе хватало, их валили, очищали от веток и волокли каром на стройку. Тем же каром расчистили от пней приличную площадь под огороды. Техники было мало. Мы увезли из Бреста портативный движок с генератором, но его едва хватало для электроинструмента. Протянули линию от "Феликса", когда пришло сообщение с поста: на горизонте судно.

Глава 17.

На суше и на море.

2013, июнь, 24. Бристоль.

"Европа" дождалась темноты и, скрываясь в тени скал, приблизилась к судну почти вплотную. Петя не услышал звука работы двигателей. Большой балкер мерно покачивал над волнами башнями грузовых кранов, огней не видно. Тысяч на семьдесят тонн водоизмещения. Штормтрап спущен. Засада? Матросы взлетают на палубу с автоматами наготове. Вскоре сообщают: никого. Шлюпки отсутствуют. Там было мало полезного: немного дизельного топлива и много ненужного пока мазута, продовольственные камеры забиты сгнившей едой. Кое-что в мастерской. В трюмах пусто. Покинутый корабль был почти исправен, и терять его не хотелось. Время стремительно продолжает свой путь, и всё меньше трофеев погибшей цивилизации остаются доступными. Надо торопиться. С трудом оживляю машину, Ник занимает место на мостике. Отведём на якорную стоянку между скал от штормов и чужих глаз подальше. Позже разберёмся.

- На берегах находятся большие ценности. Если хорошо покопаться в развалинах, можно найти всё, что угодно, - говорю по окончании операции.

- В том числе разложившиеся трупы, яды и радиацию, - продолжает старпом.

- У нас есть приборы разведки. Через год природа закопает то, что нам нужно сегодня и понадобится в будущем. Сейчас на базе дело организовалось, мистер Ив прекрасно справляется. Я бы попытался поискать склады. Многие из них разрушены, но содержимое может быть исправным или пригодным к ремонту. У нас уже не хватает элементарных гвоздей. Мистер Шепард, не сочтите это склонением к измене, вы же сами знаете, где искать эти склады. На военно-морских базах. Там только птичьего молока не было. И строили их крепко.

- Не надо меня уговаривать, я уже согласен. Как на это посмотрит командир?

- Его я беру на себя.

Проинструктировав Ганса на "Феликсе" и прихватив четыре десятка парней, командир просит добро на запуск. Снимаемся. Курс – на Бристоль. Алина осталась с детьми на берегу в первом построенном доме. Проскакиваем Северное море, и вот снова английские берега. Бухта. Мистер Шепард знал тут всё, но сейчас растерянно вертит головой:

- Даже брекватер разбит, а вы о каких-то складах, - но высаживается вместе с группой разведки. Пытается определиться, где что стояло, уверенно направляется в сторону огромной горы мусора.

- Здесь были склады технического снабжения. Крепкие бетонные сооружения.

Ковыряем лопатами в иле. Откуда его набралось, вся планета в грязи! Упорно копаем, и награда заслуженно нам достаётся. Своды складского помещения выдержали удар. Мощная металлическая дверь перекошена. Проникаем вовнутрь. Вода попала сюда и наделала много дел, однако содержимое осталось в помещении. Горы искорёженного металла ржавеют в тине. Начинаем планомерно изучать. Это займёт не один день.

Это заняло три недели. Вымазанные грязью, мы ощущали себя свиньями, роющимися в болоте. Находки стоили того. Максим наблюдал, как в судовых помещениях становится тесно от железа:

- "Европа" утонет в первый по выходу шторм. Ты – врождённый мародёр, а не механик. Наконец я узнал твою алчную сущность.

- У тебя идеально укомплектованная рубка, карты и лоции. Чего тебе ещё надо, завистливая душа?

Я и сам посматривал на грузовую марку. Ещё немножко, и надо прекращать. Мы грабили уже третий бункер. Мистер Шепард, Ева и помощники свинчивали запчасти и приборы для оружия и систем прицеливания. Моя чумазая подруга выглядела воодушевлённой.

- Сэр, вы и так накрываете противника с первого залпа, зачем всё это? Только место занимает, - моей ревности не было предела. Запас плавучести подходил к концу.

- Сэр, через пять лет вы будете благодарить меня за это. Миссис Ева будет обеспечена работой на все эти годы, вам не придётся нищенствовать.

- Бедная моя, этот человек выстрелит тобой в цель, когда закончатся боеприпасы!

- Бедная моя, скорее он выточит из вас запчасти к своим моторам.

Этого не перешутишь. С юмором у Ника полный порядок. Наконец Макс сказал:

- Хватит! Больше даже иголки на борт не позволю принести. Фэд, прошу запуск.

- Этот человек помог мне убедиться в твоих давних словах. Я, кажется, чего-то значу на корабле, - счастливо прошептала мне Ева перед сном. Мне оставалось только нежно обнять любимую.

В фиордах едва закончили выгрузку "Феликса", когда мы подкатили новую партию грузов. Подвесная дорога снова заработала. Наверху уже стояло несколько домиков. Юрген Ив, начальник стройки, с гордостью вручил нам с Евой ключи от первого совместно нажитого имущества. Сара, напевая, обживала отдельную комнату. Максим с Мари и Люси тоже стали счастливыми обладателями жилплощади. Решено было в первую очередь поселить на берегу пары с детьми, семейных людей, а затем отстраивать остальных. Пять домов уже обставлялись мебелью.

- Юрген, они растут, как грибы! Как вам удаётся?

- Применяем старинные методы и современную технику. Я защитил диссертацию на тему древних технологий строительства. Наши предки лучше нас знали, как это делать. Более того, они умели выбрать место под жильё, окна и двери должны глядеть в правильную сторону. Здесь подходящее место даже для возведения храмов. Пора подумать о названии нашего посёлка.

Путём голосования, селение получило имя Ковчег. А разве нет? Каждой твари – по паре, лишь Козлевич да петух имели гаремы. В сооружённой голубятне поселилась прибившаяся стайка бездомных голубей, фанатиком которых был один из немногих пожилых пассажиров "Феликса". Кто-то поймал в сопках выводок диких кроликов, и в перспективе мы получим от них не только ценный мех. На запах жилья

из лесу пришла беременная кошка, можно было не опасаться мышей. Откуда взялись собаки? Да они всегда жили рядом с людьми.

Но особенно радовали первые всходы на земле. Двое знакомых молодых "академиков" разбили ферму с размахом, учинив скандал Юргену, заживившему сельхозтехнику в виде бедного кара. Они победили в споре, и гордый портовый механизм три дня покорно пахал землю. Засеяли овсом целое поле. Грядка пшеницы, подаренной Саидом, напоминала о данном горцу обещании. Земле нужны трудолюбивые люди, у нас по-прежнему недостаёт специалистов. Уже лето. Мы не знаем, каким оно будет. Успеем ли собрать урожай? Каждое семечко, положенное в землю, было последним. Где взять новое в случае неурожая?

Начинать автономную жизнь большого коллектива разных людей очень тяжело. Пришла пора самим думать обо всех мелочах. Я заботился больше о техническом обеспечении. Но люди нуждаются во многих вещах, которые раньше просто покупали в магазине по пути с работы. К примеру, зубную щётку, нитки, носки. Пора было открывать супермаркет. Осталось только завезти товар и напечатать деньги. Жили коммуной. Питались во вместительном ресторане "Феликса", в его каютах спали и приводили себя в порядок. Мыла и моющих средств было достаточно припасено на военных базах, нам хватало. Много полезных мелочей хранилось в ларьках пассажирского судна. Всё это поступило в распоряжение помощника по хозяйственной части "Феликса", Семёна Исаевича Вороны. Фамилию жены он взял, чтобы не притесняли "проклятые антисемиты", давно жил в Израиле и с честью справлялся со своими grossбухами. По словам капитана Ганса, был он пунктуальным, добросовестным работником. А если что-то и имел в наваре, то меру знал. Таких людей ценят.

- Что я имею вам сказать, Фёдор Ильич. Мы скоро будем нищими, как церковные мыши, и выглядеть бомжами. Мужчины не имеют бритвенных приборов, женщины бигудей и нижнего белья. Это не смешно, это надо доставать. Я знаю, где, но у меня нет денег на самолёт. Остался только морской транспорт, но его используют, чтобы таскать железо на эти скалы. Надо таскать еду, одежду, соль и спички. Так было на всех войнах. Мне только остаётся просить командира использовать вооружённые силы нашей независимой республики. Они отвезут нас с Вaley на землю предков, и мы всё достанем. Тогда никакая война не страшна.

Глава 18.

Ливанские недра.

2013, июль, 17. Средиземное море.

Новый поход в Средиземное море назрел. Казалось бы, зачем мне сдался какой-то турецкий пастух? Но я дал слово честному человеку.

Семён Исаевич дал надежду моей пропащей мародёрской натуре на новый грабёж. Действительно, люди обносились. Запасы бытовых мелочей, рассчитанные на две недели круиза, закончились. Военная

форма делала селение похожим на филиал французского Иностранного легиона. Женщины страдали от порожных косметичек больше, чем от лишений походной жизни. Но над всеми этими соображениями преобладала алчность. Капитан не ошибся в диагнозе. Мне хотелось запастись всем, что только попадётся под руку. Я видел, как море быстро поглощает брошенные корабли, как оседают на дно прибрежные помойки, как зарастают травой холмы руин. Природа спешила освободиться от следов двуногих мучителей, терзавших её последние десятилетия. Терять время было не в наших интересах, и едва "Европа" закончила выгрузку, она снова устремилась на юг. Вороны заняли койки за ширмочкой в кубрике рядового состава. Делать им было нечего, и они коротали время в беседах с нашим коком, помнящим золотые времена. Валентина Игнатьевна угощала еврейскими блюдами.

В Гибралтаре никто нас не потревожил. Видимо, силуэт и повадки "Европы" уже запомнили. Вот и хорошо. Шли полным ходом. Дел накопилось много. Налегке решили подобрать Саида. Проходим Дарданеллы. Даже неинтересно, никто нас не трогает. Хорошо ли это? Бросаем якорь. Моя группа выступает по следам Козлевича, ещё сохранившимся на подсыхающем иле. Джерри подаёт голос:

- Чиф, я подам жалобу в профсоюз, если меня снова принудят погонять этих тварей. Я даже их молоко не могу пить!

Очень душно. Экватор. Хорошо, что мы поселились не здесь. Знакомыми тропами поднимаемся в холмы, становится легче дышать. Земля под ногами подсохла, меньше стало потоков воды. И здесь природа восстанавливается. Много свежей поросли. Приближаемся. Как и тогда, оклик. Жив!

- Саид, это я, Фэд!

Выходит из укрытия. Похудел. Две тени появляются из-за камней. Слава Богу, все целы. Обнимаемся. Всё, как прежде. Пьём молоко с французским хлебом. Девочка рассказывает:

- Всё изменилось. Очень жарко, засуха погубила траву. Приходится гонять баранов вниз, но там часто появляются люди с оружием. Отец с братьями два раза отстреливались, пока я уводила стадо.

- Маленькая девочка может управлять стадом, а четверо мужчин не справились с одним козлом, - подмигиваю зооненавистнику Джерри.

- Отец ходил искать людей, но их очень мало и везде стреляют. Он перестал надеяться, что вы вернётесь. Он спрашивает, нашли ли вы добрых людей и землю?

- Нашли. Скажи ему, пусть собирается.

Глаза у всех покрываются влагой. Саид отчаялся, пытаясь спасти своих родных. Однажды сюда придут не одинокие бродяги, а сильная банда. Вопрос только времени. Он уже видел, что стало с другими.

Хозяйство небольшое: несколько курей и пять баранов. Поместятся в нашем козлятнике, хотя боцман и порывался вышвырнуть его за борт. Эта семья доедала последний кусок. Худые, затравленные. Несколько узелков – всё их имущество. Выступаем.

- Зульфия, научи моего друга управлять стадом.

- Это очень просто. Надо нежно говорить им, куда идти. Они очень послушные.

Она лёгким прутиком лишь помахивает у боков бородатого гиганта, который, надеюсь, отшибёт Козлевицу все рога. Животные идут туда, куда нужно худенькой девочке.

- Поняли, что значит ласковое слово? А ты вообще за нож хватался. Ещё старший моторист.

- Чиф, я бы на вашем месте не вдавался в детали.

- Ладно, проехали.

Джерри догоняет пастушку и начинает постигать премудрости древней науки. Учиться никогда не поздно, он у нас парень толковый.

Без происшествий не обошлось. В очередном проходе между скал нас поджидала стая одичавших собак. Громадные псы, бывшие когда-то защитниками стад и пастухов, остались без хозяев. Голод – не тётка. Умные, бесстрашные животные быстро разобрались, что надо делать. Четверо впереди, пятеро сзади. Ловушка захлопнулась. Мы взяли стадо, мать и девочку в кольцо собственных спин. Лязгнули затворы. Псы не двигались. Они знали, что такое оружие, но упускать добычу не хотели. Животы их были тощими, использовать ли шанс их наполнить – решал вожак. Шерсть вздыбилась на загривке.

- Огонь.

Ударил залп из трёх дробовиков и четырёх автоматов. Всё закончилось в несколько секунд. Взвился плач подстреленной собаки. Ещё выстрел. Горное эхо долго игралось громом стрельбы, а мы уже выходили на подсохший ил.

Боцман молча оглядел пополнение. Когда бот подняли на палубу, он только рявкнул:

- Джозэл! – и удалился. Как ни странно, он оказался большим любителем брынзы. Мне этот секрет поведал повар. Должность у Григория Ивановича – собачья.

Наши девочки остались на Ковчеге с Алиной, Зульфия будет скучать. Ева и Мари берут шефство над матерью и дочкой, поселяют семейство за новой ширмой в кубрике. Отправляются на экскурсию в душевую. Я начинаю волноваться о запасе пресной воды. Эти простодушные люди думают, что она льётся с небес. Ладно, наварим.

После обеда Саид с сыновьями пошли проверить, как устроены животные. Хозяин быстро разобрался в устройстве козлятника, пожал руку Джозэла, успевшего их помыть и выдоить. Много охов и ахов. Этот корабль привёл лейтенанта инженера, оператора ядерного реактора леди Николь в состояние восторга. Интересно, что чувствуют люди, видевшие только трактор?

Тем временем "Европа" двигалась в Дарданеллах. Капитан пригласил завхоза на мостик уточнить курс.

- Мы идём в Хайфу?

Этот русскоязычный израильский город у нас ассоциируется с понятием "бывшие наши".

- Нет, Максим Николаевич. Мы идём в Ливан. Если смотреть с моря, в десяти километрах правее от Триполи начинается горная цепь. Я знаю

дорогу, хотя бывал там только ночью. Контрабандисты пользуются старинными каменоломнями в горах для хранения несметного количества товаров. По ночам скоростными судами, чуть поменьше вашего, они развозят их по всему побережью, от Турции до Ливии.

- Так вы же там со всеми воевали?

- Это политики воевали. И дураки. Умные люди должны зарабатывать на хлеб с маслом. Горы там невысокие. Я обсудил с женой, и думаю, что холмы были затоплены. Бедные люди! Но пещеры закрывались мощными воротами, не каждый кусок динамита поможет их вскрыть, это надо специалиста.

- Охрана?

- Там в джипах патрулировали специальные команды, всё было поставлено строго, но мало кто знал, что вовнутрь эти бандиты не знали даже дороги.

- А вы?

- Когда мы с Валюшей приехали, было уже поздно. Надо было ехать в самом начале, тогда и нам бы повезло. Мне много чем приходилось заниматься, чтобы Валюша не голодала. У нас, знаете, нет детей. И про старость надо думать нам самим. Вот мы и заботимся. Там много пещер, хватит на тысячи людей и на много лет. Я покажу, а вы нанесёте на карту. И когда старый дядя Сёма сляжет, он хотел бы рассчитывать на миску похлёбки.

Ни убавить, ни прибавить. Помотало человека по жизни. Сидел бы себе завхозом в Одессе. И мы бы не узнали о бандитских закромах! Всё, что делается – к лучшему.

Семёна Исаевича очень тянуло на землю обетованную. Он боялся, что больше никогда её не увидит. Макс уступил, но в сорока милях от Хайфы Петя сообщил, что радиационный фон резко подскочил и продолжает расти.

- У этих людей нет ничего святого. И на ТАКОЕ поднялась рука, - пожилой человек вытер слезу и ушёл. Мы убрались подальше от уничтоженной земли и повернули на Триполи. Осторожно подходим, акустик исследует подводную среду. Тишина. Воздух за бортом слегка фонит, но в безопасных пределах. На берегу не видно ни одного огня. Высаживаемся. На этот раз группа состоит из двенадцати человек. У всех тяжёлые рюкзаки. Взрывчатки хватит, чтобы поднять на воздух авианосец. Характерный распадок в холмах дядя Сёма помнит. Направляемся к нему. Остатки асфальтированной дороги. Лучше идти рядом с ней, чтобы не переломать ноги. Стараемся реже использовать фонари. Идти пришлось всего пару километров. Контрабандисты расположили свои склады как можно ближе к морю.

Семёну Исаевичу рановато беспокоиться о беспомощной старости. Он шагает не хуже молодого Ивана, несёт такой же рюкзак. Ориентируясь по известным ему приметам, он приводит нас в нужное место. Неглубокий извилистый грот, удивительно чистый внутри. Видно, уходя, вода вынесла с собой всё попавшееся на пути. Но мощные ворота, рассчитанные на большой грузовик, так выдержали напор стихии. Прогнулись, но прочно сидят в каменном проёме.

- Знаете, я волновался, но откуда-то знал, что ворота выдержат. Они вот такой толщины.

- Прочный корпус атомохода имеет меньшую толщину, - мистер Ник начинает командовать парадом. – Будет лучше, если здесь останутся только мистер Фэд и миссис Джейн. Остальным рекомендую покинуть грот и укрыться за скалой слева от входа.

Труд минёра, оказывается, тоже нелёгок. Здесь особо ценится точный расчёт. Мы используем не всю принесённую взрывчатку. Установив заряды, забираем лишнее и выходим к товарищам.

Глухой взрыв. Надо подождать, пока усядется пыль. В респираторах пробираемся вовнутрь. Иногда меня посещает страшный сон. Как будто Ник Шепард стал моим врагом. И мне снятся его методичные приготовления к стрельбе и взрывам, унёсших только на моих глазах столько человеческих жизней. Рекомендую: дружить с этим милейшим человеком намного приятней. Как и следовало ожидать, выбитая дверь валяется в большом подземном зале. Прямо у большого заднего колеса трактора! С прицепом! Да только за это вас будут на руках носить в самые лучшие рестораны, дядя Сёма.

Хорошо, что Макс остался на борту. Надеюсь, товарищи не донесут ему, как низко я себя вёл, подтверждая его диагноз. Я показал всё своё мародёрское нутро. Выставив охрану, мы с Джейн, Володей Гацковым и матросами осторожно вели по разбитой дороге целый караван. Впереди выступала Джейн на украденном в Израиле, как объяснил всё ведающий завхоз, джипе. Их там было с десятков, мы выбрали самый крутой. В автомобиль много не влезло, но матросов пришлось подсаживать на гору рулонов отборных тканей. Оказалось, Петина жена разбирается не только в военном и машинном делах. Следом ехал грузовик, фургон которого не содержал разве что средства для ускорения роста волос в мужском носу. Косметика, парфюмерия, бельё, украшения, часы, солнечные очки, бритвы... Честно говоря, я наконец нашёл один недостаток в миссис Гарбуз, но не стану сплетничать о коллеге. Или все механики такие алчные? Мы с ней полчаса обследовали эту пещеру Аладдина, затем только вдвоём загрузили шеститонный грузовик за два часа. Замыкал караван мой трактор. Его прицеп грузили более серьёзные товарищи: одежда и обувь, швейные машинки, шпульки, посуда, столовые приборы, кухонные принадлежности, бытовой инструмент и компьютеры. Полный перечень может предоставить только господин Ворона. До рассвета наши два бота перевозили награбленное на борт. Мы обнаглели, и при свете дня продолжали свой нелёгкий воровской труд. В нём приняла участие даже супруга Саида, Марфа. Когда она увидела содержимое стеллажей в пещере, ей стало плохо. Я пожалел, что показал бедной пастушке, одетой в домотканое платье, эти рулоны атласов и люрекса. Она вдруг поняла, что жизнь прожита зря. Но нет, не зря: два её сына принялись за дело с молодой энергией, а папаша Саид пошёл разбираться с дорогими табаками, кофе и чаями. Я вдруг осознал, что во многих делах он тоже эксперт. Марфа, отмахавшись платочком, тоже приступила к делу. Специи, восточные сладости, коврики, скатерти и ещё полгрузовика таких вещей, назначения которых я не знал.

Мистер Ник с Иваном Грозным охраняли этот бедлам, заняв позиции в скалах. Макс, засучив рукава, кантовал коробки и ящики сначала к маленькому трюму, потом к разным кладовым, потом в машинное отделение, пока его не шуганул разводным ключом третий механик. Разгорячённая Ева не пустила его в пороховые погреба. Потный боцман не разрешил вскрывать цепные ящики. У Мари госпиталь и так уже был забит новыми медикаментами, а в операционной она забаррикадировалась сама, чтобы муж не ворвался силой. Повар запер перед носом продовольственные камеры. Заразившийся от меня друг пребывал в прострации и даже не заметил бунта на корабле, вступая в детские дискуссии с подчинёнными:

- Ну, пару коробок на бомбовые стеллажи!
- Мистер Шепард запретил!
- Я тут начальник!
- А ключи – у него!
- Боже, ну почему ты послал мне не сухогруз, а эту английскую шпионку!

Как всё повторяется! Совсем недавно мы тоже нуждались в судне, обчищая каюты моряков непотопляемой "Мари Роуз". Диалектический закон развития по спирали внушал опасения, что скоро нам с Максимом потребуется такая же планета, чтобы уволочь награбленное с разрушенной Земли. Пора проситься к Мари в стационар.

В обширных залах каменоломни горел электрический свет. Он, кажется, и возвратил мне рассудок. Лампочка мигнула от перегрузки сети, сработали рефлексy:

- Миссис Джейн, выключить второстепенные потребители!
- Мистер Фэд, а где распределительный щит?
- А где электростанция? Я им кабели тяну с "Феликса", а они тут тряпками судно грузят! За мной!

В отдельном помещении уже изрядно накопил движок на двести киловатт. Вытяжка, видимо, забилась, но дышать можно. Ещё один, такой же, на тележке-прицепе, стоял, запакованный в целлофан. Заберу оба. На пеленгаторную палубу затащу, к бортам приварю – но увезу.

Хорошо, что взяли сухие пайки. Мистер Ник прекратил всё грозным окриком, приказал обедать. Затем, оставив двух матросов с радиостанцией для охраны бункера, мы повели на берег последний караван. Через два часа доставили на борт даже генераторы, хотя побряхтеть пришлось и дамам. Спасибо конструктору "Европы", оборудовавшем её мощным грузовым краном. С его помощью мы пристроили тележки справа и слева возле кормового пулемёта, лишив филиппинцев возможности защищать корабль. Но исполнительные парни молча крепили машины на палубе. Трактор, грузовик и джип стояли на берегу, сердце обливалось кровью. А в волшебном подвале было ещё столько неисследованных стеллажей!

- Такой склад нельзя терять, это надо взять до последней коробки.
- Пригоним трофейный балкер. Мазута хватит, машину подремонтим.
- Как грузить? У него осадка девять метров, не подойти.
- Капитан, здесь был причал. Видно, смыло.

- Мистер Шепард, возьмите матроса и промерьте фарватер на предмет возможности швартовки судна.

- Есть, сэр!

У меня не хватало терпения. Поехал со старпомом. И мы нашли! Можно, можно подвести судно почти к самому берегу! Болваны. Мы могли потратить на погрузку "Европы" в пять раз меньше времени и сил. Вот она, жадность, до чего доводит.

На борту все, особенно штурманский состав, виновато прятали глаза.

- Принимаю решение. Колёсную технику – укрыть в бункере. Коку отгрузить продуктов и напитков из расчёта: на шесть человек, тридцать дней. Оставить пять экипированных для длительной охраны матросов во главе с третьим помощником Грозовым. Организовать радиосвязь. Бункер замаскировать, не высовываться и в бой вступать только с более слабым противником. В случае опасности - уходить в горы, оставаться на связи, выручим. Корабль снимается на Ковчег. Там немедленно приступить к приведению в рабочее состояние балкера, снять на него часть экипажа с "Феликса". По мере готовности возвращаемся сюда в составе двух кораблей. Я не успокоюсь, пока не приведу в фиорды семьдесят тысяч тонн полезного груза.

Глава 19.

Балкерный флот.

2013, июль, 25. Атлантический океан.

"Европа" неслась полным ходом. Сделали только две остановки. Забежали к затопленному танкеру пополнить запас топлива и на базу в Бресте – пополнить её стратегический запас свежими трофеями. О чёрном дне следует помнить. В районе вечной стоянки "Бегуна" вертелся какой-то баркас. Двух мнений быть не могло, и Джейн из пушки разнесла его в щепки. Самим мало. Таковы стали правила жизни. Перепуганные бараны блеяли на корме, их не менее трусивший хозяин обхватил голову ладонями. Петя дал секретный сигнал, и через минуту на поверхность всплыл буй. За его якорь-трос лебёдка вытянула закупоренный шланг. Топливо пошло в цистерны. Вот так, господа арабы. Через час ни буя, ни судна здесь было не видать.

Трофеи настолько восхитили население, что выгрузка произведена была за несколько часов. Теперь любого гражданина Ковчег можно было изгнать отсюда только силой. Такова уж грешная натура человека. Все понимали, что в страшной лотерее катастрофы им выпал счастливый билет. Энтузиазм людей поднялся до небес.

Я, слегка отдохнувший на переходе, уже работал в машинном отделении "Шельде". Так назывался найдёныш, на который меня, Васю Муравьёва и Гену Моисеева по пути в родной порт высадили с "Европы". Полегчавшая, она вернулась с мотористами и матросами "Феликса". На мостик поднялся Ник Шепард в сопровождении Володи Гацкова. Матрос

мог самостоятельно нести вахту, подменяя капитана для отдыха. "Европа" будет рядом, и в случае чего поможет решить проблемы по радио. Судовождение сейчас простое, ни встречных, ни поперечных бортов не наблюдается. Не от хорошей жизни, конечно, назначаем ребят на серьёзные должности, но я заметил, как с такими повышениями по службе у них возрастает ответственность и старание. Мы передаём им свой опыт, они сами много читают и спрашивают. Надо растить молодёжь.

Системы судна по очереди оживали. Электромеханик "Феликса", Алексей Иванович Торопов, опытейший моряк, для меня был дядя старой, ещё послевоенной школы. Говорил, что уже семь лет не работал, потом так заело наблюдать эту демократическую шелупонь, что решил вернуться. Только в море он чувствовал себя легко и свободно. Свой среди своих. Специалист высшего класса. Он разыскал папку с электрическими схемами и пошёл "звонить" по шкафам распределения. Через час мы включили свет и паровой котёл, через два прогрели главный двигатель и мазут. Через четыре часа после его прибытия, ребята установили отремонтированную трубу системы охлаждения поршней, а Вася Муравьёв доложил, что дизельное топливо для генераторов принято с "Европы". Тем временем матросы погрузили запасы воды и продуктов, а на борт прибыла повар Маруся Цыганенко, которая будет нас кормить. С ней на вместительном боте "Феликса" прибыло пятьдесят человек из его пассажиров, вызвавшихся в абордажную команду. Всех поголовно мистер Ник вооружил, проинструктировал и пристроил к делу. Его хватало на простоявшем без присмотра несколько месяцев судне. Неплохой, в общем, корабль. Зачем было менять его на сомнительное счастье безоружного берегового искателя приключений?

- Кэптэн, машина готова к проворачиванию!

Телеграф звякнул на "Товсь". Люблю крупные суда. Даже при высоком уровне автоматизации, а этим "Шельде" не обделили, конструкторы оставляют старинный звонкий телеграф и солидные рычаги управления оборотами, равно как и настоящие штурвалы на мостике, вместо миниатюрных джойстиков электронной эпохи. Мотористы отпрянули с верхней площадки, и я дал пуск. Машина размером с трёхэтажный дом громко прочихалась сжатым воздухом, остановилась. Короткие манипуляции наверху, и Гена, назначенный "старшим за всё", показывает в окно центрального пульта управления большой палец.

- Сэр, прошу добро на запуск!

Телеграф звенит на самом малом. Поехали!

Машина пошла на топливе, размерено заиграл тысячами тонн корпус в такт вращению гребного винта. Передаю управление на мостик. В принципе, я могу идти спать. Автоматика лучше меня проследит за сотнями рабочих параметров и разбудит в случае отклонений. Но традиционно "дед" должен вывести судно в открытое море, убедиться, всё ли нормально. Машина не работала долгое время, лучше понаблюдать. Первые впечатления самые положительные. Вместе с Васей и Геной обходим каждый уголок огромного машинного зала. Кое-что им неясно, да и я только начал осваивать основные системы. Благо, они построены согласно установившимся стандартам и не удивляют

ненужной оригинальностью. Замечаем несколько мелких протечек, но они не смертельны и пройдут, когда всё прогреется. Отпускаю всех отдыхать. Через час мистер Ник приглашает подняться на мостик. Как всегда, там темно и по-праздничному уютно. Алексей Иванович, изредка подсвечивая, настраивает гирокомпас. Даже он работает! Прекрасное судно! Впереди по курсу виднеется кормовой огонь "Европы". Она выводит нас из фиорда. Володя повторяет рулём каждый её маневр, докладывает каждую серию сигнальных вспышек. Мы решили раз и навсегда использовать радиосвязь и радар в районе Ковчега только в крайних случаях. Побаиваемся, что ещё остались приборы и специалисты, умеющие нас вычислить. Невзирая на все старания "военкома" Шепарда и наличие оружия, наша колония пока слишком беззащитна. Обживёмся, укрепим – сами будем искать встречи. Качнуло корпус, и пошла наша моряцкая жизнь привычно по древним, как сам океан, волнам.

- В добрый час, кэптэн. Я счастлив поздравить вас с первым выходом в новой должности.

- Спасибо, чиф. Как машина?

- Я приятно удивлён её хорошим состоянием. Механическая установка – без замечаний. У шефа есть претензии к изоляции генераторов и проводки, но это вызвано длительным простоем. Со временем наладим. Как системы управления?

- Претензий не имею, но шеф и здесь ворчит на изоляцию. Полагаю, он просто старый ворчун.

- Постарше некоторых, которым сейчас параллельно, а потом плачут: дядя, выгорело.

Пьём вечерний кофе. Володя, переключив на автопилот, присоединяется. "Европа" лежит на генеральном курсе, для безопасности оторвалась чуть вперёд и маячит нам неярким кормовым огнём. У нас уже целая флотилия. "Феликс", конечно, уже не боец со штормами, но у причала он послужит ещё долго.

Выжать из "Шельде" больше восемнадцати узлов не удаётся. И на том спасибо. Ребята освоились, навели порядок в помещениях. Словно и не было катастрофы. Нормальная работа на нормальном грузовом судне. Правда, смущают пулемёты на крыльях мостика да пистолеты на ремнях экипажа. Английский канал прошли без проблем, подходим к Гибралтару. "Европа" врывается в пролив за час до нашего подхода. Надо установить контроль над обстановкой и "нарисоваться" перед желающими поохотиться. Они её характер знают. Красноречиво барражирует вокруг "Шельде" во время прохода памятных для экипажа "Бегуна" мест. Я не сторонник такого поведения. Надо быть скромнее. Мы и так примелькались в проливе. Вдруг завтра сюда явится кое-кто круче "Европы" и покажет не только ей, но и нам настоящую мать Кузьмы. Не надо забывать про недавнюю битву при Мармаре. В тот раз везение было на нашей стороне. А если бы это был не лёгкий фрегат, а тяжёлый крейсер? Не накаркать бы.

Дальше была битва при Триполи. За сутки до подхода остававшаяся там группа дала кодированный сигнал, что появились посторонние. "Европа" рванула вперёд, и успела. В скалах шла перестрелка. В эфире звучала

арабская речь. Из неё Семён Ворона понял, что десять боевиков прижали нашу группу к скале и пытаются взять живьём. С небольшого судна на рейде пытались руководить боем, но безуспешно. Короче, собачья свалка, как говорят лётчики. Атака была внезапной и стремительной, "Европа" палила со всех стволов. Неизвестное судно потопили с ходу. Выживших не было, и наши устремились к месту высадки, снаряжая десант. Корректируя огонь "Европы" по радио, Ваня Грозовой нанёс противнику такой урон, что и без помощи мог развивать успех. В горах наши ребята ударили с двух сторон. Они выполнили просьбу капитана, и взяли в плен одного бойца противника. Правда, он очень не хотел сдаваться и палил во все стороны. Пришлось бить из автомата по ногам. Это в кино красиво. В жизни ноги молодого араба просто перестали существовать. Плачущая Мари наложила жгуты, попыталась привести пленного в сознание. Не получилось.

- Я теряю его, я не умею делать такие операции, я боюсь! – у девушки началась истерика, и Ева с Джейн увели её. Миссис Джейн вскоре вернулась с медицинской сумкой и остановила кровь раненому. Потом кольнула его шприц-тюбиком, и парень открыл глаза.

Семёна Исаевича уже привели с судна к месту событий. Он единственный на борту знал арабский язык. Беседа их сначала не ладилась, но вскоре завхоз сумел понизить её накал, и разговор стал содержательным. Через короткое время стало известно, какой корабль потопила "Европа". Это был один из скоростных катеров контрабандистов. Ему удалось пережить волну в открытом море, но повреждения были очень велики, погибла большая часть экипажа. Капитан и его люди долго ремонтировали судно, затем скитались по всем известным им местам в поисках припасов. Кормились и заправлялись случайными находками в море и на бывших складах. В большинстве эти базы были разрушены, но даже того, что не уничтожила стихия, им хватало на жизнь. Сюда они прибыли в надежде разыскать уцелевший склад. Для их небольшой шайки его хватило бы на всю жизнь. Посланные на разведку люди попытались проникнуть в известный грот, и были встречены огнём. Капитан выслал поддержку. А тут "Европа" подоспела.

Жалко было молодого парня. Он пережил не меньше, чем досталось нам всем. При других обстоятельствах, мог бы стать членом нашей команды. А сейчас он угасал. Разговор его становился всё тише, тон – всё менее враждебным. Семён Исаевич обнажил голову:

- Он просил похоронить его по их обычаю.

Ребята отдали погибшему последние почести, помогли завхозу совершить необходимые ритуалы. Передрались из-за куска хлеба. Господи, до чего мы дожили! А разве есть другие причины у любой драки, конфликта или войны? Это книжные герои вызывают на дуэль за плохое слово, за косой взгляд или просто потому, что хочется подраться. Бывает, но редко. Чаще же – из-за каких-то ценностей. Люди никак не могут взять в толк, что объединившись, сотрудничая и делясь – не одному из них, а всем – можно стать и сытыми, и одетыми, и согретыми. Воюя же, каждый рискует не только всё потерять, включая собственную

жизнь. Он обрекает своих самых любимых и близких людей на ужас и страдания. Именно за это нет прощения тем, кто объявляет войны.

Провести двухсотметровое судно без буксира в порт тяжело, но можно. Но если причал разрушен, нет швартовых кнехтов – дело будет сложным. Если разобраться, последние полгода нам попадались только сложные задачи. Нравится тебе или нет – выкручивайся, или пропадёшь не только ты, но и твои товарищи.

Капитан "Европы" не гордый. Вчера его судно топило корабли противника, а сегодня тянет толстый конец, словно копчёный ливерпульский буксир. С традиционными матюгами и подначками, экипаж "Шельде" делает вид, что пришвартовался. Самое главное, что стрелы наших четырёх грузовых кранов достают береговой черты, за которой уже дожидается гружёный транспорт. И пошли мародёрские будни! Мы с Максом родственные души. Оба знаем это давно, только свои пиратские инстинкты до поры скрывали. Теперь грабёж принял благопристойный вид. Подземное хранилище вычищается планомерно, под веничек. Вместительные трюма балкера принимают даже стеллажи и автопогрузчики. "Европа" под командованием Джейн охраняет подходы с моря. Ваня Грозовой с тремя бойцами заняли посты в скалах. Семён Исаевич ведёт меня и Макса к следующему тайнику, всего в трёх километрах от первого.

- Семён Исаевич, здесь хранились стратегические запасы всего арабского мира?

- Эх, молодёжь. Что вы знаете о стратегических запасах? Вот это – детские игрушки по сравнению с запасом любой страны. Там такие средства, которых, боюсь, ни одна будущая держава создать уже не сможет. Нет теперь ни таких ресурсов, ни таких людей.

Его глаза где-то в прошлом видят тех людей, и он тяжело вздыхает.

- Здесь был крутой склон, покрытый зарослями. В них была такая же дверь, как там.

Цунами поиздевалось над склоном, как хотело. Но я видел в первом бункере не только тракторный прицеп. Там был полный набор навесных приспособлений. Я уже давно знаю, что среди пассажиров "Феликса" было два друга-бульдозериста, Джон и Джек из Манчестера. Оба в призовой команде "Шельде". Вскоре трактор уже разгребаёт место предполагаемого входа. Пока ребята ищут ворота, встречаем прибывшего на джипе мистера Шепарда с взрывчаткой.

- Мистер Ник, меня посетила мысль, что только арабские контрабандисты сумели построить такие прочные убежища. Даже военные базы не сумели устоять в катастрофе.

- Их не бомбили. Бристоль – редкое исключение, у нас была очень хорошая противоракетная оборона. Но Бристоль накрыла океанская волна, вы же знаете, здесь она была слабее. К слову, ни эти склады, ни база в Бристолье – не убежища. Если говорить строго, ни это, ни другое не представляет собой специального комплекса для спасения людей. Те, кто имел такие комплексы и успел в них укрыться, могут просидеть в них многие годы. Это комфортно, но хуже, чем в подводной лодке. Ты никому не нужен, а без этого жизнь теряет смысл. Выходишь – а вокруг одни тараканы, мы уже говорили с вами о таком варианте.

Господин Ворона и на этот раз не ошибся. К вечеру мы успели обследовать и второй склад. Он оказался ещё богаче первого. Самое главное его достоинство заключалось в более хозяйственном характере. Строительные машины и материалы, всевозможные бытовые приборы и приспособления, горы инструментов. Этим можно было обеспечить не только Ливан!

- Они и обеспечивали. В магазинах цены были в два раза выше, и умный человек знал, где дешевле купить нужную вещь.

Через две недели мы загрузили на борт столько добра, что хотелось поправить нашего завхоза: на десятки тысяч людей, на десятки лет. Даже моя алчная натура была пресыщена. Плохо, когда человеку становится не о чём мечтать. На карту условными знаками были нанесены координаты ещё двух подземелий, известных Вороне. Оставим потомкам. Больше не унести. И "Шельде" аккуратно вывели на свободную воду.

Мы подходили к самой северной точке нашего маршрута в Средиземном море. Позади ещё виднелся островок Пантеллерия, на одиннадцати часах темнела полоса мыса Бон. Десять утра, пьём кофе с капитаном на мостике. Володя отдыхает после ночной вахты, команда тоже на перекуре.

- Боевая тревога! Мелкие цели на корме, два корабля выдвигаются из-за мыса! – Голос Макса в динамиках.

Через две минуты посты докладывают о готовности. У нас два тяжёлых пулемёта на крыльях мостика, два ручных пулемёта плюс личное стрелковое оружие. К сожалению, мне приходится бежать в машинное отделение. Василий и Гена уже на месте.

- Чиф, слушайте приказ кэптэна Макса. "Европа" ушла вперёд, будет вступать в бой с кораблями противника. Нам приказано принять правее и постараться держать их на корме, не отвлекать от боя. Мелкие цели противника явно преследуют нас, мы – главная цель. У нас более сорока стволов, мы не имеем права дать шансы семи моторкам.

Куш, который лежит в трюмах "Шельде", я не отдам никому. Лучше кингстоны открою, но нажитое честным благородным трудом – не отдам!

- Вася, Гена, вы слышали. Сейчас каждый выстрел будет на вес золота. Хватайте автоматы – и на швартовую палубу. Нарушим боевое расписание. Если будет трудно – я дам два гудка машинной сигнализации. С Богом! Алексей Иванович, я знаю, вы справитесь, если придётся брать ручное управление. Прошу вас к пультам.

Ребята рванули наверх, электромеханик в центральный пост. Вскоре сквозь гул машины донеслись автоматные очереди и гоготание пулемётов. Я метался по машинному отделению, успевая контролировать параметры перегруженной установки, переключать на резерв повреждённые системы и механизмы, следить за дистанционными указателями уровней в топливных и балластных танках во избежание потери плавучести или, того хуже, остойчивости судна. Трудновато. Справляюсь, это моя работа! Зато лишними два ствола на палубе не будут! Услышал приглушенные расстоянием удары бомбомёта "Европы". Там моя любимая и друзья, хоть бы пронесло! Кто же у прицела РБК, ведь Ник командует здесь, а Джейн осталась одна с сокращённой

машинной командой! Хоть бы Ева не лезла под пули! Мучительное неведение. Зачем я подался в механики?

- Чиф, атака лодок отбита. "Европа" потопила корабль противника, отличилась миссис Солнцева. Другой корабль пытается выйти из боя, но мы продолжаем преследование. Как машина?

- Машина в боевом состоянии, кэп, имею только мелкие повреждения.

В ЦПУ вваливаются сверкающие глазами парни. Вроде целы?

- Команда невредима, готовы продолжать сражение!

- Конец связи.

- Орлы, рассказывайте!

- Ильич, вокруг моторок кипело море! Они не ожидали такого отпора! Но от волнения все мы мазали безбожно. Тогда кэптэн Ник вышел на крыло мостика и сам встал к пулемёту. Минутку он настраивался, потом дал несколько очередей. От них только брызги полетели! Последняя лодка развернулась и пыталась удрать, но от нашего кэпа не уйдёшь!

- Все живы?

- Пару ребят зацепило, но не очень. Маруся справится. Она тоже палила! Глаза закрыла и строчит в небо, как в копеечку! Что у нас?

- Пробита в нескольких местах проводка первой рулевой машины, шеф уже побежал. Гена, ты к нему в помощь. А мы, Вася, делаем третий дизель-генератор. Попало прямо в пульт управления, работы будет много. Там ещё несколько повреждённых труб, но я перекрыл, потерпит. Мы подошли к "Европе" через два часа. К тому времени и второй вражеский корабль уже начинал тонуть. Дождавшись, когда его покинули несколько моряков, Ева дала из пушки прощальный залп. Теперь её личный тоннаж даже превысил снайперские достижения мистера Ника. Но тот не ревновал. Я впервые видел, каким симпатичным и цветущим от радости может быть его лицо.

- Фэд, дружище! Вот это рука! Я же вам говорил! Она чувствует железку лучше, чем вы. Жаль, что миссис Ева сейчас не на моём борту, я заставил бы вас поревновать! Что за женщина, что за чудо!

Он не желал слышать, что всему тому, что совершила моя супруга, он сам её научил. Впрочем, успехам учеников мы всегда радуемся больше, чем собственным. Значит, оставил след, не зря прожил свою жизнь.

Эскадра двигалась на Брест. В экипаже "Шельде" не было людей, кроме командированных с "Европы", могущих определить местоположение нашего тайника. Мы по-прежнему стремились сохранить этот секрет. Кто знает, какими методами его могут раскрыть потенциальные противники, имя которым – весь свет. Слишком лакомый кусочек. Лидер вырвался вперёд и подготовил бункер. Когда балкер, лавируя в заминированной бухте, бросил якорь поближе к тоннелю, мало кому пришли бы в голову мысли о секретности. Началась выгрузка. Не было смысла тащить все трофеи в Ковчег. Там не было ни помещений для их хранения, ни уверенности в безопасности. У нас были не просто средства для комфортного выживания. Это был ценный товар для обмена. Лето заканчивалось, и овёс был единственным коммерческим урожаем, собранным и сбережённым в трюме "Феликса". Плоды других растений могли использоваться только для посадочного материала на ближайшие

годы. Животноводство едва зарождалось трудами Саида и месье Жака. Исключение было сделано лишь для детей. Они должны хоть иногда получать живые витамины. Продовольствия на "Феликсе" пока хватало. Мы везли много консервов, печенья, конфет, горы сахара, соли, муки и компотов. Копчения и соленья хранились в объёмистых продовольственных камерах балкера. Голодной смертью никто не умрёт, даже если мы поставим на прикол нашу флотилию на три года. Однако все понимали, что коммуна будет пополняться детьми. На консервах из них ничего хорошего не вырастет. Свежие продукты нужны всем, и уже строились планы, где и с кем пытаться установить добросовестные торговые отношения.

С мощными кранами "Шельде" и прекрасно оборудованным причалом подземелья, выгрузка прошла быстро. На борту осталось лишь необходимое на первое время количество товаров и вся техника. Семейство Ворона пожелало остаться в бункере:

- Мы сделаем инвентаризацию. Без этого вы не сможете вести учёт и контроль за расходом таких больших ценностей. Могут быть злоупотребления. На это дело надо много времени, и мы бы не отказались от помощи пары толковых людей. На острове мы будем шататься без дела и скучать. Здесь есть комфортные помещения, кухня, горячая вода. Что мы забыли в ваших дачных домиках?

- Семён Исаевич, но вы не сможете выйти и подышать воздухом. Бункер имеет только эту огромную дверь-скалу. Слишком рискованно открывать её каждый день.

- Здесь есть установки для искусственного загара и озонаторы воздуха, даже тренажёрный зал. Мы с Валечкой уже так надышались морским воздухом, что слышать не можем его пороховой привкус. Продуктов нам хватит на тысячу лет. Любимой работы тоже. Если будет с кем вечером выпить рюмочку и перекинуться в подкидного – в такое страшное время мечтать о большем просто грешно.

Их силы были подорваны, души изранены гибелью исторической родины. Им нужно время и покой, любимая работа и общение с простыми людьми. Мы же рвались в бой.

Когда "Шельде" взял курс на Ковчег, запертыми в подземелье остались вдобавок повариха Маруся Цыганенко и её муж, пожарный матрос Василий. Они тоже были не первой молодости. На Украине у них остались дети, Маша была в депрессии. Петя установил несколько скрытых наружных видеокамер и соответствующую аппаратуру для кругового наблюдения из бункера. Отдельно была устроена мощная телескопическая система наблюдения за морем. Теперь мы будем знать обо всех, кто появится на горизонте. Петя изгалялся от души, электроники было сколько угодно. Недавно Максим с кувалдой в руках угрожал разбить не только её, но и Петрушину голову: на мостике "Европы" стало невозможно пройти. Были оговорены условия радиообмена с нашим новым постом предупреждения. Так случайно обнаруженный тайный склад стал не только обитаемым, но и охраняемым. Мы обещали чаще навещать их, чтобы они могли видеть Солнце. Я бы так не смог.

Глава 20.

Градостроение.

2013, август, 13. Ковчег.

Бухта Ковчег напоминала лагуну с извилистым каменистым входом в южной части. На окружающих его скалах уже ошетинились пушками и пулемётами замаскированные, вмурованные в скалу бетонные укрепления. Среди пассажиров "Феликса" были военные строители, они дело знали. Подходы были заминированы. Противоположный от входа склон, по которому мы совсем недавно карабкались, скользя в грязи, было не узнать. Он зеленел травкой и саженцами деревьев, выглядел диким. Высокий бруствер из камней, собранных при очистке сельхозугодий, скрывал раскинувшиеся на плато владения Ковчега. Дальше виднелась неприступная каменная вершина, прикрывающая нас с севера. Под маскировочной сетью из плато грозно посматривали орудия. Они могли вступить в сговор с коллегами на входе, и непрошеным гостям можно было посочувствовать. Белый "Феликс" демаскировал всё это, и за время нашего отсутствия капитан Ганс силами оставшегося экипажа перекрасил его в серо-буро-малиновое чудовище. Не от извращённого понятия о военном камуфляже, а лишь оставшейся в кладовых краской разных цветов. У мистера Ника глаза полезли на лоб:

- Если бы я увидел этого монстра в перископ, то лёг бы на грунт и тихонечко ждал, пока лязг его машин не пропадёт вдаль.

Мы только что бросили якорь посреди бухты. "Европа" застыла рядом. Мы пришли с триумфом и ожидали соответствующей встречи. Экипажи толпились на палубах, а на крепостной стене ликовала праздничная нарядная публика. "Феликс", как ёлочка, увешан сигнальными флагами.

- Гражданские карасы. Флаги – абракадабра. Даже на "Европе" экипаж выглядит шайкой босяков. Ладно, кэптэн Макс. Не обучен. Но миссис Гарбуз должна помнить, как построить личный состав для прибытия в родную базу! - Выряженный в китель, украшенный солидным иконостасом честно заслуженных наград, в белом воротнике и при кортике, мой друг смотрелся прямым упрёком нашей пиратской банде. Но тон его расходился с довольной улыбкой и радостью в глазах.

- Три, два, один, огонь! – он спрятал в кармашек часы с золотой цепочкой. Грянул такой залп со всех стволов, собранных в этой бухте, что зашатались скалы! Этот салют мы планировали заранее. В небо взметнулись ракеты фейерверка и туча трассеров. Затем прогремело такое "Ура!", что камни посыпались в бухту. Мы прибыли домой.

После королевского ужина в ресторане "Феликса", торжественных речей, тостов и прочих мероприятий, от которых завтра будет болеть голова, мы остаёмся наедине с моей любимой. За весь поход нам удалось лишь пару раз побыть вдвоём.

- Теперь я поняла, что значит быть морячкой.

- А я понял, каково быть женатым на морячке, - каламбур удался, и мы, счастливо смеясь, обнялись.

На второй день Юрген Ив показывал город, который он строил. Что это будет именно город, у него не было ни малейших сомнений. Плато Ковчег очертаниями почти повторяло атолл одноименной бухты. Это была скорее долина, с трёх сторон окружённая неприступными вершинами и со склоном в южной части, спускающимся в бухту. Город строился за крепостной стеной на этом склоне, выглядевшей с моря обычным скалистым образованием. В глубине долины раскинулись поля, вокруг – холмы, покрытые лесом или травой. Юрген показал нам распечатку плана будущего города. Оказывается, он с коллегами-строителями уже произвёл картографирование местности, вся информация была обработана на компьютере.

- Как вам удаётся успевать делать столько дел одновременно?

- У нас подобралась сильная команда молодых инженеров, архитекторов, строителей и дизайнеров. Мы создали компьютерную сеть, к которой подключены все машины, имеющиеся в наличии, а это без малого две сотни, почти по штуке на каждого. Ведь до катастрофы очень редко молодой человек отправлялся в путь без портативного компьютера. Мы открываем новый проект. На сервере появляется соответствующий форум для его обсуждения. Специальный сетевой ресурс позволяет каждому гражданину Ковчеха добавлять свои предложения и изменения в любые расчёты, чертежи или планы. После онлайн-голосования полезные изменения вносятся в рабочую документацию. Всё происходит быстро, не выходя из дома. И никто потом не скажет: вот если бы меня послушали...

- Да у вас тут Силиконовая долина!

- Долина Ковчеха. Мы работаем не для дяди Сэма. Мы работаем для себя и своих детей. Это совсем иной уровень ответственности и энтузиазма. Вы посмотрите, с каким воодушевлением трудятся люди!

- Макс, а не построить ли нам тут коммунизм?

- Не до шуток, Фэд. Коммуна – это самый удобный способ выжить. Заглядывать так далеко в наше светлое будущее я бы поостерёгся. Юрген, мы привезли несколько тысяч тонн строительных и отделочных материалов. Много техники. Надо организовать выгрузку и доставку на стройплощадки. Вы тут главный, вам и карты в руки. Мы обеспечим работы со стороны флота. Мистер Шепард рекомендует заложить в проект всего строительства одну дополнительную идею: полная маскировка не только со стороны моря и суши, но и с неба. Вооружённая защита должна предусматривать и зенитный вариант. Кто знает, с какой стороны следует ожидать неприятностей?

- Сегодня же это предложение поступит в производство. Спасибо, господа, за такие щедрые подарки нашему сообществу. К зиме мы сможем всех переселить с "Феликса" на берег.

- Мы тоже члены этого сообщества. И собираемся растить своих детей именно здесь. Не стоит благодарности.

- В каждом домике предусмотрено печное отопление. Дров хватает, но, сами понимаете, многие привыкли к другому уровню комфорта.

Я уже думал об этом. Строить котельную? Снять паровой котёл со старушки "Мари Роуз" было пусть трудным, но посильным делом. Но с

топливом для него будут проблемы. Нефтепромыслы заработают нескоро, искать уцелевшие склады или танкеры с грузом – значит, положиться на удачу. Наилучший выход – обогрев электрической энергией. Мощности маловато. С ростом количества заселённых домиков, становится заметным рост расхода топлива на электростанции "Феликса", дающей электричество на жильё. "Европе" уже приходилось делиться с лайнером дефицитным горючим. Решили собрать инженерно-технический состав, всех желающих на конференцию, посвящённую решению энергетических проблем. Меня попросили выступить первым.

- Друзья, исходя из создавшейся ситуации, рассчитывать на сторонних поставщиков нефти, газа и электричества нам не приходится. Надеяться на случайно обнаруженные залежи энергоносителей – чревато. Да, мы имеем некоторый запас. Но он нужен для нашего флота, который кормит и одевает, а самое главное – может нас защитить. Рано или поздно, ему тоже придётся вспоминать, как ставить паруса. Мировая промышленность разрушена. Мы можем рассчитывать только на свои силы. Моё мнение – следует хорошенько подумать о восстанавливаемых источниках энергии. Сегодня у нас прекрасная материально-техническая база, много молодых светлых голов и знания. Солнечная энергия во всех её проявлениях – вот наш энергетический путь. Все вы помните мельницы ветровых электростанций. Их можно до сих пор встретить, некоторые даже сохранили лопасти. Генераторы ветряков можно и нужно использовать. В общем-то, очень хорошее дело, кроме одного. Если мы поставим их на этом острове – можно забыть о безопасности. Это всё равно, что написать: приходите, у нас есть даже это. Мы пока недостаточно сильны.

Да, естественный отбор – это правильно. Но, видно, Провидение тоже приложило руку. Я давно не видел столько увлечённых, талантливых и образованных людей, собравшихся вместе. За время, проведённое здесь, они оттаяли от стресса катастрофы, закалились физическим трудом на свежем воздухе, сплотились. Но самое главное – у них появилась цель в жизни. У них были ресурсы для достижения этой цели. Желания и амбиций у молодёжи любого поколения всегда хватало с лихвой. Они поверили в себя. С такими людьми можно свернуть не только горы!

Было решено использовать энергию моря. Этой силушки изменившаяся в буйную сторону природа имела в избытке. Чем не могли похвастаться мы. Людей не хватало. Мы на судах имели сокращённые экипажи, спать три-четыре часа в сутки стало нормой на корабле, который в любой момент мог вступить в бой или шторм. Лишь волею судьбы пока обошлось без крупных боевых потерь или несчастных случаев с переутомлёнными людьми. Подобное происходило и на берегу. Людей бросали то на выгрузку судна, то на строительство укреплений, то на лесоповал. Не по глупости руководства, а лишь ввиду малой численности рабочих рук и множества задач, решить которые нужно было ещё вчера. Сделано было много, мы не боялись наступающей зимы. Чтобы реализовать проекты, требующие специальных знаний, материалов и технологий – для этого надо иметь надёжный материальный тыл и достаточное количество людей, обеспечивающих жизнедеятельность участников проекта. Надо искать. Собирать

уцелевших одиночек, пытаться найти селения в горах, куда не докатилась волна. Впереди нас ждёт не одна экспедиция.

Мы с Евой и Сарой навестили Саида. Его семья поселилась в домике, построенном на отдалении, поближе к пастбищам. Месье Риккардо стал её полноценным членом, жил в отдельной комнатухе и вечерами музицировал на скрипке, которую умудрился сохранить во всех перипетиях. Он выглядел умиротворённым, даже посвежел – работа на воздухе пошла впрок.

- Мадам Ева, месье Фэд, деточка, присаживайтесь, отведайте нашего сыру.

- Заходи, друг, мы скучали по тебе, - с французским акцентом, но почти правильно выговаривал английские слова турецкий пастух. Общение с музыкантом пошло им на пользу.

- А где Зульфия, ваши сыновья?

- Они в городе. Мы и сами справляемся с маленьким хозяйством, а молодые учатся и работают на строительстве. Там не хватает людей, дети сами попросились. Навещают нас, - Марфа похорошела, поправилась. Она выглядела так, как и представляют хозяйку и мать в любой сельской местности мира – плотная, крепкая труженица, кормилица и защитница семьи. Мои глаза отдыхали на её довольном лице.

- Мы привезли подарки.

Достаю из багажника джипа богатый восточный халат для хозяйки, украшенный золотом кальян для Саида и большой чемодан. Месье Жак сразу понял, что там внутри, на его глазах блеснула счастливая слезинка:

- Месье Фэд, я знал, что вы хороший человек, но теперь я всем буду говорить, что вы – человек высокой души.

Аккордеон нежно поёт в уютной комнате, наша беседа льётся непринуждённо, словно и не было позади горя, голода, стрельбы в горах и на море. В старости переселюсь сюда, помирюсь с Козлевичем... Сара притихла возле музыканта. Её мать преподавала в консерватории Осло. Надо будет навестить эти места, чтобы снять с души чувство невыполненного перед ребёнком долга.

- Месье Жак, вы не будете возражать, если наша девочка будет приходить к вам и брать уроки музыки?

- Ко мне уже ходят Николя и Елена. У мадемуазель Алины плохо заживает нога, но она говорила, что приведёт девочек, как только выздоровеет.

- Мы с тётей Зоей уже договорились, что она возьмёт и нас с Люси на следующей неделе.

Зоя – мать Елены. Она – программист, очень занятой человек. Это она организовала и обеспечивает работу нашего маленького интернета. Спасает только то, что компьютер стоит у неё дома, и она между делом может присматривать за дочерью. Нас прерывает телефонный звонок. Да, ребята успели сделать даже это!

- Тебя, - Саид протягивает трубку.

- Фэд, тревога. Возле фиорда вертится подводная лодка. Ждём на "Европе".

Прощаемся с друзьями, мчимся в город. И вот корабль, совершив обходной маневр, чтобы не выдать местоположения Ковчега, на самом малом крадёт в тени островов к чёрному корпусу, застывшему в проливе. Петя не обнаружил сигнала радара, в воде – тишина. Чего ищет здесь этот убийца? Мы на боевых постах. Мистер Ник держит врага на мушке смертоносного бомбомёта. Рано, ещё полмили.

- Известное судно, координаты... Прошу на связь. Здесь дизельная подводная лодка норвежских ВМС "Пиранья".

- Акустик засёк, молодец, - комментирует Петя.

- Вольный морской охотник "Европа". Слушаю вас.

- У нас мирные намерения. Мы нуждаемся в помощи. Горючее на исходе, батареи разряжены. Много людей на борту, у нас заканчиваются продукты и вода. Готовы принять любые условия.

- Нам надо подумать, подождите несколько минут.

- Принято.

Вот так. Совещаемся. Ловушка? Сомнительно. Они давно могли всадить в нас торпеду. Попробуем?

- "Пиранья", мы высылаем бот. Пожалуйста, без глупостей, вы у нас на прицеле.

Моя десантная команда высаживается на борт субмарины. На верхней палубе нас встречает офицер и женщина в гражданской одежде.

- Капитан-лейтенант Морис Эдда, командир корабля, моя супруга Мишель.

- Главный инженер Солнцев. Какие у вас проблемы?

Скоро я сам буду рассказывать спасшимся морякам их истории. Субмарина вернулась из учебного похода в родной порт. Был какой-то праздник, на борт поднялись жёны с детьми. В этот момент получили сообщение из Атлантики о гигантском цунами. Штаб дал приказ: немедленно покинуть гавань, отойти подальше от берега и погрузиться на перископную глубину. Значит, не во всех штабах сидели отвыкшие от болтанки крысы!

- Мы поняли, что последствия будут серьёзными. Семьи остались с нами. Волну пережили без особых потерь. Но база перестала существовать. После цунами на неё обрушились две баллистические ракеты. Мы исследовали все фиорды Норвегии, но лишь в некоторых местах встречали людей, которые сами нуждались в помощи. К нам прибило шесть человек. В районе крупных городов – радиационное заражение. Осло превращён в пепелище. (Бедная Сара!). Нашли выброшенный на скалы корабль, с него брали горючее. Припасы искали в разрушенных городах, перебивались, как могли, ловили рыбу. Вчера услышали мощный залп в этом районе, на остатках топлива пришли и стали ждать. О дальнейших планах боимся думать. Что делать с женщинами и детьми, они уже изнемогают в нашей тесноте.

Я связался с Максом, совещались по-русски. Незачем знать подводникам все подробности.

- Командир. Мы – представители международной колонии людей, спасшихся в катастрофе. Имеем неплохую материальную базу, обживаем принявшую нас землю. В нашем составе двое ваших коллег с британского подводного ракетоносца. Они стали нам хорошими товарищами. У нас никто не приказывает и никто не ждёт приказов. Мы делаем всё, что в наших силах. Для того, чтобы наши дети имели будущее. Чтобы нам не было стыдно глядеть в глаза их матерям. Если вы согласны на такие условия, мы с радостью примем вас, нам нужны рабочие руки. Если же вы предпочитаете оставаться верными присяге тому государству, которое прекратило существование – мы дадим вам немного припасов, и в добрый путь. В таком случае забудьте сюда дорогу: времена тяжёлые, в следующий раз мы можем применить оружие. Ваш корабль стоит на минном поле, оператор держит руку на кнопке. Посоветуйтесь с товарищами и семьями. Лёгкой жизни не будет, но от голода и холода этой зимой мы не умрём. У вас один час.

- У нас было полгода страданий. Мы не смели мечтать о таком. Я говорю это от имени всего экипажа, чиф.

Женщина плачет. Сколько слёз мне ещё предстоит!

- Мишель, всё будет хорошо. Худшее – позади. Добро пожаловать на Ковчег.

Глава 21.

Бед и людей.

2013, сентябрь, 22. Ковчег.

Их оказалось шестьдесят четыре человека. Тридцать двое – экипаж. Четверо назвались водолазами, их подобрали на большом острове с вершиной, покорить которую для экстремалов Европы считалось честью. Покорили. Скатились вниз, потеряв троих. Два месяца жили рыбалкой, пока не появилась "Пирания". Двое – рыбачили на катере. Когда судёнышко взлетело, как вертолёт, на сопку – сказали себе: нас так просто не возьмёшь. И начали спуск. Ели тухлую рыбу, но дошли до воды. Тоже жили рыбалкой. Как я ненавижу скумбрию, ведь я родился на свет инженером – сказал один. Второй тоже пресытился рыбкой. Специалист по прочности летательных аппаратов. А что, и самолёт построим! Налегают на консервированные салаты. Девятнадцать женщин и девять детей – семьи подводников. Сидели, как селёдка в бочке, вот уж кто настрадался! Они восхищены каютами "Феликса", горячей водой, свежим бельём, шикарными платьями. Худые, измученные. Малыши бегают в просторном ресторане, их матери волнуются: не заблудились бы дети в лабиринте коридоров. Девушки из пассажирской службы корабля утирают слёзы: мы проследим, не волнуйтесь, мэм. Они сегодня махали топорами и на хрупких плечах таскали брёвна. Но сейчас надо дать уют и покой измученным людям. Женщины и дети ушли спать. У офицеров подлодки красные глаза, но службу надо нести.

- Что мы должны делать?

- Два дня отдыха. Мои люди тоже устали. Планов много. Будем решать на свежую голову. Отбой.

Макс тяжело поднимается со стула. В свете люстры я вижу его волосы. Как я не заметил, когда он стал седым. Встречаю взгляд Мари: на себя взгляни.

Пытаюсь шутить:

- Седина украшает мужчину.
- Идём отдыхать, мужчина ты мой милый, - Ева берёт меня за руку.
- Лодку надо гнать в Брест. Нужен ремонт. С вашего позволения, Макс, я обеспечу поход, - мистер Ник тоже уставший, мешки под глазами.

В Брест отправлялась большая команда. Мистер Шепард получил приказ провести "Пиранию" в подземную базу так, чтобы экипаж не узнал её точного места расположения. Морис Эдда согласился, что мы не можем доверить такую тайну малознакомым людям. Его экипаж не станет подниматься на верхний ходовой мостик, пока мистер Ник будет управлять кораблём. Затем вход в базу будет закрыт, для ремонта и проживания экипажа там созданы идеальные условия. Миссис Джейн вызвалась помочь в организации технических работ. Капитан-лейтенант недоверчиво взглянул на неё.

- Командир, вы пока мало знаете эту леди, но чтобы потом даже не просили меня. Не отпущу, даже если сама потребует - я был категоричен. Пухлые щёчки Джейн зардели от удовольствия. Compliment, тем более заслуженный, приятно услышать любой даме. Красивая женщина. У Петрухи со вкусом порядок.

В отсеки субмарины спустились ещё двенадцать человек. Это были молодые люди, инженеры-энтузиасты, которые решили построить электростанцию, работающую на энергии морских волн и приливов. Проект оригинального устройства уже разработан их коллективным методом, папка с чертежами была увесистой. Времени на раскачивание не было, и проектированием молодёжь занималась по ночам, после работ на строительстве. Я тоже приложил руку, несколько моих рекомендаций молодые конструкторы приняли без единого замечания. Опыт не пропьёшь! Подземный завод ожидала серьёзная нагрузка. Оставался открытым вопрос, где взять мощный электрический кабель, который будет транспортировать энергию с острова, находящегося на входе в фиорд и принимающего на себя удары волн открытого моря. А это без малого двадцать миль. Но и на этот счёт была идея. Норвежские водолазы, горе-альпинисты, работали раньше на ветряных электростанциях, целые поля которых стояли у побережья Шотландии. Они знали, где искать. Водолазного снаряжения было достаточно, они заняли один из салонов "Феликса" и доводили свою технику до нужной кондиции.

На "Пирание" снова стало тесно, но никто не роптал. Ознакомившись с Ковчегом, подводники не находили слов, чтобы выразить своё восхищение. Их семьи были устроены с таким комфортом, о котором сегодня мало кто мог мечтать на этой планете. Мишель Эдда и её товарки включились в общую работу. Сегодня я встретил их одетыми в рабочие комбинезоны у кабинета Юргена Ива. Их дети, как и все другие, были оставлены на попечение Алины, профессиональной воспитательницы. Они не только развлекались. Им тоже приходилось выполнять нетяжёлые, посильные работы. Никто у нас не был

иждивенцем. Как учили классики марксизма, от каждого – по способностям. Таковы были суровые реалии.

"Европа" поделилась с субмариной топливом. Торжественно подняли зелёный флаг, и лодка в позиционном положении покинула ставшую родной базу. На выходе из фиорда она ушла под перископ. Скрытность – главная черта подводников. Она не будет лишней. А мы уходим в новый поход. Командир субмарины оставил координаты повстречавшихся одиночек и небольших групп людей, остававшихся выживать на опустошённых островах и побережье. Подводники просто не в силах были им помочь, но обещали вернуться при первой благоприятной возможности. На этот случай им были оставлены сигнальные ракеты.

Мы были уже сутки в пути, когда Петя принял шифrogramму с Бреста. Он организовал дальнюю радиосвязь по принципу сжатого сигнала. Текст радиogramмы записывался на специальный магнитофон, шифрующий послание. Затем скорость ленты изменялась до такой степени, что запись длилась лишь долю секунды. После этого краткий сигнал уходил в эфир. Засечь такую радиостанцию очень сложно. Петя расшифровал полученный сигнал:

- Здравствуйте, Максим Николаевич, - услышали мы голос Семёна Исаевича. – Мы все живы и здоровы, чего и вам желаем. Работаем потихоньку, всё шло хорошо до сегодняшнего дня. В десять тридцать мы заметили на экранах наблюдения, что в бухту входит большая подводная лодка. Едва она стала приближаться, раздалось несколько мощных взрывов, мы даже здесь их услышали. Корабль стал тонуть, его разорвало на части. Но нескольким морякам удалось спастись, они вплавь добрались до берега. Один не дотянул, бедолага. Мы наблюдаем за ними, они ранены и нуждаются в помощи, но мы боимся выйти. Жалко людей. Что нам делать? Ждём вашего решения.

- Петя, готовь запись.

- Готово. Микрофон, командир.

- Здравствуйте, Семён Исаевич. Через сутки полагаем прибытие к вам другой, нашей подводной лодки. Не пугайтесь, её приведёт мистер Шепард. Он получит указания относительно терпящих бедствие подводников. Им следует помочь. Но вам лучше не ввязываться в это дело, они могут быть опасными. Наши моряки сами решат этот вопрос. Привет от нас всех вашему коллективу. Скучать вы не будете, с вами будет много людей, им предстоит хорошо потрудиться на нашем заводе.

- Мистер Шепард, добрый день. В Бресте на наших минах подорвалась и затонула неизвестная субмарина. Спаслись несколько человек, они бедствуют на берегу. Прошу вас со всеми предосторожностями оказать помощь и выяснить их настроения. Если они не будут возражать, а именно на это я надеюсь, примите их в наши ряды. Будьте внимательны, чтобы они не натворили беды. До связи.

- Отправлено, получил подтверждение о приёме!

- Благодарю.

- Служу ридному Ковчегу!

- Я тебе наслужу. Китайское замечание.

- Есть китайское замечание. Но я ведь действительно служу.

- Допрыгаешься, Петруччо, наплачешься с битой попкой.
- Наплачусь, Ильич. Что у меня за язык? Джейн уже воспитывала, воспитывала, а толку – никакого. Тебя, Питер, говорит, могила исправит. И за что она меня любит?

Не исправит, подумал я. Ты и на том свете балаболом останешься. Будешь святому Петру голову морочить. Любить тебя есть за что, и мы любим, иначе давно бы выпороли, честное слово. Но не стал говорить вслух.

К вечеру прибыли на место предполагаемого лагеря группы спасшихся рыбаков. Их баркас затонул, но кое-какие снасти удалось отыскать, и они занимались знакомым делом. Жили тоже в основном пойманным уловом. В фиордах по-прежнему в изобилии водилась рыба, невзирая на мутные потоки с гор, нарушившие чистую голубизну прекрасных ранее заливов. Ракета устремилась ввысь. Над соседним мысом вскоре вспыхнули три красных огня. Есть контакт. Навстречу выплывает странное сооружение: то ли плот, то ли лодка. На борту восьмеро. Бородатые, в лохмотьях – ну прямо викинги. Предки были бы довольны их бодростью и уверенностью в себе. Держатся достойно. Да, с удовольствием, хотя нам и тут неплохо. Хижину срубили, рыбы накопили – перезимуем! Ещё и уток настреляли на соседнем озере. Из чего? Из луков! Жить захочешь – быстро научишься. Настоящие мужики. До темноты перевозили их запасы на борт. Пригодятся, у нас теперь много едоков.

Переночевали на якоре. Ребята отмылись, побрились, получили одежду. Как они кушали – приятно посмотреть. Тот день на борту вообще-то был рыбный, но мудрый Виктор Иванович поостерёгся наживать себе врагов-викингов и приготовил им борщик с кашей. Если верить старой примете, работники будут хорошие. Да они это и так доказали. Сразу к делу: боцман, а у вас сети есть? Да как же без сетей? А нить? Есть? Отлично. И с утра на палубе открылась артель по изготовлению рыбацких принадлежностей. Теперь Ковчег от голоду точно не пропадёт! Правильно сказано: рыбак – дважды моряк.

- Кэптэн Соломонов, сэр. Подобрали семерых французских моряков. Ранены, миссис Джейн с миссис Марией оказали помощь. В рабочем состоянии, раны не опасны. Рядовой состав турбинного отсека. Корабль пиратствовал, переживают. Я им пригрозил международным трибуналом, Богом клянутся, что не участвовали. Мародёрствовали, но мы и сами не святые. Приняли присягу, готовы служить. Голодные. Куда им деваться? Присматриваем, пристроили к делу. На мой взгляд, нормальные ребята. Гражданские инженеры приступили к работе, до ночи что-то варят, сверлят, крутят гайки. "Пиранья" в процессе, мистер Эдда все вопросы решает только с миссис Нико..., простите, Гарбуз. Всё идёт по плану, который она составила. Мистер Ворона потребовал двух крепких парней. Они тут разложили всё по полочкам, в компьютере – полный отчёт. Только осталось развезти несколько сотен тонн снабжения. Оружия достаточно. Будем готовы – дадим знать. Конец связи.

Приятно услышать добрую весть. Мой друг даже привёл к присяге испуганных, растерянных моряков. Вот уж служака. Но спас семерых.

Семь человеческих судеб. Это ему зачтётся, даже Петруха не заболтает тёзку-апостола. Что, дорогой, пойдём к попам? Доплавался.

Движемся дальше. На той возвышенности чудом спаслась молодая семья с сыном-подростком. Они выехали покататься на лыжах высоко в горы. Их хорошенько выкупало, но они находились выше смертоносной мощи волны. Чуть не погибли с голоду, кушали молодые побеги деревьев. Затем спустились в разрушенное селение, рылись в помойках, питались полусгнившими остатками пищи. "Пирания" не могла принять их на борт, но оставила рыболовные снасти. Благословенная рыбка и здесь помогла людям выжить. Видать, коку до конца похода надо забыть о рыбных блюдах. Побьют.

Следующей ночью замечаем костёр в месте, не обозначенном на карте капитана Эдда. Огонь как-то странно помигивает.

- Сигнал SOS, командир! – через пару минут разобрался Петя. Есть, за что тебя любить, дорогой.

Утром направляемся к густому столбу дыма на берегу. Тот, кто сигналил, хорошо знает своё дело! Спускаем бот.

- Лейтенант норвежских BBC, командир корабля Майкл Дорн.

- Второй пилот сержант Ирвин Гаусс!

- А где же корабль?

- Вертолёт на вершине сопки. Мы выполняли патрульный полёт в прибрежной зоне, когда налетело это чудовище. Высота полёта была девятьсот метров, нас так завертело в воздухе – еле выровнял машину. Мы сверху видели весь этот ужас. Снится по ночам. Потом на побережье стали расти грибы атомных взрывов. Мы поняли, что возвращаться некуда.

Волосы молодых парней серебряные. Как они не сошли с ума? Видеть всё это...

- Выбрали подходящую площадку повыше. Я больше не мог управлять машиной, руки не слушались. Сели. Спустились к морю. У нас был аварийный комплект, ловили рыбу.

Напрасно рыбаки вяжут свои сети. Половина населения Ковчега не станет пользоваться результатом их трудов долгое время.

- Аппарат в рабочем состоянии?

- Так точно. Горючего на полтора часа полёта. Только аккумуляторы сели. Остались без радио.

- У вас должны быть сигнальные ракеты, почему не пользовались?

- Истратили все, пытаясь привлечь внимание подводной лодки. Но они почему-то не отреагировали на сигналы.

- Им было не до вас. Сами бедствовали.

Макс приглашает их к штурманскому столу.

- До этой точки сможете долететь?

Лётчик берёт в руки инструмент. Только штурман умеет так держать циркуль. Капитан удовлетворённо прокашлялся. Он профессионал высшего класса, умеет оценить коллегу.

- На экономном режиме долетим. А что там?

- Там живут люди. Наша коммуна под названием Ковчег. Люди из разных стран объединились, чтобы выжить. Каждый делает свой посильный вклад, порой и через силу приходится. Но мы уже уверены в завтрашнем дне, у нас есть кров и пища. Вы с нами?

- Если бы вы знали, как надоела рыба, вы бы не спрашивали.

Эта песня хороша, начинай сначала. После плотного завтрака, с пилотами готовим к вылету семью Генри Бокса. Вспомогательный отсек боевой машины тесноват, но сегодня люди будут в госпитале. Они на грани дистрофии, наши врачи поставят их на ноги быстрее, чем Мари в лазарете "Европы". Матросы нагружаются тяжёлыми батареями. Над головами с грохотом проносится грозная боевая машина.

- До встречи, кэптэн! – звучит в динамиках. – Доброго плавания!

- Мягкой посадки!

Макс уже предупредил Ковчег, там срочно готовят посадочную площадку, сигнальные огни. Через час двадцать получаем доклад: сели успешно. Теперь у нас не только морской флот! У нас ещё и воздушный! Надо искать керосин.

Десять дней "Европа" исследует бесконечные шхеры. Где по плану, а где случайно подбираем одиночек или небольшие группы людей. Сорок два человека. Некоторые совсем плохи, многие ранены. Мари с Евой валяются с ног, им помогают относительно здоровые спасённые женщины. Естественный отбор в его жестоком варианте. Выжили молодые, сильные и предприимчивые. Одна пара нас не дождалась. Они лежали под обрывком брезента. Высохшие скелеты. Похоронили и двинулись дальше. Нашли пару судов, выброшенных на скалы. Одно висело так высоко и опасно, что мы не осмелились к нему приблизиться. Тогда Ева дала несколько очередей из пушки по камням. Со страшным грохотом бывший сухогруз сполз на прибрежную отмель. Удивительно, но мы нашли на нём горючее, которым до отказа заполнили цистерны "Европы". Даже немного осталось. Свинтили некоторые сохранившиеся механизмы. Запомним это место. Пассажирский паром, перевернутый вверх килем, застрял между скал на высоте ста метров. Ни одного человека. Осторожно обследовали. В трюме было множество автомобильной техники, в основном разбитой. Неимоверными трудами, с ручными лебёдками и газовыми резаками, выковыряли два исправных тягача, три легковушки и четыре мотоцикла. Капитан дал три дня на разграбление техники. Снимали моторы, колёса, аккумуляторы – всё, что может пригодиться. Моя команда потрошила машинное отделение. Нескоро промышленность возобновит выпуск запасных частей и готовых механизмов. Осадка судна снова начала опасно расти. Капитан прекратил шабаш, но я запомнил это место.

Возвращаемся домой, расселяем людей. В салоне "Феликса" оборудован госпиталь. У нас есть хирург и окулист, несколько молодых девушек прошли краткий курс сестринской подготовки. Встретил Зульфью, расцеловались, убежала. Малышка справляется, говорит главный врач. Умеет успокоить, повести больного по пути к выздоровлению. Лёгкая рука. Это точно, её даже тупые бараны слушались. Вместе с Мари это уже серьёзное заведение. Она оборудовала прекрасный зубной кабинет, поэтому на стоянке Макс ходит злой и одинокий: у жены приём. Просит

Еву ночью всадить "Феликсу" пушечную очередь в район семьдесят шестого шпангоута, вторая палуба, левый борт:

- Никакой личной жизни. В море – на мостике, здесь – этот проклятый кабинет.

- Надо было жениться на Алине. Она всегда дома, куча детишек, - подкалываю друга.

- Так любовь! Она у меня хорошая, только слишком ответственная.

- Кто бы сказал! На себя посмотри, она от тоски по тебе на работу сбежала, - Ева научилась жестокой Петиной игре. – С утра до ночи носится на своём джипе по всему острову, людям покоя не даёт, домашнее хозяйство забросил. Калитка покосилась!

- Какая калитка? А разве у нас есть забор? Не помню.

Да, видно, Ева права. Заборов у нас нет, но купила она Макса качественно.

- Ты должна Петрухе пол-литра. А говорила: не умею!

Смеёмся. Радостно на душе. Город растёт, красивые домики уже выстроились в несколько улиц. В центре – мэрия. Там правит глава строительства, он же единогласно избранный городской голова господин Ив. Рядом – школа. Более двух десятков учеников, профессиональный директор и два учителя. Детишкам читают предметы профессор физики, программист, литературовед и инженеры. По пятницам приходит с аккордеоном месье Жак, и весь город примолкает, слушая детское пение. Ради него живём.

Глава 22.

Нежданные гости из прошлого.

2013, октябрь, 18. Шетландские острова.

- **Я** знаю, где искать горючее, - лейтенант Дорн подходит к карте. - На этом острове базировались военно-транспортные самолёты. Насколько помню, ядерных ударов в этом районе не было. Остров невысокий и почти плоский. Там наверняка всё смыло, но подземные хранилища должны были устоять. Двадцать минут лёту, а у меня пустые баки.

Для "Европы" это были не двадцать минут, а полдня. Пилоты растерянно осматриваются: покрытая коркой высохшего ила пустыня. Кажется, здесь. Копаем. Господи, ну когда закончится эта грязь? Нашли к вечеру. Тащим генератор, насос, шланги, бочки. Технику оставляем, бочки катим к боту. Адский труд. Домой.

Вертолёт делает несколько рейсов. В подвесных баках и бочках привозит шесть тонн керосина. На случай экстренного вылета.

Отправляется на воздушную разведку. На месте второго пилота – водолаз Джо Мунке. Они ищут сохранившиеся ветряки электростанций. Находят, отмечают на карте. Тем временем "Европа" принимает на борт подводное снаряжение и специалистов. Уходит. В машине за старшего – Вася Муравьёв. Волнуется, я пытаюсь поддержать:

- Держись, "дедушка", я буду рядом.

"Деду" двадцать девять лет. Хоть бы не натворил там дел.

Я с Геной готовлю машину "Шельде". На мостике – капитан Ганс Моргенстар. Больше никому, Ник до сих пор в Бресте. На палубе – рыбаки. Матросов тоже не хватает. Так становятся универсалами. Куда деваться? "Европе" не хватит мощности тащить на буксире кабель весом в сотни тонн. Подходим в точку randevu. Водолазы уже работают, но не такое это простое дело. Вода мутная, нет специального оборудования. Но и этому приходит конец. С матами, с потом и кровью кабель закрепили на корме балкера. Водолазы долго проверяют, не зацепился ли он за что-нибудь на дне. Даём самый малый. Вскоре турбины выходят на зубодробильную частоту полного хода. Движемся уже два часа, можно сказать, полёт нормальный. Кабель сильно тормозит движение, но против девятнадцати тысяч лошадиных сил мало что может устоять. Скорость не более трёх узлов. "Европа" рыскает рядом, все приборы наблюдения и разведки в боевом режиме. Петя обнаружил летательный аппарат. Не наш. Команда на Ковчег: экипажу Дорна – боевая тревога! Вижу, как Ева разворачивает пушку навстречу приближающейся цели. Вот он уже завис над нами. Небольшой вертолёт выбрасывает трап, и по нему на палубу "Шельде" спускается фигура. Стоп машина! От "Европы" мчится бот. Максим встречает гостя в кают-компании.

- Капитан Соломонов.

- Помощник президента независимой Шотландии, мистера Хайкеса, полковник Никсон. Вы нарушили наши территориальные воды. Ваши суда арестованы. Извольте следовать в Лервик для выяснения и судопроизводства.

- И кто же нас будет судить? Грязный ил, покрывший Шетландские острова? Или радиационное излучение в Скапа?

- Капитан, не забываетесь! У нас достаточно сил, чтобы прекратить анархию и мародёрство. Предупреждаю, что в случае невыполнения приказа вы будете атакованы с воздуха.

- Этой стрекозой?

- У нас имеются и боевые машины!

- У нас тоже кое-что имеется. Не рекомендую. Прошу покинуть мой борт и освободить воздушное пространство в радиусе пяти миль. У вас десять минут, время пошло. По его истечении вы будете выброшены за борт, а ваш вертолёт сбит. Вон!

- Вы об этом пожалеете!

- Вы тоже. Разговор окончен.

Убегает на палубу, ловко взбирается по лесенке. Вертолёт уходит в том направлении, откуда появился – на запад. Значит, они в Лервике.

- Петя, дай команду Дорну: отследить этого стрекозла, - командует Макс.

- Всем – боевая тревога!

- Ганс, полный вперёд! Если начнётся – сбрасывайте буксир и маневрируйте, нам не нужны жертвы, - прыгает в бот, мчится на "Европу".

Высоко в небе проплывает силуэт нашего вертолёта. Навестившая нас стрекоза уже превратилась в точку. Петя хорошо знает своё дело. Он устроил защищённые каналы прямой связи, для расшифровки наших переговоров нужно потратить время и силы.

- На горизонте две цели, движутся в вашу сторону на высоте двести, скорость двести двадцать, дистанция пятнадцать. Полагаю, боевые вертолётёты. К бою готов!

- Применяйте оружие по вашему усмотрению, лейтенант!

- Принято.

Он резко теряет высоту, выходя наперерез двум точкам, появившимся над морем. Ракеты прочерчивают небо дымами, устремляются к противнику. Вспышка! Есть один! Дорн закладывает хитрый маневр уклонения: к нему тоже несутся ракеты. Машина во все стороны плюётся яркими огнями – тепловыми ловушками. Пронесло! "Европа" самым полным ходом несётся к месту схватки, трассеры уже тянутся к оставшемуся вертолёту врага. Мы не отрываем глаз от биноклей. Майкл не теряет времени. Выйдя из виража, он снова устремляется к противнику. Ракеты закончились у всех, начинается ближний бой. Но в нём уже принимает участие и "Европа". Вражеский пилот понял, что погорячился. Удирать поздно, и он устремляется к нашему кораблю. "Европа" в упор всаживает в него залп всего наличного оружия. Макс потом скажет мне, что стрелял даже со своего пистолета. Лишь мелкие обломки падают в воду.

- Продолжаю преследование, - докладывает наш пилот.

- Будь осторожен, Майкл, там наверняка зенитки.

- Как же без них?

Бой продолжается за горизонтом. Мы только слышим краткие доклады. Майкл в пылу сражения забывает переключиться на внутреннюю связь, слышны отрывистые, возбуждённые команды на норвежском. Я только разобрал резкий возглас Ирвина:

- Ракета!

Долгая тишина. У меня стали шевелиться волосы на голове. Но вот снова в эфире голос Майкла:

- Feuer!

И лай такой же пушки, как у Евы. Я, атеист по воспитанию, перекрестился.

- Геликоптер уничтожен! У них тут бункер! Высунули нос, постреляли, и снова спрятались!

- Отметь на карте, Майкл. Возвращайтесь на базу. И спасибо.

- Не за что, кэптэн. Такая у нас работа.

- Родину защищать, - добавил Петя. И огрёб-таки от капитана по шее.

Сбитый вражеский вертолёт успел дать пушечную очередь по "Европе". Тяжело ранило парня из роты охраны. Через час он скончался. Макс разозлился. А когда он злой, даже я стараюсь быть маленьким и незаметным. "Европа", получив координаты бункера, помчалась к Лервику. Тяжёлые донные мины просто кантовали по засохшей грязи. Адская работа, но прикатали шесть штук. Три – под задрайку небольшого входного люка. Три – на большой квадратный участок, выпускавший вертолётёты. Ева взвела взрыватели, все укрылись в ложбине подальше. Грохнуло так, что мы услышали в сорока милях. Из люков никто не выползал, и ребята с фонарями и автоматами ворвались в бункер. В просторных коридорах оказалось немного желающих

сопротивляться. Большинство из этих крыс были контужены и ранены, несколько убитых. Озверевшие моряки, что называется, мочили направо и налево. В живых оставили только главного. Он заперся в отдельном кабинете и визжал от ужаса. Пришлось снова применять взрывчатку. Без сознания, с окровавленными ушами и носом, в мокрых штанах его приволокли на "Европу".

В эфире голос Макса:

- Ковчег, у нас всё в порядке. Противник уничтожен. Юрген, если лейтенант Дорн рядом, пригласите на связь.

- На связи, кэп!

- Я бы попросил вас навестить эти места ещё раз. Мы нашли много интересного, но мало разбираемся в авиационной технике. Нужен эксперт.

- Взлетаю!

"Европа" надолго задержалась на острове. На плечах таскали ракеты и бомбы, ящики снарядов и патронов, стингеры, горы оружия и продовольствия. Уже хотели вызывать "Шельде", но потом смотались в Ковчег, разгрузились и взяли крепких ребят. В отдельном топливном танке увезли почти сто тонн керосина. Бочки с авиационными маслами. На палубе теснились два джипа, и даже бронетранспортёр. Запасливый крыс имел много семян и посадочного материала, и это было главным нашим трофеем. Всё, нажитое непосильным депутатским трудом, было доставлено на Ковчег. Там были припасы, с которыми наше население могло бы безбедно существовать полгода. Хорошо приготовился к новой жизни, ворюга.

Майкл с Ирвином ликовали. Их боевая машина была обеспечена оружием и запчастями на годы вперёд. Но лучше бы им всё это не пришлось применять.

Тем временем мы буксировали злосчастный кабель. Моя пиратская натура рвалась в обнаруженные кладовые, но про нас словно забыли. Никого не волновало, какими муками нам с Гансом дался переход между островами. Лишь когда "Шельде" бросил якорь в бухте Ковчег, вспомнили. На борт поднялись Ева и Мари, Макс, Петя. С берега приехали пилоты. Усталые, комбинезоны стали жёсткими от соли. Потели все, в том числе несчастные женщины. Сколько же могут выдержать их нежные плечи!

Объятия, поцелуй любимой. На мостике – праздник. За трудами некогда было проводить его официально. А стоило!

- Лейтенант Дорн, сержант Гаусс! Поздравляю вас с боевым крещением. Вы храбро сражались, ребята. В первом бою – и такая победа! Без вас нам пришлось бы худо, - Макс поднял рюмку. Под громовое "Ура!" пьём за героев.

- Это наша работа, кэп, нас этому долго учили.

- Недавно я это слышал от одного знакомого. После того, как он потопил корабль противника. Вы, военные, все скроены на один лад.

- А почему вы не воздаёте должное, к примеру, мистеру Фэду? Ведь он тоже хорошо сделал свою работу?

- Я ещё проверю его работу. Кабель не повреждён?

- Водолазы ушли в воду, проверяют. Это займёт не один день.
- Вот тогда и поговорим.
- Вот так, ребята, благодарят за работу на торговом флоте. Дёрнул меня чёрт выучиться на механика. Ведь с детства мечтал о небе.
- Так приходите, мы научим! Керосина – сколько хочешь. К нам уже обращались, мы обещали.
- А что, и уйду. Поплачете без меня. А я сверху ручкой помашу.
- Обойдёмся. Василий уже вырос, Джейн тоже никогда не предаст флот.
- Как парень?
- Молодец. Уверенно так говорит: "Жмите до полика, капитан!". Только пошlostям учишь молодёжь. Замечаний не имею. Достоин.
- Не пойму вас. В глаза ругаете, заочно хвалите.
- Чтобы не воображали, Ирвин. А то задерут нос, как ваш любимый мистер Фэд. Потом управы не найдёшь. Знаешь, как русские говорят? Бей своих, чтобы чужие боялись.
- Он его любит больше, чем меня. Но при посторонних стесняется.
- Любовь и дружба – разные вещи, Мари. Если есть взаимная любовь – дружба всегда прилагается. Но бывает дружба без любви. Ну не любит он меня! А я – его. Вот так, братишка, не люблю тебя, – я надул губы.
- Забирай свои игрушки и не писай в мой горшок, – завершила Ева наши признания. Народ, наконец, понял, раздался смех. – Я уже почти год наблюдаю этих пациентов, но понять их сумею нескоро, так что вы просто не обращайтесь внимания.
- А меня любит только Джейн, остальные лишь по шее дают да уши дерут, – вставил злопамятный Петруха.

Глава 23.

Инженерная мысль и уроки плавания.

2013, ноябрь, 07. Острова.

"Пиранья", как новая копейка, стоит в бухте. Спасённые французские моряки и норвежские подводники изучают город и ферму, заигрывают с девушками. Вскоре они вместе с ними трудятся на стройке. Девчата у нас бедовые. Петя потребовал отпуск себе и Джейн, и капитан не мог отказать молодым людям в двухдневном отдыхе. Мистер Шепард сделал меня вдовцом при живой жене, остаётся утешать горе трудом. Сбегали на "Европе" в Брест, загрузили группу инженеров, и по частям – громадные конструкции. Обновили потревоженные минные поля. Да, чёрной неблагодарностью ответили мы подводникам за такой подарок. Заслужили. Сколько миллионов невинных жертв на вашей совести?

Выгружаемся на скале у входа в наш фиорд. Её недавно обследовали и картографировали. Здесь уже работают полсотни человек и мощная техника. Юрген, скрепя сердце, выделил людей. Он понимает, что здесь куётся наша мощь. В гигантском гроте уже заложены фундаменты под оборудование и дамба. Во время прилива сюда поступают миллионы кубометров воды, с отливом уходят. Если никто не тронет Солнце и Луну, а в этом с некоторых пор уверенности нет, то этот процесс будет

длиться долго. Проходя через турбины в дамбе, вода будет производить электроэнергию. Вход в грот планируем заложить. Тогда воздух внутри будет сжиматься огромным поршнем дышащей водяной поверхности. Пропустив его через специальную трубу, получим дополнительную энергию от воздушных турбин. Чтобы не зависеть от "простоев" между приливами и отливами, решили построить накопитель энергии в виде маховика. Предстоит экспедиция в одно место. Вся Норвегия была покрыта сетью горных транспортных тоннелей. На входе в один из них был обнаружен товарный поезд. Что он вёз – будем смотреть. Но нас интересуют его колёса. Если раскрутить до приличной скорости штук шестьдесят таких колёс – они будут долго вращаться по инерции. Будет избыток энергии турбин – пусть разгоняют маховик. Встанут турбины – маховик отдаст накопленную энергию в сеть. Вечный двигатель! Мало того, ребята привезли странное сооружение, напоминающее гигантскую гусеницу. Оно будет погружено под воду с морской стороны острова и использовать энергию волн. Судя по размаху, комбинированная электростанция сможет обеспечить энергией большой город с промышленными предприятиями.

- А вы думаете, Ковчег так и останется горной деревушкой? Мы только начинаем жить!

Вот за что я люблю молодёжь!

- Как вы умудрились соорудить это за короткое время?

- Работали по двенадцать часов, нам помогали мистер Василий и даже мистер Ворона. А без советов миссис Джейн и помощи подводников у нас вообще ничего бы не получилось. Миссис Маруся вкусно кормила.

Мужская часть юного коллектива тайно влюблена в мою коллегу. Надо предупредить Петра, хотя не стоит. Леди Джейн, как говорится, не из той породы.

Джейн с Петей явились на островок на второй день своего отпуска, и всё стало так, как надо. Я в который раз восхищался, как грамотно она умеет организовать работы, находить технические решения и успевать оказаться в нужном месте, в нужное время. Какая женщина! Петя принял деятельное участие в обустройстве автоматики и электронного хозяйства. Значит, всё будет работать нажатиями кнопок в диспетчерской Ковчега. Здесь Петя был непререкаемым авторитетом, молодые заглядывали ему в рот. Но он не драл нос, шутил, задибал товарищей, разыгрывал свои бесконечные приколы и стал своим парнем на деревне. Теперь уже Джейн следовало поостеречься: девушки млели, когда Петруха к ним обращался.

Алексей Иванович Торопов давно стал тут своим человеком. На "Феликсе" ему было скучно, и он с тремя молодыми ребятами монтировал распределительные щиты. Он сам помолодел, энергично жестикулировал в возникавших по ходу дела дискуссиях.

- Они меня часто убеждают в своей правоте. Отстал от жизни, какого чёрта меня потянуло на пенсию, - делился со мной. – Такая техника пришла, электроника, а я не могу угнаться.

Но опыт и знание старых схем, а особенно коллекция всевозможных хитрых решений, нажитая десятилетиями морской службы, не вошедшая ни в один учебник – это багаж, который вызывал у ребят благоговение.

Часто возникали непредсказуемые сложности, и тогда можно было услышать:

- Надо шефа позвать.

Работы шли такими темпами, как почти сто лет назад на строительстве Днепрогэса. Только там всё делалось руками полуголодных неграмотных людей, часто подконвойных. Здесь было по-другому. Виктор Иванович получил подкрепление с "Феликса", и обеды наши были разнообразными и сытными. Никто никого не заставлял, наоборот, ребят порой приходилось прогонять с работы на ужин. Образовательный уровень Ковчега превосходил все мыслимые стандарты. Даже студенты младших курсов иногда выдавали такие идеи, что пришлось протянуть двадцатимильный сетевой кабель, чтобы не упустить ни одной умной мысли, возникшей на берегу. Коллективное виртуальное творчество – этой находке мы были обязаны скромной молодой женщине по имени Зоя. Её муж, Теодор, был архитектором-дизайнером. По распечаткам его чертежей строились наши дома, ангар для вертолёт, укрепления на входе в бухту. Дамба электростанции была рассчитана по его компьютерной программе. Молодёжь боготворила своих виртуальных кумиров. Правильно сказал когда-то мой сосед:

- Хочешь, чтобы твои дети чаще дышали свежим воздухом? Поставь компьютер на балконе.

Мы сами вырастили такое поколение. Не было причин роптать. Ребята уходили в виртуал, иногда там зависали, чего греха таить, но возвращались. Брали в руки топоры и кувалды и превращали мечты в жизнь.

- Наши дети могли бы прекрасно поладить с ними, - горько прозвучал голос моего друга, когда нам удалось уединиться на мостике.

- Макс. Не терзай моё сердце. У нас новые дети, надо дать шанс им.

- Мари беременна.

- А ты – за упокой! Поздравляю, дорогой. Мы ещё не старики, повоюем! Вырастим детишек, дадим им будущее! Как я рад за вас!

Я обнял друга. Сколько нам пришлось пережить вместе! Сколько ещё предстоит.

- Мы вынесли всё, мы выдержим, нас уже не испугаешь! Наши дети не будут рыться в радиоактивных помойках. В добрый час.

В гроте постепенно исчезал дух дикой природы. На его место пришёл инженерный расчёт, строгость конструкций и неповторимое чувство победы над стихией.

- Надо решать с Хайкесом. Он уже выздоровел, сидит взаперти на "Феликсе".

Посоветовавшись с Юргеном, решили устроить выходной. Первый выходной день за всё время, проведённое на этом острове. Люди сами выбрали такой режим, какой принят на флоте: у нас непрерывное производство, некогда отдыхать. Иногда кто-то просил день или два отпуска, да и то для решения рабочих или личных проблем. У нас уже было более пятидесяти семей. Ну как откажешь молодым людям в святом деле?

Все собрались в большом ресторане "Феликса". Наверху уже шло строительство просторного Дома собраний. Слово взял мэр:

- Леди и джентльмены. Мы должны решить судьбу мистера Хайкеса. Введите подсудимого!

- Я помню его. Он был председателем комиссии по борьбе с коррупцией. Редко покидал Лервик, но как выступал, как обличал всех, - мистер Ник возмущённо задышал. Он продолжал свою воинскую карьеру. Воспитывал ставшую ротой группу охраны, находил необученных и необстрелянных даже в подzemелье электростанции и принуждал разбирать, чистить и стрелять. Инженеры роптали, но стреляли всё лучше. Пилоты вертолётa и подводники становились перед ним по стойке "смирно", торопливо застёгивали воротники. К военным у Ника был особо требовательный подход, расслабляться им он не позволял ни при каких обстоятельствах.

- Вы ещё пожалеете! Я не один, нас много спаслось в укрытиях! Мы установим законную власть!

- Чью власть, мистер Хайкес? - спросил Юрген.

- Власть тех, кто имеет на неё право от рождения или по способностям!

- Вы рождены наследным принцем?

- Я достиг своего положения трудом и усердием!

- Вы достигли вашего положения демагогией, обманом и коррупцией, с которой боролись на словах. На какие средства был сооружён и экипирован ваш бункер? На оклад депутата? По какому праву вы стали президентом Шотландии? Вас выбрал погибший шотландский народ? Вы – вор и бандит с большой дороги, пытавшийся силой оружия захватить имущество свободных людей.

- Это вы бандиты и воры, укравшие имущество моей родины! Убившие моих людей. Вы заплатите за это, ещё придут такие, как я!

- Пусть приходят. Мы уже готовы их встретить. Какие будут мнения, господа?

Начались прения. Молодёжь, а её было большинство, склонялась к максимализму. Люди постарше хотели, чтобы прецедент стал поучительным, но более милосердным. Депутату светила петля на шею. Но гуманность восторжествовала, хотя лично я и мистер Ник были против. Было решено дать зарвавшемуся политику шанс, как в старых книгах о пиратах. Ему предоставили немного запасов и снаряжения, и Майкл Дорн в тот же день доставил его в родной опустошённый бункер. Пусть поживёт своим трудом. Через год мы его навестим и проверим, насколько изменилось его мировоззрение.

Затем был банкет, концерт юных дарований под руководством месье Жака, танцы. Я никогда не умел танцевать. В раннем возрасте пристрастился к гитаре, был приглашён в вокально-инструментальный ансамбль, так это тогда называлось. И пока мои сверстники разучивали модные па, аккомпанировал им на танцах. Мари, сотворив немыслимый книксен, пригласила меня.

- Любимая, этот медведь истопчет тебе все ноги.

Я обиделся на медведя. С музыкальным слухом у меня порядок, хотя и стал глуховатым от воя турбин. Поэтому лишь попросил:

- Ты ведёшь танец и не обращаешь внимания, если нечаянно наступлю. Я потом извинюсь.

- Ты неплохо танцуешь. Это всё комплексы, Фэд.

- Хочу поздравить тебя с новой жизнью, Макс поделился со мной радостью.

- Спасибо. Что думаете вы с Евой?

- Трудимся, не жалея сил.

- Бог в помощь! Алина и Джейн тоже в положении.

- Петя – негодник. Лишить меня такого специалиста!

- Вы с Максом – пропащие люди. Вас интересует только работа.

- Ты ошибаешься, и в этом убедишься через несколько месяцев. Я знаю моего друга, вся его жизнь прошла на моих глазах. Его сын был моим крестником, и мальчик не мог мечтать о лучшем отце. Прости.

- Мой Жан тоже был хорошим папой. А я – плохая мать. Всё с вами в походах.

- Люси посвежела здесь, ей подходит климат. Саид говорил, что делает ей специальный укрепляющий сыр, Марфа знает старинные рецепты. Всем сейчас трудно, Мари. Но скоро у тебя появится время, всё наладится. Мы с Максом решили, что надо потихоньку вас с Евой переселить на берег. Не женское это дело – из пушки палить. Мистер Шепард – конченный милитарист, он сделал из моей жены машину.

- Он сделал из неё человека. Боюсь, Фэд, нелегко вам будет от нас избавиться.

- Время покажет. Благодарю за танец, мадам. Сколько раз я наступил на вашу ножку?

- Ни разу. И тебе спасибо. Ты прав, время покажет.

- Боевая тревога! Крупный военный корабль у входа в фиорд. Экипажу "Европы" занять места по боевому расписанию! Экипаж вертолёта – к бою! Экипажу "Пираньи" – следовать в точку согласно диспозиции! Операторам минных полей – взвести взрыватели! Береговым постам – орудия к бою! – голос мистера Шепарда в динамиках был напряжённым. Его труды на ниве боевой подготовки не пропали даром. Без суеты, но быстро люди заняли свои посты. "Пиранья" ушла под воду сразу после выхода из бухты Ковчег. "Европа", таясь за островами, через полчаса была в условленной заранее точке. Петя зафиксировал работу радаров и сонаров. Нас уже обнаружили, хотя мы и скрывались за мысом.

- Неизвестный корабль, координаты... Прошу на связь. Здесь вольный морской охотник "Европа".

- Вы-то нам и нужны, "Европа". Здесь ракетный крейсер "Эйган". Сдавайтесь, чтобы спасти ваши жизни. На размышления – пять минут. Потом ваш корабль, вертолёт и поселение будут уничтожены.

- Петя, картинку!

Акустик включил приборы. Макс потратил драгоценную минуту, вглядываясь в экраны.

- Сигнал второму оператору: огонь!

За мысом загрохотало. Даже через возвышенность были видны всплески страшных взрывов. "Европа" полным ходом рванула к противнику,

поливая его огнём. Наш порыв был яростным, но лишним. Крейсер уже отдавал Богу свою пиратскую душу. Несколько человек отгребали от него подальше, чтобы не засосало в пучину страшным водоворотом на месте крушения.

Выжили только четверо. Один из них - мистер Хайкес. Вот уж правда, что дерьмо не тонет! Он продолжал свои речи:

- Вас всё равно уничтожат! Ваши женщины станут наложницами хозяев жизни! Вы были и останетесь рабами, но вы даже не догадываетесь, какое иго вас ждёт!

К рассвету мы закончили восстановление минных полей и вернулись на базу. Население встречало на крепостной стене. Люди грозно молчали, когда мимо них проводили пленных. Мистер Ник с Ваней Грозовым приступили к допросу.

- Кэптэн, чиф, мистер Ив. Вам не надо в этом участвовать, это дело профессионалов. Мы сообщим вам добытые сведения.

Когда это штурманец стал профи? Ах да, в Чечне. Ай да мистер Ник, соколиный глаз! У меня пошёл мороз по коже, когда я представил, что ожидает их клиентов. Потом я представил, что ожидало Ковчег в случае, если бы Ник Шепард не настоял на минных заграждениях, для постановки которых мы потратили несколько драгоценных дней. Кровь отхлынула от головы.

Через три часа мы узнали, что самозванец Хайкес имел запасную нору на острове, куда мы его сослали. Он дал в эфир условный сигнал. Оказывается, до катастрофы подобных ему было немало, эти сволочи даже на такой случай имели план и средства. Успели далеко не все, но сейчас они начали выползать со своих нор. Крейсер отстоялся в секретном бункере, подобном Брестскому. Пиратствовал, на Пуэрто-Рико уже собрали более тысячи слабых, беззащитных людей. Гитлеровские концлагеря были раем по сравнению с тем, что устроили хозяева новой жизни на этом острове. Вчера корабль прибыл на охоту за новыми рабами в Европу. Северная Америка была забросана ядерными ракетами, там негде было подойти к берегу, чтобы не получить смертельную дозу. Южная Америка со стороны Атлантики приняла самый страшный удар цунами и землетрясений, на сотни километров вглубь этот материк был мёртвым. Вдобавок Южный полюс съехавшей с привычной орбиты Земли переместился в пампасы Патагонии, там уже стояли дикие холода и рассчитывать на выживание миллионам жизнерадостных и теплолюбивых людей не приходилось. Боже, что творится, как я любил навещать порты Бразилии или Аргентины, какие весёлые и беспечные люди там жили.

Хайкес поддерживал с крейсером связь. И сразу после отлёта Майкла Дорна вызвал помощь, рассказал про увиденное на Ковчеге. У нас не хватило ума завязать ему глаза перед вылетом, а у него хватило смекалки запомнить дорогу к нам.

Четверых пленных вывели на центральную площадь Ковчеге. Люди расступались и снова смыкали кольцо вокруг них.

- Пахнет судом Линча, - сказала Ева. Она крепко вцепилась в мою ладонь. Детей решено было не допускать к церемонии.

- Нет, у нас другие люди. Будет народный суд.

Подсудимые поднялись на помост. Вид их был бледным. Упитанные, уверенные ещё вчера в себе мужчины затравленно озирались. На трибуну поднялся Юрген Ив.

- Отсюда вы видите наши владения, на которые собирались обрушить смерть и страдания. В чём провинились эти женщины, пережившие нечеловеческие муки? Что должны вам мужчины, потом и кровью добывающие хлеб своим семьям? Чем обязаны вам наши дети, которые до конца дней будут содрогаться от ужаса пережитой катастрофы?

- Вы - рабы! Не я, так другие придут и поставят вас на место! – мистер Хайкес хотел продолжать свои тезисы, но огромная ладонь одного из водолазов, приставленных для охраны, так смачно залепила его по губам, что по толпе прокатился довольный рокот. Великий политик пошатнулся и замолк.

- Сержант Гордон. Какая цель вашего визита в Европу?

- Ну, мы того, за людишками приехали. На плантацию. У нас там некому работать.

- Сами не пробовали?

- Ещё чего. Я что, нигер?

- Матрос Найк, вы участвовали в подобных экспедициях?

- Это седьмая. Мы набрали с тысячу.

- Лейтенант Красс, в каких условиях проживают на острове подобранные вами люди?

- Эти животные? В загонах. Спят и едят на соломе, ходят в лохмотьях и строем, их можно заставить работать лишь палкой, ленивые скоты.

- А вы, стало быть, считаете себя человеком?

- Ну, уж не такой интеллигентной тварью, как ты.

- Объявляю голосование о выборе вида смертной казни пиратам, рабовладельцам и убийцам!

Хайкес, поначалу решивший, что наш гуманный суд будет снова с ним церемониться, резко изменил тональность:

- Господа, но так же нельзя! Такая катастрофа! Столько людей погибло, нам надо беречь друг друга! Я готов занять любую руководящую должность, ведь я умею управлять большими коллективами! Пощадите меня! Я жить хочу!

Его уже не слушали. Народ решил: утопить преступников посреди бухты. На стене собралось всё взрослое население Ковчега. На шею пиратам повесили камни, которые они еле удерживали на связанных руках. Катер "Феликса" вывез их на середину залива. Имена двух человек в масках знал только Юрген. Приговорённые пытались держаться, но у них по очереди становились мокрыми брюки. Хейкс упал ничком, дрыгая ногами. Со всех отверстий у него шла жёлтая пена, он закатывал газа и между приступами рвоты твердил одно: пощадите. Двое матросов подняли его и держали так, чтобы он видел казнь. За подлое предательство ему было присуждено умереть последним. Пусть полюбуется, что его ожидает. Один за другим, ведомые под локотки, приговорённые неохотно покинули палубу катера. Женщины плакали,

мужчинам тоже нелегко было это видеть. По окончании процедуры Юрген снова взял слово:

- Леди и джентльмены. Это событие должно насторожить нас. Таких, как эти, - он махнул в сторону бухты, - немало. Они жили среди нас и за наш счёт, рыли себе норы, пока мы честно трудились. Сейчас они выползают и пытаются снова сесть нам на шею, но делают это откровенно, цинично и жестоко, пользуясь бессилием людей. Мы должны противостоять им. У нас есть сведения об одном лагере, в котором страдают люди. Мы доберёмся туда, и казни ещё, к сожалению, будут. Мы начали строить новую жизнь, и в ней нет места таким мерзавцам. Мы пережили тяжёлые лишения не для того, чтобы наши дети стали их рабами.

Глава 24.

Первая годовщина нового календаря.

2013, декабрь, 13. Пуэрто-Рико.

Сегодня был объявлен траурный день. Приспустили флаги, объявили выходной. Мы уже могли себе позволить отдохнуть хоть раз в месяц. У каждого имелись, кого помянуть и причины поплакать. Мистер Шепард попросил собрать командный состав, чтобы поделиться своими соображениями. В салон "Феликса" прибыли руководители всех служб, начиная от бригадиров строительства и выше.

- Леди и джентльмены. Причина, по которой я осмелился оторвать вас от сегодняшних скорбных дел, следующая. Недавний инцидент показал, что в мире существуют силы, стремящиеся установить в обществе самый настоящий рабовладельческий строй в худшем его проявлении – когда права человека и сама его жизнь не стоят ломаного гроша. Когда людей превращают в бессловесную рабочую скотину. Эти силы пока только разворачивают свою деятельность, но успешно используют разобщённость и беспомощность отдельных групп и одиночек, сумевших выжить в катастрофе. Я не говорю о стихийно возникающих бандах мародёров, хотя они тоже подлежат безоговорочному уничтожению при первой встрече. Я говорю о хорошо экипированных, организованных и сытых группировках, одну из которых нам удалось нейтрализовать. У них есть ресурсы и бездушные исполнители, часть которых вам выпала сомнительная честь созерцать и учить подводному плаванию. Прошу простить такое долгое вступление.

Если всё пустить на самотёк, эти преступные силы очень быстро окрепнут и сговорятся; атака крейсера - тому подтверждение. Следует ожидать новых нападений на наших людей и ресурсы. Это ожидание, к сожалению, будет недолгим. Элементарная военная логика гласит: тот, кто защищается, обречён рано или поздно стать побеждённым. Я знаю, многие считают меня милитаристом. Вы имеете право на ваше мнение. Но я, человек, посвятивший себя военной службе, не имею права замалчивать возникшую опасность и не принимать соответствующих ситуации решений. Я категорически настаиваю применить превентивные меры по отношению к известным на сегодня и разведанным в будущем очагам опасного для нас явления. Кроме предотвращения агрессии,

результатом таких действий будут спасённые судьбы людей, рост населения нашей колонии и ресурсов. Да, мы наживём себе опасных врагов и без военных действий не обойтись. Но есть и положительный аспект. Информация имеет свойство распространяться с необыкновенной скоростью в самых немыслимых условиях. Когда люди узнают о существовании силы, противостоящей злу – ждите многих гостей в этой бухте. Чтобы ускорить этот процесс, мистер Гарбуз предложил проект. Он берётся построить некоторое количество автономных дистанционно управляемых радио ретрансляторов, которые на стандартных частотах будут передавать в эфир подготовленные заранее и загруженные по защищённым каналам сообщения. В наших рядах есть специалисты: политолог, психолог и даже журналист. Нетрудно подобрать товарищей с хорошей дикцией, которые на родных им языках сумеют сообщить нужные сведения людям по всей планете. Ведь не только у нас сохранились радиоприёмники. Эфир недолго будет оставаться безмолвным – такие, как самозванец Хайкес, хорошо владеют методами демагогии и промывки мозгов. Здесь тоже надо ударить первыми. Информационная война часто приносит большие победы, чем её кровавый вариант. Я закончил доклад. Прошу, задавайте вопросы.

- В одиночку мы долго не навоюем. Всю жизнь будем сидеть в осаде. Зачем такая жизнь?

- Кто сказал, что Ковчег – единственная вольная колония на свете? Мы просто не информированы, но при первых сведениях будем объединяться в союзы с положительными силами общества. И сидеть мы намерены не в осаде, а в засаде. Это большая разница, сэр.

- Они уже объединились, и когда узнают наше местоположение, будет достаточно одной ядерной бомбы, чтобы укоротить нам руки.

- Для сохранения в тайне самого нашего существования, а не только места расположения, делаются многие шаги, которые у вас иногда вызывают возмущение. Враги могут вступить в сговор, но они не солидарны, эта публика имеет слишком хороший аппетит, чтобы с кем-либо делиться. Мы ещё будем свидетелями их внутренних кровавых разборок, не так много осталось мест и ресурсов, чтобы не перегрызть друг другу глотки. Этот крейсер прибыл сюда из Америки не для того, чтобы любоваться хитрыми глазками мистера Хайкеса. При других обстоятельствах его вертолёты атаковали бы корабль конкурента. Ядерного оружия и специалистов, умеющих его применить, осталось слишком мало, чтобы тратить его на три сотни душ, при всём уважении к гражданам Ковчега.

- Если наш флот ввяжется в затяжные кампании на удалённых театрах, кто будет охранять Ковчег?

- Каждый из вас недолюбливает меня за непрерывные занятия, отрывающие от важных дел. Я не обижаюсь, это входит в список обязательных трудностей военно-морского обучения. Но недавняя виктория и ваши организованные действия добавляют мне уверенности в правильности моих методов. Ковчег может постоять за себя. Предлагаемая мной стратегия нашего флота предполагает молниеносные партизанские вылазки, предваряемые тщательной разведкой и трезвым

расчётом. Мы не настолько сильны, чтобы позволить себе позиционную войну.

- Вы собираетесь открытым текстом сообщить на весь мир о нашем существовании и тут же ведёте речь о секретности. Что-то у вас не сходится, сэр.

- Мы намерены сообщать о существовании сил, противодействующих злу. Информировать о достигнутых успехах в борьбе, предупреждать о поджидающих опасностях встречи с охотниками на людей. В процессе разработки пребывает вопрос создания сети мобильных пунктов эвакуации и фильтрации спасшихся. Никто не собирается приглашать сюда первого встречного лазутчика противника. Мы в состоянии войны, граница на замке. Нам всем повезло, что волею судьбы и благородным поступкам кэптэна Соломонова и его экипажа нам оказана помощь и заложен город, в котором будут жить наши потомки, - мистер Ник поклонился в сторону Макса, зал поддержал его громкими аплодисментами.

- Чёрт, нас тут ещё канонизируют при жизни. В святках есть такой Санта Фёдор? – Макс был польщён и смущён одновременно.

Открытым голосованием тезисы мистера Шепарда были приняты за основу международной политики вольного города Ковчег. Вот так, ни много, ни мало!

Реализовать политику должны дипломаты и военные. В Ковчеге проживал бывший консул, не помню, какой страны, и мы держали дипломата в поле зрения, пока он занимался отделочными работами на стройке. Но ввиду отсутствия государств и отношений с ними, вся тяжесть внешней политики легла на флот. Отношения в двух словах сводились к тому, чтобы вычислить заложенную или закладываемую базу противника, и удушить её в зародыше. Грубо, но точно.

В процессе следствия по делу ракетного крейсера и допроса обвиняемых, мистер Шепард выяснил точные координаты и подробные сведения об одной такой базе на Пуэрто-Рико и приблизительные сведения о наличии группировок на Азорских островах и в Кабо-Верде. Для начала было более чем достаточно, и мы приступили к разработке операции. Предстоял трансатлантический переход группы кораблей с отрывом от базы, припасов и пополнения на случай потери.

Петя постоянно сканировал эфир, велись записи. Исследуя их, он вычислил краткие сеансы радиосвязи, соответствующие по времени контактам покойного Хайкеса и покойного же крейсера. Было всего три передачи: две из сектора Лервика, и одна, совсем краткая, с открытого моря. Судя по всему, Хайкес дал сигнал бедствия, крейсер подтвердил приём, Хайкес передал свои координаты. Больше не было никаких радиоконтактов.

- Крейсер не поставил в известность своё начальство о плане нападения на Ковчег. Самоуверенность сослужила плохую службу не только им самим, но и их боссу, который не имеет понятия о нашем существовании, - мистер Ник был удовлетворён. Мы находились в кают-компании "Европы". Военный совет был в разгаре. Присутствовали командиры, главные инженеры и старпомы всех кораблей, пилоты вертолёта, все офицеры флагмана "Европа". Женщин в поход решено было не брать, на

этом безоговорочно настояли все, и никакая высокая протекция не смогла пробить стену мужского заговора против Мари с Евой. Единственное исключение составляла кадровый офицер Джейн Гарбуз, но никто на это даже не обратил внимания. Джейн была своим парнем на флоте.

В поход напросился электромеханик "Феликса", Алексей Иванович Торопов. Переход будет нелёгким, могут быть серьёзные боевые повреждения. На электростанции остались второстепенные работы, без меня справятся. Чего сидеть на этой калоше? Хуже, чем на пенсии. Он тоже принимал участие в совещании. Я не стал уличать в лукавстве славного ветерана. Вместе с двумя мотористами с "Феликса", прижившимися на борту балкера, он навёл полнейший порядок в электрооборудовании и поддерживал жизнедеятельность судна в период длительных перестоев. Видно было, что его душа прикипела к "Шельде". После развалюхи "Феликса" он попал на современный теплоход и радовался, как дитя, его автоматике, мощи и совершенству. На пассажире он появлялся лишь по вызову, чтобы устранить мелкие неисправности. Капитан Моргенстар махнул рукой. Он тоже мечтал о смене места работы, и его мечты сбылись: его назначили командовать "Шельде" в предстоящем походе. Скромный и неразговорчивый, Ганс как-то терялся на фоне напористых офицеров, хотя прекрасно владел профессией, и мы с ним хорошо поладили во время памятной буксировки кабеля. Он привёл с собой пару матросов, которые помогали ему вести истерзанный "Феликс" и на которых он мог положиться. Помощника нашего кока пересадили на балкер тоже с повышением. Для защиты и вспомогательных работ мистер Шепард выбрал тридцать самых достойных и подготовленных бойцов из роты охраны. В госпитале "Европы" наводил свои порядки хирург Фрэнк Стоун, подобранный недавно в шхерах экипажем Майкла Дорна со своей историей и супругой. Вдобавок прибыла группа водолазов в полном составе и с целым баркасом оборудования. До отхода они проверили состояние подводного кабеля и завершили все подготовительные операции. Джо Мунке заявил, что война на море невозможна без подводной разведки и диверсий, и с ним согласились. Ваня Грозовой поселил в кубрике "Европы" свой спецназ. Юрген в эти дни ходил расстроенный: мы забирали самых здоровых и работоспособных людей. И привезём ли их обратно, был ещё тот вопрос. Но вслух он ничего не говорил. Умный человек, он понимал, что мы вынуждены делать это не по своей прихоти. Решено было задействовать все силы, и опытный обстрелянный экипаж "Европы" должен быть неразделим. Поэтому вопрос старшего механика для "Шельде" встал в полный рост. Вася Муравьёв был нужен на "Европе", да и рановато поручать парню такую ответственность в опасном и сложном походе. Проблему решил Морис Эдда:

- Мой второй инженер Франсуа Миньон на момент катастрофы проходил очередную военную стажировку. Его гражданская должность – старший механик контейнеровоза. Он уже немолодой человек, его жена работает и живёт в Ковчеге.

- И вы молчали, Морис!

- Не приходило в голову, пока не услышал о проблеме. Я могу предложить ему в ассистенты спасённых в Бресте турбинистов. С ними у нас тесновато, а у вас быстро разберутся, все гайки одинаковы.

- Гайки бывают большие и маленькие, и уже это отличает их друг от друга, так что здесь я с вами не совсем согласен. Но турбинистов забираем однозначно. Думаю, месье Франсуа сумеет их быстро переквалифицировать. Коллега, вы справитесь без помощника? – я обратился к главному инженеру "Пираньи".

Коллега взглянул на меня немного обиженно:

- Вы вынуждены ставить матросов на офицерские боевые вахты. Чем мы хуже?

Вертолёт лейтенанта Дорна стоял закреплённый на крышке третьего трюма балкера. Его обслуживал объевшийся в своё время рыбой специалист по прочности. В отдельном топливном танке было запасено 50 тонн керосина. Пилоты были поставлены на довольствие и расписаны по постам "Шельде" на случай всех возможных тревог. Мистер Ник службу поставил на широкую ногу. Единственное, во что он не вмешивался – это в технические детали подготовки аппарата к полёту и собственно управление полётом, и хитрые лётчики иногда под шумок турбины фланировали его лекции.

Приняли запасы. "Европа" и "Пиранья" не брали ничего лишнего. Они должны быть лёгкими и подвижными. Всё грузилось в просторные трюма балкера и его цистерны. Оружие, боеприпасы, топливо, вода, продовольствие. Много может понадобиться, и каждый командир по своему разумению заказывал на складах то, в чём может нуждаться корабль в дальнем походе.

Макс дал экипажам сутки на прощание с семьями и любимыми, Юрген отпускал с работы всех желающих. Мы с Евой и Сарой бродили по присыпанным первым снегом улочкам. Навестили Саида. Поужинали у Макса. Были только три пары и мистер Ник. Наш первый экипаж.

Ева впервые в жизни провожала мужа в море. Переживала, иногда плакала, ругала Ника за предательство. Но и этому пришёл конец, и уже за поворотом фарватера скрылись прощальные платочки. "Европа" рванула по обходному пути. Как уже повелось, "Пиранья" сразу скрылась под водой. Выход из родного фиорда – сложная и продуманная процедура. Балкер тоже имел свои предписания.

Миновав ставшие действительно пустынными Шетландские острова, мы уходили в открытую Атлантику и направлялись на юго-запад. Шли, соблюдая все предосторожности. Подводную лодку не видно было даже ночью, Петя с трудом угадывал её местоположение за шумами собственных машин и винтов. Средствами активного поиска пользовались редко. Наша задача – остаться незамеченными, подобраться к логову противника поближе и ударить внезапно и насмерть. Поэтому курс был проложен как можно дальше от берегов, подозрительные Азорские острова объехали, как говорится, десятой дорогой. Стало жарко – мы пересекали Экватор, проходящий сейчас через Северную Америку. Но было не до праздников Нептуна. Начался такой дикий шторм, что мы позавидовали морякам на "Пиранье", отсиживающимся в спокойной глубине.

- Не завидуйте этим бедным людям. Ночью им всплывать на подзарядку батарей. И в течение этих часов сами они завидуют мёртвым. Я много лет прослужил на дизельных лодках и знаю, что говорю – мистер Ник, пристёгнутый ремнями к высокому креслу вахтенного штурмана, попивал кофеёк. Он умело балансировал чашкой, чтобы не расплескать.

- Но вы даже не представляете, что значит болтаться в батискафе длиной восемь метров. Не было ни одного человека в истории "Дельфина", который хотя бы раз не воспользовался пакетом. Мы с Максом не исключение. Правда, всё дело в привычке. Через неделю Ева с Петром просили кушать, но мы не располагали особыми запасами.

- Фёдор Ильич, стыдно вам при живом свидетеле говорить неправду! Мы же не просили.

- Я хотел сказать, просили ваши глаза. Прости, Петя, я тогда гордился вами больше, чем собой и даже капитаном. Но молодые люди не умеют скрывать выражение глаз. Юный организм требует пищи, и это невольно отражается во взгляде. Дело в том, что мне самому тогда очень хотелось кушать. Возможно, я судил по себе. Ни Ева, ни Мари, ни Петя с тех пор не страдали морской болезнью. Или было, Петручко?

- После того дрейфа мы вообще стали другими людьми, Ильич. Если бы не Мари с "Парусом мечты"... Кстати, вы видели в Бресте нашу яхту? Её кто-то поставил на кильблоки, прямо на причале. Корпус очищен и окрашен. Новая мачта с парусами!

- Это Василий с Марусей. Он парусный фанатик. Днём помогает на складе, а после ужина они с супругой часик-другой посвящают хобби. Даже дядю Сёму увлекли.

- А помните, как девушки хотели взять на буксир "Мари Роуз"?

- Помню, дорогой, особенно последствия.

Акустик потрогал свои драгоценные лопухи и свернул скользкую тему. Мы просто коротаем штормовую вахту.

- Мистер Шепард, условный сигнал с "Пираньи": шумы неизвестного судна. Я пока ничего не слышу. Антуан – лучший из акустиков, которых я знал.

- Капитана на мостик! Усилить вахту! Световой сигнал на "Шельде": неизвестный корабль! Акустический сигнал на "Пиранию"!

Я бегу в машинное отделение, по телефону поднимаю Гену. На случай усиления – он мой вахтенный моторист.

"Европа", включив средства активного поиска, определила неизвестный корабль в тридцати милях. В радиусе чувствительности приборов нашей эскадры посторонних объектов больше не обнаружено. Через минуту после того, как Петя включил радар, появились сигналы локаторов чужого судна. Обстановка немного проясняется.

- Значит, у них есть аппаратура пассивного поиска. Это не простой сухогруз, - комментирует Петя.

Мы не желаем конфликта, в открытом океане всем хватит места. Но неизвестный резко меняет курс и идёт на сближение с "Шельде". "Европа" направляется в сторону чужака, отрезая "Шельде" от разворачивающихся событий. "Пиранья" на такой случай имеет свою диспозицию. Её задача – прикрывать, оставаясь незаметной. Что она и

делает. Шторм разгулялся с удалью молодого пьяницы. Какому фанатику взбредёт воевать в такую погоду?

- Малый корабль, координаты... Вы опасно пересекаете мой курс. Буду вынужден применить оружие во избежание столкновения. Здесь крейсер "Облачный", ВМФ России.

- Вольный морской охотник "Европа". На вашем курсе грузовой корабль, вы осложняете ему навигацию в штормовую погоду. Пожалуйста, следуйте прежним курсом, и разойдёмся миром.

- Будешь путаться под ногами – утоплю! Прочь с моего курса! На размышления – две минуты. Ты мне не нужен, проваливай, пока цел.

Это он напрасно. Макс даёт условный акустический сигнал. Через полторы минуты слышны четыре мощных взрыва. Бомбомёт – младенец по сравнению с торпедой. Команда: полный вперед. Наверху стрельба. Долго маневрируем, пытаюсь подобрать тонущих людей. Удалось спасти лишь одного. Торпеды "Пирании" заставили крейсер тонуть слишком быстро, чтобы дать шансы на спасение экипажа. Морис бил с первого раза и наверняка. Как учит мистер Шепард. Так будет с каждым, кто попытается нам угрожать.

Мокрый, контуженый моряк смотрелся жалко. Мы с Максом навели его в лазарете.

- Братишка, чем на хлеб зарабатывали? – по-русски спросил Макс.

- Земляки, что ли? Чего же тогда палите по своим?

- Я палю по тем, кто мне угрожает. Сколько таких своих вы ограбили и пустили на дно?

- Не считали, десятка два. Жить как-то надо. На берегах одни помойки, а даром делиться никто не хочет.

- Как вас занесло в эти края?

- Мы ходили на Кубу с дружеским визитом. Там всё снесло, нам тоже досталось. Год собирали припасы, чтобы вернуться домой. Оттуда ни слуху, ни духу.

- Там всё радиоактивное, по меньшей мере, в европейской части. Возвращаться некуда.

- Мы догадывались. Видели, что стало с Америкой. Как дальше жить?

- Есть два варианта. Первый: получаешь немного припасов и съезжаешь на ближайшей суше. Дальше – твои проблемы. Второй: становишься членом экипажа одного из наших кораблей и гражданином вольной колонии. Шансы не умереть с голоду – большие. Но есть возможность погибнуть в стычках с такими, как ваш крейсер. А сначала мы строго спросим, чем ты занимался до сих пор. Думай до утра.

- А чего думать. Я ни в чём не замешан. Связист, радиоразведка. Никого не убивал. Ну, пару раз таскал ящики с чужого судна. Я отработаю. Братцы, выручайте. Куда мне в Робинзоны. Мы же земляки.

- Ну почему вы вспоминаете правильные слова, когда вас припрут к стенке? Почему их забываете, когда видите перед собой слабого и беззащитного? Как звать-то?

- Андрей Иванов, матрос.

- Отлѣживайся, Андрюша, завтра будешь отвечать на вопросы. Думай хорошенько, прежде чем говорить, вот тебе мой совет, земляк. А то у нас тут умеют поучить подводному плаванию.

На второй день связист был доставлен на мостик для дачи показаний. По существу он знал мало. Их корабль пиратствовал в Карибском бассейне. На берегах островов они изредка видели следы людей, но не вступали в контакт, там брать было нечего. Перехватывали грузовые суда, отнимали всё ценное, и чаще всего отпускали. Пару раз им оказали сопротивление. Тогда открывали огонь по рубке и машинному отделению, грабили, а судно топили. Пираты, как пираты. Сила есть – ума не надо. Но служба шла по накатанной колее, велись все виды разведки.

- В том районе промышлял ещё один корабль. Мы часто перехватывали его обмен со станцией, вероятно, на Пуэрто-Рико. Держались подальше друг от друга.

Ну-ка, ну-ка!

- Но уже с месяц его не слышно. Мы засекли несколько запросов с базы, но ответа не последовало. Видно, погиб. Туда ему и дорога. Он оставлял на берегу одни головешки и трупы, мы пару раз шли по его следу. Фашист какой-то.

- Другие подобные корабли замечали?

- Нет, разве что сухогрузы искали, где приткнуться. Пару раз зенитчики обнаруживали неизвестный самолёт, но он их тоже засекал и держался подальше. Не боевой, скорее всего разведчик. Так ребята говорили, я ведь из другой боевой части.

Парня хорошо припугнули за пиратство, мистер Шепард занялся приведением к присяге. Новобранец влился в наши ряды. После краткого, но содержательного курса молодого бойца под руководством Петрухи (Акустик тоже службу знал не со вторых рук!), Иванов был экипирован аппаратурой и направлен по специальности на "Шельде". Капитан Ганс получил указания глаз не спускать и шкуру драть так, чтобы парень проникся. Был он простой матросик срочной службы, к лишениям службы не привыкать, поэтому быстро втянулся и стал не хуже других. Жизнь уже преподала парнишке достаточно уроков, чтобы он понял простую истину: на этот раз ему повезло.

А мы принялись за разработку плана операции. Значит, крейсер "Эйган" был единственным крупным кораблём в распоряжении банды. Это немного облегчает задачу. Их база наверняка имеет солидную береговую защиту, как минимум один самолёт разведки. Возможны минные заграждения. Мы находились от них за двести миль, шуметь старались поменьше. С их стороны тоже ничего не доносилось. "Пиранья" ушла на разведку. Она четверо суток исследовала окрестности базы противника, по ночам под перископом приближалась почти вплотную. В последнюю ночь через специальный шлюз была выпущена тройка водолазов. Они на подводных скутерах с приборами прошли вдоль фарватера. Минных заграждений не обнаружили. Сигналов активного подводного поиска – тоже. На якорях стояли гидроплан и скоростной катер береговой охраны. Джо Мунке осмелился высунуть нос на поверхность и увидел селение на пологом склоне,

несколько огней, башни укреплений у входа в гавань. Даже расслышал танцевальную мелодию со стороны освещённой электрическим светом площадки. Весело живется пиратам! За все дни "Пиранья" ни разу не засекала радиолокационных сигналов. Хозяева острова то ли не понимали, что творят, то ли совсем расслабились. Скорее всего, второе. Уж слишком уверенно чувствовал себя покойный командир их крейсера в шхерах Норвегии. Придётся учить осторожности его поделльников.

Сутки "Пиранья" готовится к бою. Ей отведён самый ответственный участок – гавань. Заряжаются аккумуляторы, грузится боезапас и десант. К сожалению, это не моя разведгруппа. Под покровительством мистера Шепарда Ваня Грозовой сколотил отряд диверсантов из водолазов и бывших военных, выдавших кое-что на своём веку. Их всего двенадцать человек. Субмарина уходит под воду. Её задача – проникнуть в бухту и лечь на дно в районе якорной стоянки катера и самолёта. Надо предотвратить их использование против нас в предстоящей схватке и постараться сохранить такие ценные трофеи невредимыми. Это – задача спецназа. Затем лодка всплывает под перископ и берёт под контроль укрепления на входе в бухту. Малейшие поползновения пресекать торпедной атакой – таков приказ командования.

"Европа" подбирает ударную группу, состоящую из матросов, рыбаков и бойцов роты охраны. Задача корабля – прорваться в бухту, высадить десант и прикрывать его огнём. Десант должен захватить плацдарм. В идеальном случае – всю базу. "Шельде" крадётся в темноте. Его белые надстройка и грузовые краны давно перекрашены в защитный свинцовый цвет. Не до красоты. До базы всего пятнадцать миль. Ложится в дрейф. "Европа" мчит к острову. В час "Ч" Майкл Дорн запускает двигатели своей машины и на максимальной скорости бреющим полётом проносится над нами. Ракетный залп по укреплениям слева от входа, две мощные бомбы на правый бетонированный колпак. В бухте гогочут два пулемёта "Пираньи" – она ведёт огонь по посёлку, где, по показаниям пленных, проживают "хозяева жизни". С воздуха вертолёт полосует поселение из пушки. Подключаются ручные пулемёты спецназа, захватившего морской и воздушный транспорт противника. От домиков только щепки летят, вспыхивают пожары. Ворвавшаяся в бухту "Европа" добавляет свою толику по береговой защите и зданиям базы. Когда звучит команда на прекращение огня, десанту остаётся только прочесать уничтоженное вражеское гнездо. В отдалении раздаются несколько очередей. Там рабочий посёлок. Мы не стреляли в том направлении. Видно, надзиратели пытались оказать сопротивление десанту. Напрасно разозлили. Ранило двоих наших ребят, а от вертухаев остались только кровавые лохмотья.

Через час весь обжитый участок суши обследован. В живых осталось девять бандитов, из них трое без сознания. Около тысячи человек построились поротно, как приучили их мучители. В огне пожаров картина напоминает страшные фильмы о Второй Мировой Войне. Дистрофические фигуры, равнодушие к жизни и смерти в глазах. Дежурные получают пищу и воду. Сейчас это самая актуальная тема.

- Вы свободны. Отдыхайте, набирайтесь сил. Все вопросы – завтра. Вы свободны в ваших поступках, вас никто не обидит, - на разных языках повторяем измождённым людям.

- Кто среди вас главный? – начинается допрос пленных.

- А он скрылся, у него своя нора на этот случай, - толстомордый детина ковыряется в носу. – Даже меня не взял, говорит, самому мало.

Все крысы - на одно лицо, у каждого запасной вариант.

- Вы знаете, где?

- А что тут знать? Идём, покажу.

Логово, видно, строилось по тому же проекту, что и у Хайкеса. Не мудрствуя лукаво, его вскрывают взрывчаткой, и вот уже очередной крыс с красными от крови пастью и ушами выковырян на свежий воздух. Мистер Рональд Гнейс. Царь и бог Бермудского треугольника. Едва приходит в себя, начинает требовать консула, адвоката, присяжных. Завтра получишь полный комплект. А пока ответь-ка на пару вопросов! Мистер Ник с ассистентом остаются в уютном кабинете бункера, а мы подбиваем результаты сражения.

К сожалению, есть потери. На катере оказалось больше пиратов, чем можно было ожидать. Собирались на рыбалку. Когда на борт стали подниматься спецназовцы, началась стрельба. Было убито двое и ранено четверо наших ребят. Один из погибших был женат. В Ковчеге появилась первая вдова. Пленных на катере не брали, претенденты уже кормили лангустов на дне. Брошенной противником гранатой смертельно ранен один из водолазов. Трое бандитов успели откатиться в укрытие и оказали грамотное сопротивление. Их невозможно было опознать после града "лимонок", прилетевших в ответ.

В закромах подземного бункера нашли почти те же припасы, что и у Хайкеса, даже боевой вертолёт, правда, всего один. "Шельде" бросил якорь посреди гавани. Выставлены усиленные посты, "Европа" на внешнем рейде ведёт активное слежение за горизонтом. Майкл с Ирвином дремлют под маскировочным тентом у вертолёта. Но горизонт чист. Вот и утро. "Пиранья" заняла выгодную позицию для атаки тех, кто может попытаться проникнуть в бухту. Но море пустынно.

К рассвету мистер Ник имеет достаточно точные описания бандитских гнёзд на Азорах и Кабо-Верде. Мистер Рональд Гнейс дал отрывочные сведения о строившейся мощной базе где-то на русском Крайнем Севере. На специальной карте обозначены стоянки спасшихся людей, обнаруженные авиаразведкой бандитов. Больше от Гнейса никакой пользы. Как и от его подельников, один из которых к утру помер. Счастливчик. Ибо его коллег ожидает встреча с теми, кого они уже считали своей собственностью. Знакомая картина. Мокрые штаны, вопли о пощаде. Детство какое-то. Когда творил бесчеловечные поступки – был взрослым сильным дядькой. Рука не дрогнула, убивая детей, насилая женщин и пытая мужчин. А теперь мочится под себя и плачет. Больше не буду. Конечно, не будешь. Из бараков вчерашние узники вытаскивают за ноги десятка два обезображенных трупов. Волокут к обрыву и скидывают в море. Это те, кто вызвались за большой кусок и снисхождение принуждать товарищей к повиновению и труду. Питками и

издевательствами, а то и убийствами эти подонки выслуживались перед хозяевами. Подошла очередь хозяев.

Самое страшное в этой процедуре – молчание исполнителей. Пиратов по одному как бы заглатывает безмолвное чудовище, состоящее, кажется, из одних горящих глаз. Невыносимые вопли и визг. У меня стынут жилы. Тишина, от зловещия которой затихает даже прибой. Затем десяток рук протягиваются к очередному "хозяину жизни". Кто-то ведёт съёмки, но мне становится плохо, убегаю на мыс и рыдаю, как дитя.

- Мистер Фэд, сэр. Они не стоят ни единой вашей слезы. Вы знаете.

- Мистер Ник. Я плачу не о них. Я скорблю о тех, кто сейчас воздаёт им должное. О тех, кто пережил такие ужасы и оказался в лапах этих визжащих подонков. Неужели в мире остались только жестокость и страх силы? Мне противно жить в таком мире.

- Мы взялись предотвратить этот вариант. Надо последовательно двигаться выбранным курсом. Началась погрузка "Шельде". Я советовался с кэптэном Максом, он тоже склоняется к мысли о том, что по пути надо навестить Азорские острова. Чтобы потом не возвращаться и не оставлять за спиной необработанный участок. Эти сорняки надо уничтожать, пока не пустили корни и не посеяли свои ядовитые семена.

- Вы знаете, я мирный гражданский человек. Но сейчас я прошу вас научить меня всему тому, что знаете и умеете. Вы найдёте для этого немного свободного времени?

- Я давно ждал этих слов, мой друг. Мне трудновато без миссис Евы. Не физически, у меня хорошие подчинённые. Энтузиазм вашей супруги – вот чего мне не хватает в этом походе. Передайте ей мой поклон в следующий сеанс связи.

- Спасибо. Она всегда спрашивает о миссис Джейн и про вас. Сначала обижалась, что не взяли с собой. Но сейчас успокоилась.

- Есть основания для покоя?

- Есть, мой друг. Вы скоро станете крёстным папой.

- И я узнаю об этом последним! Вы плохой товарищ, Фэд.

- Вы узнали об этом первым, даже Макс ещё не в курсе. Ева попросила поступить именно так.

- Беру свои слова обратно. Какая леди! Моя рука и сердечные поздравления! Мы вырастим достойную смену нашему экипажу!

Жму уцелевшую ладонь удивительного человека. Бойтесь, гады, этой руки!

На рассвете следующего дня Майкл с Ирвином и техником осматривают гидроплан. Лёгкая двухместная машина с винтом за кабиной пилота.

- Хорошее средство для разведки. На радаре почти незаметен, не грохочет, как наш вертолёт. У него даже колёса есть, сядет и на сушу. Только летать некому.

- Но вы же пилоты, и я заметил, первоклассные!

- Управление вертолётom и самолётom – разные вещи. У пилотов самолёта нарабатываются иные рефлексy для реагирования на отклонения машины от заданного положения. Поэтому нас в самом начале предупредили: если уверены, что сможете без проблем переключать эти навыки – можете попробовать. Но это не поощрялось,

да и нужды не было. Теоретически мы знаем, как управлять, но ни я, ни Ирвин не пробовали. Можем наломать дров. Подготовить к вылету – пожалуйста.

- Готовьте. Я попробую.

- ???

- В отпуске я часто навещал моего приятеля Алекса на спортивном аэродроме. Бывший военный лётчик, он не мог жить без высшего пилотажа. Мы с ним летали над старинными городами, любовались красотой природы с высоты птичьего полёта. Потом он уносился в пилотажную зону и пытался проверить на прочность мой вестибулярный аппарат. Однажды сам облажался, еле успел вывести машину из штопора. Давал мне ручку управления, учил взлёту и посадке. Я самостоятельно совершил пару вылетов, правда, он лишь ослаблял руку на штурвале, чтобы мы не гробанулись. Ругался, но сказал, что и медведя при желании можно научить летать.

Осматриваю кабину. Почти все приборы знакомы. Майкл объясняет назначение переключателей и рычагов. Часа два изучаем технику, я начинаю привыкать к расположению органов управления. Лейтенант листает найденные инструкции.

- Не забывайте, что высотомер отградуирован не в метрах, а в футах. Грубо говоря, три фута равны одному метру. Скорость взлёта – сто десять, посадочная – восемьдесят пять. Винт правого вращения, при резком добавлении мощности будет уводить нос влево. Учитывайте гироскопический момент мотора, машина очень лёгкая. Для выхода из штопора просто поставьте рули в нейтральное положение и дайте газ. Эта бабочка рассчитана на любителя, всё должно получиться. Я полечу с вами, если что – поддержу.

- Не хотелось бы рисковать командиром вертолёта.

- Ирвин справится, он опытный лётчик.

Видно, я везучий человек. Всю жизнь я отправляюсь в путь с самыми лучшими людьми.

Макс осуждающе поглядывает на меня:

- Что передать Еве? Что выживший из ума механик впал в детство и разбился на обломках своей мечты? Не рождённое ещё дитя осиротить решил?

- Не каркай.

- Мягкой посадки! Про парашюты не забудьте.

Осторожно выруливаю на подветренный край бухты, разворачиваюсь против ветра. Закрылки – во взлётное положение. Даю газ, машина пытается зарыться в мелкую волну, надо прижать хвост. Штурвал на себя, дать правую педаль, чтобы не сносило. Удары днищем по воде затихли. Мы в воздухе! Выравниваю, набираем скорость.

- Да вы просто ас! – слышу в наушниках голос Майкла.

- Уточним после посадки.

Убираю закрылки, тяну штурвал. Делаем несколько кругов над островом, пробую виражи, горки, проношусь на бреющем над "Европой". Чудесная, послушная машина! Она легко прощает мою неопытность и неизбежные погрешности в пилотировании. Майкл комментирует ошибки, я за час

получаю столько полезных знаний, сколько не приобретёшь за месяц изучения наставлений. Он - мастер своего дела, в небе для него нет секретов. На посадке лейтенант напряжённо притих. Вертолёт сажают по-другому, он не может ничего подсказать. Даю "козла", но, в общем, сел довольно прилично. Алекс, конечно, высмеял бы, но Майкл деликатнее моего друга:

- Чиф, поздравляю с первым самостоятельным полётом!
- Если бы не ты, я бы не справился. Спасибо, дружище. Надеюсь, летаем в паре.
- Мистер Фэд, я знал, что вы талантливый человек, но сегодня вы превзошли моё понимание уровня одарённости.
- Слишком много пафоса, Ник. Будьте проще. Вам придётся испытать мои таланты непосредственно в воздухе. Мне нужен штурман. Мы полетим на разведку, будем искать людей по карте Гнейса.
- Лучше я с вами полечу, - Ирвин трясёт мою ладонь. - Навигация в воздухе немного другая, чем в море. Это - мой бизнес.
- Вот и хорошо, - Максим в своём стиле. - Потерять сразу старпома и стармеха будет для меня слишком большой роскошью, - но глаза искрятся гордостью: знай наших! Обнимаемся. - Ты так и остался мальчишкой, Федя, - по-русски, чтобы не подумали чего.

Заливаем полные баки, готовим вымпелы с записками на английском и испанском языках, фальшфейеры. Будем сбрасывать людям, пусть сигналият о согласии или несогласии присоединиться к нам. Отметим на карте, потом подберём желающих на вертолёте или пограничном катере. Его уже обкатали Джейн с Ником, скоростное мощное судёнышко стрелой носилось за брекватером, пока я учился летать.

Взлетаем, курс - на юг. Ирвин быстро освоился в кабине. У них на боевых пультах рябит в глазах от кнопок и приборов. Что ему разобраться с десятком циферблатов! На высоте три тысячи футов включает автопилот:

- Техника лучше нас удержит курс, надо экономить силы для выполнения задания. Можете вздремнуть, управление принял.

Не приучен я дремать на вахте. Расспрашиваю подробности оборудования, правила ориентирования. Когда сам управляешь полётом, вопросов возникает много. Ирвин может заткнуть за пояс многих гражданских пилотов. У военных программа подготовки намного шире. Узнаю секреты пилотирования в боевых и экстремальных ситуациях, маневры уклонения и атаки. Некоторые из них учимся выполнять, не откладывая в долгий ящик. Появляются острова. Снижаюсь до тысячи футов, идём на первую точку. Внизу машут руками два человека. Первый вымпел пошёл!

Два часа разведки оставляют на карте семнадцать засечек. Не менее тридцати человек. Возвращаемся к вечеру. Посадку произвожу красиво, сам чувствую. Может, я рождён для неба, а не для моря? Эй, старик, не вздумай языком ляпнуть. Не Петрушин возраст. А жаль.

Ник с Джейн уходят на катере в ночь. С ними пять человек, два пулемёта дополнили стандартную скорострельную пушку на баке. Утром лейтенант Дорн в одиночку улетает к островам на вновь приобретённом

геликоптере. Эта машина просторней его собственной. Двенадцать человек ожидают в малодоступных местах. Целый день стрекотание винтов извещает о прибытии новых граждан Ковчег. Освобождённые нами люди по мере сил подключаются к погрузке "Шельде". Они свозят на причал собранный урожай кукурузы и пшеницы, свежие овощи и недозрелые апельсины. В сторонке щипают траву семь коров, полсотни баранов, хрюкают поросята, клопочут индейки. Катят бочки молодого вина, у нас будут даже виноградники! Щедрая земля успела отдать людям плоды их рабского труда. Теперь они будут работать на себя. Разных цветов кожи, разных национальностей, они пока с трудом понимают друг друга. Но понять, что впереди замерцала звёздочка надежды, они сумели в первые часы после освобождения. Позже выясним, кто из них на что способен. Сегодня главное – поставить на ноги истощавших, измученных людей. На берегу пылают костры, повара готовят обед на огромный коллектив. В медицинской палатке ведёт приём врач. Я успел отвыкнуть от большого скопления людей, глаза разбегаются. Но среди них нашлись лидеры, наводится рабочий порядок, действия становятся организованными. Всё будет хорошо. Лишь бы без потерь доставить их на Ковчег. Юргену добавится работы по специальности. Зато и рабочих рук теперь хватит, чтобы женщины не таскали тяжести, а мужчины могли перевести дух. Как говорил Маэстро: Будем жить!

Глава 25.

Сражение на Азорских островах.

2013, декабрь, 20. Остров Терсейра.

Эту бандитскую базу мы решили разведать с воздуха. Дождались безлунной ночи в сотне миль от берега. Ещё на Бермудах я с Майклом совершил несколько тренировочных ночных полётов. Если бы не его опыт, первый из этих вылетов стал бы для меня последним. Непростое это дело – отказаться от начавших появляться подсознательных ощущений полёта, полностью довериться приборам. Отличить море от неба ночью очень трудно, глаз ошибочно оценивает расстояние до воды. Потом прыгали с парашютом. Первый раз было страшно. Руки намертво уцепились в проём вертолётного люка и плевать хотели на то, что рядом молодые ребята, что я такой авторитетный дядя, и они могут подумать, что я трусил. Ирвин ушёл первым. Внизу уже виден его белый купол. Страшным усилием, сдирая ногти на пальцах непослушных рук, я вытолкнул себя в пустоту. Сердце застряло в горле, всё завертелось. Расставил руки и ноги, вроде успокоилось, только свист воздуха в ушах. Где же кольцо? Мгновение – и чувствительный удар лямок приводит меня к реальности. Я парю в бескрайнем, неподвижном небе! Ради этого стоило пережить неприятные минуты. После приземления – единственное желание: ещё раз! Вертолёт делает две ходки, прежде чем я немного поумерил азарт.

- Ирвин, не расслабляйся, ты отвечаешь за чифа. Он геройский парень, но опыта маловато, смотри в оба, диктуй ему параметры полёта,-

нечаянно подслушал я разговор пилотов и техника, готовящих машину к вылету. Они снаряжали два ручных пулемёта, модифицированные Ником для подвески под крыльями. Он сам отрегулировал установленный на лобовом стекле прицел и учил меня:

- Мало ли кого встретите, Фэд. По воздушной цели надо бить с хорошим упреждением. Каждый третий заряд – трассирующий. Ориентируйтесь на них, хотя это и считается ошибочным методом. Я советовался с мистером Дорном, и он согласился, что для новичка это будет более наглядно. Эх, жаль, что нет руки. Я бы сам выучился летать, и уж не промахнулся бы в случае необходимости.

Ни в том, ни в другом я не сомневаюсь. Взлетаем в сорока милях от базы противника. "Пиранья" уже вторые сутки таится у входа в гавань, водолазы обезвредили семнадцать донных мин. Хорошо подготовились к неожиданностям наши визави! "Шельде" полным ходом мчит к острову, в его радиолокационной тени до поры прячутся "Европа" и "Америка", так мы называли трофейный катер. Майкл занимает командирское кресло в своём вертолёте. Вторым пилотом у него лётчик с небольшого пассажирского самолёта, совершившего вынужденную посадку на воду. Он пережил катаклизм высоко в небе, но возвращаться стало некуда. Посадка была неудачной, самолёт утонул, спаслось только трое. Командир прошёл краткий курс у наших пилотов, поможет в бою, насколько сможет.

Набираю высоту десять тысяч футов. На подходе к острову сбрасываю обороты двигателя до холостого хода, его почти не слышно за спиной. Планируем со снижением. В первый проход Ирвин фиксирует два катера у причала и огни селения на берегу. В стороне от них в отсвете нескольких костров – бараки. Так, основная география ясна. Из-за скал нас подхватывает мощный воздушный поток, машину заваливает на крыло.

- Полный газ! Равнять машину, в набор! – Ирвин мгновенно оценил ситуацию. Уходим на высоту, удаляемся в море, начинаю разворот. Писк индикатора радиолокационного излучения.

- "Чайка", три радара. Мы обнаружены, будьте осторожны. Ирвин, данные! – голос Петра напряжён. Скрытности конец. Ирвин лаконично, по-военному, передаёт сведения. Вижу, как катера выходят из бухты. В нескольких милях слева замечаю белый бурун на тёмной воде.

- Ирвин, взгляни.

- "Пиранья"! Подводная лодка в квадрате семь-семнадцать!

Но к ней и без того тянутся тонкие белые нити торпедных следов. Они изгибаются змейкой, от самонаводящихся убийц уйти непросто. Взрывы слышны даже нам.

- Противник уничтожен! "Европа", к вам на высокой скорости движутся два корабля. Чиф, держите на ту вершину, высота две тысячи. Полный газ, будьте начеку.

С вершины к нам потянулись две радужно светящиеся полосы.

- Уклонение! Зенитный огонь!

Мы тренировались не напрасно. Я делаю несколько резких маневров, меняю высоту. Миную скалу, оставляя её по правому борту, укрываюсь

за соседним холмом. Кто бы подумал, как красиво смотрится летящая к тебе смерть!

- Лейтенант, вершина скалы, квадрат девять-четырнадцать – антенна радара! Зенитка, будь осторожен!

- Принято.

Зоркий глаз у парня! Я уже наблюдаю в небе точку нашего вертолёт. Он подправляет курс, видны огненные следы ракет. Сочувствую зенитчикам, недавно салютовавшим в нашу честь. Вершина окуталась пламенем взрывов. Но что это?

- Майкл, вертолёт противника, семь часов, ниже тебя!

Резким виражом выхожу на цель. Еле различаю точку на фоне берега.

- Рано, чиф. Возьмите выше, он в наборе. Огонь!

Даю длинную очередь, вижу вспышки попаданий. Выдерживаю боевой курс, палец давит гашетку, пока Ирвин не командует:

- Вправо вниз переворотом!

Выхожу из пике над посёлком, переваливаю через горку, боевой разворот!

- Дымит, но набирает высоту! Готов!

Но это победа Майкла. Его пушка разорвала противника на куски. Слышу серию взрывов. Здесь они звучат по-другому, но голос бомбомёта я узнаю и через сто лет. Один из катеров исчезает во всплесках и больше не появляется. С другим ведёт бой "Америка". Там командуют Ваня Грозовой и Вася Муравьёв. Я сверху вижу сварочные вспышки залпов и цветные трассы, несущиеся навстречу друг другу. Мистер Шепард подсуетился, и бомбомёт снова сказал своё слово. Теперь мои бредовые кошмары будут сниться, словно отснятые с высоты птичьего полёта. Внезапно в нескольких милях в стороне раздаётся мощный залп и видны высокие султаны взрывов. Кто там?

- Субмарина противника уничтожена! – докладывает Морис Эдда. Вот оно что! Может, и третья подлодка затаилась где-то рядом?

- Горизонт чист, через пятнадцать минут начинаем штурм! – таким молодым голос Макса был, когда он ходил в старпомах. Победа окрыляет! Вертолёт несётся к "Шельде", который продолжает двигаться к берегу. Посадка на ходу. Вот это – ас. Через минуту в воздухе другой вертолёт. Так и было задумано. Пилотов мало, на перезарядку времени нет. Майкл и Джон Смит просто пересели на снаряжённый трофейный аппарат и снова рвутся в бой. Вот уж оригинальное имечко у американского лётчика. Они догоняют наши корабли, приближающиеся к береговым укреплениям.

- Чиф, видели в посёлке высокое здание, на холмике? Это, вероятно, командный пункт. Проверим?

Я не видел, но уже вообразил себя непобедимым волком воздушного океана, адреналин кипит в крови.

- Заходим вдоль склона справа из-за той высоты. Полный газ, прижмитесь к земле, выскочим внезапно, атака – и резко вправо вверх, за сопку.

Выхожу на курс по его подсказкам, налетаем в рёве мотора и пулемётов. Огонь нельзя назвать точным, для этого надо долго тренироваться. Но

несколько вспышек на здании я видел. Выхожу по плану, слева нас обгоняет гроздь ярких трассеров.

- Стингер, чиф! – в голосе Майкла испуг. Он понимает, что это – не для птенчиков моего уровня.

- Переворот влево вниз, форсаж! Ручку до упора!

В глазах темнеет от перегрузки, самолёт скрипит, как телега. За спиной звук, словно плотник вбивает в дерево несколько гвоздей. Со скоростью дятла.

- Правый крен, на себя! Правую педаль!

Потерялся в пространстве, тупо выполняю команды Ирвина. Самолёт как-то вяло выходит на ровный киль, несёмся над самым морем. Уф, а спина-то мокрая!

- На точку, чиф. Надо садиться. У нас повреждения. Не следовало туда соваться на этом мотыльке. Извините, увлёкся. На вертушке мы бы разнесли его в прах.

- Не ты один у нас азартен. Курс?

- Двести тридцать пять, дистанция – семь.

Дружище Алекс (жив ли?) презрительно сказал бы, что я не сел, а плюхнулся. Но мы целы. Качаемся на волнах, пока рядом бросает якорь "Шельде". Нас увозят на боте, матросы после крепких объятий буксируют самолётик под грузовую стрелу балкера. Краткий осмотр показал несколько рваных пробоин в фюзеляже и отсутствие половины руля поворота. Да, с такой дыркой в животе долго не живут. По потной спине поползли запоздалые мурашки.

В нескольких милях разгорается следующий акт ночного представления. Для начала "Пиранья" выпускает оставшиеся четыре торпеды по береговым батареям. Когда только успели перезарядить? Попробуй кантовать многотонные железные туши в тесноте отсека! Сегодня команда Мориса показала мастер-класс. Две субмарины на её счету. Подлодка всплывает в позиционное положение и поливает берег пулёмтными трассами. Надводный флот делает то же самое. С берега всё реже сверкают ответные вспышки. По предрассветной воде доносится "Ура!". Десант вступил в прямой контакт с противником, слышна автоматная стрельба, взрывы гранат. Вертолёт, разметав ракетами сторожевые башни, крутит над посёлком "воронку" и лает короткими, прицельными очередями. Ирвин мечется с биноклем, ревниво комментирует стрельбу коллеги, занявшего его кресло. Он весь там. Военный кураж. Не ожидал от горячего норвежского парня. Через полчаса в эфире – голос Макса:

- База захвачена! Молодцы! Поздравляю с победой! Кораблям собраться в бухте.

На берегу слышен мощный взрыв. Видно, очередного крыса приглашают на беседу с мистером Ником. Съезжаем с Ирвином и капитаном Гансом на берег. Моргенстар недоволен: ему не предоставили возможность участвовать. Вот уж, тоже горячая немецкая натура. Повоевать – это у них в крови. Настоящие воины, я не хочу быть злоязычным. Мой дед, прошедший Великую Отечественную Войну с автоматом, никогда не

отзывался плохо о солдатах противника. Гестаповцы – да, подонки, тыловые крысы. А на передовой у германца было чему поучиться.

- Ганс, не надо сожалеть. Вам предстоит не одна схватка в будущем. Мы только начинаем.

- У меня звание лейтенанта запаса. Я был неплохим артиллеристом на сборах.

- Так что же вы молчите? Доложим по службе, у нас очень не хватает специалистов, вы же знаете. Вас ждёт великая военная карьера.

- Я не устаю удивляться вам, русским. Вы всё умеете перевести в шутку.

- Согласен, народ у нас весёлый. Особенно, когда за душой не остаётся ничего, кроме юмора. Но я не шучу. Мистер Шепард страдает от недостатка грамотных офицеров. Он даже мою жену превратил в артиллерийское дополнение. Видели, как она ему салютует? Вас ждёт её печальная участь.

- Передайте поклон фрау Еве и мои поздравления с будущим ребёнком. Я глубоко уважаю вашу супругу, Фэд. Женщина, способная взорвать глубинную бомбу!

Жму руку этому скромному, талантливому человеку. В Ковчеге он вечерами пропадал на ферме, музицируя с месье Жаком на виолончели, добытой в подземельях Ливана. Удивительное трио аккордеона, виолончели и пастушьей дудочки Саида готовило концерт ко дню открытия Дома Собраний. А на "Феликсе" его ждала землячка Марта, директор большого ресторана. Дело шло к свадьбе, а жених рвался сложить голову в сражениях. Пришлось пожурить.

- Мы, немцы, часто воевали. Не всегда по собственной инициативе. Наши женщины умеют ждать с войны и никогда не бросят инвалида. Лишь бы вернулся живым. Это только шутят: кирхе, киндер, кюхен. На них держится вся семья, они в одиночестве растят детей и умеют всё делать сами.

- Я и не сомневаюсь в фройляйн Марте. Как обстоят дела в четвёртом трюме? Есть ли в запасе места для новеньких?

В этом трюме жили спасённые нами люди. Мы заранее построили там целый улей в несколько палуб с трёхэтажными койками, местами приёма пищи, даже отдельным водопроводом и канализацией. Людей было много, это забирало ресурсы и силы, но капитан и его экипаж справились с нагрузкой. Всё было продумано и организовано с истинно арийской пунктуальностью. Пассажиры помогали во всём, старались реже появляться на открытых палубах, чтобы не мешать экипажу.

Пока беседовали, бот подошёл к полуразрушенному причалу. Становящаяся привычной картина: пожары в посёлке, группа пленных в сторонке под охраной, толпа освобождённых. Их всего пара сотен, вид немного бодрее, чем у бермудских братьев по несчастью. В большинстве это моряки, захваченные пиратскими субмаринами. Наконец-то мы заполним судовые роли, в которых офицерские должности прописаны молодым, старательным, но недостаточно опытным ребятам. В глухом заливе бухты стоят на приколе мёртвые корабли, в темноте я не заметил их с воздуха.

История этой норы несколько оригинальна. В убежище катастрофу пересидело около сотни мерзавцев, вооруженных и экипированных до зубов. Их главарём был некий адмирал Мадер. У него было два приятеля – командиры подводных охотников. Были оговорены методы связи, явки и конспиративные квартиры, как пишется в шпионских книгах. Адмирал услышал краем уха об опасном эксперименте, планируемом где-то в верхах. Сделал правильные выводы, натащил в норку припасов и оружия, предупредил поделщиков. Катера укрыли в подземелье с надёжными запорами, подлодки вовремя предупредили, и они перенесли удар без потерь. Семьи этих подонков отсутствовали. Мы захватили уже третью тайную базу, но ни разу в её "барском" составе не было ни женщин, ни детей. Новые "хозяева жизни" оставили родных людей на произвол судьбы! У нас будут наложницы, каких пожелаем – таков был их стандартный ответ. Много раздумий о человеческой (ли?) совести и душе порождали такие поступки. Если так относиться к своим, чего могут от них ожидать чужие и беззащитные? Те, кто это узнали на собственном горьком опыте, строили виселицы. Вернее, руководили этим печальным строительством, пинками и палками взбадривая горе-плотников, которые завтра будут на них болтаться. Краткая и поучительная история завершилась на рассвете. Я вдруг почувствовал, что уже не боюсь наблюдать чужую смерть. Плохо. Очень плохо.

В небольшом, но испытанном бункере мы оставили большую часть найденных здесь припасов и снаряжения, замаскировали вход. Здесь решено было устроить резервную базу на случай, которого можно ожидать на войне, как учил великий мистер Ник. Крысиная школа преподавала нам свои уроки. Я организовал тщательную ревизию и демонтаж полезного оборудования на кораблях, ожидающих гибели от ржавчины. Многие прихватили с собой. Рабочих рук хватало впервые за время после катастрофы. Немало матюгов услышал блестящий лаком тяжёлый рояль, найденный в норе адмирала. Заочно досталось и мне. Но инструмент был закреплён по-штормовому и обложен мягкими матами в трюме для особо ценных трофеев.

Обратный курс был проложен через Бискайский залив. Следовало оставить кое-какие трофеи в Бресте. "Шельде" под завязку заполнил танки мазутом, на который так никто и не позарился на бессмертной "Мари Роуз". Некоторым кораблям на веку написаны многие годы.

Глава 26.

"Мирные" будни.

2014, февраль, 21. Ковчег.

На несколько неприступных вершин посещённых нами островов Петя доставил вертолётom Майкла и установил обещанные ретрансляторы. Оснащённые специальными приёмниками, они получали записи по секретному каналу, и каждый час воспроизводили их в открытый эфир. Теперь на стандартных частотах звучала созданная талантами месье Жака музыкальная заставка и вступление:

- В эфире – радио Ковчег!

На многих языках передавались сведения о наших победах, назывались имена казнённых "хозяев жизни" и подробности их расставания с этой жизнью, перечень их преступлений и имена жертв. Сообщались списки спасённых людей, а вдруг найдутся родственники? Читались специальные лекции о методах выживания, рекомендации по маскировке от охотников на людей, о том, как бороться с мародёрами. Приводились наглядные примеры объединения людей в коммуны для взаимопомощи и противостояния преступникам в установлении власти силы. Передавались перечни частот и зоны приёма для связи с другими ретрансляторами, готовыми принять сигнал бедствия и передать его на специально созданную Петром приёмную станцию. Её оператором он назначил недавнего пленника Андрея Иванова. Монтируя очередную схему в радиорубке, выделенной ему на "Шельде", он ждал сигналов.

До поры стояла тишина. Длилась она недолго.

- Ковчег, твою мать! Я разыщу и прикончу тебя, где бы ты ни был. Быдло, что ты себе позволяешь? Ну, дождётся! Чёрный пират Атлантики выставит тебе счёт!

Андрей включил аппаратуру, и в тысячах милях отсюда запеленговал радиостанцию пирата. То-то Петруха на обратном переходе переманил его с "Шельде", и они вечера напролёт паяли, монтировали и упаковывали схемы, потом вертолёт Майкла с трудом отрывался от палубы. Петя оценил коллегу, завязалась крепкая дружба – залог успеха любого предприятия.

Чёрный пират скитался у разгромленной базы на Карибах. Пытался глушить нашу станцию, но не преуспел: его радист не годился нашему электронщику в подмётки. Пусть пока гуляет, доберёмся и до него. Рекомендуем прокатится на Азоры и посмотреть, что его ожидает, болтающиеся на верёвке друзья расскажут. Так и было сказано в эфире, несколько раз названы его меняющиеся координаты, чтобы люди знали, где промышляет бандит. Кроме новых грязных ругательств, ничего поучительного Андрей не услышал в ответ. Добраться же до наших станций у бандита явно не было возможности.

Потом появился передатчик Кена. Он вышел на связь в двухстах сорока километрах от Ковчега, сигнал был устойчивый. Этот Кен сначала бодро передвигался по северным шхерам фиордов, но после передач координат Чёрного пирата повёл оседлый образ жизни. Он жаловался на голодную и холодную жизнь на островах и просил прислать за ним корабль. На холод жаловаться было грех: стояли плюсовые температуры, невзирая на превратившийся в мелкие вихри Гольфстрим, ранее согревавший эти края. Новая география. Снег выпал пару раз за всю зиму. Корабль мы не послали, но я на гидроплане и Майкл на своём вертолёте на бреющих высотах прибыли на остров в сорока милях от передатчика. Ночью мы с Ирвином поднялись на четыре тысячи футов и обследовали местность. В пяти милях от радиостанции Кена обнаружили то, что искали – костры большой стоянки. А когда спланировали и бесшумно пронеслись над лагерем, Ирвин рассмотрел фрегат. Его экипаж пировал на берегу у костров, видны были даже женские фигурки, прислуживающие очередным претендентам на царствование. Вызвали Майкла с Джоном. У них всё было готово. Ракетного залпа и

пары бомб хватило кораблю с лихвой. В людей стрелять не стали. Посетили Кена. Взяли тёпленьким, допросили. Провокатор слышал взрывы, сразу всё понял:

- У нас нечего есть, кроме рыбы. Хотели поживиться на вашем судне, их встречается всё меньше, а жить-то хочется!

- Работать не пробовали? – вспомнил Ирвин слова Юргена.

- Пусть работают пленные, у нас их десятка два. Но их можно заставить только силой.

Знакомые всё речи.

- Мы высадим тебя на стоянке. Хотят жить – пусть отпустят пленников. Иначе перестреляем всех без разбору, времена сейчас жестокие. Вы остаётесь на месте, узники уходят на противоположную сторону острова. Когда мы убедимся, что все они целы – будем разговаривать дальше.

- А вы потом нас перебьёте.

- Тебя мы сейчас поднимем на тысячу метров и выбросим без парашюта.

- Понял, понял! Не горячитесь, я всё улажу!

Его таки выбросили из вертолёт, но с высоты десяти метров, в спасательном непроницаемом костюме. Он жабой шлёпнулся в тёмную воду и погрёб к берегу. Оттуда раздалось несколько выстрелов, но боевой машине это были блошинные укусы. Тихо барражируя над местностью, к рассвету мы с Ирвином обнаружили двадцать два человека, движущихся в указанную точку. Спрятав самолёт в укромном месте, в засаде изучаем гостей. Оружия нет, в лохмотьях. Мы на таких уже насмотрелись, сомнения исчезли. По их рассказам, особой жестокости пираты не проявляли. Держали бесплатную прислугу, заставляли рыбачить и рыться в помойках. К тому времени Иван Грозный уже прошёл большую часть пути на "Америке". Вскоре он оставляет нам бочки с горючим и боеприпасы, увозит людей на Ковчег. Что делать с пиратами? Совещаемся с командованием. Остров большой, есть плодородная земля, благословенная рыба. Сбрасываем им несколько парашютов с едой, медикаментами и снаряжением. Хочется верить, что они не пойдут по пути Хайкеса. Хотя мы с Ником снова возражали, а Майкл готов был разнести их стоянку в пыль. Шальная пуля повредила какой-то датчик на его машине. Ладно, пусть живут.

На обратном пути мы с Ирвином решили сделать крюк и осмотреть местность, ещё не исследованную никем из наших людей. Углубились в шхеры. Ничего примечательного. На очередном острове виден дым костра. Человек грамотно подаёт знаки руками. Облетаем на бреющем, а вдруг опять засада? Чисто. Я уже почти профессионально произвожу посадку, подруливаю к берегу. Крепкий пожилой мужчина радуется глаз поношенной, но опрятной одеждой, в глазах нет той безысходности, которая ранит в сердце при встрече со страдальцами-одиночками.

- Командир корабля Солнцев, второй пилот Гаусс.

- Русский, что ли? Здравствуй, сын мой. Отец Фёдор, настоятель храма Святой Богородицы в Никольском, - по-русски отвечает мужчина.

Ирвин не понимает.

- Это русский священник, извини, он, видимо, не говорит по-английски.

- Почему же, мы обучены языкам, я сына трижды навещал, всегда без толмача обходился, - с хорошим произношением отвечает святой отец на английском.

Ну вот, теперь у нас и приход появится, только опиума для народа нам и не хватало. Не скрою, я даже немного пожалел, что занесла нас нелёгкая в такую даль. Я мало общался с этим контингентом. Предрассудки, заложенные родителями-атеистами, прочно сидели в подсознании. Но вежливость, заложенная родителями же, не позволила с ходу грубить терпящему бедствие человеку.

- Каким же промыслом забросило вас в такую даль от родной обители?

- Сын мой работал в норвежской авиакомпании. Мы с матушкой приехали его навестить. Вышли порыбачить, а тут, воистину, конец света и наступил. Сын утонул, а матушка, видать, погибла в селении. Не мог никакой город устоять против бесовской силы. Вот, сижу в пустыне, замаливаю грехи наши тяжкие.

- Чем же вы живёте?

- Рыбой да святым духом.

- Вот что, отец Фёдор. Меня тоже так зовут, правда, стать родителем только готовлюсь. Живём мы на далёком острове. Паства большая, под две тысячи душ, но разных исповеданий. Хлеб имеем, кров строим. Храм в ближайшее время не обещаю, да и не знаю, примет ли такое решение наша светская власть. Зато поработать на строительстве города предоставим все возможности. Найдутся прихожане – спасайте их души, многие в этом нуждаются. После трудов насущных. Они больше думают о хлебе и тепле, многим досталось страшнее, чем даже вам. Не обижайтесь, но я должен сказать. Я не силен в духовных вопросах, а люди собрались очень разные. Не хотелось бы, чтобы у нас появились еретики и иноверцы. У нас одна вера – в свои силы и в будущее наших детей. Чтобы без мракобесия, простите за грубое слово.

- Бог один для всех людей, Фёдор. Только имя ему каждый народ назначил разное. Что Будда, что Магомет, что Христос – все оставили одни и те же заповеди. Не той я веры, которая считает единую себя правильной. У каждого свой Бог в душе. Не принесу я распри в ваше общество, будь спокоен. Своим трудом и скит возвёл, и голодным не был. Сколько потребуется, столько и буду работать. Придёт мусульманин душу облегчить – сумею принять.

- Тогда собирайтесь.

Сборы были короткими, нечего и собирать-то было. Немаленький ростом священник занял место второго пилота, а щуплый на вид Ирвин скорчился в багажном отсеке, больше похожем на выдвижной ящик стола. Еле закрыл лючок. "Чайка" с трудом оторвалась от воды, и я всю дорогу прикидывал, с какой скоростью заходить на посадку, чтобы не отправить святого отца к его праотцам.

Он внимательно следил за моими манипуляциями, вслушивался в переговоры, которые я затеял с Майклом и Джоном с целью уточнения параметров приземления. На подходе к бухте Ковчег он подал голос в микрофон:

- Какая паспортная скорость посадки?

- Восемьдесят пять.
- Держите девяносто пять – сто, щитки на максимум, выравнивайтесь на трёх метрах и притирайтесь, очень плавно сбавляя обороты, ручку слегка на себя. Если разрешите, я попробую. Доводилось и похуже, с дырками в крыле.

- Что я слышу, святой отец?

- Не всегда я был святым. Разрешите представиться: майор запаса, пилот первого класса Гринёв. Штурмовая авиация. Три года Афганистана.

Хорошо, что шли на автопилоте. Штопор с моей стороны был бы гарантирован. Ну и дела!

Сел я всё же сам, но по его рекомендациям, и отец Фёдор удовлетворённо кашлянул в микрофон:

- Сколько часов налёта, сын мой?

- Уже под сотню, кто их тут считает?

- Неплохо для курсанта-первогодка.

- Спасибо. У нас лётного состава не хватает, но на вооружении только вертолёты и эта пташка.

- Натовские?

- Русские сюда не долетали.

- Много вы знаете. Вражеские аппараты не пробовал, но на двадцать четвёртом приходилось. На "Граче" не всегда успеешь заметить цель, а на вертушке медленно спускаешься с горы, и к стаду!

- Я вас завербовал, святой отец. Не отвертитесь. Готов за это даже заложить вам мою бессмертную душу.

- Не богохульствуй, сын мой. Принято. О душе потом поговорим.

На следующий день он щеголял в лётном комбинезоне, вёл специальные разговоры с пилотами вероятного противника и часами с закрытыми глазами ощупывал кнопки и рычаги в кабине трофейного вертолёта. Лунатизм какой-то. На мой вопрос о таком странном поведении Майкл ответил:

- Их учили любую кнопку находить рефлекторно, не глядя. Не отвлекаясь на мелочи от боя. Это старая школа, Фэд, сейчас таких пилотов уже не делают. Не хотел бы я его встретить над фиордами пару лет назад.

Потом святой отец сам вознёсся в небеса и учинил такой погром в соседней бухте с множеством скал и учебных целей, что Ник Шепард, отнюдь не мальчик в военном деле, сказал:

- Недаром нам говорили в те годы: не бойся большого охотника, бойся маленькой "лягушачьей лапки". Мы боялись, Фэд, - и в тот же вечер подружился с бывшим противником. Мало того, он забыл свои принципы и позволял себе называть его просто Фёдором, чтобы не путать нас при общении.

Настал день пуска электростанции. Произошло это безо всяких церемоний. В диспетчерской, построенной по специальному проекту, Андрей Иванович включил автоматику. Аппаратура взяла в параллель новый источник энергии с электростанцией "Феликса", затем береговые потребители были от теплохода отключены. Эту процедуру может с

закрытыми глазами выполнить любой вахтенный механик. Все сто тридцать четыре здания Ковчега уже были оборудованы электрическими обогревателями и бытовым оборудованием, добытыми в бездонных пещерах Ливана. Работали мощные станки и строительная техника. Электромеханик щёлкнул тумблером. Прибор показал: 1272 киловатт пошли в отдельно построенную сеть. Мегаватт энергии! Мои глаза забегали по пультам в поисках кнопки запуска аварийного генератора. Сейчас выбьет, такой всплеск нагрузки даром не пройдёт! Но даже лампочки не мигнули. Электромеханик с улыбкой наблюдал за моим лицом. Он выучил реакции механиков, когда я под стол пешком ходил.

- "Дед", это малая доля мощности. Частота не просела и на десятую долю герца. Мы это сделали! – и пошёл жать руки незамужним девушкам и юношам, щёки которых не были знакомы с бритвой. Его обнимали и хлопали по плечу. Парни уже уносили миссис Джейн на руках в новенький ресторан, и она милостиво подставляла румяную щёчку поцелуям молодых людей. Петя млел в объятиях самых лучших красавиц, и я видел, что конкуренция среди них грозит перерасти во вражду. Слегка досталось и мне. Плохо помню, как Ева довела меня до дома. Я порывался ей рассказать про станцию, но она не вникала.

- Мало мне хвастунишки, так ещё и выпивоха в семье. Бедный ребёнок! – погладила округлившийся животик.

- Изредка выпивающий, – уточнил я непослушным языком. – Солнышко, ты не понимаешь. Я ведь тоже руку приложил, хоть бы похвалила. А знаешь, что сказал профессор Леви? Мы с такой мощностью станем непобедимыми! Такое событие!

- Спи уж, событие ты моё.

Был праздник по случаю открытия Дома собраний. Огромный зал вместил всех желающих, а таковых набралось тысячи полторы. Пришли все жители Ковчега, кроме лежащих больных, вахты на кораблях и на аэродроме, дежурных на постах раннего предупреждения, береговой защиты, операторов минных полей. Немало людей охраняло покой Ковчега, но каждый из нас получил от жизни достаточно уроков, чтобы понимать: надо. Нарядные, подтянутые, плотно пообедавшие люди мало напоминали бесправных узников и одиноких скитальцев, которыми были недавно. Радостно сверкали глаза, велись содержательные беседы, от стаяк молодёжи и подростков доносились смех и шутки. Краснощёкие после лёгкого морозца малыши важно выступали за ручку с родителями. Их долго пичкали наставлениями перед выходом на люди, они со всех сил хранили серьёзность и сдерживали желание всё потрогать и везде побегать в этом шикарном зале. Мелькали знакомые лица, все раскланивались, а то и целовались друг с другом.

Были торжественные речи и детское пение. Открылся занавес, и мы увидели месье Жака со скрипкой, Ганса с виолончелью и Саида, явно взволнованного аншлагом. Но главное внимание привлёк чёрный сверкающий инструмент. Многим в зале он был обязан своим присутствием, многие помнили его вес и словечки в мой адрес. У рояля раскладывала партитуру стройная высокая женщина в шикарном бальном платье. Жак Риккардо начал длинную запутанную речь. Не всегда хороший музыкант может быть хорошим оратором.

- Да это же леди Нэнси Джейсон! – Я услышал ноту благоговения в голосе Ника Шепарда. – Как она здесь оказалась?

- Вы её знаете, сэр?

- Это же величайшая пианистка! Фэд, стыдно не знать таких людей, вы же культурный человек.

- Я больше по морям.

- Разве у вас нет в каюте музыкальной аппаратуры?

- Петя её установил, но я даже не умею включать. У меня своя музыка – шумы машинного отделения. Я и во сне отличу ноту стартовавшего компрессора в аккорде главных двигателей и генераторов.

- Он и дома слышит только холодильник, шумы стиральной машины и вентилятор обогревателя, – прикончила Ева иллюзию друга о моей культурности. Надеру Петьке уши. Научил, понимаешь, гадостям. Или это Мари? Они часто проводят свободное время вдвоём. Осталось только словечки эти выучить. В доме скоро появится ребёнок, и его первые слова будут не "мама", а "мать твою". Я поёжился.

Ева внимательно следила за моим мыслительным процессом. Нежно прислонилась ко мне и сказала:

- Я шучу, мистер Шепард. С последнего похода он привёз несколько новых песен собственного сочинения. Голос, конечно, не ангельский, слух тоже, но под гитару, дуэтом, у нас получается сносно. Особенно, когда он только аккомпанирует.

- Вы – проказница, миссис Ева. Даже меня ввели в заблуждение. Талантливый человек – он во всём талантлив. Я убедился в этом, когда размышлял, где раздобыть цветы на могилу друга, заходящего на посадку впервые в жизни и без инструктора. Жду приглашения на ваш концерт.

- Мистер Ник, во-первых, песни на русском языке, вы не поймёте смысла. Во-вторых, под мою музыку может петь только Ева, и то из милосердия к собакам, которые собираются под окном и начинают выть.

- И, в-третьих, мы завтра отмечаем день рождения Фёдора, – добавила Ева. – Вам – персональное приглашение. Будут только самые близкие друзья, которые многое вынесли в жизни, вытерпят и наше пение, – я уже и сам забыл, что когда-то родился на свет! Спасибо, любимая.

- Если позволите, Ник, есть и четвёртый пункт в этой логической цепочке. В течение двухчасового совместного полёта Фёдор Ильич оставил кнопку внутренней связи нажатой. Он не заметил, а я имел удовольствие услышать его песни. Я сам немного музицирую, в две гитары это зазвучит. А тексты у него больше на английском. Наши друзья уже так отвыкли от родной речи, что разговаривают с акцентом.

Отец Фёдор был в строгом выутюженном костюме. Лишь аккуратно подстриженная борода выдавала принадлежность к служителям культа. В том, что дружба наша будет долгой и крепкой, я не сомневался. Мы с ним совершили несколько учебных вылетов, и я, наконец, понял, что значит летать. Алекс был хорошим пилотом, но учить не умел. Фёдор – умел. Он доказал, что даже малышка "Чайка" способна на высший пилотаж. Макс говорил, что у него стыло сердце, когда наблюдал за нашей акробатикой. А я начал отличать небо от земли после выхода из

головокружительных пируэтов. Много повидавший, но сохранивший молодой задор, и главное – душу, человек был принят в нашу компанию в первые дни знакомства.

- Нэнси Джейсон чудом спаслась на Карибских островах, была эвакуирована Майклом в компании со своим продюсером, а по совместительству мужем, - Мари была в курсе всех новостей Ковчега благодаря обширным знакомствам, заведенным в ненавистном Макс Кабинете. Мой друг держал её ладошку в своей ладони, рядом сидели болтающие о своём Люси и Сара. Я давно не видел такого покоя и умиротворения в его глазах. Он встретил мой взгляд, ответил по-нашему: "Да, дружище, так оно и есть!". Его глаза и во мне пробудили уверенность, что теперь всё станет лучше.

Зазвучали первые аккорды рояля. Подключились инструменты. Я действительно малокультурный человек. Ну не тянет меня на классику, вот я такой. Но эта музыка - потрясла. Зал замер, вслушиваясь в нежное пение скрипки. Вздрыгнул от раскатистых грозных перекатов басов рояля, на фоне которых жалобным эхом плакала пастушья дудочка. Траурно прозвучали глухие скорбные ноты виолончели. Но вот пробудился ручеек жизнерадостных переливов, он нарастал, он превратился в симфонию жизни! Детские голоса подключились к оркестру, сначала скорбно, затем всё радостней, и вот – высокий аккорд, кажется, уносит меня в безоблачное небо! У меня зачесались глаза. Некоторое время в зале стояла мёртвая тишина, прерываемая всхлипами женщин. Зал стоя аплодировал музыкантам и детскому хору, скромные букеты горных цветов падали к их ногам. Месье Жак и его оркестр кланялись, не скрывая слёз...

Глава 27.

Чужая война.

2014, март, 11. Шведское высокогорье.

- **Ковчег**, просим вашей помощи! Ковчег, сообщите в эфире, что вы нас слышите. Свободная колония Прибежище подверглось нападению со стороны крупной банды мародёров. Координаты нашего поселения... У нас мало ресурсов, мы с трудом отбиваем их атаки. Полторы тысячи человек страдают в осаде, гибнут люди. Нашу группу связи преследует отряд бандитов, нет уверенности, что мы сможем повторить радиопередачу. Только русский спецназовец хранит нас от гибели. Спасите людей, наши дети и женщины в опасности. Ковчег, просим помощи!

Ник Шепард был озабочен. Сегодня на рассвете его разбудил звонок Андрея Иванова. Портативный УКВ передатчик находился высоко в горах, в зоне прямой слышимости самой северной станции. Вертолёт Майкла доставил её на пределе дальности полёта.

- Мы не можем помочь радистам, слишком далеко для вертолётов, а на пеший переход уйдёт много времени.

- Возможно, новая провокация?

- Не думаю, но проверка не была бы лишней, - Ник взглянул в мою сторону.

- Я полечу к радиостанции. У "Чайки" хороший запас дальности.

- Мы полетим, - поправил Фёдор.

- Нет, майор. Я полечу один, лучше на место второго пилота привяжем пару запасных канистр. В багажный отсек – тоже. Слишком далеко, а вам надо готовиться к дальнему перелёту и предстоящим боевым вылетам. Я правильно озвучил наше решение?

Обвожу взглядом военный совет. Все офицеры флотов – морского и воздушного, Юрген с заместителями. Согласно кивают. Значит, новая война. Команда на "Европу" и "Америку": корабли к походу и бою готовить! Получаю инструктаж по навигации, снаряжаем самолёт, запасаясь сухим пайком и патронами. Лететь в одну сторону на тихоходном самолёте – несколько часов. Последние напутствия друзей. Взлетаю с грунтовой полосы на потяжелевшей машине. Всё своё везу с собой. Иду высоко, чтобы не заблудиться в горах. Согласно плану, ночую на островке горного озера. Не спится. Удивительная тишина вокруг, плещется рыба, кто-то маленький тихо шуршит в камышах. Брошу всё и уеду жить сюда. Какая красота! Достая снасти, и через двадцать минут добываю пару рыбин. Всё остальное для ухи имеется. Как давно я не был в таком покое, одиночестве и единении с природой! Не вся планета погибла, есть на ней райские уголки.

Короткий сеанс связи с Ковчегом. Радиостанция немного сместилась, воюют. Взлетаю за час до рассвета, через двадцать минут тихо скольжу над указанным горным кряжем с чашей чёрного сверху водоёма. Внизу раздаётся автоматная очередь, вижу вспышки. Недалеко – выстрелы в ответ. На голых камнях – шевеление. Ваня Грозовой, услышав про спецназ, рассказал специфику. Группе радистов в горах отправили сообщение на русском языке с использованием терминов, понятных только Ивану и его соратникам по прошлым сражениям. Приём подтвердили. Делаю несколько заходов. По моим наблюдениям, в одной группе двое, в другой – четверо. Кто из них кто? Светает, видимость улучшается. Обе группы на моём боевом курсе. Включаю радиостанцию:

- Прибежище, маяк! – оживляю эфир по-русски. Менее минуты лёта до первой пары на гребне. В прицеле две фигуры. Тридцать секунд! Они открывают пальбу трассирующими пулями в сторону затаившейся четвёрки. Наши! Успеваю довернуть и присоединяюсь, мне сверху видно всё, ты так и знай! Кажется, пою. В бою человек иногда такое вытворяет! Мои трассеры вливаются в камни и тела, цветными фонтанами разлетаются рикошеты. Уношусь с набором на разворот. Навстречу сверкнула малиновая вспышка. Ах, так? Получай. Длинная прицельная очередь скрывает фигуры в облаке пыли. На выходе боковым зрением отмечаю рывок пары союзников, они не намерены упустить шанс. Разворот, захожу снова. Но всё кончено. На земле пять распостёртых силуэтов. Один жив, подаёт условные знаки. Даю ракету в сторону озера, выпускаю закрылки в посадочное положение.

- Спасибо, земляк. У нас уже патроны кончались. Эх, Маркос, как я не доглядел? Геройский был парень, это он задумал поход. Шестьсот километров по горам. Два месяца на подножном корме. И эти псы на

хвосте. Их было пятнадцать, а нас – пятеро. Устроили им горный обвал, уравнили силы. А позавчера они напали ночью, мы с Марком только и унесли ноги. Если бы не ты – они бы нас уже кончили.

Старший лейтенант Вадим Лебедев. Отряд антитеррора. Приехали на совместные учения в Швецию. В тренировочном лагере выжил он один. Подобрал кое-какое оружие и экипировку, семь месяцев скитался в одиночестве. Всякого бывало. Случайно набрёл на поселение выживших горемык. Трудились, кое-что удалось построить, приходили новые страдальцы. Нашли в разрушенном городе уцелевший подвал супермаркета, жить стало легче. С гор спустилось воинское подразделение, человек двести. Вооружённые до зубов. Парламентёр пытался качать права, но был кувырком спущен с почти отвесной скалы, в старом вулканическом кратере которой обосновалась община. Началась осада. Взять приступом природную крепость нелегко, начался измор. Озеро в кратере давало рыбу и воду, но боеприпасов было в обрез. Катили с горы камни, стреляли из луков и катапульт. Огнестрельное оружие берегли только на случай генерального сражения. Оно уже не за горами.

Перекусили моими припасами, взлетаем, чтобы успеть засветло.

- Наши корабли завтра войдут в реку. Какие там глубины?

- До семи метров. Реки взбесились после землетрясения, люди говорили об огромном цунами. Но сейчас относительно спокойно, думаю, пройдут. Не знаю, как они найдут путь, там сейчас водные лабиринты, очень далеко до моря.

- Нам надо торопиться. Без авиаразведки не обойтись. А без запаса топлива на кораблях вертолёты едва дотянут до Прибежища. Разве что пушками да автоматами помогут.

- И то хлеб. У нас каждый патрон на счету, люди плакали, делясь с нашей группой. Видит Бог, мои ребята могут дать отчёт о каждом выстреле. Только спросить не с кого.

Не дожидаясь рассвета следующего дня, взлетаем на перегруженном боеприпасами самолёте. Только и успел позвонить Еве, пытался успокоить. Какой там покой. Вертолёты на последних каплях горючего дали прикурить осаждающим: ракеты и бомбы разметали их лагерь, пушки проредили личный состав. Сняли оружие с машин, установили на опасных участках. Появилась надежда. "Европа" с "Америкой" уже двигались в мощной реке, Петя с акустиком "Пирании" вели корабли по приборам. Делаю круг над вулканическим конусом Прибежища. Пару очередей по группе палаток у его основания. Посадка на озеро. Вадима целует красивая девушка, встречающие плачут, жмут ему руку. Худющие, настороженные, с красными от недосыпа глазами. Наши пилоты изнемогают без топлива.

- Фэд, не тяни, привези хоть литров шестьсот, я потом сам смотаюсь, - Майкл прямо подпрыгивает от нетерпения. Взлетаю. Через полтора часа нахожу подходящее место для посадки на воду, ещё через час вылетаю обратно, приняв с "Америки" триста литров. Делаю второй рейс, и Майкл с Ирвином уходят навстречу "Европе". Падаю на сено в какой-то халупе. Последние несколько суток я провёл в основном за штурвалом. Поэтому проспал самое интересное. Как прилетели вертолёты Майкла с Фёдором

и устроили воякам полноценное воздушное представление. Как население Прибежища пошло гонять уцелевших бандитов по окрестностям. Пленных не брали. Если кто и зарылся в щель, до конца дней будет обходить место страшных воспоминаний. Собрали трофеи. Небогато. А чего ожидать после усердного труда таких специалистов, как Фёдор с Майклом? Я проснулся от взгляда. Максим стоял у порога:

- Настоящий бродяга. Извалялся, в щетине сено, грязный и вонючий. Я предупреждал Еву, что ты босяк по призванию. Не послушала. У женщин извращённые представления о героях их мечты.

- Я тоже тебя люблю. Понимаешь, бритву забыл. Совсем старый стал.

Обнимаемся. Корабли стоят в реке под нами. Боты снуют к маленькому причалу с коробками и ящиками. На берегу вертолёт жадно засасывает керосин из бочек. На площади собирается народ Прибежища. Решается вопрос дальнейшей жизни. Макс успел переговорить с руководством. Бывший мэр погибшего городка, полицейский без руки, мужчина сельской внешности и интеллигентная дама – учительница школы для полутора десятка бледных детишек. Не жировали, сразу видать. Солидные строения: укрыться от непогоды. Климат здесь жёстче, чем у нас. На склонах кратера лес, видны обработанные поля. А на лужайке, с которой недавно сошёл снег, ищут прошлогоднюю травку овцы. Трудились люди, наживали по крохам, отдавали последний кусок детям. Приходят какие-то с автоматами: будете нас кормить. Не желаете – сами возьмём, поплачете. Сегодня отбились. А завтра?

- Наши разведчики обнаружили селение в шестидесяти километрах. Полторы сотни душ, у них огромное стадо баранов и много птицы. У нас плодородная земля, место хорошее, хватит на всех. Они уже собирались к нам, когда эта напасть, - бывший полицейский указывает уцелевшей рукой вниз, где дымятся какие-то ошметки.

- Нам бы оружие – и крепость никто не возьмёт. Таких, как эта банда, нет в радиусе ста километров, сведения точные. Инструментов и техники не хватает, учебников детям.

- Люди решили остаться. Спасибо вам за помощь и приглашение. Даст Бог, в долгу не останемся. Жалко бросать, сколько здесь нашего труда и слёз, - учительница всхлипывает.

- Оружие и инструменты мы привезли, вам на десять лет хватит. Зерно, консервы, соль, сахар, посевной материал, овощи. Два мини-трактора с сельскохозяйственным снаряжением. Электростанцию можно на реке построить, вон в тех ящиках - генераторы. Дизельного топлива тонн десять налём, дальше уж сами. Запас керосина и ракет прошу держать неприкосновенным. Сами видели, на что способны вертолёт. Много бытовых принадлежностей, ткани, пара швейных машин. Ну и разные полезные мелочи. Наш завхоз – мужчина опытный, лично составлял список.

- Откуда такие щедрые подарки? Вы нашли клад?

- Можно и так сказать. Кто ищет – тот всегда найдёт. С кораблями легче исследовать мир.

- Как мы рассчитаемся? Вадим говорит, у вас тысячи людей, ведь им это тоже пригодилось бы, разве мы не понимаем?

- Мы тоже трудимся, растим детей. Привыкли рассчитывать на свои силы. Есть чем поделиться – почему не помочь? Жизнь может всякое преподнести. Сегодня мы вас поддержали, а может, завтра вы нас выручите. Кто знает, что будет, но я уверен в одном: люди должны помогать друг другу в беде. Закон моря трактует это однозначно, вплоть до уголовной ответственности за оставление без помощи. Мы законопослушные моряки. Установим надёжную радиосвязь, будем обмениваться новостями и разведданными. Посмотрите на того юношу, - Петя в компании местной молодёжи монтировал свои антенны на возвышенности. - Теперь наши контакты станут тесными, будем торговать. У вас много невест, а нашим парням их не хватает. Породнимся, будет союз. Пусть кто-то попытается напасть, мы объединёнными силами раскатаем любую банду!

Подошёл Вадим со своей подругой и Ваней Громовым. Эти двое быстро спелись, кажется, даже на грудь приняли по такому случаю.

- Фёдор Ильич, можно вас на минуту?

Я отошёл с ними в сторонку. Вадим сразу приступил к делу:

- Познакомься, это моя жена Берта. Она врач. У неё в лазарете уже три месяца лежит один человек. Его история очень странная с момента появления в наших краях. Что вы подумаете, если я скажу, что он прилетел на реактивном истребителе?

- Там стоят два современных вертолётa. Меня трудно удивить, Вадим.

- Он долго кружил над нами, затем набрал приличную высоту и катапультировался. Самолёт взорвался в горах, а он приземлился очень неудачно, зацепившись парашютом на том обрыве. В общем, к Берте он попал разбитый в лепёшку. Еле спасла, но у него повреждены внутренние органы, а её специальность – гинеколог. Поддерживает с трудом, он почти постоянно без сознания. Когда приходит в себя, мне кажется, что бредит. Дело в том, что он тоже русский. Какая-то база на Новой Земле, секретное оружие, корабли-невидимки.

- Надо показать его Фрэнку Стоуну.

- Он уже переправил больного на "Европу" и сделал операцию. Я ассистировала, коллега сказал, что понадобится ещё несколько хирургических вмешательств. Фрэнк забирает пациента на Ковчег, - Берта явно испытывала облегчение.

- Я затем подошёл, чтобы вы послушали его внимательно. Судя по вашим радиопередачам, Ковчег объявил священную войну джихад всем этим подземным крысам. Если надо, я всегда готов, мы с Ваней и с вашей техникой можем теперь такое устроить!

Берта дёрнула его за рукав:

- Я тебе устрою. Хватит с меня, два месяца спать не могла. Не повзрослеет никак.

- Женщина, будь человеком. Дай поговорить с нормальными мужиками, солнце моё.

- Придёшь домой, поговорим, - пообещала девушка и удалилась.

- Она хорошая, просто переволновалась.

- Добро, Вадим. Я доложу начальству, это уже не первый сигнал. Будем думать. Если что – можем рассчитывать на тебя, или Берта не отпустит?

- Вы её не знаете. У нас тут не первая война, пару бандитских шаяк мы зарыли в горах. Она бегала со мной под пулями. Там и полюбили друг друга. Поругает – и отпустит.
- Ты познакомился с мистером Шепардом?
- Он сам меня разыскал, давал инструкции по организации обороны и военной подготовке. Мэр Эдуард Хайнц согласился с ним, назначил меня военкомом. Пока всё решали, у меня из головы выскочил этот лётчик.
- К сожалению, придётся воевать. Иначе крысы расплодятся, не сладим.
- Я готов. Если что – прилетай. Да и просто так, в гости. Привози Еву, мне Иван сказал, что вы ждёте ребёнка. У Берты лёгкая рука.
- Спасибо.
- Тебе и всем ребятам Ковчега спасибо. Мы добро помним.

Глава 28.

Научная фантастика.

2014, МАРТ, 25. Ковчег.

- **Папа**, а профессор Леви сегодня так интересно рассказывал про лёд! Оказывается, это твёрдая вода. И снег тоже. У них только картинка другая. А пар – это водяной газ. Всё зависит от температуры. Вода бывает разная, у неё даже настроение может меняться.

- Надо же, я впервые слышу.

- Значит, тебе надо встретиться с профессором. Он просил передать, что хочет с тобой побеседовать. Видно, догадывается, что у тебя прорехи в образовании.

Какие мы умные! На "Европе" паровой котёл, кондиционер и опреснитель, и твой папа как-то разбирается, что и в какой фазе заставить там циркулировать. После того, как мы встретили "Пиранию" и узнали о страшной участи Осло и его жителей, Ева долго гуляла с девочкой в сопках. О чём они говорили, я не знаю. Вскоре после этого Сара впервые назвала меня папой. Потерявшийся птеник робко смотрел на меня. Ждала, как я отнесусь к её слову. А вдруг чужой дядька отвергнет, не примет? Чтобы скрыть повлажневшие глаза, я бережно прижал её к груди.

- Всё будет хорошо, дочка. Ты вырастешь радостной и счастливой. Мы с мамой постараемся.

Ребёнок доверчиво прильнул ко мне. Ева, глотая слёзы, ушла на кухню. Она стала мамой раньше, чем родила собственного ребёнка. В тот день я понял, какую женщину послала мне судьба. Любимые мои, я готов за вас пойти на костёр.

Профессор физики Николай Николаевич Леви обитал в большом доме. Вместе со своей супругой и коллегой Надеждой Юрьевной они были сняты вертолётom со скалы, на которую выбрались с затонувшего теплохода. Они редко показывались на публике. Что-то монтировали в лаборатории, которая занимала основную часть выделенного им здания. Я знал, что они долго и придирчиво выбирали оборудование на складах. Был конфликт с Петром по поводу каких-то электронных блоков.

Проныра одессит потерпел поражение. Он попытался устроить коррупцию, используя близость к начальству, и отвоевать аппаратуру, но получил лишь нагоняй. И без того электронные трофеи проходили через его загребушие руки, в каюте и квартире не было от них проходу. Как это терпела аккуратистка Джейн, я не понимал. А если она начнёт тащить домой запчасти к главным двигателям? Андрей безвылазно толчётся у них, всё пропитано запахом канифоли. Никакой личной жизни. Макс уже давно бы выгнал драной метлой: мало вам зубного кабинета?

Лаборатория напоминала Петино жилище. Профессор вытребовал отдельную высоковольтную линию энергоснабжения, везде висели пугающие таблички с изображением пиратского знака и надписями, грозившими смертью всякому прикоснувшемуся.

- Мы работали в институте академика Ясинского. Сомневаюсь, что вы слышали о нём, исследования были засекречены. Изучали наследие Николо Тесла. Советская разведка в конце восьмидесятых сумела проникнуть в секретные архивы американцев. Даже нам были доступны не все добытые материалы, но и без того работы хватало не одной сотне специалистов. Великий был человек.

- Я читал, что Тунгусский взрыв был его рук делом.

- Прямых доказательств нет. В меньшем масштабе и по современным технологиям мы воспроизвели установку, получили очень интересные результаты. Об этом я и хотел с вами поговорить. Нам с Надей, с помощью молодёжи, удалось построить мобильную модель генератора концентрированного сгустка электромагнитной плазмы. Вы должны понимать, что это опасное и грозное явление – так называемая шаровая молния.

- Так это не выдумки фантазёров?

- Скорее, это их безответственность. Идея довольно проста, она имела хождение в кругах специалистов. При наличии знаний и средств, построить установку несложно. Некоторые дилетанты баловались этой игрушкой, достоверные и не очень слухи попадали в прессу. Случались жертвы, поэтому виновники старались не афишировать свою причастность. Проблема в том, что плазменный шар, покидая аппарат, двигался хаотически. Для контроля над ним Тесла нашёл поистине гениальные решения. Учитываются десятки природных факторов, электромагнитное поле планеты. Не буду забивать вам голову. Таким процессом может управлять только мощный компьютер и сложная дорогостоящая аппаратура. Вам, инженеру, не надо объяснять, что изготовить её на кухонном столе невозможно. Оборудование весит несколько тонн.

- Вы хотите сказать...

- Испытывать в пределах Ковчега такое устройство опасно. Нужен транспорт. На наш взгляд, пограничный катер мог бы стать носителем. Уедем подальше, эвакуируем экипаж, и мы с Надей попытаемся произвести эксперимент. Нужен дополнительный мощный электрогенератор. Электростанция "Европы" потянула бы, но мы не имеем права рисковать флагманом нашего флота. Да и Петро Иванович,

мягко говоря, не желает подвергать опасности боевую аппаратуру корабля. Его можно понять.

- Я его в бараний рог!

- Не надо. Пан Гарбуз - прекрасный специалист. Невзирая на неприязнь, он внимательно ознакомился с нашими схемами и выдвинул несколько дельных предложений. Молодой человек слегка ревнует. Пройдёт время, и мы будем в одной команде. Он уже с нами. Надо снисходительно относиться к молодым амбициям, это очень хорошо, когда юноша имеет своё мнение и характер.

- Когда?

- Хоть завтра. Осталось согласовать с командованием и решить организационные вопросы. Сегодня не получится, у меня лекции в школе и инженерном колледже.

- ???

- Уже третий месяц молодые люди трижды в неделю посещают школу после рабочего дня. Надо растить смену. Многие ребята имеют лишь начальное высшее образование. Мы с коллегами-инженерами и специалистами других направлений разработали и осуществляем программу обучения. Кстати, Ахмед и Дауд, сыновья вашего друга Саида, показывают большие способности к точным наукам. Полагаю, отцу будет приятно услышать от вас эту новость.

Мне оставалось только поцеловать ручку Надежде Юрьевне и крепко пожать узкую ладошку профессора:

- Вы знаете, однажды я поймал себя на мысли, что в каждый новый поход судьба отправляет меня в обществе самых лучших товарищей. Видно, пора идти к отцу Фёдору и замаливать мои многочисленные грехи, чтобы Провидение и дальше баловало меня.

- Майор слишком занят обучением курсантов. А Провидению лучше знать, кому больше повезло – вам, или людям, уходящим с вами в море или в небо.

На второй день "Америка" увозила нас за шестьдесят миль, на военно-морской полигон, где проводили регулярные маневры наши корабли и летательные аппараты. Здесь было множество морских и береговых мишеней. Откуда-то появились полуразрушенные суда, автомобили и даже береговые укрепления условного противника. Мистер Шепард воплощал в жизнь программу военной подготовки последовательно и с широким размахом. Мне на "Чайке" тоже доводилось участвовать в совместных учениях флотов, и с каждым разом я наблюдал с высоты всё большую организованность и эффективность наших действий. Миссис Джейн заслуженно утверждена в должности штатного главного инженера "Европы", ибо её непосредственное начальство переквалифицировалось в лётный состав. На должность второго механика выдвинули Васю Муравьёва, а третьим инженером назначили одного из специалистов, освобождённых на Азорской базе. На "Шельде" подобралась полностью французская команда, разбавленная русским электромехаником. Ване Грозному на "Америке" ассистирует голландский инженер Ян Малер, а старпомом и главным артиллеристом у него – Ганс Моргенстар. Так мои давние шутки превратились в реальность. Джон Смит проходит школу

второго пилота в ежовых лётных перчатках отца Фёдора. Моим штурманом назначили бывшего пилота-разведчика португальских ВВС Хуана Оливеру, после катастрофы попавшему в лапы бандитов повешенного адмирала. Макс иногда осуждающе посматривал, как я планирую завтрашние вылеты с Фёдором и Майклом:

- Совсем от рук отбился. Флот его учил, кормил, поил. А он в небесах витает. Спишу.

- Макс, я помру не в небе, и даже не в машинном отделении. Меня похоронят в бумажной лавине на моём столе. Знаешь, как меня заочно называют инженеры? Ни много, ни мало – флагманский механик. Серьёзные технические вопросы решают только через меня. И Джейн, и Франсуа, и Ян прекрасно справляются сами, но считают нужным иметь централизованную техническую власть для лучшей организации и согласования решений. "Дед" с "Пираньи" становится навязкой и приносит новые и новые бумаги! Ты хочешь, чтобы они превратили меня в канцелярскую крысу? Только в полёте и забываешь об этих заявках, планах и ремонтах. Приземлился – а на столе уже кипа ждёт резолюций. Я требую свободы! Или хотя-бы секретаря.

- Доплавались. Бюрократ.

- Сам такое слово.

Его кабинет тоже завален бумагами. Флотами командовать – не печенье сортировать. Кончились наши вольные пиратские денёчки! Ева вечера напролёт сидит у компьютера. Заполняет таблицы технического обслуживания, проворачивания, чистки и наладки оружия. А днём носится на резиновой моторке по многочисленным огненным точкам небольшого уже гарнизона Ковчега. У будущего кума хватило здравомыслия отстранить её от учебной стрельбы: не хочет, чтобы крёстный родился заикой. Набралась у мистера Ника строгости и требовательности. В городе ребята из военных подразделений почтительно салютуют ей на английский манер. Разругаюсь с военкомом. Я тоже имею право на личную жизнь!

За этими размышлениями не заметил, когда прибыли на место. "Америка" – славный кораблик, несётся, как "Чайка" на взлёте. Макс беседует с командиром в ходовой рубке. С нами – неразлучная парочка электронщиков и Алексей Иванович. Электромеханик обладает таким же деятельным характером, как леди Джейн. Оказывается, без участия моих подчинённых установка была бы только в проекте. Один я остался в стороне! Джейн говорит мне глазами: вы были слишком заняты, мистер Фэд, сэр. Мистер Ник безапелляционно принял командование испытанием, а Джейн даже не спрашивала, можно ли ей присутствовать. Попробовал бы кто возразить, имел бы дело и со мной. Матросы Ивана Грозного зорко следят за обстановкой, хотя это лишнее. Петя с Андреем давно обставили господствующие высоты камерами слежения и всевозможными датчиками. В радиусе ста миль от Ковчега незаметно мышь не проскочит. Отец Фёдор в одиночестве сидит на корме. У него тут своя роль.

Катер бросает якорь в центре бухты. На борту остаются профессор Леви с супругой и, как ни странно – их оппонент Петруха. Сумел перебороть мелочную неприязнь, они с учёной парой всю дорогу что-то увлечённо

обсуждали. Бросались такими терминами, что я не стал и слушать, всё равно не пойму. Все отъехали на ботах на мыс милях в пяти. Андрей настраивает экраны нескольких камер, установленных в окрестностях.

- Как вы успеваете? Ведь недавно из похода! – я поражён высоким уровнем готовности.

- Проект был запущен на виртуальную экспертизу. Ребята не только давали советы, каждый сам что-то изготовил, чем-то помог. Мы с Петей весь переход отлаживали индуктор. "Америка" делает третий рейс за последние сутки. Сейчас половина населения Ковчега у экранов. Мистер Ив дал участникам пару часов отпуска.

Теперь я на все сто уверен в завтрашнем дне Ковчега. А сам летает в облаках, сказал бы Макс. И был бы прав. Какие ребята!

- Коммандер, готовность номер один, - голос Петра в динамиках. – Просим добро на тестовый вертикальный пуск.

- Даю добро! Три, два, один, огонь! - мистер Шепард подобрался, он напоминает льва, подкрадывающегося к стаду антилоп. Моё нездоровое воображение дорисовывает нервные подёргивания хвоста царя зверей. Несерьёзный ты, старик. Новые ночные кошмары куются здесь и сейчас. Кроме шуток, надо сдаваться врачам.

От странной антенны на корме катера отделяется тускло переливающееся цветами шарообразное тело размером с футбольный мяч. Зависает метрах в десяти выше. Совершает движения влево, вправо, вверх, завис. Уходит в сторону от корабля, висит на месте.

- Плазма под контролем. Подъём на пятьсот метров и самоликвидация. Просим добро.

- Даю добро.

Глаз успевает заметить лишь светлую полосу сорвавшейся с невообразимой скоростью сферы и яркую вспышку в вышине. Никаких звуков. За воротником щекошет холодными лапками мелкое насекомое. Никто не знает, что я боюсь гусениц. Больше, чем стингера. Мне в детстве упала за шиворот одна отвратительная тварь. Когда страшно, она начинает там шевелить своими конечностями и волосками на омерзительном гибком теле.

- Наземная цель номер шесть. Зависание на траектории – пять секунд.

- Добро.

Покорёженный моими пулемётами автомобиль. Я заходил на него три раза. От "Америки" - светлая огненная полоса. Отпечаталась в сетчатке глаза. Замерла на высоте десяти метров. Неуловимое мгновение – и цель, ярко вспыхнув, исчезла. Даже дыма нет. Они что, телекинезом занимаются?

- Цель поражена.

- Надводная цель номер четыре. С ходу.

- Огонь!

Носовая часть небольшого траулера, просевшего кормой, озарилась вспышкой и исчезла. Видны раскалённые оплавленные шпангоуты. С шипением погружаются в воду. Уже сотня гусениц ползает по моей спине, я заворожено уставился в экран.

- Воздушная цель. Просим добро после прохода нашего аппарата.

- Добро.

С высоты скользит моя "Чайка", на длинном буксире за ней – планер. Это заговор. Хуан уволен в стройбат. Пока я воевал в Прибежище, он тут спелся с этими... Энтузиастами! Я вам покажу, как за моей спиной! Авиамodelисты, вашу мать! Оглядываюсь, на ком бы сорвать злость. Джейн берёт мою руку в тёплые ладошки:

- Фэд, у нас нет времени, идёт война. Тебя не хотели обидеть. Ты был переутомлён. Прости нас. Хотели, как лучше.

- А вышло, как всегда. Я вчера спал, как сурок. Ты-то могла хоть намекнуть? Такие дела – и без меня. Я на вас обиделся, инженер-лейтенант. Ты же знаешь, как я страдаю, сижу тут, как дурак. Совсем зарыли в бумагу, всё сами, умники! А ещё коллега!

Краснеет, не знает, куда деть глаза. Отдувается за всех. Наверняка, сама вызвалась меня укрощать, знаю я эту леди. Ну что с ними делать, молодыми? Обнимаю щуплые плечики. Я взвалил на них ответственность за мощь и скорость флагмана, а теперь ругаю беременную женщину.

- Прости, маленькая. Старый фанатик. Выжил из ума.

- Это не повторится, Фэд. Все тебя уважают. Я не встречала лучшего инженера и пилота.

- Леди Гарбуз, объявляю вам китайский выговор. Следующий подхалимаж закончится у грузовой мачты "Европы". Полагаю, вы изучили устав.

- Есть китайский выговор!

Научилась у мужа-балбеса. Шаловливые глазки!

- Я не тебя, а твоего благоверного выпорю. Лично. Учит вас, понимаешь! Ева тоже...

- Смотри!

Планер в свободном полёте, мой самолёт ушёл за сопку. Фёдор Иванович у небольшого пульта манипулирует джойстиком для компьютерной игры. Он имитирует уклонение от ракетной атаки, беспилотная игрушка в небе выполняет его команды. Переворот, пике, выход на замедленную бочку – этому он учил меня несколько дней. Внезапно планер исчезает. Ни взрыва, ни падающих обломков. Даже вспышка не слишком яркая.

- Испытания закончены. Просим всех на борт.

- Постап – отбой боевой тревоги. Нести регулярную вахту. "Америка", прекратить эксперимент.

- Какая скорострельность установки?

- Один пуск в четыре минуты. Нужно время для накопления энергии.

- Дальность?

- Ограничена только приборной видимостью. Если установить на "Чайке" приборы наведения...

- Вес?

- До сорока килограммов.

- Решено.

Взлетаю, набираю двенадцать тысяч футов. Хуан включает приборы. Вдали виден полигон. От "Европы" в бухте Ковчег срывается и чертит в воздухе молнию еле заметный огненный шар. С высоты трассеры пушек

смотрятся, как в замедленном кино. Не тот случай. Через секунду на горизонте – вспышка.

- Цель поражена!

Теперь нас не возьмёшь даже ядерным оружием. Несколько стационарных установок на близлежащих высотах. Централизованный контроль. Тройкой с Майклом и Фёдором в два рейса снабжаем страшным оружием Прибежище. Пусть сунутся! Вадим ликует. Профессор на обратном пути сидит в кресле второго пилота.

- Господин Солнцев...

- Просто Фёдор, или Фэд, на ваше усмотрение, Николай Николаевич. Я ведь значительно моложе.

- Хорошо, Фёдор. Хочу предупредить. Испытания прошли успешно. Но надо быть предельно осторожными. Могут быть побочные эффекты, Тесла оставил фразу на полях: опасность цепной реакции. Неизвестно, что может случиться, если попасть, к примеру, в электростанцию.

Этот вариант выпал на Кабо-Верде. Через неделю наш флот подошёл на расстояние семидесяти миль от острова Сан Николау. Мы с Хуаном скользили на высоте пятнадцати тысяч футов, мёрзли в меховых комбинезонах. Первый удар слизал корабль в бухте. Второй сгусток плазмы несколько секунд хаотично блуждал над вражеской базой. Затем всё побережье окуталось ярким пламенем, наш самолётик подпрыгнул на семьсот метров. Я чуть не потерял сознание от перегрузки. Приводнились в ярком освещении. Казалось, горела многострадальная земля. Ни хозяев, ни их пленников, ни трофеев. Уже не гусеницы – змеи ползали по моей спине. Не могли спать трое суток, играли с Хуаном в шахматы. Потом доктор дал таблетки, отсыпались до прихода в Ковчег.

- Ты должен отдохнуть. Все в этом нуждаются. Две недели отпуска личному составу. Только вахта. Фэд, я тебя прошу, удели внимание семье. Мари устала успокаивать Еву. Им нельзя так волноваться, - мой друг сам выглядит неважно. К таким зрелищам нельзя привыкнуть нормальному человеку.

Два дня катаю детвору над шхерами. Сколько впечатлений! Каждый пацанёнок хочет высший пилотаж. Несколько простых маневров. Зеленеет, но просит:

- Дядя Фэд, дай, я сам!

Объясняю, расслабляю руку на штурвале. Мамы на земле сходят с ума. Шатаясь, орлята ступают на твёрдую землю. Каждый из них будет лётчиком, флоту грозит дефицит кадров. Что ты творишь, старик! Ты же моряк!

Летим на дальнее озеро. Дочка на коленях Евы в правом кресле. Мои девчонки впервые в воздухе со мной. Отец Фёдор сказал: только попробуй. Отрешу. Они меня тут за кого держат?

- Папа, а Николя говорит, что ты давал ему штурвал. Ему можно, а мне?

- Солнышко, мы маму посадим, потом попробуем.

- Я вам попробую. Искалечишь ребёнка. С ума сошёл, взрослый человек. Я думала, ты ответственный.

- Мама, мальчишки проходу не дают, как папа делает бочку. Все пробовали, но их тошнило. Я же дочь моряка, как мне им в глаза смотреть?

Ну, если дочь моряка – держись. Высадили Еву с удочками, а сами умчались на приличное расстояние, чтобы не волновать.

- Затяни ремни. Правильно. А то выпадешь, самолёт без тебя разобьётся. Смотри, сначала ручку от себя влево...

Через два часа Сара под моим контролем заходит на посадку. Румяная! Даже в штопоре держалась, только визжала на выходе. Подруливаем. Выскакивает на берег, счастливая. Целуемся.

- Мне дядя Фёдор говорил про атаку наземной цели. Заходишь на малой высоте, газ, горка, кабрируешь – и бандитам капец! А он сказал, что это не для девочек. Он не понимает, что я – дочка воздушного волка! – получит святоша на орехи. Я ему устрою капец!

- Кто сказал?

- Ирвин. Он у нас читает воздушную навигацию. Я вот ту сопку и эту скалу сразу засекала. И дымовую шашку перед посадкой ты сбросил правильно. Уходишь в направлении дыма правее, левый разворот, выпускаешь закрылки...

Бог ты мой! Четырнадцатилетний ребёнок знает такие вещи. Что творится, чему мы учим детей! Ей же в куклы играть.

Ева сердита, но не может устоять перед детской радостью.

- Давайте уху варить. Сара, ты должна в будущем мужа кормить. Мужчинам надо плотно кушать, это наша, женская работа. Фёдор, не увлекай девочку своими игрушками. Сам никак не повзрослеет, малое дитя втягивает.

- Мама, ты не понимаешь. Даёшь газ, ручку на себя. Какая сила! Небо в твоих руках!

- Ты погубил ребёнка.

- Я всю жизнь проведу в небе. Спасибо, папа. Завтра ещё разок, ты же обещал.

Обнимает, говорим глазами. У нас это давно, с самого начала, на Сардинии. Перед этим взглядом я не могу кривить душой. Пронзает насквозь. Солнышко маленькое, какое счастье видеть радость и задор в твоих карих глазах!

Неделя на природе. Учим девочку не только высшему пилотажу. Окрестности оглашаются радостными криками по случаю удачного улова. Нельзя пугать рыбу, поучает Ева. Привозим на лодочке пару подстреленных из лука уток. Не зря я подружился с рыбаками. Старинное оружие спасло от голодной гибели не одно поколение. Как хорошо. Только мы, никого нет. Никто не покушается на наш покой и тихую радость – сидеть у костра, лакомиться добытой пищей и обниматься. Эти вечера я буду помнить всегда. Мои любимые – тоже.

Захожу на посадку. Сверху Ковчег не отличишь от окружающих скал. Крыша каждого здания – не только камуфляж неприступного скопления камней, она выдержит артиллерийский залп. Мистер Ник везде успевает. Доктор Стоун попросил Джейн и его в стационар. Извлекать осколки. Что мы могли поделать в походных условиях? Петя волнуется:

- Ильич, ей нельзя наркоз, ребёнок.
- Всё будет хорошо. Фрэнк знает, что делает. Ты знаешь, как я люблю Джейн.

Он не ревнует. Просто волнуется о первенце и любимой.

- Мистер Фэд. Я такая развалина. Но обстановка требует.
- Мистер Ник, друг мой, всего недельку.

Ева бросила семью. Ухаживает за ними. Мы с Сарой не ропщем. Дядя Ник для неё – лучший друг. Вместе с Николя исполняют целый концерт в госпитале. Джейн всплакнула:

- Чиф, я такая дура. Завидую вам. У вас такое счастье – ребёнок.
- Скоро ты узнаешь это счастье, маленькая. Потом оно унесётся со мной в облака и скажет: гуд бай, мама.
- Будет девочка, я знаю. Я научу, чиф. У тебя будет достойная вахта.
- Мистер Фэд. Я разговаривал с больным лётчиком. Летать он больше не сможет, доктор его основательно выпотрошил. Дал ценные сведения. На Новой Земле окопалось целое воинское подразделение. Это не крысы-одиночки. Укрытие строилось на государственном уровне специально на случай серьёзного конфликта. Командует некий адмирал Новиков. Пять генералов, более трёх тысяч личного состава. Несколько шахт для баллистических ракет, правда, израсходованных в первые дни. Подземный аэродром для десяти истребителей и шести штурмовиков. Шесть вертолётов. В скалах – бункер для трёх атомных подводных охотников и двух секретных новейших крейсеров. Они практически невидимы для радаров. Если мы столкнёмся с этой силой – даже с новым оружием можем не устоять. Они знают о нас, просто не дошла очередь. Сейчас они планомерно осваивают северные земли России и Норвегии. Заложены несколько военизированных поселений, людей отлавливают, мобилизуют и принуждают работать и служить. Всё очень продумано, хорошо организовано. Климат изменился, земля дала первый урожай. Это страшная сила, одним ударом мы с ними не разделимся. Пилот был разведчиком и связным. Он нанёс на карту все их базы, дал довольно подробные описания укреплений. У него хватило ума понять, что генералы будут продолжать оккупацию дальше и дальше. В разных стычках они потеряли два штурмовика и три сотни людей. Решил уйти, нашёл Прибежище. Неудачно приземлился. Я считаю, что нужно планировать крупную кампанию. Упустим время – конец Ковчега предрешён. Крейсера несут мощное ракетное вооружение. Субмарины и крейсера давно рыскают в северных фиордах, пиратствуют, планомерно прочёсывают местность. Не исключаю, что наше местоположение уже им известно. Я доложил командованию, завтра военный совет.

Глава 29.

Большая северная война.

2014, апрель, 23. Норвежское море.

Мы с Хуаном выполняем очередной разведывательный полёт над северными фиордами. Маршрут и высоты рассчитаны так, чтобы не

оказаться в зоне обнаружения одной из баз противника. Наш флот укрылся в шхерах, только "Пиранья" охотится в районе Нордкапа. Она заняла позицию на предполагаемом пути следования субмарин противника из Баренцева моря к этой базе. Вчера мы получили условный сигнал Мориса Эдда: охота увенчалась успехом, одной подлодкой противника стало меньше. Они даже не успели подать сигнал бедствия. Морис – настоящий партизан! Но сегодня его здесь нет. Он ушёл на разведку ближайшей базы врага. "Чайка" оборудована поисковой аппаратурой. Из-за её веса приходится брать меньший запас топлива и патронов к пулемётам. Исследуем район вчерашней катастрофы. На воде видны масляные пятна. Ага! Мистер Ник оказался прав. Подлодка всплывает в позиционное положение. Ищут пропавших приятелей. Укрываюсь за сопкой, Хуан уже доложил координаты. По баллистической орбите со стороны нашего флота чертит молниеносный след крупный огненный шар. Залп дала самая мощная установка "Шельде". За сопкой – ярчайшая вспышка. На бреющем проношусь над целью. Два огрызка, иначе не назовёшь раскалённые останки носовой и кормовой частей бывшего атомного корабля, быстро покидают поверхность. Спасшихся нет.

- Чиф, высокий уровень радиации, надо уходить.

Уходим в направлении наших кораблей, краткий сигнал доклада. Как любит выражаться святой отец, медленно спустимся с горы... За два дня – две победы!

Под вечер делаем вылазку к базе. "Пиранья" уловила сигналы активного подводного поиска, залегла на дальних подступах. По информации раненого пилота, мы не опасаемся истребителей, здесь их быть не должно, нет подходящей площадки. Снимаем с гидроплана оружие и всё лишнее, чтобы на радаре давать минимальную засечку. Летим, укрываясь за высотами, в десяти милях от цели делаю горку, разгоняюсь и убираю обороты двигателя. Планируем чуть в стороне от селения внизу. Хуан наносит на карту цели. Кажется, не заметили. Не стоит больше рисковать. Мы узнали всё, что надо. Удаляемся над самой водой, Хуан записывает доклад. Краткий сигнал уходит в эфир. Над головой проносятся три бледно светящиеся шара. Через несколько минут – ещё три. Боевым разворотом ложусь курсом на цель. За островами – море огня. Место, над которым мы тихонько скользили несколько минут назад, превращено в пылающий ад. Наша подлодка без опаски чертит белый след на поверхности. Здесь бояться уже некого.

- "Пиранья", корабль на три часа, выходит из-за мыса! Тревога! – Хуан вовремя заметил врага.

Крейсер набирает скорость. От него к нам потянулись трассы, маневр уклонения! Хуан открытым текстом даёт наводку кораблям, некогда секретничать! Первый огненный шар мажет, на воде вскипает багровое облако пара. Два других испаряют корабль противника. Морис даже не успел выпустить торпеды. Гусеницы снова ползают между лопатками. Несколько сот человеческих душ только что улетели на небо. Грязное, кровавое дело – война. Приводняюсь, рулю к "Пиранье".

- Сильный противник. Умеет ввести в заблуждение. Мои операторы ничего не заметили. Вчерашнюю подлодку смог услышать только Антуан,

даже он сомневался. По сути, я стрелял наугад, на предельной дальности. Это не бермудские крысы, надо быть крайне осторожными.

Быстро заправляюсь, жмём руки подводникам, расходимся в разные стороны. Я – к флоту, прижимаясь к воде. Мы засекли несколько шифрованных радиосигналов, видно, крейсер успел сообщить о нападении. Наш флот поспешно меняет позицию. Следует опасаться авиации противника. Мне не улыбается встреча с реактивным истребителем на прогулочном самолётике. "Пиранья" нырнула и ушла курсом на Кольский полуостров. Там – очередное гнездо врага.

- Сигналы двух авиационных радаров. Нас преследуют.

- "Европа", два самолёта в пятидесяти милях за нами. Прошу помощи.

- Ильич, "Америка" следует в вашем направлении. Дайте наводку.

- Ваня, включаю аппаратуру. Не тяни, я высунулся наверх, виден издалика.

- Залп!

Через секунду мимо проносится огненный шар.

- Цель поражена, - докладывает Хуан. – Две ракеты, чиф, уклонение!

Ныряю в сопки, страшный слалом в темноте, на минимальных высотах. Ракеты взрываются в горах. Подскакиваю ввышину, чтобы дать наводку на второй самолёт. Мы даже не видим его, но Хуан снова докладывает о сбитом. Ещё две ракеты от него заставили попотеть нас и поскрипеть "Чайку". Пронесло. Потрепали мы сегодня бандитов! В добрый час.

"Америка" заняла передовую позицию в ста милях от других кораблей, укрылась в высоких скалах. Приводняюсь у небольшого острова, рулю в тесную бухту. "Европу" и "Шельде" трудно разглядеть даже вблизи.

- Сегодня не удастся поспать. Нужен воздушный дозор. Самолёты успели передать условные сигналы, боюсь, они бросят на поиски все свои воздушные средства. Вертолёты на боевых позициях, в семидесяти милях. Все корабли ведут пассивную радиоразведку, но так много не увидишь. Включить активный поиск – рассекретить себя, - Ник встревожен.

- Готовить самолёт к вылету, - пью большую чашку кофе, перекусываем прямо на палубе. Через полчаса снова в воздухе. Не до профсоюзного рабочего дня. Светает. Высота – четыре тысячи футов. Как на ладони. Чувствую себя живцом. По сотне выстрелов на пулёмёт. Да и что я смогу против бронированной боевой машины? Надежда только на аппаратуру. Петя с Андреем постарались на совесть.

- Шесть целей на северо-востоке, дистанция – сто двадцать, быстро движутся в сторону предыдущей стоянки. Четыре штурмовика и два истребителя противника.

- Всем постам – боевая тревога!

Хуан включает приборы наведения. Самолёты противника поворачивают в нашу сторону. Если они дадут залп – не выкрутимся никакими маневрами. В бой вступают батареи Ковчега. Там мощность и скорострельность повыше! Картинка с наших приборов поступает на все посты. Сражение начинается за границей прямой видимости.

- Четыре цели поражены! Две на сверхзвуке идут к нам. Четыре ракеты! Восемь!

Пикирую на предельной скорости. Кажется, отлетелся.

- Прибежище-первый. Веду ракеты. Две уничтожены. Четыре уничтожены.

- "Америка", даю залп. Две ракеты уничтожены.

- "Европа" поразила две ракеты.

- Я Монах, самолёт противника уничтожен ракетами!

- Ковчег-пять, воздушная цель поражена!

- Спасибо, братцы. Думал, хана.

- Повоюем, чиф! Вам спасибо!

- Отбой воздушной тревоги. Всем постам – благодарность! Фэд, тебя и Хуана представим к орденам!

- Мистер Шепард, наверно, уже и изготовить успел?

- Мистер Солнцев, мистер Оливера, вы представлены к награде и повышены в воинском звании.

- Служим родному Ковчегу!

- Им хорошо, начальство далеко, по шее не даст.

- Техник Гарбуз! Не засорять эфир!

- Пост береговой защиты два. На минах подорвалась неизвестная субмарина. Несколько взрывов, спасшихся нет. Даже не всплыла, слышали шумы падения на грунт.

Вот это да! Раскатали в блин! У них остался только один крейсер и несколько истребителей. Пусть сунутся! Ай да профессор, как вовремя мы вооружились!

- Требую представить к наградам профессора Леви с супругой.

- Принято, мистер Фэд, сэр!

Война продолжается. Сутки мы с Хуаном отсыпаясь на "Шельде". Корабли огибают Нордкап, прячутся в северных шхерах. Мы на исходных позициях. "Пиранья" осторожно исследует подступы к следующей базе врага. В радиусе ста миль от Мурманска датчики радиационного излучения показывают опасный уровень. Сколько же вы натворили, нелюди! После такой страшной катастрофы устроить бойню. Зарылись в норы, и палите по беззащитным людям. Всех вас изведём, никому не будет пощады!

Баренцево море до Новой земли под контролем противника. В боевом режиме его контролируют несколько радаров, пара истребителей постоянно барражирует на больших высотах. Крейсер ходит галсами вдоль западного побережья Новой Земли, лишь изредка высвечивая себя краткими включениями радаров. "Пиранья" трое суток под водой, даже подзарядку батарей производят через специальную трубу – шноркель на перископной глубине. Берега противника для неё недоступны: везде активно сканируют среду противолодочные сонары. Крепко обложились, гады. Ничего, найдём управу. В час "Ч" дают залп все плазменные установки. Как говорят артиллеристы, по площадям. Береговые радары зафиксированы очень точно. Выждав, когда крейсер в очередной раз мелькнул в эфире, его "приветствуют" четыре огненных сгустка. Два самолёта превращаются в пар с двух выстрелов. Четыре стационарных радара умолкают после прямых попаданий. На основную базу врага делается массированный налёт восьми батарей. В эфире – тишина.

Корабли полным ходом бросаются к полуострову Рыбачий. Впереди стрелой мчится "Америка", слегка приотстала "Европа". Я обгоняю их на "Чайке", моя задача – разведка и наводка. Там база. В эфире открытым текстом на русском языке:

- Внимание на Рыбачьем! Морской охотник "Европа" предлагает вам капитуляцию. Гарантируем жизнь и даже свободу. Требуем сложить оружие. На размышления – три минуты, время пошло!

С Новой Земли срываются пара ракет и четыре самолёта, устремляются к кораблю. Им даже не дали набрать высоту. Залп! Далеко на горизонте вижу яркие вспышки.

- Цели поражены! – Хуан чуть не поёт в микрофон.

- Попробуй, сунься, козёл, – я давно не слышал такого сочного мата.

- Адмирал, стреляйся. Иначе завтра будешь болтаться на виселице.

- Я с тебя лично буду шкуру сдирать.

- Огонь!

Хуан с высоты засёк передатчик адмирала. В его адрес тут же со всех сторон прилетели огненные подарки. Над далёким горизонтом – мощные вспышки. Тишина в эфире. Так будет с каждым!

- Стингер! Координаты... – Хуан не зевает, я ухожу в маневр уклонения. Косточки мои! Прозвенел рядом, машина качнулась в завихрённом потоке. С сопки тянутся несколько очередей. Штурман передаёт координаты замеченных объектов. Внизу – огненная река. Снова останемся без трофеев. Прибывают наши вертолёты, усердно прочёсывают местность. Несколько гавкающих очередей, и всё закончилось. Выждав, когда уляжется пламя, "Америка" высаживает небольшой десант во главе с Вадимом Лебедевым. Я делал специальный рейс перед походом. Он сказал: не прилетишь – ты мне больше не друг. Такими друзьями не бросаются. Берта предупредила, чтобы я без него не возвращался.

- Максим, чисто. Взяли десяток работяг, прятались в скалах, сами пришли. На складе немного продовольствия и боеприпасов, двенадцать "Калашниковых". Наконец поменял свою пукалку.

Со шведским автоматом этот кадр устроил немалое личное кладбище в горах. Дополнительный персонаж для моих кошмаров. Пока заходил на посадку, "Европа" бросила якорь. На ботах уже перевозят людей и скромную добычу. Радары кораблей в боевом режиме, у пусковых установок усиленные расчёты, руки на кнопках.

- Залив Норденшельда, прошу на связь. Предлагаем сдаться, нам не нужны ваши жизни. Дадим припасы и высадим, где скажете. На Рыбачьем чудом уцелели десять работников. Остальные сгорели из-за вашего тупого упрямства. Думайте до завтрашнего рассвета. Попытки атаковать нас будут пресечены мгновенно и без пощады. Локационное излучение – в ту же секунду. Вы видели наше оружие в действии. Завтра ваша крепость будет сожжена дотла, не спрячетесь даже в норах. Селение в Байдарацкой губе – на очереди. У вас нет шансов. Вяжите бешеного адмирала Новикова и сдавайтесь. Есть возможность начать жизнь с чистого листа.

Запись голоса Максима повторяется каждый час. Мы с Хуаном несём воздушный дозор. В три часа ночи он докладывает:

- Чиф, три воздушных цели в ста милях. Предельно малая высота, полное молчание. По параметрам – вертолёт.

- Как вмажут ракетами.

- Все посты предупреждены, я даю живую картинку.

Поворачиваю навстречу противнику. Быстро сближаемся.

- Известный самолёт разведки, прошу на связь. Вертолёт капитана Юрева.

- Капитан, ваши намерения? Вы под прицелом. Не у меня. Оружие смертельно опасное, у вас нет шансов.

- Мы намерены сдаться. Всё слышали по радио. Эти психи будут драться. Мы не видим смысла за них воевать, хватит, посмотрелись. Дайте координаты для безопасной посадки.

- Вас слышу, капитан. Здесь командир флотилии Ковчега Максим Соломонов. Садитесь в пяти милях восточнее базы, вас встретят. Сигнал – пять фальшфейеров конвертом, двенадцатый канал УКВ.

- Ракеты с Новой Земли в направлении вертолётов!

- Всем батареям! Пресечь ракетный удар!

Далеко в небе яркие всполохи.

- Цели поражены!

- Благодарю, господин Соломонов. Следуем в указанную точку.

Включив бортовые и проблесковые огни, вертолёт проносится под нами. Отец Фёдор, по умолчанию ставший командиром авиации Ковчега, получит хорошее пополнение. На востоке розовеет небо. За это время "Америка" подошла почти вплотную к вражескому логову, "Европа" слегка отстала. Я барражирую высоко над флагманом, Хуан замер у приборов. Максим объявляет китайское предупреждение осаждённым. Боевая готовность! С первым солнечным лучом на остров падают малиновые грозды шаровых молний. Через минуту с Ковчега прилетают новые, корабельные залпы добавляют жару. Это длится минут пятнадцать. Крейсер-то оказался живучим! На минуту он включил радар, пара ракет пошла к нашему катеру, вторая – к флагману. Хуан мгновенно реагирует, ракеты сбиты. От крейсера, кажется, даже тонуть нечему.

Облетаю пылающие развалины. Если кто и остался в живых, то спрятался в подземельях. Внезапно, в прямом смысле, из-под земли вырывается реактивный истребитель. Оставляя на воде кипящий след, он уносится над её поверхностью на север. Видно, у адмирала сдали нервишки, решил слинять. Нет, братишка. Яркая вспышка. В её свете виден белый купол парашюта. Успел катапультироваться. Хорошая реакция для штабной крысы! Приводняюсь. Бултыхается на спасательном жилете. Выстрелы! Ногу обжигает пуля. Ну, держись! Два наших автомата стреляют, пока не закончились патроны. Только по обрывкам эпозетов и опознали великого флотоводца, вода вокруг красная, Хуану плохо.

- Бросай тошнить, надо остановить кровь.

Накладывает жгут, перевязывает. Сам берётся за штурвал, доставляет нас к "Европе".

- Подставился всё же, - Максим взволнован. – Быстро в госпиталь!

Опираясь на чьи-то плечи, хромаю вниз. Фрэнк Стоун извлекает пулю под местным наркозом. Сполоснул спиртом, разбавил в двух рюмках:

- Коллекционируете, или выбросить?

Чокаемся.

- Это моя первая. На шее таскать не буду, но пусть напоминает об осторожности.

- Дай Бог, чтобы последняя.

- Спасибо, док. Много работы?

- Новенькие с ожогами, тяжёлых нет. Их подкормить, будут в порядке. По-английски ни бум-бум.

- Жизнь научит. Я под сорок начинал.

- По вам не скажешь.

- Много учителей было последние полтора года. Отец Фёдор сказал, что мы по-русски уже с акцентом говорим.

- Он знает немецкий, латынь и французский. Очень образованный и культурный человек, люди к нему тянутся.

- Дочку мою таким словечкам учит – я только в бою ими пользуюсь, да и то при выключенном передатчике.

- Он удивительно умеет сочетать в себе воина и священника.

- На Руси это повелось давно. Великие герои древних легенд были монахами. Есть сведения о берсерках, такой в одиночку весь Шаолинь мог бы разогнать.

- Каждый народ имеет похожие легенды. О вас тоже когда-то будут петь внуки.

- Дожить бы до них, пусть поют. Лишь бы не плакали.

Накатили по второй, доктор довёл меня до оставшейся за флагмехом каюты. Спирт мягкой волной разлился в натруженных перегрузками мышцах. И снился мне не страшный мистер Шепард, а Сара, исполняющая пилотаж над Ковчегом. Совсем не боялся за неё!

Кто-то поставил у кровати инвалидную трость. Доплавался. Хромаю на мостик, тихонько примостился на диване. Не до инвалидов сейчас. Операция в разгаре. Все три наших корабля оцетинились стволами и антеннами адских излучателей. "Пиранья", как всегда, охраняет подступы с моря. Хуан с одним из курсантов отца Фёдора порхает над заливом. Два вертолёт держат под контролем выжженную территорию и окрестности. Крупный десант прочесывает бывшее селение, входы в бункера старательно минировались под руководством Ника. Мощные взрывы. Технология отработана, результаты ожидаемы. Вадим со своими архаровцами врываются в подземелья. Ни грамма сочувствия не испытываю к осаждённым. Палачи должны понести заслуженную кару. Заезженная, но непреложная истина. Наверх поднимаются десятка четыре измождённых, напуганных людей. Их не забросали гранатами только благодаря Вадиму, который расслышал русские вопли. С их помощью вытаскивают на поверхность останки полутора сотни военных. Остальные слишком понадеялись на свои ракеты и крейсер. В

дымящихся развалинах от них не осталось и следа. Профессору не медаль, а памятник надо ставить при жизни. Когда я, ковыляя, спустился в закрома, то просто глаза разбежались. Запаслив русский человек. Даже ливанские сокровища уступали в разнообразии и количестве. Два оплавленных БТРа я видел наверху, еще два блестели новизной в подземном ангаре. Несколько джипов. Два красавца Ми-24 и огромный боезапас уже обследуют поступившие в отряд русские пилоты и механики, прилетевшие с ними. Оружием, горючим и техникой теперь обеспечены наши внуки. Отец Фёдор отсутствовал. Мне указали подземный переход. Такого я не видел даже в кино. Целый аэродром под сводами гигантской пещеры. Мощная гидравлика уже раздвинула створки титанического люка. Но даже на "Чайке" я бы не рискнул вписаться в этот проход. Видно, лётчики здесь обитали не моего уровня. Майор с Джоном уже обживали кабину двухместного красавца Су-27. Поднимаюсь по приставной лесенке. В жизни не разберусь в этих дисплеях и кнопках. Руки пилотов ловко бегают по переключателям.

- Пора переучиваться, сын мой.

- Только вторым пилотом. Я ни за что не справлюсь. Не на любителя машина.

- Это точно. Здесь немного по-другому, но "Сушка" есть "Сушка". И зачем они все "грачи" выпустили? Я бы показал, на что способен настоящий штурмовик.

- А ведь на Ковчеге нет подходящей полосы.

- Я связался с Юргеном, он бросил технику и людей. Обещал удлинить и расширить твою полосу. Наш аппарат сядет и на грунтовку, со временем построим бетонную. Но для начала испытаем птичку на последнем плацдарме этих нечестивцев.

- Вы рискнёте после этого зайти в эту дырку? У него же посадочная скорость в два раза выше, чем предельная на "Чайке"!

- У них получалось. И у нас получится. Это мощная машина. Навешаем ракет – я и без адских молний устрою маленький Армагеддон. Сегодня же. Майкл с Ирвином пойдут на наших машинах, а я с Джоном на этой. Перебежчики тоже рвутся в бой, они дали подробный план укреплений. Их взлетало четверо, но какой-то мерзавец выпустил стингер вдогонку. Ребята злые, хотят отомстить. Вторые пилоты примут штурвалы, на их место – моих курсантов. Это лучшая школа. Если банда не унесла ноги на Урал, её часы сочтены. Эта база не успела толком обустроиться, там всего пара сотен штыков, работников не успели наловить. Не с кем воевать.

Через час семь вертолётов уходят на юго-восток. Теперь мы – страшная сила. "Чайка" на большой высоте контролирует обстановку. На краю подземной полосы наблюдаю взлёт истребителя. Закладывает уши от рёва турбин, и вот уже только точка на горизонте. На пункте управления полётами слушаю эфир.

- Монах на позиции. – его позывной ещё с Афганистана.

Вертолёты обложили врага со всех сторон, не дадут мыши проскочить. Доклады о готовности. Сжимают кольцо.

- Я Монах. Атакую!

"Чайка" голосом Хуана:

- Там земля горит. Воздух дрожит от взрывов! – мой напарник ликует, я уже хорошо знаю его южный темперамент.

- Я Монах. Прочесать местность. Освободить северный сектор для самолёта.

Бой был коротким. Через пятнадцать минут всё кончено. Они не оставили камня на камне.

- Нора, я Монах, включай наведение.

Щёлкаю тумблерами специальной аппаратуры. Майор сказал, что такая ставилась на авианосцы. Научил пользоваться наших техников. С ужасом наблюдаю растущую на глазах птицу истребителя. Второй заход не предусмотрен. С визгом разматывается трос, зацепившийся за тормозной крюк самолёта, резко затихают турбины. Замер на месте. Вытираю о брюки потные ладони, выключаю аппаратуру. Бегом не получается, с горем пополам волоку приставной трап.

- Не торопись, сын мой! Успеется. Сейчас всё остановим, поставь, пожалуйста, колодки под колёса и подключи кабель.

Машина затихает.

- Я должен научиться летать на этом звере. Отец Фёдор, я не отстану. Хотите – буду каждую неделю всенощные с вами петь.

- Опять богохульствуешь! Епитимью наложу, мать твою!

Но вижу – счастлив.

- Вертолёт – хорошая штука. Но я же лётчик, Федя. Ох, и отвёл грешную душу! Машина – воистину зверь.

- Вы раньше садились на авианосец?

- Только на тренажёре. Честно говоря, первый раз страшновато, грешен. Джон вообще глаза закрыл, я мельком видел в зеркале. Но молодец, сделал всё, как надо. Как учили, на ощупь. Знаешь, почему нас девушки любят? У нас руки нежные и помнят все кнопочки.

Тот ещё жиган. По нём уже вздыхают на Ковчеге дамочки бальзаковского и не только возраста. Но он строго блюдёт траур по убиенным матушке и сыну. Пройдёт время – будут плотские радости. Жмёт руку напарнику. Тот готов на него молиться. Вчерашний американский лётчик-извозчик имел честь ассистировать русскому воздушному асу. Он после рукопожатия неделю руки мыть не будет. Вскрывают многочисленные лючки, что-то осматривают, регулируют. Да, здесь судовому механику делать нечего. Столько всего напихать в тесноту отсеков! Вскоре с рёвом садятся вертолёты. И святой отец возносится в небеса без моторов и крыльев, на руках товарищей.

Победа! Мы свалили монстра, который месяц назад мог уничтожить Ковчег и его флот двумя залпами. Всеобщее ликование. Домой ушёл победный доклад. Банкетные столы накрываются в большой подземной столовой трофейными блюдами и напитками. Гуляем от души, на кораблях – только вахта. Даже "Пиранья" показалась, наконец, из пучины, стоит у причала. Эти ребята потопили сверхсовременного противника и не раз спасали флот от гибели, а сами скромно потягивают вино. Шею командеру Соломонову под орации украшает орденой лентой Ник Шепард. Макс торжественно вручает ордена Ковчегу.

Профессор Николай Леви, научный сотрудник Надежда Леви, мэр Ковчега Ив, капитан третьего ранга Эдда, капитан Дорн, капрал Гаусс, капитан второго ранга Шепард, подполковник Гринёв, сержант Смит, старший лейтенант инженер Джейн Гарбуз, старший лейтенант инженер Пётр Гарбуз, старший лейтенант Ева Солнцева, старший лейтенант инженер Фёдор Солнцев. Мы с Евой гарантировали детям безбедную старость. Хотя моих заслуг-то – пристрелил психопата-адмирала, сам подставился под пулю. Ни разу даже не зашёл на боевой курс. По радио поздравляю любимую. Вот кто достоин высшей награды!

Глава 30.

Союзники.

2014, май, 19. Бискайя.

Уровень мирового океана поднялся больше, чем на метр. Первой изменения заметила Ева. Между делами оружейными она не забыла о своей специальности морского геолога. Вела наблюдения, корабли ежедневно отчитывались перед ней о текущей погоде и состоянии моря в дальних краях, а вместе с Петиными радиостанциями устанавливались приборы, два раза в сутки передающие метеорологические данные. Погода сильно изменилась. Началось таяние старых ледяных полярных шапок. В море часто встречались огромные айсберги. Ветра и штормы часто бушевали на морях, но небо редко затягивалось облаками. Ева объяснила это тем, что началось формирование новых ледяных полярных шапок, а старые льды тают, превращаясь в океанскую воду. Атмосфера стала более сухой. Меня, как ночного лётчика, это устраивало. Благодаря моей супруге, в проект приливной электростанции были заложены соответствующие конструктивные решения. Сегодня они уже оправдали свою необходимость.

Флот бросал якоря в родной бухте. Вертолёты букетом заходили на город, рассыпая салюты тепловых ловушек. Отец Фёдор с Джоном до сегодняшнего дня оставались в подземельях Новой Земли. После капитального ремонта взорванных ворот, монументальные сооружения были заперты на дистанционно управляемые замки. Ещё одна резервная база Ковчегу не помешает. Приняв на "Шельде" несколько сотен тонн самого необходимого, мы запечатали и замаскировали входы. Истребитель на форсаже пронёсся над кораблями, поднырнул в центр вертолётного строя, пронзил его свечой и унёсся в синее небо такой хитрой спиралью, что я позеленел от зависти. На стенах города ликовал народ. Грохот моторов затих в районе аэродрома, самолёт по радио запросил посадку и доложил о приземлении. Моя "Чайка" отдыхала в трюме балкера.

В глубокой укромной заводи, где раньше стоял старикан "Феликс", было пусто. Замаскированный подземный ход к городу, запираемый воротами, покруче ранее виданных в бандитских норах, был оборудован мощными грузовым и пассажирским подъёмниками. Сам корабль, раскрашенный Гансом во все цвета радуги, был основательно выпотрошен и отправлен на героическую гибель в бухту-полигон. Кроме демаскирующей, его роль

больше не представляла ценности. Ковчег мог себе позволить такую роскошь, хотя у ветеранов "Феликса" и наворачивались слёзы по погибшим на нём близким. Место у замаскированного причала занял "Шельде". Предстояла выгрузка трофеев.

Вадим ошеломлён размахом. Я сам не узнавал город. За несколько недель нашего отсутствия выросли новые улицы. Появились сады, и даже целый парк вокруг школы. В нашем дворе разбит цветник! Мои девчонки не могут нахвастаться: у нас будут яблоки, малина, черешни и даже персики. Кто-то из русских подал идею субботника, Юргену мысль понравилась. Целый день благоустраивались. Деревца уже цвели, воздух был сочным от пчелиного звона. Откуда?

- Ты же сам привёз деревянные контейнеры с Прибежища вместе с Вадимом. Это подарок друзей. И саженцы роз. Знаешь, кто у нас главный пасечник? Надежда Юрьевна. Через месяц обещает первый мёд.

- Дядя Вадим, а у тебя есть дети?

- В Прибежище десятка два твоих сверстников. А лично у меня – скоро будут, тётя Берта обещала к концу осени.

- И у меня скоро будет братик. Смотри, какой у мамы красивый животик. Он уже шевелится, потрогай.

Ева краснеет. Надо менять тему.

- Как дела на ферме? Ты занимаешься с месье Жаком?

- У Козлевича три маленьких козлёночка, такие ручные! Но он не любит, чтобы мы играли. Месье Жак кормил их из детской соски. Умора! Козлевич как дал ему рогами под зад! Очки улетели, мы с Люси по земле катались от смеха!

- Обидели хорошего человека. Ладно, козёл, вздорная скотина, у меня с ним старые счёты. А вы - смеяться.

- Он с нами вместе смеялся. Говорит, это отцовский инстинкт, а так они ладят.

На крылечке дремлет рыжий котёнок.

- Муркет, а ты как здесь оказался?

- Откуда ты знаешь, как его зовут? Это же мама придумала.

- А как его назвать? Не успел погладить, он уже мурлычет.

- Он ласковый. Это сынок Маркизы, которая из лесу пришла к тётке Марте.

- Не балуй его едой, пусть мышей ловит. И на постель не пускать.

- Вы с мамой сговорились, да?

За разговорами Ева накрывает на стол. Вечером официальный банкет, пропускаем с Вадимом по паре коньячку.

- Молодцы. Больше нет слов. Я успел забыть, что такое нормальная жизнь, покой и цветы.

- Не все у вас такие забывчивые. Люди передали не патроны и не сухари, а саженцы цветов. Спустился со стратегических высот, воин. В Прибежище тоже налаживается, я иногда бываю на сеансах связи. Берте позвонил?

- Конечно. Ей нельзя волноваться.

- Захватим побольше трофеев и всем воздушным флотом навестим ваш город.

- Туда уже прибыла группа из дальнего селения, строятся, расширяют поля. В окрестностях тихо. Нельзя же вечно страдать, люди мечтают о спокойной жизни. Трудятся от души, чтобы дети поскорее забыли ужасы и голод. У вас за это время родилось два младенца. Жизнь продолжается, Вадим.

На следующий день готовим подарки союзникам. С вертолётов снято лишнее вооружение, вместо него подвешены контейнеры с одеждой, сладостями и другими полезными вещами. Дети пишут письма сверстникам с предложениями дружбы. Нога ещё побаливает, но я упросил доктора разрешить перелёт. Вадим обидится, если не погощу. С трудом отрываем от земли потяжелевшие машины. Отец Фёдор несёт высотный дозор, плазменные орудия в боевой готовности. Но истребитель должен возвращаться, слишком прожорливы турбины. Я поднимаюсь над эскадрильей, принимаю дежурство. Благополучно приземляемся. Берта тонет в объятиях мужа, совсем другие люди с радостными лицами встречают нас, как героев. Здесь тоже перемены, в большом кратере стало больше домов, всё приобрело опрятный вид. Самое главное – румяные щёки детей. Они носятся между вертолётов, весёлые и любознательные. Нет более точного мерила покоя и достатка. Три дня нас не отпускают домой. Все приглашают в гости, девушки не дают прохода молодым пилотам, танцы до утра. Русские лётчики, не успев обвыкнуться в Ковчеге, просто сражены. После солдафонской пресной рутины в подземельях они попали на самый настоящий праздник жизни. С нами улетают четыре девушки. Им не с кем прощаться, кроме подруг и соседей. Эдуард Хайнц вытребовал обещание восполнить их ряды четырьмя работающими парнями:

- Вы увозите не только красивейших девушек Прибежища. Это восемь рабочих рук. И будущие их дети. У меня и так поля не обработаны. Женихов не хватает.

Одна из невест пристёгивается на штурманском кресле "Чайки". Марина, как поцеловала капитана в щёку по прибытии, так и не отходила ни на шаг. Вертолёт Артёма Юрьева перегружен подарками – приданым девушек. Вся община собирала, не Золушек, чай, таким принцам вручаем. У принцев пока по комнатухе в общежитии, но с милой рай и в шалаше. Наживём. Вертолёты делают круг над городком, я взлетаю с озера, покачиваю крыльями на прощание. На подходе к Ковчегу встречаем истребитель. Всё спокойно, сели без происшествий.

- Мы приняли странный сигнал. На частоте наших вещательных станций возникают шумовые помехи. Регулярности нет, чаще всего ночью, в разное время. Сигнал прост: три точки – три тире – три точки. SOS. Сигнал бедствия. Передатчик слабый, я даже Антуана привлекал, у него самые чуткие уши на Ковчеге. Находится на западе Шотландии, точнее не смогли определить. Кто-то пытается привлечь наше внимание.

Военный совет в сборе. Петин доклад порождает воспоминания о провокаторах и засаде. Но может, и в самом деле люди нуждаются в помощи? Все смотрят в мою сторону. Разве я когда-нибудь возражал? Не так уж и далеко, "Чайка" имеет очень экономичный мотор, можно

подзаправиться на Шетландской базе. Готовим самолёт. Запасаемся патронами и консервами. Петя устанавливает радиопеленгатор, объясняет, как точнее засечь таинственную радиостанцию. Хуану не надо долго рассказывать, с аппаратурой у него на "ты". Вылетаем в полдень, чтобы к темноте успеть. Идём на высоте шесть тысяч футов, на экономной скорости. По очереди несём вахту, подправляя автопилот. Болтаем о разном. Хочешь узнать человека – заключи с ним сделку или отправься в длительное путешествие. Сделок мы не заключали, зато путешествиями Бог не обидел. И в пути, и в бою я без колебаний доверяю этому лёгкому, весёлому парню свою персону. Но и в его жизни всё было не так уж светло и радостно. Родился и вырос на Азорских островах. Рано остался без родителей, женился, родилась дочка, служил. Всё, как у людей. Ушёл в учебный полёт. Сверху видел, как гибнет город, в котором осталась семья. Своеобразная мода Ковчега: седина у ребят, едва достигших тридцатилетия. Двадцатилетние юноши и девушки не особо отстают от старших товарищей. И никакой краски. Экономная у нас мода. Даже подростки частенько ей следуют, и вовсе не от снобизма.

Аппаратура включена, вершина Бен-Невис позади, начинаем планирующий спуск в западном направлении. Видимость хорошая, воздух спокоен. Поэтому скоро замечаем несколько костров. Снижаясь, делаем пару кругов над лагерем, стараясь оставаться незамеченными, чуть в стороне. На склоне горы – около сотни людей. Гремят барабаны, какой-то визжащий инструмент. Веселятся люди, танцуют. Значит, не они подавали сигнал о помощи? Рискую "засветиться", но делаю ещё круг над поляной с хижинами, всего метрах в двухстах от весёлой компании. Парю вниз вдоль склона, чтобы не зацепиться за ветки деревьев, только в последние мгновения постепенно даю обороты двигателю. Не следовало так рисковать, малейшая ошибка – и танцоры будут собирать наши кости среди леса и камней. Ухожу подальше на горизонтали, начинаю набор.

- Там танцуют обнажённые женщины, я видел в бинокль. Зрители явно пьяны, в лохмотьях, вооружены кто чем. Десятка два мужчин сидели в сторонке. Мне показалось, они связаны. Веселья явно не испытывают.

Так, интересное кино. Делаем несколько контрольных проходов. В округе больше никого нет. Праздник затихает после полуночи, мы не стали дожидаться. Краткий доклад на Ковчег. Приказ: ночевать, ждать развития событий. Ищу укромное место для приводнения.

- Чиф, устойчивый сигнал. Оттуда. Давайте сместимся, чтобы не было погрешности, - с лёгкой руки моториста Джерри этот титул намертво прикипел ко мне в Ковчеге. Старший механик по-английски - Chief Engineer, а в ежедневном общении просто Чиф. Уже стал флагманским боссом, переквалифицировался в лётчики, но, видно, так и умру стармехом.

Смещаемся. Сомнений нет. Кино становится ещё интересней. Бросаем якорь в маленькой скалистой бухте вне видимости догорающих костров. Перекусываем саморазогревающимися французскими пайками. Хуан берётся дежурить до утра. Расстилаю на камнях спальный мешок, расслабляюсь после длительного сидения в удобном, но тесноватом

кресле. На рассвете меня будит камешек, прилетевший откуда-то прямо в лицо. А если бы в глаз? Выползаю на свежий воздух. Хуан забрался на возвышенность. Показываю ему кулак, но он прикладывает палец к губам, призывно машет. На берегу – вчерашняя компания. Сизые, опухшие личности с явными признаками похмелья подгоняют пинками мужчин и женщин без таковых признаков. У тех другие приметы, очень известные нам по первым встречам с большинством жителей Ковчега. Кино стало понятным.

На воду спускаются несколько лёгких бревенчатых плотов, вскоре работники весла и сети начинают рыбалку. Сизые ожидают на берегу, поправляют здоровье из бутылочки. Решаем рискнуть. Один из плотов скрылся из прямой видимости местных хозяев жизни за нашей скалой. Хуан вырос на море. Издаёт резкие крики какой-то морской птицы, привлекая внимание. На плоту – двое мужчин и женщина. Заметив наши знаки, подгребают поближе.

- Мы с Ковчега. Чем мы можем помочь?

- Бог есть на небе, - сказала женщина.

- Дайте оружие. Мы их прикончим сегодня ночью, уже и так почти всё готово, - сказал один мужчина.

- У нас всего два автомата и два пистолета. Много патронов. Ножи.

- Этого достаточно. Снотворного бы, - сказал другой рыбак.

У меня в аптечке завалялась пара упаковок после визита на Кабо-Верде. Отдаю и это. Ключи от свободы прячутся в сетях.

Рыбалка оказалась быстрой и удачной. Вскоре нестройные ряды местных жителей двинулись к лагерю, взвились дымки костров. Докладываю на Ковчег. Приказ: по окончании вечерних забав алкоголиков и тунеядцев - подняться в воздух, в случае необходимости поддержать восстание пулемётами. Так и делаем. Всё происходит в полной тишине. Мужчины и женщины мрачными тенями скользят по селению, планомерно прочёсывают. Приглушенный крик. Несколько выстрелов. Тишина. Вспыхивает яркое пламя костров. Везде валяются связанные мародёры. Многие продолжают безмятежно спать. Даже не догадываются, каким будет пробуждение.

Приводняемся, швартуем гидроплан у линии прибоя. Нас встречают две женщины, ведут в лагерь.

- Увезите нас к себе. Здесь не выжить, земля бесплодная, у нас ничего нет. Мы только закончим с этими подонками.

На рассвете начинаются казни. Мужчины почти не принимают участие, только волокут по одному едва протрезвевших пациентов на самодельную дыбу. Я слышал, что женщина может быть более жестокой, чем мужчина. Слишком хорошо она знает, как сделать больно. Особенно, если прошла через такую боль сама. Их детей убивали дубинами и бросали в костёр, зачем лишние едоки? Их насиловали и пытали, чтобы сломать волю. На глазах у избитых до полусмерти мужчин. Мы уже насмотрелись на казни, но когда первой жертве щипцами оторвали признаки пола, ушли подальше в лес. Видеть и слышать такое могут только те, кому сильно задолжали вчерашние палачи.

К стенам хижин кольями прибиты изуродованные тела, многие стонут, истекая кровью и внутренностями из вспоротых животов. Несколько зловонных кострищ. Аутодафе. Шарахаемся обратно в заросли, обходим страшное место стороной, спускаемся к морю. Нас ждут. Не стесняясь, люди раздеваются донага и смывают со своих тел чужую кровь и собственное бессилие.

- К вечеру сюда подойдёт корабль. "Европа" уже в пути, зелёный флаг с белой веткой посередине. Будьте осторожны, в этих краях охотится корабль Чёрного пирата. Возьмите бинокль, оружие. Сигнал – последовательно три зелёные ракеты. Ваш ответ – две красные. Вот ракеты и радиостанция для ближней связи.

- Кто из вас подавал сигналы?

Подходит пожилой мужчина:

- Я служил радистом в армии. Нас часто заставляли рыться в помойках. Нашли несколько разбитых радиоприёмников, батареи. Смастерил приемник на проволочках, услышали ваши передачи. Потом удалось собрать примитивный передатчик, но вы долго не могли поймать сигналы. Очень долго.

- Нам пора. До встречи. Всё наладится. Вас ждут.

Кто-то пытается целовать руки, кто-то плачет. Пора, пока сами сдерживаем слёзы. Хуан всё-таки всплакнул после взлёта. Обнял свободной рукой его плечи. Кто сказал, что у лётчиков они крепкие и широкие? Он вытер слёзы:

- Жизнь посвящу, чтобы на планете не осталось ни одного такого!

Он сдержит слово, я знаю.

Через час садимся возле лёгшей в дрейф "Европы". Уточняем на карте, заправляемся. Но лететь не домой, а обратно. Петя с Андреем засекли передатчик Чёрного пирата. Кажется, он тоже уловил сигналы бедствия шотландских страдальцев. Шакал рыскал рядом с их лагерем, людям грозила новая беда. Нашему кораблю оставалось несколько часов ходу, надо успеть раньше давно известного, но пока невидимого врага. Идём на большой высоте, вся аппаратура в боевом режиме.

- Вот он, - мористее скалы, приютившей нас прошлой ночью, медленно движется крупный военный корабль. До него миль двадцать.

- "Европа", даю картинку.

- Принято, - Петро тоже скоро забудет родную речь.

- Неизвестный самолёт! Приказываю сдаться, или будешь сбит. Здесь Чёрный пират Атлантики. Пять минут на посадку или катапультирование, затем попробуешь мои ракеты.

- Привет с Ковчега, пират! Наконец, ты сам пришёл за гибелью! И прощай, - голос Макса торжествует. Сразу пять огненных шаров превращают грозу Атлантики в оплавленный кусок красного металла, с шипением и взрывами боезапаса покидающий этот лучший из миров. Мистер Ник скоро потеряет квалификацию снайпера. Даже как-то скучновато.

- "Чайке" следовать на базу.

- Принято.

Семён Исаевич Ворона с женой и семьёй Цыганенко закончили свои переучёты и скучали в подземелье. Было решено эвакуировать их на "Америке". Ваня управился в несколько дней. Пожилые люди ходили по городу, заложенному и их руками. Плакали, сожалели:

- Сами себя в могилу закопали, забыли, что такое солнце, деревья, цветы.

Я встретил пару по пути с аэродрома. Остановил джип, может подвезти? Нет, мы просто гуляем. Тепло поздоровались. Разговорились. Они рассказывали о проделанной работе, о подземных буднях.

- Очень хотелось на солнышко. Василий чуть не плакал, он из яхты сделал конфетку, так мечтал опробовать паруса. Особенно, когда стали появляться рыбаки.

- С этого места подробнее, Семён Исаевич.

- Мы через камеры наблюдали несколько лёгких рыбацких судёнышек. Они приходили с востока под парусами. Видно, сэкономили горючее. Заводили моторы, ставили сети. Пока ловилась рыба, уходили к берегу и планомерно обыскивали горы мусора и развалины. Большая камера позволяла подробно видеть их находки. Порой они так нагружали свои кораблики, что некуда было девать улов. Тогда они уходили, а через три дня возвращались. Василий порывался одолжить немного свежей рыбки, но мы так и не решились открыть вход.

- Больше никого?

- Один раз на горизонте прошёл небольшой пассажирский корабль, только выкрашен в серый цвет. Очень далеко, да и погода была плохая, мы только разглядели силуэт.

- В каком направлении?

- На восток.

- Что же вы не докладывали?

- Они не пытались проникнуть на базу, мы не считали их опасными. Люди добывают пропитание, рыбы хватит на всех. Вооружены, мы видели пулемёты, но сейчас такое время! Мы даже отключали взрыватели мин на дне бухты, разве эти люди виноваты?

Да, время тяжёлое. Нельзя зевать в такое время. Завхоз совсем оторвался от жизни за своими складскими делами. Волна не могла накрыть Пиренеи. Страна басков пострадала от землетрясения, но в горах многие должны были выжить. Ведь мы в самом начале рассматривали такую возможность. Даже планировали посетить эти места на "Розе". Но потом появилась "Европа", планы изменились. Проект экспедиции зрел в моей голове, пока "Европа" возвращалась из шотландских шхер. Судя по всему, в горах существует колония. У них даже есть кое-какой флот. Скромно живут, но раскопки мусора – не показатель нищеты. Это не отбросы, это обломки цивилизации. Две большие разницы, сказал бы Петя. Глупо хоронить сокровища, стремительно уничтожаемые природой. Этой весной зазеленели берега, пугавшие раньше мёртвой чернотой ила. Шторма, птицы и разложение очистили их от невыносимого запаха. Стряхнули сломанные ветки леса, потянулись молодые побеги. Расплодились животные, целая бригада

охотников снабжала Ковчег дичью и птицей, добытой на окрестных островах.

Нас мало, у нас есть только один союзник – Прибежище. А врагов так много, они выползают из нор и сразу же начинают активно завоёвывать окружающие земли, устанавливать власть иждивенцев и уголовников. Они готовы шагать по трупам. У них, видите ли, право по рождению. Право на убийства, пытки и грабежи. В их понимании, ребёнок не имеет права на кусок хлеба, женщина – права на честь, мужчина – права на достоинство. Что ж, нам остаётся доказать им обратное, а нормальным людям – показать пример. Уже есть, чем похвастаться.

Через три дня флот, за исключением "Америки", оставленной для патрулирования, вышел в очередной рейд. В полусотне миль впереди "Шельде" следовал флагман, "Пиранья" заняла позицию в середине растянутой колонны, прикрывая корабли впереди и позади себя. Я совершал патрульные облёты на дальних подступах. Поражали изменения ландшафта. Низменная часть Британских островов и Европейского побережья скрылась под водами поднявшегося океана. Возвышенности превратились в заросшие камышами болота. Порой до самого горизонта видна была сплошная водная гладь в местах, где два года назад с борта судна можно было увидеть оба берега Английского канала. Штурманам приходилось внимательно следить, чтобы не уйти со старого фарватера и не налететь на затонувшие развалины стоявших тут раньше городов. С высоты полёта размеры последствий чьей-то авантюры просто угнетали.

Под крыльями "Чайки" - Брест. Горизонт чист, выполняю разведку в радиусе пятидесяти миль. Корабли пополняют запасы в бункере, ночёвка в бухте. Тем временем "Пиранья" выдвигается вперёд по курсу следования, в Гасконский залив. Подводникам в дальних походах достаётся тяжелее всех. Они не видят Солнца по несколько дней, скрытность и постоянная готовность прикрыть надводные корабли изматывают силы. Морис Эдда и его команда заслуженно пользуются уважением. Но никто никогда не видел зазнайства, не слышал лишних требований или претензий со стороны тружеников глубин. Такая служба – их стандартный ответ на благодарности людей, неоднократно спасённых ими от гибели. Через сутки – первый доклад: шумы рыбацких ботов в районе бывшего порта Пасахес.

"Европа" полным ходом направляется в эту сторону. У меня приказ: установить контакт с рыбаками. В пятнадцати милях впереди – три силуэта на воде. Хуан неплохо болтает по-испански:

- Рыболовные суда, координаты... Самолёт разведки Ковчега просит на связь. У нас мирные намерения, - по роду профессии, я немного понимаю язык гордых идальго.

- Ковчег, мы знаем о вас. Пролетите над нами, покажите опознавательные знаки. Без шуток, у нас оружие.

Покачиваю крыльями, раскрашенными в цвета серой чайки с зелёными кругами и белой веткой в центре. У нас в основном ночная работа, учимся маскировке у птиц. Стволы пулемётов на баркасах опускаются. Хорошее начало!

- Ковчег, если можете, садитесь рядом. Поменьше шумите в эфире.

Мы и сами научены осторожности. Подруливаю. Один из рыбаков спускает бот, и вот уже "Чайка" - на длинном буксире, мы на борту. Тёплые рукопожатия, радость в глазах крепких мужчин в штормовых комбинезонах. На борту чисто, всё закреплено, неповторимый запах свежего улова.

- Мы давно слушаем ваши передачи, но не имеем мощных передатчиков. Собирались посетить зоны вашего приёма. Вы так замаскировались. Правильно делаете. Развелось тут всяких.

- Каких?

- В горах разгромили две банды мародёров, освободили человек двести. Потопили подводную лодку. Пиратствовала в заливе, хотели и у нас поживиться. Но не на тех напали, - шкипер с гордостью отбрасывает брезент. На палубе с двух бортов - по торпедному аппарату. Ай да рыбаки!

- Скоро подойдёт наше судно.

- "Европа"? Капитан Макс?

- Всё вы знаете. Расскажите о себе.

Первый год было всем трудно. Выживали, объединялись. Частенько лилась кровь. Но пришёл капрал Педро Ибаррури со своим батальоном. Офицеры погибли, от батальона осталась едва сотня бойцов, многие ранены. На лошадях, найденных на горном пастбище, привезли много оружия и припасов с военного склада. Искали людей и место для селения. Нашли и то, и другое. Не сели на шею! Навели порядок в окрестностях. Повесили не добитых в стычках бандитов. По горам пошли разговоры, потянулись люди. В семи километрах от побережья - укрепленный город, более четырёх тысяч жителей. Назвали: Республика. В сотне километров вокруг - ни одного мародёра. Несколько небольших селений под протекцией, помогают друг другу, чем могут. Пашут землю, строят дома, учат детей. Отремонтировали и спустили на воду пять рыбацких судов и небольшой паром, нашли разбитые корабли. Осваивают Бискайский залив, подбирают одиночек и трофеи, многого недостаёт. Жить люди собираются, а не воровать и грабить.

Уютный городок, даже небольшой костёл воздвигли. Отцу Фёдору будет с кем вести богословские беседы. Виноградники на склонах, террасы полей, быстрая речушка. Если бы не миномётные гнёзда на высотах и не пара бронемашин у мэрии - как в былые времена. Отдыхаем у гостеприимных людей, пьём вино. Союз заключён, "Шельде" выгружает щедрые подарки. Снуют повозки и привезенные нами автомобили, сверкают счастливые улыбки и благодарные взгляды. Петя с Андреем и, как повелось, с местными молодыми энтузиастами устанавливают аппаратуру и излучатели. Аборигены знают о страшном оружии. Поначалу они даже не рассчитывали на такую роскошь. Понимают: оружие секретное и слишком опасное, чтобы раздавать его каждому встречному. Не из недоверия, но лишь во избежание утечки технологии, все наши союзники получают установки "как есть". Готовы к использованию, с инструкциями по обслуживанию, но и с механизмом самоликвидации. При попытке вскрытия - бумс. Никто не обижается. Теперь не страшен никакой агрессор. На обучение, настройку общей сети наведения и пробные залпы - ещё один день. "Шельде" уходит не

порожняком. Горцы нагружают судно свежей провизией, сырами, бочками с вином и соками. Каждый несёт из дому хоть какой-нибудь подарок нашим детям и женщинам. С нами уезжают трое спасшихся моряков с немецкого сухогруза. Просят работу по специальности. Это у нас, пожалуйста. С ними отправляются двадцать две горячие черноглазые красавицы. Будут на Ковчеге звенеть кастаньеты! Остаюсь с Петром, завтра доставлю его на корабль. Усталые, но довольные, вечером сидим на веранде гостевого домика.

- Ильич, ведь люди могут жить без проклятых войн, без насилия. Сколько крови мы повидали за это время.

- У самой первой тёзки моей жены было два сына, Авель и Каин. Этот второй не хотел жить честным трудом. По всей вероятности, от него и пошли все эти хайкесы, новиковы и им подобные. Об этом надо бы у отца Фёдора спросить. Знаешь, в тот первый вечер на "Дельфине" я сказал Еве, что наши задачи будут носить глобальный характер. В последнее время мои шуточные предсказания сбываются всё чаще. Стараюсь думать, прежде чем остричь. Чего и тебе желаю. Ты повзрослеешь когда-нибудь? Зачем сегодня поднял на смех того парнишку? На глазах у девушек. Смотри, получишь кинжал под лопатку.

- А нечего на Джейн слюни распускать. Так и ел глазами.

- Кого ревнуешь? Миссис Джейн? Да её половина Ковчеха готова на руках носить, а другая просто умеет скрывать чувства. Это леди, Петя, и если ты этого не понимаешь, то ей действительно надо серьёзно подумать, не ошиблась ли она в выборе.

- Да я знаю, Ильич, но удержаться не могу. Любовь такая штука! Вы не понимаете.

- Куда уж мне.

- Извините. Что за язык, ну прямо помело.

- Осознаёшь, значит не совсем пропащий.

Глава 31.

Война на суше.

2014, июнь, 22. Уральские горы.

- **К**овчег, у меня плохие новости, - Вадим Лебедев напряжён. – Ночью в нашем расположении был выброшен парашютный десант. Большой самолёт, похожий на "Руслан", выбросил двадцать бойцов. На наш запрос ответил русским матом. Сбит плазменной пушкой. Десант я сократил ещё в воздухе из пулемёта. Будет девушкам шёлк на бельишко. Оставил парочку живыми, долго сопротивлялись, профессионалы. Оба ранены, но уже дали показания. Прилетели не откуда-нибудь, из Приполярного Урала. Родные наши. Координаты базы... Жду Фёдора.

Где бы взять крысиного яду? Посыпать все возвышенности, все моря, всю планету, чтобы эти твари передохли у входов своих подземелий. Я, мирный моряк, воюю с ними второй год, а их выползает всё больше и больше. Сколько мы наплодили всевозможных паразитов, умеющих только жрать и оболванивать наши головы. На чьи средства строились

их норы и подземные аэродромы? С чьего стола тащили они еду и снаряжение? Какими трудами заслужили должности и чины, чтобы НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ разворовывать ресурсы, сравнимые с бюджетом небольшой державы? Неладно было в обществе. Очень неладно. Пойди теперь, умерь их аппетиты. Их воздушные крепости уже прилетают за тысячи миль.

Полетел Фёдор, но который отец. В Прибежище уже подготовили полосу. Народ там тоже понятливый и трудолюбивый. Обвешал истребитель подвесными баками и, благословясь, отбыл в одиночестве. Вернулся через три часа. Мне в одну сторону столько добираться. Из кабины второго пилота появляются двое. Как они втиснулись?

- Это Теодор Гек, он из шведского спецназа, моя правая рука.

- А кто будет прикрывать Прибежище?

- Однорукий бандит. Это мы так, в шутку, за глаза называем бывшего полицейского. Хороший мужик, умеет организовать. Аппаратура наблюдения, плазма. Пусть кто сунется.

Нашим плацдармом в новой войне будет база на Новой Земле. В тот же день "Пиранья" уходит в рейд. В горах, конечно, от неё пользы столько же, как и в степях Украины. Но есть сведения о речной флотилии врага в Обской губе. Следует запереть ей выход в море. Конечно же, разведка и прикрытие.

Надводные корабли уходят через два дня. Вертолёты и "Чайка" - в трюмах "Шельде". Там же - семьсот бойцов. Один Ми-24 остаётся для патрулирования. Вышла техническая задержка. Молодёжь выдала на-гора новшество. Периметр стомильной зоны охраняют привязные аэростаты с аппаратурой разведки и наведения. Птица не пролетит без следа на оперативной картинке, плазменный шар поразит теннисный мяч за горизонтом. Три геликоптера до отхода делают специальный рейс в Прибежище, описание новинки передали в Республику. Война, похоже, будет нешуточной. Отец Фёдор с Джоном улетают на северную базу. Подготовят встречу кораблей, начнут разведку воздушной обстановки.

Ужин в кругу семьи. У Евы красные глаза, Сара не отходит ни на шаг.

- Джейн тоже не взяли. Не вовремя мы детьми озаботились.

- Воинственная моя. Мистер Шепард говорил тебе, что дети - всегда вовремя. Надо прислушиваться к мнению уважаемого человека. Учись у Марты: киндер, кирхе, кюхен. У них с Гансом полное согласие. Киндер скоро родится, а кирху отец Фёдор воздвигнет по случаю победы над супостатом.

- У тебя всё шуточки, хуже Пети. Ты хоть не лезь на рожон на своей фанере. У людей броня, ракеты. Один мой порхает мотыльком.

- Мама, на "Чайке" пулемёты, знаешь, как гасят? Папа их всех раздолбает в мелкое сито! Я сама пробовала, знаю, о чём говорю, - Я так раздолбаю старого воздушного хулигана, я из него сито сделаю. Ну что за люди, учат детей и жён всяким гадостям. Он и с амвона так будет выражаться?

Северный полюс сместился, за ним ушли границы вечных льдов. Правда, остались немилосердные шторма и айсберги. Делаем большую дугу, заходим на базу чуть не с Земли Франца Иосифа. Скрытность присуща не

только подводникам. Партизанскую войну никто не отменял. Вертолёты ныряют в зев подземного ангара. Майор ассистирует мне при заходе в крохотное отверстие скалы. Если бы не гордыня, ни в жизнь бы не рискнул. Оказывается, моя пташка легко может проскользнуть в игольное ушко. Вытираю ладонь о штанину, прежде чем благодарно пожать руку другу.

- Всё бывает в первый раз, коллега. Главное – не отвернуть в лобовой. Ему тоже страшно, тут кто кого храбрее.

- Этой скале до лампочки, идёт на неё авиетка, или километровое цунами.

- Смелых и скалы боятся, сын мой. Будешь пилотом.

- Отец Фёдор, а лезть входит в список смертных грехов?

- Рули аккуратней, салага.

"Европа" притаилась за небольшим островком в Байдарацкой губе, растянула маскировочные сети. В их тени прячется и "Чайка". Вертолёты рассредоточились в северных ущельях Уральских гор. Над несколькими вершинами повисли аэростаты разведки. "Америка", прикрытая "Пиранией", совершает обходной маневр в Обской губе. Дельта ставшей не великой, а титанической реки заслуживает титула нового моря. На Новой Земле готовятся к бою три плазменных пушки, взведены установки Ковчега и союзников. Общее руководство артиллерией сосредоточено на пультах мистера Шепарда, ему ассистируют Петро и Андрей. Противник серьёзный. Вадим утолял свою любознательность, расспрашивая пленных десантников. У них с Ником и Иваном Грозным надёжные, хотя и бесчеловечные методы. На войне, как на войне.

В арсенале врага – истребители, штурмовики, несколько "Русланов" и вертолёты. Противоракетное и зенитное оружие. Система радаров. Реактивная артиллерия, бронетехника и речная флотилия боевых катеров. Более десяти тысяч личного состава в нескольких бункерах. Неприступные укрепления в восточных отрогах Полярного Урала. Они не осваивают земли, не ловят одиноких робинзонов. У них стратегические цели. Разведка процветающих поселений, блицкриг, приведение к покорности и рабскому труду на уже обжитых жертвами территориях. Они регулярно слушают радио Ковчега, но запеленговать удалось только Прибежище. Где-то Петя допустил ошибку. После исчезновения десанта и самолёта, над союзниками было два прохода высотных самолётов. Первый Вадим прозевал, второй испарился в вышине после залпа. О третьем высотнике вечером сообщили с Прибежища. Приказ: пропустить. С него и начнём.

Доклад постов: самолёт противника в пятнадцати минутах лёта до базы. С набором высоты ухожу мористее, разворачиваюсь к темнеющим внизу горам. До логова врага – пятьдесят миль. Высота – двенадцать тысяч футов. Я на позиции. Где-то ниже меня наша "Сушка" набирает скорость и сбрасывает опустевшие подвесные баки.

- Монах на позиции. Я обнаружен.

На дисплее наведения большой самолёт ложится на глиссаду. Шесть радаров противника. Даю полный газ. Я не успею его атаковать, да и не "Чайке" скалить клыки на "Руслана". Моя задача – давать картинку с

поля боя в трёх измерениях. Прямо по курсу превращается в точку пламя форсажных камер "Сухого". Догонит и обгонит! Навстречу истребителю вылетают шесть ракет. Точки пусков засечены. Залп! Ракеты уничтожены. Залп! Пусковые установки прекращают существование. Залп! Глохнут локаторы противника. На моём дисплее сливаются точки нашего и вражеского самолётов. Сейчас Фёдор даёт короткую очередь. И мажет, трассеры вгоняют в холодный пот пилотов противника. Так задумано. Слишком ценный трофей. Пусть прячут в норку, нам пригодится. Где-то в темноте святой отец выдаёт в открытый эфир такие грязные ругательства и оскорбления, что вовек не замолит:

- Выходи на поединок с Монахом, крыса подвальная!

Четыре ракеты летят ему в ответ. Ни они, ни выпустившие их расчёты после этого не живут и двух секунд. Ко мне тоже движутся подарки.

- Чиф, четыре ракеты, два часа.

Но я держу курс, наши приборы наведения - самые важные. Огненные болиды очищают небо. Битва в разгаре. Вертолёты Ковчега сходятся подковой, вступают в ракетный бой с шестью появившимися на экране оппонентами. Шесть - ноль в нашу пользу. Били, как куропаток, на взлёте. Не до джентльменства, сказал Ник, истинный английский джентльмен. Три пары вражеских истребителей расходятся сложными маневрами. Не поможет. Два сбиты ракетами вертолётчиков, остальные - плазмой. Я - над полем боя. В лучших традициях штурмовой авиации, подполковник Гринёв атакует взлётную полосу противника ракетами с бреющего полёта, на грани сверхзвука. Но одна машина успела взлететь.

- Я - Лютый. Привет, Монах. Давно не виделись.

- Ник, не трогай! Он мой. Вертуны, кто стрельнёт - завалю, как мамонта! Слышу слово "дурак", и даже выражения покрепче в исполнении мистера Шепарда.

- Я всё думал, куда ты запропастился в последние годы.

- Лена болела, какие деньги на пенсии? А ты, каким ветром?

- Добрые люди спасли от гибели, теперь моя очередь. Что с крёстницей?

- Нет ни Лены, ни Зины.

- Прими соболезнования. Помолюсь за них.

- Как Маша, Андрюшка?

- Как и твои.

- Да, брат, терять нам нечего.

- Офицеру всегда есть, что терять.

Такая себе встреча старых друзей в ночном небе. Их самолёты выполняют фигуры, которым нет названия. Кажется, пора уносить ноги. Моей фанере - да вертеться под копытами этих зубров. Накаркал.

- Сейчас твоего положу, потом поговорим. Не люблю, когда подглядывают.

- Фёдор, вертикально вниз, полный газ! Выходить на минимуме, лицом ко мне! - по закрытой связи. Выполняю, в уши кто-то забивает гвозди - перепад давления. Хуан тоже воет. Тяну ручку, перегрузка сужает область зрения до размеров указателя авиагоризонта.

- Полторы тысячи! Одна! – сквозь боль в ушах голос Хуана. Он тоже изо всех сил тянет одеревеневший штурвал на себя.
- Пятьсот. Сто. Конец, прощай, чиф. Пошёл, пошёл! – жёлтая полоска прибора уходит в верхний синий сектор.
- Вправо тридцать, уходи на бреющем, я прикрою!
- Ох, и шустрый! Что ты ему сказал?
- Что ты его не любишь. Он обиделся.
- Он, случайно, не того?
- Нормальный. Ребёнка ждут. Не трогай.

Улепётываю на форсаже. Говорила же Ева. Слушаться надо. Да чтобы я ещё когда-нибудь... Нет, но какие гады! Насмежаются! Я должен видеть своими глазами, кто из вас посмеётся последним. Боевой разворот. На розовеющем небе – две стрелы инверсии. Лобовая атака. Никто не отвернёт, я знаю. Молнии трассеров. Разошлись в считанных метрах, оба дымят. Факелы в небе. Из чёрных облаков взрывов выпадают три белых пятнышка парашютов. Когда они успели?!

- Отведи меня, Господи, от таких врагов – дрожащий голос Майкла еле доносится из наушников. Что-то я плохо слышу, заложило уши.

Вертолёты подбирают пилотов. Живы, без сознания. Лучше прыгнуть в пустой бассейн с небоскрёба, чем катапультироваться на сверхзвуке, говорил святой отец. Под нами – мёртвые горы. Вдруг, на многие километры внизу – океан адского пламени. Все установки, изготовленные на Ковчеге, дают пятиминутный залп. Урал такое видел миллиарды лет назад. При сотворении мира. Кажется, наступил его окончательный конец. Дисплей чист от вражеских меток, в эфире – приказ возвращаться.

Фрэнк промокнул тампоном мои бедные уши, вата красная.

- Вам нельзя в воздух, будут осложнения. Хуану – тоже.
- Надо, док. Дайте таблеток.

Что-то вкалывает, пью пилюли, смотрит осуждающе.

- Я не гарантирую...
- Я должен обеспечить гарантию победы.
- Через два часа выпейте это. Иначе сойдёте с ума от боли.

Хуан тоже забирается в кабину.

- Я курсанта возьму.
- Не справится. Поехали.
- В твоём роду Гагариных не было?
- Как? Не расслышал.
- Поехали, тетеря.

Белый день, на бескрайнем море Обской губы – рассыпанные на большом расстоянии друг от друга штрихи кораблей. "Америке" досталось. С катеров противника ударили реактивные миномёты, два попадания. На катере несколько убитых, командир ранен. Повреждены аппаратура наведения и излучатель. Морис потратил две торпеды на маломерные, но слишком агрессивные цели. Остальные рассеялись. Орудия Ганса не добивают до рассредоточившихся кораблей, на боевой частоте – немецкие проклятия. Мари упустила шанс пополнить

словарный запас. Это он от бессилия. Хуан даёт картинку. Через пять секунд битва на Оби закончилась.

Хорошо, что доктор Стоун уложил нас в постель. Мы не видели завершающего этапа сражения и жареного человеческого мяса. Аппаратуру поставили на вертолёты. При малейших проявлениях активности противника, на его голову падали десятки шаровых молний и ракет. "Шельде" вошёл в Обь и высадил десант. Через сутки войска блокировали четырнадцать бункеров. Пять из них выжжены до стерильного состояния. Там были электростанции и радары подземного комплекса. Цепная реакция. Два входа были залиты остывающей магмой расплавленных скал. Нику и его "медвежатникам" пришлось потратить много времени и взрывчатки для вскрытия. Это входит в список трудностей службы, как он выражается. Трудности, оказывается, только начались. Лабиринты подземелий разобщены автономными отсеками, на каждом новом рубеже - ловушки, мины и огневые точки. Прямо тебе пирамида Тутанхамона. Вадим применил огнемёты, пошло легче. Потеряли полторы сотни человек, много раненых. Подземная битва продолжалась восемь дней. Как повелось, главные крысы забились в самую неприступную щель. Выковыривали привычным способом, но и здесь мистера Шепарда ждали некоторые затруднения. Трудности его только вдохновили. Война вообще занятие нелёгкое, и закалённый воин не искал простых путей. Он искал решения, и находил их. Ни один из главных крыс не покончил с собой. Трусы всегда надеются на спасение, даже повиснув на пеньковом галстуке. Привычные требования адвоката, присяжных и европейского суда. Это - пожалуйста. "Европа" вошла в Обь.

Ваня Грозный с перевязанной головой и поломанными рёбрами. Вадим Лебедев контужен, но в общем цел. Оглушённый, в изодранном кителе и с новой повязкой на многострадальной правой руке Ник Шепард. Теодор Гек на двух ногах, но с одним правым глазом. Дознаватели. Шесть обвиняемых в чинах не ниже полковника. Тайная вечеря. Что творится в кабинетах следствия – никто знать не хочет.

Трофеи. Склады вещевого, медицинского и продовольственного снабжения на двенадцать тысяч персон. Рассчитано на три года. Две тысячи тонн керосина, три тысячи тонн дизельного топлива, тысяча тонн бензина. Их закачивали по специальному подземному трубопроводу с побережья реки. Тонны смазочных материалов. Сотни тонн запчастей. Подземный завод. Автомобильный батальон. Склад боеприпасов, на котором Ник не нашёл только каменных наконечников для стрел. Отдельный бункер стрелкового оружия. Специальный склад ракет разного назначения, но ближнего (до тысячи километров) радиуса действия, пусковые установки с тягачами. Четыре уцелевших танка, девять бронетранспортёров. Два десантных катера на воздушной подушке. Три штурмовика в подлежащем ремонту состоянии, два исправных истребителя и три "Руслана". Комплектующих и запасных частей – отдельный склад. Так же, как и для авиационных бомб и ракет. Это - кратко. Остальное мог бы перечислить дядя Сёма, но у меня не хватит места для описания событий.

Пленные. Авиатехники выбросили белый флаг, когда подошла очередь штурма мастерских, в которых они успели запереться с тремя пилотами вертолѐта и вторым пилотом приземлившегося "Руслана". Сто семь человек. То же с батальоном технического обеспечения. Спаслись двести двадцать восемь инженеров и техников. Два военврача и три фельдшера открыли герметичный люк операционной по первому требованию. Макс дал специальные указания о медиках, воплощая в жизнь сказанные когда-то на яхте слова о войне. Брать остальных приказа не было, но многие были ранены, контужены или деморализованы до состояния кошки, брошенной в прорубь. Ни одного солдата срочной службы. Идейные борцы за денежные знаки. Мечтатели о царской жизни. Четыре сотни бойцов сложили оружие – надоело рисковать жизнью за сомнительные идеалы. Остальных заперли в просторном вертолѐтном ангаре, дали пищу и воду, медикаменты. Парк винтокрылых машин оказался взорванным, из него вывели лишь один уцелевший аппарат. Ночью в ангаре начался гвалт. Пауки в банке. Душили строгих старшин. Грызли зубами сослуживцев за старые долги. Сворачивали шеи желающим тоже перейти на нашу сторону. Охрана при попытке умирения была смята, толпа ринулась в опрометчиво открытую дверь. Погибло двенадцать наших. Беглый огонь по удирающим пленникам. В округе обнаружили полторы сотни трупов и три десятка раненых беглецов. В ангаре – море крови, растоптанные, изорванные в клочья тела. Сбежало сотни три. Часть отстреляли из вертолѐтов, часть рассеялась в горах. Пусть ищут свою судьбу. Пора приобщаться к прелестям вольной жизни выживающих. Отсрочку пересидели в тепле и в добре, в королевских мечтаниях. Может, попадёте в ловушку очередного мародѐра. Узнаете, каково быть по другую сторону колючей проволоки. Раненые не успокоились. Наутро их осталось шестеро. Сэр Дарвин напрасно ездил на Галапогосские острова. Две ночи – и учение подтверждено фактическим материалом. Наши бойцы побрезговали даже хоронить этих подонков, сбросили трупы в пропасть.

Навещаю отца Фёдора и иже с ним. Джон самый молодой, уже поднимается. Ему скучно и непонятно. Два старых приятеля беседуют на русском. По тону – совершенно мирно, но как жестоко они атаковали, как стреляли друг в друга! Он помнит только перегрузки и команды, которые беспрекословно исполнял, потеряв ход событий и место в пространстве.

- Какие люди! Вовремя слинять – это не наука, это Божий дар. Потешил стариков, Фёдор. Познакомься, подполковник в отставке, пилот первого класса Виктор Иванович Соломка, Петин земляк. Кличка – Лютый. Это он тебя хотел скушать.

- Вы же сами приказали: свечкой. Уши порвал.

- Продуваться надо, ты же подводник, - этот голос будет озвучивать мои кошмары с той тёмной ночи и до конца дней. Пронзительными серыми глазами проник в моё "я", достиг сердечных глубин. Чувство не из приятных, но он как-то деликатно, что ли... Мне тоже кое-что удалось увидеть. Раненая душа, раскаяние и грусть. Но – глубоко в сердце. На внешнем рубеже – энергия, оптимизм и бесшабашность человека, которого ничем не испугаешь.

- Вон ты какой. Подружился, - протягивает ладонь музыканта. Опасно доверять первому впечатлению. Еле пережал. Спасибо, коллеги-механики не дают рукам отвыкнуть от гаечных ключей и кувалды. Смеётся, потирая кисть. Подружился.

- Там два истребителя и три штурмовика. Макс сказал, если снова не подерётесь, чтобы готовились перегнать на Ковчег. Когда здоровье позволит. А с гигантами не знаем, что делать. Один пилот, и тот второй.

- Мы не дрались. Служба, брат. У каждого – свой приказ. Пусть равняют полосу, этот колхозник перепахал, как под картошку. А мы пару дней отдохнём. Научим жёлтоклювых дозаправке в воздухе, доберёмся в одну ходку.

- Из голубого вертолётa заливать будете?

- Федя, откуда он взялся на высоте четыре двести сорок? Не отличает десантный корабль от заправщика. Гони его на подводную лодку. Нам нужны толковые ребята.

- Самоучка. Но вникает быстро, и везучий. Научим. Вот что, Фёдор. Собери-ка моих курсантов, которые не заняты на вертолётaх. И второго с "Аннушки", будет командиром. Мы им тут почитаем теорию. Сам тоже приходи, надо развиваться.

Эвакуация базы длилась три недели. Традиционно бункера были отремонтированы, оставлен стратегический запас. Кое-что отвезли на Новую Землю. Основные трофеи грузили на "Шельде". Благо, дорога к реке была приведена в относительный порядок предыдущими хозяевами, транспорта хватало. По показаниям пленных, разыскали флотский бункер в недрах высокого утёса. Гарнизон сдался, технический персонал подключился к ремонту и перевооружению "Америки". Служивые быстро втянулись в общие заботы. Победитель целой дивизии отборных наёмников невольно вызывает восхищение. Про Ковчег ребята тоже наслышаны, уж лучше работать на себя, чем строить рай для генералов.

Над базой проходит "Руслан". За ним, словно привязанные на верёвочках – два штурмовика. Отрабатывают заправку в воздухе. В командирских креслах – двадцатилетние парни, четыре месяца назад впервые прикоснувшиеся к штурвалу. В кабинах вторых пилотов – подполковники. Они обучают больше в небе и в ангарах техобслуживания. Сказали: по стандартам военного времени. Отбор прошли только те, кто после трёхчасовой лекции сумел взлететь и удержаться в воздухе на "Чайке". Теория лучше усваивается после приобретения опыта и собственных ошибок. Лекции – по вечерам, перед ночными полётами. График напряжённый, но инструкторы умудряются дать ребятам и время для восстановления сил. Когда они спят сами – не знает никто. Общее прозвище – Фанатики. Уважительно, между собой – Монах и Лютый. В глаза – товарищ подполковник. На русском. Быстро заучили. Расходятся веером, пикируют цепочкой на учебную цель в горах. Но там сложный рельеф, боковые и нисходящие потоки? Ответ: на ровном месте и дурак сможет. Меня тоже тянет занять место в строю на мощной машине. Нет времени. Техническое обслуживание кораблей, воздушная разведка и патрулирование, совещания и проклятые бумаги. Согласования с Юргеном планов строительства взлётно-посадочной

полосы. Он что-то пробормотал на неизвестном языке, но обещал. Людей мало.

Чтобы не загрязнять воды залива Ковчег, суд над военными преступниками решено проводить на месте. Открытым голосованием население Ковчега, Прибежища и Республики вынесло приговор: смерть через повешение.

Имена подследственных мне ничего не говорили, кроме известного всей стране депутата Государственной Думы Ильченко. Члена комитета по ликвидации последствий природных и техногенных катастроф. Господин депутат должен был строить дома в смытых наводнениями посёлках. Лечить детей, отравленных экспериментальными сыворотками. Спасать заваленных под землёй шахтёров. Выделять средства и вверенные ему подразделения на тушение лесных пожаров и обустройство беженцев. Вместо этого он и его собратья по воровскому ремеслу пустили бюджетные денежки на подземное градостроительство и организацию частных армий для обеспечения собственного будущего. Каким оно может стать для простых людей, они имели довольно отчётливое представление. Информация об опасном эксперименте была доступна для персон такого уровня. Кто зачинщик и исполнитель, он не сказал даже нашим дознавателям. Не знал, иначе сказал бы. Но от него мы получили подробные сведения о девяти подземельях и их гарнизонах. Четыре из них, судя по всему, не выжили. За всё время от них не было никаких сигналов, авиаразведка ничего не обнаружила. Пятое гнездо некоторое время издавало визг отчаяния: Кавказские горы, разбуженные сотрясённой планетой, взорвались множеством вулканов. Поджарились, умолкли. Шестую нору опрометчиво вырыли в районе современного Северного полюса. Нора плохо перенесла землетрясение, и её обитатели постепенно вымерзли во взаимной борьбе за местечко потеплее. Единство противоположностей! Седьмое, на Новой Земле, мы уже взяли. Ильченко со товарищи внимательно следили за конфликтом со стороны, но после атаки неизвестного смертоносного оружия спрятались в нору. Даже не ответили на просьбу о помощи адмирала Новикова. Решили тихонько выследить Ковчег, решить проблему сокрушительным авиационным и ракетным ударами, захватить колонию. Не успели. Из алчности, не поделились информацией с оставшимися соратниками по подземной борьбе. Первые, в горах Северного Прибайкалья, терпели жестокие зимовки на берегу замёрзшего озера, безрезультатно умоляли о помощи и готовились к эвакуации в тёплые края. Карта с точными координатами их расположения и даже взлётной полосы лежала во вмурованном в скалу сейфе с мощным зарядом самоликвидатора. Господин Ильченко любезно предоставил содержимое сейфа следственной группе. Через пятнадцать минут уточнений и согласований, излучатели союзников ударили по площадям. В далёком Забайкалье стало очень тепло. И было там тепло в радиусе сорока километров. Целую неделю. Энергия приливов и отливов Атлантического океана исправно согревала соучастников депутата. Ни одна лампочка в Ковчеге не была выключена в целях экономии.

Самое интересное было в конце исповеди депутата. В двух часах лёта "Руслана", на Южном Урале существовало гнездо, обладавшее

значительно меньшими ресурсами. Зато его главарь был предприимчивым и деловым молодым человеком. Он сделал ставку на строительство собственной местечковой империи. Запасся тоже неплохо, но в основном орудиями труда. Пересидевших с ним присных было всего тысячи полторы, среди них – инженеры, агрономы, строители и учёные. Почти все – подающие большие надежды, но нищенствующие. Заманить таких людей завтрашним пряником очень легко. Прекрасная научно-техническая база! Лаборатории и мастерские. Исполнителей наловим сколько угодно, ваше дело – выдвигать идеи, строить интеллектуальную империю. На удивление, с ними были даже семьи. Выйдя на поверхность, они начали со строительства города-крепости в пяти километрах от норы, на плодородном горном плато. Особыми военными талантами и ресурсами господин Сараев не обладал. Так, сотни три штыков, три вертолётa, три гидроплана-амфибии, пара бронетранспортёров, автомобильный парк, машины для обработки земли. Бойцы отобраны придирчиво. Брaли только действительно умных и неразборчивых в методах офицеров.

Пользуясь плачевным положением выживших одиночек, их куском хлеба заманили в городок. Приодели, обогрели. Давайте строить светлое будущее! Люди с радостью откликнулись. Какая разница, что за высокой стеной воздвигнутого кремля живут избранные, а мы – в хижинах на склоне? И за то спасибо, вчера ночевали голодные на камнях. Подумаешь, первый урожай снесли в кладовые дворца. Похлёбку нам дают три раза в день, по выходным даже мясо. Почему только самые одарённые тридцать детей ходят в кремлёвскую школу? А что вы хотели, после катастрофы они у нас почти все дефективные. Пусть в поле помогают, харчи отрабатывают. Почему? Потому, что первыми поселенцами рабочего посёлка были провокаторы, пересидевшие беду в норе со своим идейным папой. Промывка мозгов начиналась в развалинах и на мусорных свалках, где скитались несчастные. И длилась каждый вечер у костра, в очередях за похлёбкой и в душевных беседах на твёрдых нарах общежитий. А куда деваться? Другим ещё хуже. Никто не знал, как весело проводят "командированные на объект" бригады ежемесячные недельные отпуска на горной базе отдыха. Как на "планёрках" при закрытых дверях плотно обедают и ужинают. Куда деваются самые красивые девушки и как им живётся? Весело живется в горах, обслуживают командировочных. Не желаешь – обслужишь взвод солдат. Сразу поумнеешь. Одарённых от природы стукачей и подлецов находили оперативно, вербовали лёгким трудом и сытным пайком. Доносительство и страх перед "командировками" постепенно превратили маленькое замкнутое общество в то, что и требовалось господину Сараеву для полного счастья. Люди трудились за миску супа и, на его взгляд, были благодарны ему уже за это. Всё чаще он с умилением ощущал себя если не богом, то, по меньшей мере, мессией.

Город быстро рос, умельцы человеческой подлости разносили по дальним окрестностям заманчивые слухи. Куда деваться? Пропаду в одиночестве. Шли. Изредка попадались умники с собственным мнением, но их тоже быстро вычисляли и отправляли в "командировку" – на разборы развалин огромного промышленного комбината. Работали там

под конвоем, кормили только раз в день, зато били часто, даже за одышку от непосильного труда. Город строил фабрику. Идеи зрели за кремлёвскими стенами. В общем-то, идеи здоровые, передовые и сбыточные. Есть у творческих людей такой пунктик: я – интеллектуал. Я делаю наибольший вклад в развитие общества. Следовательно, я имею право на кусок послаще, на комнату попросторней и на отдых с девушкой подоступней, чем эта чернь, способная только рыться в навозе и таскать камни. Не со зла и не по классовой ненависти. Ну не может понять такой индивидуум, что вырастить хлеб – наука, на тысячелетия старше и сложнее кибернетики. Что никакими интегралами ты, не замесив раствор лопатой и не наносив тяжёлых кирпичей, дом себе не построишь.

Военные спецы строили армию. Под ружьё ставились юноши от пятнадцати лет, прошедшие тщательно продуманные психологами тесты и годные по здоровью. Служить считалось престижным и выгодным занятием. Кормят не в пример лучше. Новенькая форма привлекает невест по определению. А власть! Покажи несозревшему для критики и гуманности созданию, как это приятно – безнаказанно и безответно отстегать до мочеиспускания связанного крепкого мужика. Как без признаний и ухаживаний просто захотеть и изнасиловать беззащитную девушку. А тебе за это выдадут пачку дефицитных в наше время сигарет. Где и когда это можно делать? Во время охоты на людей. Город вырос до шести тысяч жителей. Для обеспечения жизнедеятельности "чистых" господ – достаточно. Дефицит же квалифицированных работников, живущих в отдельных бараках при цехах – ощущался. На каторжной разборке завалов нужны крепкие мужчины, но их всё реже и дальше удаётся найти, а смертность высока. Красавицы от курортной жизни частенько укорачивают свои юные годы, тоже надо искать. Остальной найденный человеческий материал – на ваше усмотрение, рядовой. Только убери свидетелей. Мы – белые и пушистые. А ты – повязан кровью. Помалкивай, а то и сам...

Командование уничтоженной нами дивизии поддерживало контакты с этой колонией, даже наладило что-то вроде торговли. В обмен на патроны, запчасти или случайно найденных одиночек, господин Сараев снабжал их свежими продуктами и женщинами, верхушка крысиного убежища частенько проводила отпуска на его курорте. Раз в месяц "Руслан" совершал рейсы на специально построенный аэродром союзников. Ждали, когда "подшефная" колония выйдет на должный уровень. Судьба её основателя была уже решена, только не доведена до его сведения.

Очень знакомая схема построения идеального общества. Слишком хорошо мы помнили примеры из собственной жизни "до того". Было стыдно, что все мы в большей или меньшей степени были виновны в том, что позволяли себе мириться с таким отношением к самим себе, к нашим "вождям". Только катастрофа, в результате которой обострились и показали свою суть эти явления, по-настоящему открыла нам глаза. Приобретённый за время выживания и становления опыт ответственности в принятии решений и реализации жизненной политики – да, именно это слово, и не меньше! – давал нам право на собственное

мнение и разработку планов без оглядки на тех, кто привык без нас, но за наш счёт решать свои личные проблемы.

- Наша война приобретает глобальный характер. Начинаем углубляться в континентальную часть планеты. Следует обдумать стратегию сухопутных сил – мистер Шепард открыл военный совет.

- Авиация станет главным средством доставки личного состава и прямого боевого контакта, плазменное и ракетное оружие – убеждающим фактором. Мои пилоты готовы к боевым вылетам. Не скажу, что они стали профессионалами, но война не даёт нам времени. Будем шлифовать кадры по ходу действий. Бой – самый лучший учитель, – отец Фёдор жестом указал на молодых лётчиков, приглашённых на совет.

Максим осмотрел воздушную армию. Да, командиры вертолётчиков – настоящие бойцы, проверенные в деле. Два заслуженных воздушных аса – вне сомнений. Ну, ещё экипаж "Чайки". Но рвущиеся в бой молодые люди, вчерашние студенты – какие из них воины? Едва освоившись в кабине современного боевого корабля, устоят ли они в настоящем сражении, вернутся ли живыми, справятся ли с нечеловеческим напряжением смертельной схватки? Произвести посадку на многотонном "Руслане" – это вам не на компьютерном симуляторе, тут игру не перезагрузишь, а траурный марш будут слушать твои товарищи. Не на экране монитора будут цветы – на могиле.

- Нам довелось рано взрослеть, кэптэн Макс, вы всё знаете о каждом. Мы справимся. У нас хорошие учителя. Кто, кроме нас? – поднялся один из них.

- Грех берём на душу, отец Фёдор.

- Пусть бросит камень в меня тот, кто без греха.

- Присмотрим за птенцами. Они уже встали на крыло. Задачу выполним. Верно, бойцы? – молодые лётчики готовы идти за командирами хоть в ад, понял я по восхищённым возгласам. Кажется, они в Бога верят меньше, чем в его служителя со своим помощником по учебной части.

- Предлагаю десантную операцию под прикрытием, – Вадим немного заикается, граната взорвалась в пяти шагах, и лишь молитвы Берты уберегли его от смертоносных осколков. – Депутат утверждает, что противник не в курсе последних событий. Готов участвовать в радиоигре под названием "Мы к вам в гости". Два самолёта с ударной группой и бронетехникой приземляются на их полосе, быстро разворачиваемся. Огневой ракетный и плазменный налёт на казармы и дворец правителя, подробные карты в наличии, "Чайка" корректирует огонь. Штурмовики с дозаправкой прибывают в час "Ч", прикрывают с воздуха, точечные удары по очагам сопротивления.

- А вертолётчики? – Артём Юрьев возмущён. – Мы тоже штурмовики!

- У вас дальности не хватит.

- Сбросить на парашютах бочки с горючим по пути следования!

- Вам предстоит адский труд на этом пути.

- Кому сейчас легко? Техники помогут, высадим их на последней заправке. Всё продумано. Вылетим заранее, займём позиции.

- Принято. Согласуйте действия аппаратов и зоны ответственности.

- Следует блокировать их подземелье, там гарнизон охраны, средства наблюдения и ПВО.

- Накроем молниями. Пусть только пикнут, - Петро подмигивает мне. - Это наша с Ильичём забота.

Заматерел Петруччо. А серьёзности так и не набрался. Незаметно показываю кулак. Как с гуся вода. И Джейн становится такой же, неуёмная семейка!

Всё свершилось согласно плану. Император Сараев легко купился на сладкие речи предавшего его приятеля. После посадки "Русланов" и огневого налёта болидов и авиации, десант особого сопротивления не встретил. Перестреляли пару десятков оставшихся солдат и охранников. Увидев танки на подступах к курорту, его гарнизон и отдыхающие сдались без боя. Их отдали на растерзание обслуживающему персоналу. Что ж, попробуйте и вы. Вернулись времена варварства, с сожалением отметил я про себя. Но мы взялись искоренить этих мерзавцев. Пусть отвечают за содеянное. Сексотов и бригадиров рабочий класс вывел в расход без нашей помощи. Были попытки самосуда над оставшимися жителями кремля, но на этот случай был особый приказ. Единственное исключение было допущено в отношении какого-то врача-вурдалака, экспериментировавшего над детьми, оставшимися без родителей. Его самого медленно разобрали на мелкие запчасти. Князёк и его присные погибли с испарившимся дворцом. Легко отделались. В этом деле Хуан с Петром сработали филигранно, так же как и с атакой подземелья. Мы не потеряли ни одного бойца, мирные жители получили несколько ранений и ожогов. Операция заняла всего пару часов.

Когда утихли вопли казнённых, население собралось на центральной площади. Меньшую группу, человек двести, составили инженеры и учёные с семьями. Они жались к вооружённой группе десанта в центре. Остальная публика заполнила всё свободное пространство, даже на деревьях висели гроздьё желающих услышать вести о своём будущем. Макс оставался с флотом, операцией командовал Ник Шепард. Он и хотел взять слово, но подозвал меня:

- Мистер Фэд, здесь ваши земляки. Во-первых, они не поймут моей речи, во-вторых, воспримут нашу акцию, как агрессию со стороны мирового империализма. Я изучал историю. Прошу вас, поговорите с людьми.

- Царствование господина Сараева закончилось. Вы свободны. На рассвете здесь не останется ни одного постороннего. Мы не агрессоры и не грабители. Мы видели, как вы избавились от тех, кто мешал вам жить. Видно, их правление вас не устраивало. Как быть дальше – решаете вы сами. От имени вольного города Ковчег, я уполномочен заявить: мы боремся, и будем бороться с любым проявлением власти тех, кто хочет жить за чужой счёт. Мы помогаем тем, кто выбрал путь честного труда во имя будущих поколений. Вы сегодня имеете всё для новой, полноценной жизни. Если хотите – мы станем вашими союзниками и добросовестными партнёрами. Не желаете – ваше право избрать свой путь. Прошу вас об одном. Никогда не стройте агрессивных планов относительно Ковчеха или его союзников. У нас страшное оружие, вы видели его в действии. Это не угроза, это предупреждение. Моя новая родина не бросается словами. Соберите совет и решите, как жить дальше. Не торопитесь с

выводами и решениями. Не держите зла на ваших инженеров и учёных. Они здесь оказались не от хорошей жизни, и у них – знания. На планете осталось мало людей, но ещё меньше – специалистов. При разумной организации, вы можете построить процветающий город.

- Всё равно прикончим яйцеголовых гадов!
- Дайте нам оружие! Завтра новый Сараев появится!
- Возьмите нас с собой, детьми заклинаем!

Толпа зашумела, но прежние воспитатели приучили её быть осторожными в отношении вооружённых людей. Никто не проявил желания смять сравнительно небольшую группу десанта.

- Им нужно время, чтобы придти в себя, - сказал Ник.
- Братья! – раздался громогласный бас отца Фёдора. – Христиане! Иисус велел прощать долги. Вспомните о ваших детях и женщинах. Дайте им хлеба и тепла душевного. Очнитесь от ужаса, всё плохое – позади. Пора строить нормальную, честную жизнь. В мире осталось много хороших людей, и часть из них принесли вам свободу и добрые вести. Повернитесь лицом друг к другу, вспомните совместно пережитые страдания. На это у вас хватило сил! Так найдите же в душах своих и силы для новой жизни.

Он стоял в лётном комбинезоне, с непокрытой головой, и большим крестом осенял взволнованную толпу:

- Это сказал вам я, простой православный священник. И мне, и моим товарищам довелось пройти лишения. Порой более тяжкие, чем некоторым из вас. Но мы не ожесточились, мы сумели объединиться и постоять за себя, а сегодня и за вас. На Ковчеге живут и трудятся люди сорока семи народов, двенадцати разных вероисповеданий, младенцы и пожилые люди. Они научились понимать и уважать друг друга. Молю вас, не делайте так, чтобы мне, русскому, было стыдно перед моими соратниками за нас, русских.

И подполковник штурмовой авиации, только что вернувшийся из боевого вылета, встал на колени и преклонил голову перед спасёнными с его участием людьми.

Глава 32

Крысы, мышата и новые друзья.

2014, июль, 26. Урал – Пижма – Ковчег.

Флот ожидал нас в Байдарацком заливе. В качестве трофеев мы взяли только авиатехнику и запчасти к ней, да и то не всё. Один из трёх вертолётов Ми-8 и один гидроплан оставили вольному городу Урал. Так назвали его граждане на следующий после смены власти день. После речи отца Фёдора страсти разгорячённой толпы как-то поутихли, люди собирались группами, советовались, иногда и ругались, но выдвинули представителей в совет. На рассвете нам улететь не удалось. Было много расспросов, люди очнулись от пролитой вчера крови, хотели информации. Им показывали фильмы о Ковчеге и союзных колониях. Демонстрировали видеозаписи, сделанные на Карибах, Азорах и Новой

Земле. Бойцы показывали собственные фотографии, сделанные при первой встрече со своими освободителями. Люди были потрясены такой наглядной агитацией. В том, что мы обрели почти пять тысяч союзников, не оставалось сомнений. Научите – вот было главное слово в оставшиеся три дня нашего пребывания. Делились опытом, настраивали связь и аппаратуру разведки, помогли организовать ополчение и провести выборы. Советовали, как рационально обустроить хозяйство. Помогли взять на учёт сокровища павшего князька. "Руслан" под командованием Фёдора Ивановича совершил дальний рейс и привёз с Ковчега гуманитарную помощь: учебники, медикаменты, сладости детям и ткани женщинам. Оружие и аппаратуру, предметы быта. Домой он тоже шёл не порожняком. Полтора десятка наших раненых бойцов, два разобранных гидроплана и пятьдесят восемь семей инженеров и учёных, не рискнувших остаться в обществе не слишком доброжелательных земляков. Уехало оборудование лабораторий и компьютеры с их разработками. Уральцы без сожаления смирились с такой утечкой мозгов, не все могли простить недавнее привилегированное положение интеллектуалов. Надеюсь, последние сделали для себя выводы. Улетели также шестнадцать девушек из персонала санатория – они не могли представить свою дальнейшую жизнь на месте тяжёлых воспоминаний.

Мы с Хуаном первыми взлетали для обеспечения безопасного перелёта группы. Когда я разворачивался над лётным полем, внизу было море лиц и прощальных взмахов рук. Поднялись Ми-8, несущие запасы топлива для боевых вертолётов. Ушли "Русланы", а на полпути уже барражировал воздушный заправщик, поджидающий штурмовики под прикрытием истребителей подполковников. Да, это вам не на "Дельфине" дрейфовать! Теперь мы сами летим, куда пожелаем! Я пел, не стесняясь второго пилота, и он подпевал мне, когда только выучить успел?

- Чиф, ваши песни ребята Ковчега поют на вечеринках в клубе.

Я так и знал. Чтобы я этому святоше что-то такое рассказал о себе на исповеди! Ему даже тексты песен нельзя доверять. Ну, дождёшься у меня.

- Разве под такие песни танцуют?

- Мы же не только для танцев собираемся. Душевную песню послушать можно, просто посидев с любимой девушкой. Мы ансамбль организовали. Меня приняли гитаристом. Вы аккорды подскажите, а то не всегда подобрать получается. Я всё стеснялся вас попросить.

- Заходи вечером, когда будем идти на "Шельде" домой. Куда от вас деваться? Я вас выучу маршу авиаторов. Мировая песня. Вот слушай: Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

- Чиф, неопознанный самолёт на десяти часах. Скорость сто шестьдесят, высота три тысячи, дистанция девяносто. Двигается на пересечение.

- "Европа", я "Чайка", неизвестный самолёт на пересечении курса, даём картинку. Иду на сближение.

- Картинку принял, ведём цель. Ильич, слишком не приближайтесь, мы прикрываем.

- Я Монах. Цель захвачена. Фёдор, возьми выше на тысячу метров. Мы прикроем.

- Я Дорн. Видим цель. К бою готовы.

- Известный самолёт, координаты... Здесь самолёт Ковчег, у нас мирные намерения. Прошу на связь.

- Ковчег, я Цессна, вольный город Пижма. Я на пределе дальности, пора возвращаться. Мы слушаем вас давно, но ограничены в радиосвязи и радиусом действия самолёта. Мы ищем дружбы с вами. Если можете, следуйте за мной. Через сто километров вас ждёт тёплый приём и бензин для дозаправки.

- А также горячий чай и гостеприимство ваших конвоиров? – потянуло меня на тему об окружённых десантниках.

- Господин Солнцев, не до шуток. Я узнал ваш голос по интервью. Вы – наш единственный шанс на контакт.

- "Европа", я рискну.

- Только держите картинку.

- Монах, Дорн, спасибо за поддержку, но вам следует идти по маршруту.

- Принято. Петя, смотри в оба. И не играй с ними, если что. Заправщик четыре часа будет барражировать в радиусе прямой связи. Оставайся в эфире, Фёдор.

- Принято. Счастливого полёта.

- Удачи. Конец связи.

Лёгкий самолёт впереди покачал крыльями и пошёл на посадку на еле заметную полосу аэродрома. Я сделал контрольный круг, изучая местность и позволяя Хуану детализовать картинку. Зенитки не стреляли, населённый пункт – сотни четыре зданий на горном плато. На лётное поле стекалось, кажется, всё население. На солдат не похожи, много женщин. Других самолётов не видно. Вокруг – обработанные поля.

- Хуан, остаёшься на борту. В случае чего – попытайся взлететь. Крайний вариант – огонь на себя.

- Есть, чиф.

К остановившейся "Чайке" сначала двинулась приличная толпа, но вот она замерла по чьей-то команде. От неё отделилось три фигуры, остановились в нескольких метрах от самолёта. На лицах – улыбки, одежда в порядке, в меру упитаны. Без оружия.

- Командир корабля Фёдор Солнцев.

- Голова вольного города Пижма, Костров Иван Иванович, мои помощники. Добро пожаловать, братья.

Мне он как-то сразу понравился, этот простецкий с виду мужичок с умными весёлыми глазами и крепким рукопожатием. Настолько, что я махнул Хуану: выключай мотор и присоединяйся.

- Друзья, наша встреча неожиданна, поэтому давайте без речей и лаконично. По техническим причинам, я не могу задержаться у вас больше, чем на два часа. Найдём общий язык – договоримся о серьёзной встрече. Если можно, заправьте мой аппарат. Это второй пилот Хуан Оливера, прошу любить и жаловать. Он по-русски пока не очень, но покажет, что и как.

В Пижме была дисциплина. Ивана Ивановича люди слушались безоговорочно и с явным удовольствием. Заправка организована была мгновенно, никто не толкался у самолёта, ряды жителей сомкнулись лишь до такой степени, чтобы лучше нас видеть и слышать. На их лицах я видел живой интерес, доброжелательность и даже какое-то восхищение. Давно не слушал радио Ковчег. Интересно, что такого наплели в эфире наши корреспонденты?

- Поздравляем вас с победами на Урале. Эти бандиты забросили к нам десант, еле переловили в сопках. Всё ждали, когда они нас разнесут ракетами. Вовремя вы их выкурили, вовек не забудем. Как услышали по радио – третий день праздник в городе! Диверсанты рассказали о своей норе, но мы не знали, что вы уже три недели, как с ней управились. Говорю Петровичу, слетай, мол, а вдруг? Он у нас везучий, сколько раз выручал. Не подвёл, теперь иная жизнь пойдёт!

Вольный город Пижма был построен основательно. Около трёх тысяч жителей. История обычная. Тоже было всякого. Но восторжествовал здравый рассудок и народная мудрость. Иваныч сумел повести других за собой. Обустроились, трудятся, прибываются новые люди, городок растёт, рождаются дети. Лишнего нет, но и не голодают. С техникой напряжёнка, да и не только с ней. Изоляция. Один приёмник на всех, самолётик на ладан дышит, а вокруг невысокого кряжа – сплошные болота. Сплавили по речке две разведывательные экспедиции – ни слуху, ни духу, даже самолёт следов не нашёл. Только передачи Ковчега и согревали души, уж и не чаяли встретить. Робинзонада.

Сидим на траве лётного поля. Я веду прямой репортаж портативной рацией. Заправщик в небе ретранслирует на наши корабли. Самолёты уже сели на Полярном Урале. Ник Шепард просит меня задержаться в гостях, ждать распоряжений. Через четыре часа в небе слышен гул мощных двигателей.

- Мистер Фэд. Примите партию подарков для наших новых друзей. Помогите им развернуть и наладить связь и разведку, объясните всё, что непонятно. Ждём вас завтра на базе. Объясните, что официальный визит мы нанесём через пару недель. И пусть сохраняют парашюты, у нас их в обрез. До связи.

Два "Руслана" проходят чуть в стороне, с них сыплется серия парашютов. Некоторое напряжение публики по поводу десанта сменяется ликованием. В контейнерах – стандартный "подарочный набор" Ковчега. У Ивана Ивановича на глазах слёзы, и он размазывает их по щекам, не стесняясь своих подданных.

- Чиф, мы делаем хорошее дело. Сегодня я понял, что моя жизнь снова приобрела смысл. Спасибо вам.

- А мне-то за что, Хуанито?

- За то, что выжили на "Дельфине". Вы и ваш экипаж. Что я имею честь идти с вами в бой. За это – стоит сражаться.

Какие вкусные здесь варят щи! Какие хорооводы водят русские красавицы! Как ловят каждое слово о Ковчеге, как искренне радуются нашим успехам. Как аплодируют гитаре Хуана, который по-русски знает лишь несколько фраз, но музыкой знойных Азор покори́л не одно

девичье сердце. Он так и не пришёл ночевать, но Иваныч успокаивает: не обидят парня, ТАКОГО гостя пальцем не тронут.

- Юля, ты же не подведи. Чтобы в Ковчеге видели, какие у нас невесты. Ты наш полпред теперь. И счастья тебе, дочка, - голова благословляет невесту Хуана. Быстро сейчас у молодёжи, некогда вздыхать да письма писать, торопятся всё в этой жизни успеть. И успевают, и дай им Бог. Страданиями, потерями и ежедневным риском – заслужили право на счастье. У русской красавицы, как и у моего штурмана, никого на свете нет. А теперь будет. И судить о ребятах могут только те, кто сам знает цену пережитого ними.

- А ты, ловелас, полезай в багажник. Ради такой девушки и я бы потерпел, но не мой размер.

- Что вы, чиф, как можно, да без проблем!

- Ильич, не вытряхните жениха из коробочки!

- Потерпи, сердешный, Юлька того стоит!

- Бабоньки, там же холодно, а вдруг он чего отморозит, бедная Юлька!

Весёлый у нас народ, Ганс никогда бы не понял, и Хуан только растерянно улыбается. Подмигнул ему: всё путём, держись. Захлопнул лючок.

- До встречи, любезные! Даст Бог, увидимся не раз.

- Приезжайте, только на большом самолёте с женихами, у нас еще невесты есть!

- Спасибо, Ильич. От всех нас низкий поклон людям Ковчег. Мы в должниках не привыкли ходить, так и передай. Всё, что обещали – выполним. А если нелады – дайте знать, всем миром пойдём на выручку. Взлетаю, прощальный круг над городом. Внизу – море платочков.

- Как я вас люблю, родные, - в наушниках голос девушки. Она не догадывается, что я слышу. Выключаю внутреннюю связь. Некрасиво подслушивать слова, сказанные про себя от чистого сердца. Лишь когда лёг на курс, вытираю слезинку на её щеке.

- Теперь будет только хорошее, дочка. Всё наладится. А родной город ты ещё посетишь, у тебя же суженый – лётчик. Но как же вы разговаривали? Он-то по-русски только мои боевые команды знает.

- А я в английской школе училась, полгода оставалось до выпуска. No problem, Chief!

Вот вам по носу, чиф, чтобы не воображали. Весело смеёмся, и небо синее, и красота вокруг!

- Я Монах. В небе чисто. Веду тебя, Фёдор!

- Святой отец, готовьте венчание. Невесту везу.

- Ты что, гарем решил устроить, богохульник?

Юлька прыскает в кулачок.

- Иоанна Оливеру венчать будете.

- А то я уж грешным делом...

- Монах, Чиф, не засорять эфир!

- Я Монах. Поздравляю с персональным позывным. Конец связи.

- Принято.

Спасибо, окрестил. Услужил, Джерри. Теперь ещё и позывной.

Самолёты, нагруженные ранеными и трофеями, улетели на Ковчег. Отец Фёдор доложил: все приземлились благополучно. Флот тоже лёг на курс к родным берегам. Радость победы омрачают потери: убито сто шестьдесят четыре бойца, несколько тяжелораненых. Никакая добыча не стоит и одной потерянной жизни. Но ребята погибли не напрасно. Мы разгромили смертельно опасного врага. Упусти мы время – и он доставил бы Ковчегу намного больше беды и жертв. Собрали военный совет. По традиции, вступительное слово взял мистер Шепард.

- Надо определиться с нашими союзниками. Первый вопрос состоит в распространении плазменного оружия. Чем больше союзников мы снабдим этим мощным средством защиты, тем выше вероятность утечки технологии, и никакие самоликвидаторы не помогут. При всём доверии к новым друзьям, будет ошибкой исключить возможность измены или захвата силой, в результате которых наше оружие может быть применено против нас. Второй вопрос – участие союзников в боевых акциях. Мы несём крупные потери. Да, мы получаем и самые главные призы. Но тогда союз получается несколько односторонним. Если смотреть на ситуацию меркантильно, а именно в этом и состоит смысл союзных отношений, то выгоду в виде наших подарков и обеспечении безопасности получают в основном наши друзья. К этому ведут объективные условия формирования и условия существования дружественных поселений. Однако, период их становления подходит к завершению и пришла пора активно привлекать их к общей борьбе. Иначе Ковчег задохнётся от недостатка молодых и перспективных людей, положивших свои жизни ради безопасности всего человечества, как ни высокопарно это звучит. Наш народ не так многочислен и сам нуждается во многом, и в первую очередь – в уверенности в завтрашнем дне.

- Прибежище через месяц будет готово выставить две роты подготовленных бойцов. Мы ведём их обучение в качестве десантной группы, способной к автономному выполнению диверсионных заданий или разведки боем. Мы имеем полный комплект вооружения и экипировки. Единственный нерешённый вопрос – транспорт для доставки и отсутствие опыта десантирования, как с воздуха, так и с плавучих средств. Если командование Ковчега предоставит нам транспорт и возможность участвовать в совместных учебных маневрах авиации и флота – мы присоединимся в любое время. Так же, как и к участию в боевых действиях. Со временем мы разживёмся собственной авиацией. О флоте в наших горах говорить пока преждевременно. Кроме того, наши операторы плазменных орудий принимали участие в совместных огневых налётах на противника, боевые товарищи высоко оценили их согласованные и эффективные действия.

- Вадим, мы благодарны тебе и мистеру Геку за личное участие в наших операциях. Прибежище показало союзникам хороший пример. Мы обеспечим участие ваших подразделений в общих маневрах, вопрос решённый. Более того, командование воздушным флотом кулуарно приняло решение, и с ним согласились все: выделить из состава нашего авиапарка по одной единице самолётов и вертолётов с обученными экипажами и техниками для временного базирования на вашем

аэродроме. Пока не разживётесь, как ты говоришь. Старшим назначен подполковник Соломка. Он же подберёт курсантов из ваших бойцов для обучения лётного состава. Мы выделим необходимые средства для обучения воздушному десантированию. Инструктором придётся поработать тебе самому.

Глаза спецназовца заблестели:

- Коммандер. Максим Николаевич. Да я... Да наши ребята... Мы и без этого за Ковчег кого хочешь! Спасибо. Вы не пожалеете, это подтвердит каждый житель Прибежища.

Макс попросил Петра включить запись полученной радиogramмы.

- Здравствуйте, здесь Педро Ибаррури. Вольная Республика приветствует братский Ковчег и Прибежище, поздравляет с новой победой! Наши плазменные орудия поддерживали огневую мощь союзных батарей. Однако, мы считаем своё участие в общей борьбе недостаточным. Боевое подразделение в количестве четырёрхсот человек полностью укомплектовано и готово в любой момент принять участие в совместных маневрах и военных акциях. В ста пятидесяти километрах от нас объявилась неплохо сохранившаяся база транспортной авиации. На сегодняшний день в рабочем состоянии три самолёта и экипажи, способные доставить наших бойцов в радиусе пять тысяч километров. Они давно вели поиск, чуть не попали под наш зенитный огонь, но контакт установлен, они с нами и под нашей защитой. Восточная часть Бискайского залива и Пиренеи до пика Ането – под нашим контролем. Нас уже более девяти тысяч. Ведём строительство аэродрома в Республике. Ждите гостей. До скорой встречи, друзья!

Офицеры забыли о солидности, в воздухе стояли радостные возгласы, люди обнимались на радостях. Мистер Шепард выглядит смущённым:

- Я недооценил явление цепной реакции, как говорит профессор Леви. Добро возвращается сторицей. Нам пора прекращать практику приёма решений "на коленке". Нужен объединённый штаб союзников для планирования крупных маневров и совместных операций. Этим мы займёмся в ближайшее время, а сейчас я просил бы рассмотреть самый первый из озвученных мною вопросов – о плазменном оружии.

Слово попросил Петро Гарбуз.

- Наша аппаратура разведки и наведения, установленная на стационарных станциях, аэростатах и специальных высотных привязных воздушных змеях, достаточно полно контролирует пространство по линии: Пиренеи, Британские острова, Скандинавия, Новая Земля, Уральские горы. Несколько установок в районе Бермудского треугольника и Азорских островов. Особо плотно отслеживаются окрестности Ковчега, Прибежища и Республики. При возникновении в защищённых районах опасной ситуации или объекта, в общей сложности девятнадцать стационарных плазменных установок союзников могут создать огневой вал площадью до тридцати квадратных километров одновременно, на любой высоте, включая стратосферу и ближний космос. В Ковчеге испытана сверхмощная батарея, один удар которой способен выжечь бункер, соразмерный с новоземельским, на глубине до сорока метров. Профессор Леви и его команда продолжают совершенствовать это оружие и системы наведения. Мы считаем, что на

сегодняшний день все союзники в достаточной степени защищены от внешней агрессии противника, не обладающего таким оружием. В критической ситуации, при поддержке авиации и флота, а также приборов трёхмерного наведения на наших летательных аппаратах, мощь и точность наличного оружия возрастает в разы. Более того, группа специалистов, эвакуированных с Южного Урала, имеет серьёзные наработки в вопросе вывода без ракет на околоземную орбиту искусственных объектов достаточного веса, чтобы установить на них приборы разведки и наведения. Сейчас их проект запущен на виртуальную экспертизу. О реальных результатах я не могу доложить по причине моей низкой информированности, связанной с участием в походе. Но если мы выйдем в космос – вся планета будет под нашим контролем. Отвечая на вопрос мистера Шепарда, сегодня я имею основания твёрдо заявить: нет смысла распространять это оружие даже среди новых союзников, при всём к ним уважении. Сейчас оно рассредоточено в трёх разных местах, контролируется проверенными партнёрами и гарантированно обеспечивает надёжность и устойчивость даже при поражении двух из баз дислокации. Я закончил доклад.

Да, теперь нам мало кто сможет угрожать. Но Максим взглянул мне в глаза: не забывай о главном!

- Спасибо, Петро Иванович. Полагаю, на ближайшее будущее безопасность границ союзников гарантирована. Но давайте вспомним об основной концепции нашей политики, а также не такие давние события на Кабо-Верде. Разве мы объявляли миру о тактике выжженной земли? Мы применили оружие, ставшее причиной гибели невинных людей. Это не должно повториться. Поэтому необходимо участие войск и обычного оружия для спасения мирных жителей и, желательно, производства суда над теми, с кем мы обязались бороться. Территория не считается побеждённой до тех пор, пока первый солдат не ступил на её землю. Осмелюсь развить эту известную истину. Победа не достигнута, пока последний солдат не покинет ставшую дружественной территорию. Что скажет разведка?

Ник Шепард в одном из салонов "Шельде" поселил аналитический отдел. Туда стекались принятые данные от наших радиоприёмников и пеленгаторов, показания пленных, рассказы вновь поступивших бойцов и разведданные союзников. Сведения загружались в компьютеры, обобщались и сортировались. Несколько молодых специалистов по обработке и хранению информации создали специальные программы. Их руководитель, Клаус Клейн, регулярно докладывал командованию об обнаруженных одиночках и группах людей в обширном регионе, который считался если не подконтрольным, то достижимым для нас. По пути следования флота "Америка" или вертолёты регулярно совершали вылазки и привозили новых людей. Пару раз и мне приходилось вылетать на разведку и эвакуацию порой совсем отчаявшихся людей. Один раз Ване Грозовому пришлось применить артиллерию для успокоения шайки одичавших мародёров на каком-то паруснике.

- В районах покрытия нашими приёмниками сигналы появляются крайне редко. За последний месяц вертолёт с Ковчега подобрал всего пару одиночек в шхерах Норвегии. В секторе Восточной Исландии

зафиксировано восемь кратких кодированных сигналов, координаты передатчика не меняются. Логично предположить наличие стационарного пункта связи. Интересно, что в течение нескольких минут после его передач из западной части Ботнического залива на иной, но на одной и той же, частоте, тоже появляются сигналы. И первые, и вторые имеют похожую структуру, что порождает мысль о радиообмене между двумя станциями. Притом, отвечающий передатчик передвигается с севера на юг вдоль шведского побережья. Последний раз он зафиксирован в районе города Сундсвалль, предполагаем его следующее появление в эфире через три – четыре дня в окрестностях Сёдерхамн. Если это корабль, базирующийся на Исландии, возникает ряд вопросов. Почему он исследует берега, столь удалённые от базы? Ведь шхеры Норвегии более перспективны и близки. Есть причина их избегать? Да, радиообмен Ковчега, Прибежища и наших мобильных передатчиков весьма активен. Сведения о наших победах и их география передаются в открытом эфире. Запеленговать наши базовые станции со стационарной и подвижной платформы – на наш взгляд, есть основная задача вероятного противника. Вспомогательная задача – поиск людей и ресурсов. Конечная цель неизвестна, но организация связи свидетельствует о желании сохранить скрытность. Теоретическая вероятность угрозы со стороны наших визави – восемьдесят семь процентов. В дополнение, два раза обнаружены крайне слабые сигналы на стандартной частоте радиовещания из района Карпатских гор. Информативная часть недоступна пониманию по причине большого расстояния и малой мощности передатчика. Однако, эти передачи появлялись в эфире в одно и то же время и длились не менее тридцати минут. Слово "Карпаты" упоминалось в документированных текстах одиннадцать раз во второстепенном контексте. Фраза "Почему я не уехал на Карпатскую базу" еле слышно прозвучала в записи, сделанной в камере смертников в ночь перед казнью руководителей Уральского бункера. Имя автора выяснить не удалось. Для уточнения радиосигналов не помешала бы авиационная экспедиция, но обсуждение такого рода задач не входит в нашу компетенцию. Благодарю за внимание.

Над Скандинавским полуостровом летал "Руслан", снабжённый мощной "глушилкой" для всех возможных диапазонов радиоволн. В оговоренное время аппаратура выключалась на несколько секунд для обеспечения оперативной связи союзников, затем снова подавляла эфир диким гулом. Мы блокировали связь неизвестного корабля в Балтике. Чтобы не зря тратить время, наш гигант забросил несколько "посылок" на малодоступные с берега прибрежные отмели. Они предназначались для "Чайки". Первую остановку мы с Хуаном сделали на севере Ботнического залива. Вторую – на островах Райпалуото. Третья порция горючего ждала нас на островах Оланд. Там мы и дождались темноты. Наш "толстый брат" произвёл крайне осторожную дальнюю высотную разведку. Судно около ста метров, по очертаниям гражданское. Медленно перемещается от шхеры к шхере в южном направлении. Последние две ночи они провели на берегу у костров.

Взлетаем. В сотне миль к западу барражирует заправщик с десантом на борту, рядом с ним – два штурмовика. Монах и Лютый лично ведут

боевые машины. Это мой эскорт. Целых два подполковника! Вот какая важная птица твой муж, любимая. Чего только не лезет в уставшую голову. Парим на высоте две тысячи футов. Под нами – корабль на якоре. Сухогруз прибрежного плавания, всего тысячи четыре тонн водоизмещения. Кормовая надстройка, мачта увешана гирляндой антенн, что-то их многовато. Грузовых кранов нет. На палубе – никого, освещение выключено. Напрасно прилетели штурмовики, это не то, чего мы опасались. На берегу у костра – десять человек. Мирно ужинают, резиновая лодка у причала. Идиллия.

- А не угнать ли нам эту лоханку, дружище?

- Такого приказа не было.

- Но никто и не запрещал. Я ведь флотский человек. Надо заботиться о тоннаже.

- А если догонят на лодке?

- А если мы её из пулемёта?

- А если на борту автоматчик?

- Да зачем он сдался, мы за весь день никого не встретили, кого им опасаться?

- Чиф, получим за инициативу по одному месту.

- Не привыкать. Садимся с моря, прикрываясь кораблём. Приготовь автоматы, если оттуда кто-то высунется, сразу взлетаем. Нет – я перебираюсь на судно, готовлюсь к запуску и тихонько снимаю с якоря. Как только услышишь звук двигателя – на взлёт, атакуешь лодку пулемётами. Их постарайся не зацепить. Через двадцать минут – время связи. Передай Монаху, чтобы не вмешивался, а то ещё врежет по мне из пушек.

- С Богом, Чиф!

Выключаю двигатель, тихонько приводняюсь в тени судна, на вёслах подходим прямо к борту. Тишина. Забираюсь на палубу, отталкиваю самолёт носом к морю. На мостике чисто. С автоматом наперевес обследую жилые помещения. Никого. В машинном отделении включаю фонарь, изучаю обстановку. Здесь всё просто, как на тракторе. Бегу на бак, нахожу замок жвака-галса. На подъём якоря времени не будет. Отсоединяю якорь-цепь от скобы, слегка ослабляю тормоз брашпиля. Теперь – в темпе!

В полной тишине звук дизель-генератора кажется громом. Да будет свет! Включаю необходимые насосы, компрессор, старт! Главный двигатель охотно набирает обороты. Управление на мостик! И сам – туда же! Даю полный назад, разворачиваю судно вокруг якоря кормой в море. Вижу, как "Чайка" уже заходит на боевой курс. Стометровка на бак, отдать якорь! Цепь с грохотом несётся в клюз, вот и последнее звено исчезло в пучине. Освобождённый кораблик с лёгким разворотом срывается с места вперёд кормой. Пока бегу на мостик, Хуан снайперски разносит ботик противника. На берегу крики и стрельба. Так, не подставляться! Разворачиваюсь "к морю передом, к бандитам – задом" и уношусь подальше. Включаю радио, настраиваю наш канал связи. Час "Ч"!

- Я Чиф, прошу Монаха.

- На связи!

- Я захватил корабль, средства связи и пеленгации на борту, можно больше не глушить эфир. Бандиты на берегу, их бот уничтожен. Хуан в воздухе, держит их под контролем. Включаю иллюминацию, следуя на точку.

- Бесово ты отродье, Фёдор.

- Я Лютый. Говорил же, что он не наш человек.

- Наш, родимый! Девятаев, помнишь, Хейнкель угнал в своё время.

- У меня тоннаж повыше.

- Прекратить болтовню в эфире! Чифу следовать на точку, Монах и Лютый – патрулировать, "Чайке" - наблюдать за туристами, аккуратно. Хуан, не приближайся. Сколько их?

- Десять.

- Заправщику выбросить десант двадцать человек. Хуан, дай маяк и ракету в удобное место для приземления. После десантирования, Монаху и Лютому сопровождать заправщик до базы.

- Принято.

К утру я подводил судно к острову Готланд. Трофейные двухмоторные шестиместные гидропланы привезли наших моряков и забрали пленников. Прилетевшие на них отец Фёдор и Виктор Иванович долго тискали мои плечи, я забрался на своё законное место в "Чайке", и красивым клином наши аппараты прибыли на Ковчег. Лютый пытался меня ругать за неумелое маневрирование в строю, но Монах цыкнул, дал несколько дельных советов, и всё наладилось. Командование уже ждало нас на краю огромной полосы. Бог ты мой, да у нас тут не протолкнуться! Куда рулить? Ага, вон кто-то подаёт сигналы.

Я получил соответствующий втык, Хуан не при чём. Потом Макс и Ник дружески обнимали оголтелого авантюриста, и от каждого из них я услышал на ухо: "Молодец!". Что делает должность с людьми! Один Вадим признал мои заслуги и сказал, что если уволят – в Прибежище такие спецы на вес золота. Так что с голоду не пропаду.

В застенки наши пленники не попали. Кололись ребята, чуть ли не с радостью. Их небольшой бункер в фиордах Исландии вмещал всего пять десятков человек. Высокооплачиваемые специалисты престижных компаний вскладчину заказали убежище и запаслись, чем смогли, на чёрный день. Взяли несколько офицеров флота, жён и детей. Жители острова понимали, что, в случае чего, только морским путём можно будет искать спасение. Им повезло почти сразу после выхода на поверхность найти уцелевшее судёнышко и двух бедствующих членов экипажа. Первый год отсиживались возле норки, опасаясь повторения удара, пытаясь обзавестись хозяйством. Однажды в шхерах еле унесли ноги на "Поле", так называлось угнанное мною судно, от каких-то отморожков с автоматами. Ещё лучший урок преподали им мы, когда громили логово мистера Хайкеса. В тот день они, как кролик к удаву, направлялись на призывные речи помощника Никсона с северной стороны Шетландских островов. Их счастье, что мы показались депутату более аппетитной добычей. Грохот произведенных Евой взрывов и переговоры в эфире большого и страшного Ковчега уже не могли заглушить наши будущие песенки о всеобщей свободе и братстве. Есть

нора? Значит, ты, крыса, подлежишь уничтожению! Так думали эти дрожащие мышата, просыпаясь по ночам в холодном ужасе от близости такого монстра. Наши бодрые рапорты о победах только добавляли уверенности, что в Норвежские шхеры – ни дай Боже! А лучше убраться куда-нибудь подальше от страшных соседей. Два классных радиоспециалиста давно вычислили приблизительную точку Ковчега. Беда была в том, что горючего у них было мало. Экспедиция искала на Балтике возможность пополнить запасы и рвануть на край света. Провидение не отвернулось от них и в этот раз. Повидали мы этих краёв света.

- Кто из вас старший экспедиции?

- Капитан Мейсен, к вашим услугам.

- Укажите на карте место вашей базы.

- Я давал слово чести, командер Соломонов. Не заставляйте меня выглядеть предателем в глазах товарищей и моей семьи.

- Я уважаю ваши принципы, коллега. Есть три варианта. Первый. Вы со своим экипажем садитесь на "Полу", которая прибудет сюда послезавтра, и через трое суток возвращаетесь сюда в полном составе. Правда, не знаю, как вы все поместитесь на таком судне. Второй. Через два дня вот в этом заливе, - указывает на карте, глаза капитана Мейсена округляются, - бросит якорь "Европа". Надеюсь, вы слышали название моего флагмана. Скажите, что почувствуют ваши товарищи и семья? И каких глупостей они натворят на свою голову? Вариант три. Вы появляетесь в заливе на "Поле" на три часа раньше "Европы", успокаиваете людей, грузите вещички на своё судно, а людей располагаете в уютном кубрике моего корабля. Через сутки мы встречаем вас в нашей бухте. Вы становитесь гражданами Ковчега, "Пола" под вашим командованием включается в состав нашего флота.

- А если люди не согласятся?

- Ваше право. Я рекомендую всем вам прогуляться по нашему городу, пообщаться с людьми. Поспрашивайте, хотел бы кто-нибудь из них поменяться с вами. Если это вас не убедит – скатертью дорога. Берите свою калошу и двигайте домой. Вы нас не интересуете. Даже в случае, когда в вашей бухте объявится тот, кого действительно следует бояться. Вы все свободны. Мистер Ив, покажите им комнаты и место приёма пищи в ожидании "Полы".

Через пять дней по улицам Ковчега шагали пятьдесят четыре новых гражданина. Они были перепуганы переменами в жизни и поражены увиденным городом.

Через две недели я инспектировал "Полу" вместе с Евой, Джейн и мистером Шепардом. После деловой части и вердикта: в Брест, на ремонт, капитан пригласил нас в кают-компанию. Нас встречали его офицеры и женщины с детьми – семьи экипажа. Было много слов и много слёз, но было и самое главное – покой в глазах женщин, уверенность в словах мужчин и беззаботность в детских улыбках.

Глава 33.

Заботы приятные и не очень.

2014, август, 21. Ковчег.

После ратных трудов, празднования побед и воздания почестей павшим, всем участникам похода хотелось на землю. На кораблях оставили минимальные экипажи, на аэродроме – дежурную смену. Мистер Ив для всех нашёл работу на полях. Урожай выдался обильный, и мы принимали от земли её щедрые дары. Техники хватало. Подземные кладовые Ковчеге, не уступающие взятым с боем бункерам, принимали грузовики и прицепы продуктов.

На праздник урожая по окончании страды пожаловали гости из Республики и Прибежища на своих самолётах. На Урал пошли лайнеры Ковчеге и Республики. Пижма пригласила посетить новую взлётную полосу, и "Русланы" выполняют регулярные рейсы между аэропортами союзников. Горы подарков, сотни новых лиц, концерты и танцы, десятки свадеб – всё смешалось в Ковчеге. Никто из нас не мог вспомнить таких лёгких и весёлых дней со времени Конца света. Прошли дружественные состязания по разным видам спорта. Команда "Пираньи" - абсолютный чемпион Союза по футболу. Прибежище переманило невестами двенадцать парней из Ковчеге. Женихи Ковчеге увезли сорок три невесты из Республики. В Пижму переехало девятнадцать семей из Урала, а в Урал укатали восемь девчонок из Пижмы и три наших девушки. Пятнадцать русских красавиц вышли замуж за наших парней. В каждом городе воздвигли детские аттракционы, и оттуда дотемна неслись счастливые крики детворы. Лето удалось.

Между делами праздничными заключались договора по обмену продукцией и специалистами, намечались планы строительства и технического сотрудничества, разрабатывались стратегия и тактика совместных военных действий. Прошли массированные маневры всех союзников в полном составе экспедиционных групп, военно-морских и воздушных сил. Ник Шепард, назначенный главнокомандующим союзных сил, и объединённый штаб руководили двухтысячным войском и огромным количеством боевой техники, включая танки, артиллерию, корабли и самолёты, десантные катера на воздушной подушке и ракетное оружие. Корректируя залпы и наводя болиды плазмы на точечные цели, я восхищался и гордился нашей мощью и организованностью. А ведь это – только экспедиционные войска! Каждый союзник по мобилизации выставит втрое больше бойцов и ударит в десять раз большими болидами!

Радио Ковчег вело репортажи со всех мероприятий этого праздника единения людей на всю планету. Завидуйте! Боритесь! Присоединяйтесь! Учитесь!

У ретранслятора в Ирландии пятнадцать человек сигналили о помощи. Их сняли гидропланами и привезли на Ковчег. На второй день они пили вино с испанскими рыбаками. Привлечённый радиообменом и стрельбой, потрепанный эсминец-бродяга "Быстрый" пришёл на остатках топлива к бухте Полигон и смиренно выбросил белый флаг: сдаюсь, не могу больше так жить. Командир-пират и пара его приспешников болтались на рее. Зачислили в состав нашего флота. Увели в Ковчег, умыли, накормили, приодели. Гуляй, братишки. Только не шали.

С предосторожностями, в сопровождении "Европы" и "Пирании", ведём эсминец и "Полу" в Брест. Три недели ремонта. Всё повисло на моих плечах. Как недостаёт миссис Джейн! Но и это прошло. Между трудами машинными, учусь летать на двухмоторном гидроплане. Мощная машина, но на радаре даёт яркую засечку, не равня "Чайке" по маневренности. Дружественный визит в Республику. Они приняли радиопередачу с Швейцарских Альп. В семи сотнях километров – колония. Целый муравейник небольших семейных укрытий, более двух тысяч людей. Долго помалкивали, тоже побаивались дать о себе знать. Лишь после репортажа радио Ковчег об исландских сидельцах осмелились открыться, приглашают в гости. Воздушная разведка Республики обследовала посёлок на берегу горного озера. Домики, поля на фотоснимках. Видны ветряки электростанции, крупное строение в центре. Большой самолёт принять не могут. Решаем нанести визит на новом гидроплане. В составе делегации – Макс, Ник Шепард, Педро Ибаррури, Петро, ну и мы с Хуаном.

Три часа – и мы приводняемся на высокогорном озере. Встречают доброжелательно, показывают свои владения. Бизнесмены средней руки, уже тридцать лет объединённые в своеобразный клуб "выживальщиков". Всё началось ещё во времена "холодной войны". Ядерное противостояние Востока и Запада десятилетиями держало в страхе людей на всей планете. Нашлись предприимчивые дельцы, открывшие фирмы по строительству индивидуальных убежищ. Соблюдая секретность, часто в ущерб семейному бюджету, появились клиенты, желающие обезопасить своё будущее. Попасть в эти схроны успели не все, но это стало лишь плюсом для тех, кто вовремя оказался в нужном месте. Припасы пустующих бункеров поступили в распоряжение вышедших на поверхность счастливых. Малолюдность и труднодоступность местности гарантировали отсутствие угрозы извне, а наличие в каждой семье оружия и военной амуниции только укрепило чувство защищённости. В Швейцарии каждый мужчина, прошедший воинскую подготовку, был готов к мобилизации в любое время. У него дома хранилось всё, что необходимо солдату для немедленного вступления в строй и ведения боя. Включая оружие. На мой взгляд, очень эффективная организация.

- Неделю назад нас посетили странные парламентёры, - рассказывает Крис Кристиансен, избранный мэром селения Новая Швейцария. – Они прибыли на боевом вертолёте, вооружённые до зубов. С ними был владелец компании, которая строила наши убежища. Очень внимательно всё осмотрели, расспрашивали о нашей жизни. Особенно интересовались нашими перспективами и планами. А какие планы? Обживаемся, возделали землю, завели животных, построили городок из материалов, припасённых заранее. Приняли несколько приблудившихся семей и одиночек, переживших землетрясение в горах. Вы бы видели, в каком состоянии они были!

А то мы с Луны прилетели. Мы повидали их тысячи.

- Мы хотели установить с ними добрососедские отношения. Чего-то не хватает у нас, чем-то можем поделиться. Людей осталось очень мало, надо помогать выжить друг другу, осваивать земли, пока они совсем не

одичали без человека. Объединиться в борьбе с бандитами, шайки которых иногда пытаются проверить нас на прочность. В стычках мы потеряли одиннадцать молодых мужчин, приходится отвлекать людей на охрану и военную подготовку. Но гости отделались общими фразами и улетели, даже не сообщив своё место расположения. Сказали: ждите, мы сами появимся, когда придёт время. Не понравились они нам. Похоже, затевают какую-то опасную игру.

Знаем мы эти игры. Дождётесь гостей, когда на ноги встанете. Так прижмут – взвоете. Мудро рассчитали. Сами строили секретные убежища, сами и решили прибрать их к рукам. Очередные владыки жизни и смерти. Надо бы их потрясти, сведения у фирмачей-ловкачей должны быть обширные.

Население Новой Швейцарии с радостью приняло предложение вступить в Союз. Ник с Петром занялись организацией связи и разведки, обучением личного состава. Педро с Максом заключали договора, вели переговоры с другими нашими колониями, согласовывали множество вопросов. Мой друг становился политической фигурой если не мирового, то минимум европейского уровня. "Руслан" сбрасывает парашюты с подарками и аппаратурой наведения, Петя весь в делах. Мы с Хуаном решили обследовать окрестности с воздуха. Включили аппаратуру, без которой уже не мыслим свои полёты. Альпы величественно раскинулись под крылом. Зрелище завораживало своей монументальностью и грозной красотой. До Монблана, кажется, рукой подать. Он пылает гигантским вулканом, облако пепла тянется на десятки километров. Расширяющейся спиралью обследуем местность. Нырять в долины и ущелья, проносимся над озёрами и реками. Всего один раз за три часа пискнул датчик радиолокационного излучения, но сигнал был настолько кратким, что Хуан не смог определить его источник:

- Нас кто-то вычислил. Сидит в засаде, не хочет себя раскрыть. Похоже, мы сами стали объектом слежки. Полагаю, Чиф, в этом нагромождении мы вряд ли кого найдём. А приключений можем огрести.

- Думаю, ты прав. Идём на базу.

Через неделю расстаёмся с новыми друзьями. Они уже равняют площадку для большой ВПП – экономические отношения без транспорта невозможны. Солидно у них. Толковые, деловые люди, всё хорошо организовано, есть техника и транспорт, хорошие специалисты. Лишний раз убеждаюсь, что миром должны править не политики, а люди дела, реально видящие жизнь и адекватно планирующие будущее.

Пересекаем Рону на высоте шести тысяч футов. Реки до сих пор несут обратно в море огромные массы воды, уничтожившие всё живое на их берегах. Тающие ледники добавляют свою толику. Даже с высоты потоки поражают своей мощью и размерами.

- Чиф, летательный аппарат в сорока километрах, четыре часа. Даю картинку.

- Я Чиф. "Европа", неизвестный вертолёт. Прикройте.

- Ведём цель. Ждём команды.

- Неизвестный вертолёт...

- Две ракеты! Четыре! Шесть!

- Я Республика-три, две ракеты уничтожены!
- Я "Европа", две цели поражены!
- Прибежище-раз. Вертолёт уничтожен!
- Чиф, цели слишком близко, опасаясь вас задеть!

Я и сам понял, что шутки плохи. Уклоняюсь, слышу вопли пассажиров, не привыкших к таким условиям путешествия. Взрыв по корме! Вяло слушаясь рулей, машина переваливает через горную гряду.

- Горим! Правый двигатель!

Отключаю подачу топлива и зажигание, Хуан активирует огнетушитель в правой гондоле. Пламя сбито, но что-то ещё дымится. Вдвоём еле удерживаем норовящий свалиться на правое крыло аппарат. Так мы далеко не улетим, явно повреждено управление.

- "Европа", иду на вынужденную посадку. Координаты... Ждём помощи!
- Принято, оставайтесь на связи. Мягкой посадки!

Скользим в долину речушки в верховьях Луары. Здесь она мелкая и бурная, но вариантов нет. Наугад касаюсь воды, что-то грохочет под килем, машина пытается зарыться носом. С Хуаном тянем штурвалы до упора, самолёт со скрежетом вылетает на прибрежные камни, некоторое время, задрвав хвост, балансирует на разорванном днище. Грохот, треск, но мы не перевернулись.

- Все живы?
- Относительно, мистер Фэд.
- Я с тобой летал в первый и в последний раз. Самоучка хренов.
- Сам бы попробовал.
- Давайте-ка выбирать, не вспыхнуть бы.
- Взять оружие и припасы!

Выбиваем двери, стёкла – кому как удобней. Самолёт ремонту не подлежит. Туда ему и дорога, неповоротливая корова. Я на "Чайке" и не от таких уворачивался! Отбегаем подальше, но взрыва так и не дождались. Осторожно растаскиваем обломки, собираем припасы. Неизвестно, сколько придётся ждать помощи. Ближайший самолёт с Республики прибудет не раньше, чем через час. Дальняя связь оборвалась, надежда – только на портативный УКВ – передатчик.

- Джентльмены. Следует укрыться в горах. У нас серьёзный противник.

Моя многострадальная нога после шока выстрелила болью, аж взвыл. Вроде без перелома, но коленкой так приложился, что не могу стоять. Остальные отделались ушибами и ссадинами, но на своих двоих. Петя с Хуаном подхватывают моё брненное тело и несут в укрытие, выбранное Ником в россыпи огромных камней. Остальные тащат оружие и рюкзаки. Не медля, мистер Шепард расставляет посты, назначает секторы наблюдения и обстрела. Занимаем круговую оборону.

Через двадцать минут появляется вертолёт. Быстро обнаруживает обломки, зависает. Мы пытаемся слиться с камнями. Всего метров четырёста. Начинает кругами исследовать местность, перед этим высадив шесть человек с автоматами. Ник распределяет их каждому из нас персонально, но требует затаиться и выжидать до последнего. Длится это недолго, нас обнаружили сверху. Вертолёт немного удаляется

и занимает позицию, мы пытаемся укрыться из его прямой видимости. Десант бросается в нашу сторону.

- Сдавайтесь, мы гарантируем вам жизнь! – доносится от реки.

- Огонь!

Бьём из автоматов. Школа военкома не прошла даром, пять фигур сразу валятся на землю, шестой юрко ныряет между камней. Педро выпускает в него три гранаты из подствольника – запасливый боец. Похоже, попал.

- В укрытие!

Вертолёт, собственно, не боевой. Однако, из пассажирского салона пытается в нас попасть пулемётчик, но скоро, прошитый нашими очередями, повисает на привязных ремнях. Что-то ударило меня по макушке, но я пока жив. Второй номер дал пару неприцельных очередей, похоже, тоже отхватил своё и скрылся внутри. Поливаем вражескую машину в пять стволов – Ник подозрительно затих. Пилот, видно, решил не рисковать. Я видел несколько вспышек попаданий, наши автоматы имеют в рожках каждую третью зажигательную пулю. Геликоптер уходит за скалу, шум его винтов удаляется. Бросаюсь к Нику. Он без сознания, правая рука – кровавое месиво. Грешно так думать, но я даже рад. Она у него всё равно нерабочая, а левой мой друг умеет пользоваться! Накладываем жгут, перевязываем. Педро вкалывает ему что-то в бедро. Осматриваем друг друга.

- Твоё слабое место останется с красивым шрамом, но там сплошная кость, её не пробить. Как себя чувствуешь? – Макс весь в гематомах, но своему стилю изменять не намерен. Хороший признак.

- Скажу Мари, что тебя в Новой Швейцарии парни отучали заигрывать с молодухами. Будешь не только с синяками, она тебе ещё уши надерёт.

Остальные тоже в ссадинах, но целы. Педро – опытный воин:

- Питер, со мной. Надо взглянуть на тех бойцов.

Осторожно спускаются к нападавшим. Кого-то волокут за ноги к позиции последнего, накрытого гранатами. Выстрел. Вопли. Кого? Петя появляется над валунами, подаёт успокаивающие знаки, бежит к нам. Снова крик. Всё ясно.

- Это его расспрашивают о чём-то, - Ник Шепард осматривает то, что осталось от правой руки. – Мой китель будет теперь дешевле на один рукав.

- Было бы, на что завязывать галстук, дружище.

- Лишь бы не пеньковый.

- Чиф, вас вызывает Республика, борт первый! Пять минут до цели. Прошу ракету через три минуты.

- Я Чиф, даю маяк.

Самолёт проносится над скалами, разворот – и над нами раскрываются тридцать парашютов.

- Я борт один. Счастливо оставаться! Ориентировочно через четыре часа к вам придут вертолёты Ковчега, "Русланы" уже в пути на Республику. А мы проверим местность, откуда прилетели наши новые знакомцы.

- Я Чиф. Будьте осторожны, у них ракеты.

- У нас тоже. И бомбы. И аппаратура наведения.

- Счастливого полёта!

Десант занимает оборону, разбивает лагерь, растягивает антенну связи. Прибывший врач обрабатывает наши раны. В медицинской палатке идёт ампутация. Рука мистера Шепарда совсем плоха.

Пленный попал в руки мастера, не уступающего в любознательности нашим штатным дознавателям. Петя сбежал с места допроса, глаза у него белые:

- Я никогда не сдамся живым, Ильич. Боже, мне это будет сниться.

- Возьми, выпей немного. Расслабься. Я не сторонник таких методов, но, сложишься по-иному, на его месте могли оказаться мы. Это война, Петя.

Подходит Педро Ибаррури:

- Гнездо мародёров. У них на карте восемь колоний, подобных Новой Швейцарии. Шеф компании-изготовителя расстарался. Вооружённая банда в пять сотен отморожков. Выжидают, когда селения встанут на ноги. Дальше вы знаете.

- Знаем. Их арсенал?

- Боевой вертолёт мы сбили. Ещё четыре таких, как прилетал сюда. Много парашютистов, они придумали с их помощью высадить десанты на колонии, так сказать, щадящим экономическим методом. Захват, расстрел активистов, дальше по плану. Засекли наши переговоры с швейцарцами, выследили самолёт. Очень не хотели, чтобы Ковчег вмешался в их бизнес. Тоже мне, конкуренты.

- Что с пленным?

- Умер. Я его на транквилизаторах удерживал, чтобы поговорить. Граната – это серьёзно. Три – очень серьёзно.

- Чиф, я борт один.

- На связи.

- Гнездо обнаружено. Сопротивления не встретили. Нанесли ракетно-бомбовый удар. Уничтожен посёлок и два вертолёта. Похоже, публика заперлась в подземелье. Координаты передал на "Европу". Уходим на базу.

- Спасибо, я доложу командованию. Мягкой посадки.

Прибывают два боевых и два транспортных вертолёта. Берут на борт два десятка десантников. Отец Фёдор уводит группу на штурм. Через два часа мы тоже прибываем на вражескую базу. Здесь штурмовикам делать было нечего. При их подходе, один вертолёт пытался удрать, маскируясь в горах. Майкл не стал тратить ракеты, свалил его из пушки. Пара мощных авиабомб уже заложена у входа. В общем, как обычно. Карта с отметками восьми бункерных селений, десятков засечек небольших лагерей выживших. Оружие, горючее, продовольствие. Один вертолёт, два десятка автомобилей. Будет для старта новой колонии.

- Я всё расскажу, я знаю про гнездо конкурента. Только сохраните жизнь!

Условия здесь ставим мы. В ходе краткой беседы с Педро, великий бизнесмен поведал свой последний секрет. Вскоре он украшал ветку сосны, растущей подальше от лагеря.

Вся история освоения Западных Альп заняла две недели. В итоге мы получили двенадцать селений "выживальщиков" и сотню вольных

горцев, влачивших беспросветную нищету в пещерах и хлипких хижинах. Восточные Альпы были непригодны для жизни. Берн, Турин, Милан и даже менее крупные города этого региона были испепелены и до сих пор фонили так, что даже краткое пребывание там было опасным. И после этого мы должны щадить этих вырождающихся с лампасами?

Некоторые селения объединились. У одних были неплодородные земли, но в достатке – припасов. Другие плохо перенесли удар и доедали то, что удалось отстоять. Для них и выживших одиночек были предоставлены освобождённые от их будущих владык "имения". После некоторых сомнений, чего греха таить, девять общин вступили в Союз на общих основаниях. Нам даже не пришлось особо одаривать их – "выживальщики" оказались людьми запасливыми, союзный парк пополнился даже лёгкими самолётами и вертолётами. Началось строительство двух аэродромов для больших самолётов Союза. Одна колония, "Новый мир", объявила о независимости и нейтралитете. Их можно было понять. Очень состоятельные люди построили целую горную крепость, оснащённую современным оружием и техникой, три тысячи преданных им людей были экипированы всем необходимым на годы вперёд, завели большое хозяйство. В округе под их патронажем была пара хуторов с фермами. Заключив договора о ненападении и сотрудничестве, мы оставили их в покое. В случае опасности они знали, как связаться с нами. Четыре десятка скитальцев попросились в Ковчег – они после пережитых лишений верили только в нас.

Новые союзники не сидели, сложа руки. Они уже обследовали Центральную Европу на сотни километров. Добытые ими сведения были печальными: шансов выжить там не было. То, чего не довершили землетрясения и цунами, сделали люди в погонах. В тот день мы с Максом окончательно убедились, что нет даже призрачной надежды на то, что кто-то из наших родных мог спастись.

Глава 34.

Наука, техника и дети.

2014, сентябрь, 29. Ковчег.

Эвакуированные с Урала специалисты быстро сошлись с профессором Леви и творческой молодёжью Ковчега. По возвращению с Республики, мы обнаружили рядом со школой новое большое здание. Над его входом я с замиранием сердца прочитал: Университет. А с пассажирского парома Республики, прибывшего с нами, выгружали вещи три десятка молодых людей – будущих студентов и двух преподавателей. Даже не успев зайти домой, я вместе с Сарой и Евой вошёл в здание.

- Они начали занятия первого сентября, как и мы, - сообщила дочка.

В аудиториях шли лекции, в прекрасно оборудованных лабораториях поделовому гудели приборы, молодые люди по-хозяйски распоряжались с аппаратурой неизвестного мне назначения. Профессор Леви только что освободился от группы студентов, пригласил нас в кабинет.

- У нас семьсот студентов, большой преподавательский состав. Двадцать молодых людей и учитель высшей математики прибыли с Прибежища.

Четыре десятка ребят прилетели с Урала, двенадцать – с Пижмы. Республиканцы обустроиваются в общежитии. Ожидаем полторы сотни новичков из альпийских колоний. У них высокий образовательный уровень, более десяти специалистов высокого класса. Нельзя терять время, очень недостаёт учебников, многие знания остались, так сказать, лишь в живых носителях. Миссис Ева читает лекции по специальности. Миссис Джейн ведёт небольшой курс будущих инженеров-механиков, мистер Гаусс читает навигацию. Специалисты, эвакуированные с Урала, уже строят первый искусственный спутник. Они ознакомились с нашими излучателями, мы объединили усилия, и в результате проект плазменного носителя близок к завершению. Исландские радисты в содружестве с Петром Ивановичем и Андреем строят аппаратуру для обеспечения радио и телевизионной космической связи. Работа кипит! У нас собрались самые талантливые и энергичные ребята. Они рожают такие идеи, что я, честно говоря, не всегда успеваю их оценить по достоинству. Вы только войдите в нашу виртуальную сеть! Один перечень обсуждаемых проектов занимает десятки страниц. У нас работы не на годы – на десятилетия. Вы знаете, я впервые в жизни чувствую себя счастливым человеком.

- Николай Николаевич был инициатором и создателем университета. Сколько сил и энергии он приложил! Ведь всё приходилось начинать с нуля, от фундамента до оборудования.

- Зато у нас сегодня, если не единственный, то лучший в мире университет. И самые талантливые и прилежные студенты, которых мне доводилось встречать. Этим ребятам по силам даже невозможное. А самое главное – они сразу переходят от слов к делу. В подвалах у нас оборудованы мастерские, в которых они пропадают дотемна. Оттуда выходят такие изделия, о которых даже фантасты не смели мечтать. Старшие школьники проводят здесь все вечера и выходные, принимают участие почти во всех проектах. В мастерских и на фабриках союзников тоже кипит работа, их молодёжь не хочет отставать, все работают на общий результат. Вам, Фёдор, скоро снова придётся вернуться на флот. Беспилотный воздушный разведчик уже проходит лётные испытания. Он будет работать в паре с космическим спутником. Летательный аппарат нового типа находится на завершающей стадии проекта. И никаких двигателей внутреннего сгорания, ребята обуздали беспроводную передачу электроэнергии по принципам великого Тесла. Со временем флот переведём тоже на электродвижение, это освободит вас от забот о горючем и обслуживании сложных дизелей. Компактные и лёгкие плазменные двигатели позволят летательным аппаратам находиться в воздухе столько и так далеко, сколько потребуется. Это позволит нам обследовать все уголки планеты, отыскать всех несчастных скитальцев и тех, кто сел им на шею. У Ковчега есть шанс стать самым сильным центром прогресса и справедливости на этой планете. А возможно, и не только на ней. И это всё – только по тематике, близкой к моей специальности. Остальное вы узнаете, включив домашний компьютер. Извините, но мне пора в лабораторию.

Я был потрясён. Знал, что молодёжь у нас энергичная и талантливая. Но в короткий срок организовать всё на таком высочайшем уровне,

добиться таких результатов – для этого надо быть профессором Леви. А ведь немолодой уже человек. Я не находил слов, чтобы выразить ему своё уважение.

- Не надо смотреть на меня, как на икону. Вы тоже фанатик своего дела, и позывной Чиф обозначает, что люди видят в вас главного. Тысячи людей в той или иной мере обязаны вам и вашим товарищам своими жизнями и условиями, созданными для них. Люди помнят добро, и нам просто стыдно работать в полсилы.

Да, время побежало! Через две недели всё население Ковчега собралось на аэродроме. На специальной площадке заканчивались приготовления к запуску первого после катастрофы искусственного спутника Земли. Компактная сигарообразная конструкция высотой в семь метров в нижней части заканчивалась несколькими раструбами плазменных двигателей. Ракета не нуждалась в гигантских топливных баках, рабочим телом ей послужит атмосферный воздух, а в космосе она будет маневрировать, используя магнитное поле планеты. Энергия будет поступать с электростанции Ковчега по беспроводному каналу. Мощная антенна космической связи уже была установлена и замаскирована на северной вершине. Центр управления расположился в здании университета, и на динамики шёл прямой репортаж.

- Внимание. Всем присутствующим просьба надеть солнцезащитные очки или отвернуться. До старта одна минута.

- Три, два, один, пуск!

Аппарат издал низкое гудение, под ним появилась раскалённая добела струя плазмы. Плавно, но с нарастающим ускорением он устремился в небо, через полминуты растаял в синеве.

- Шестьдесят секунд, полёт нормальный, высота сорок восемь тысяч, скорость одна шестая первой космической.

- Сто секунд, высота сто восемьдесят километров, аппарат на заданной орбите, приборы в норме.

- Двести секунд, панели открыты, приборы в норме. Внимание, на экранах – Земля!

Кто-то плакал, молодёжь ликовала. Меня терзали противоречивые чувства. Не прошло и двух лет! Лет, стоящих десятилетий непосильного труда, сражений и потерь. Горстка людей, переживших нечеловеческие муки. По крупицам собранная на обломках цивилизации. Смогли. Кто-то подхватил меня на руки, и вот мы уже взлетаем над ликующей толпой: Мари, Ева, Джейн, Макс, Петя, Ник и я. Вскоре к нам присоединяются мэр Ив и супруги Леви.

Через неделю на орбите уже было четыре спутника и один геостационарный, обеспечивающий непрерывную связь с ними и нашими союзниками. Связисты настроили свою аппаратуру так, что узконаправленные радиосигналы транслировались этим спутником на все наши радиостанции, обеспечивая практически закрытые и абсолютно надёжные каналы. Телескопы позволяли наблюдать поверхность планеты с разрешением, достаточным для обнаружения отдельного человека. В первые же сеансы наблюдения мы получили сведения о состоянии дел на Земле. Обстояли они плохо. Эпицентр

катастрофы был где-то в Южной Америке. Анды превратились в гигантскую цепь вулканов, города были стёрты буквально в порошок. Если даже удалось кому-то выжить, он был обречён на гибель от холода, пришедшего из Антарктиды вместе с Южным полюсом. Северной Америке досталось чуть легче, но люди в погонах расстарались вовсю, чтобы всё живое там узнало прелести ядерного ада. Датчики радиации зашкаливало на орбите. Австралия и Океания не подавали надежд на лучшее, как и почти вся Африка. Япония вместе с Курилами и Сахалином превратились в цепь вулканов. То же было на Камчатке. Азия южнее и восточнее Гималаев была мертва, а Якутию уже покрыли вечные снега Северного полюса. Перспективно выглядели Тибет, Памир, Алтай, Средняя Сибирь, Урал и Европа. И то лишь там, где не было крупных городов. Китай, Россия и Европа крепко пострадали от ядерных ударов. Индия и Пакистан довели давний конфликт до абсурда, оставив без населения и без того разрушенное северное побережье Индийского океана. Веками кровоточащая Африка лишь в северных горах мерцала редкими очагами. Готовясь к худшему, я взглянул на город на Неве. То, что от него осталось, впервые в жизни вызвало у меня сердечную боль. Я выключил компьютер и долго не мог подняться с кресла, уставившись в пустой экран.

Ева обняла сзади мои плечи, утёрла ладошкой мои глаза. Мы долго так молчали. В эти дни все люди ходили с опущенными глазами, не было слышно смеха, даже работы были отложены на несколько дней, всё валилось из рук. Мы уже многое повидали, но ТАКОЕ знание никто не мог перенести без слёз. Какой же выродок всё это устроил? Какой казни заслуживает это чудовище?

В Карпатах обнаружилось большое селение. Петра пригласили в центр управления полётами для перевода радиопередач, уловленных спутником из этого района. Я тоже слушал речь новоявленного гетмана украинского народа. Я всегда уважал наших южных братьев и презирал их самозванных вождей. Не повезло людям с самого начала, со дня объявления независимости Украины. Быстро перекрасившаяся в цвета "незалежности" коммунистическая верхушка принялась так лихо грабить собственный народ и державу, что не всякому оккупанту по плечу. Дешёвые марионетки западных банков продавали родину оптом и в розницу, исполняя мечты какого-то современного Гитлера, сделав нищими трудолюбивых и честных земляков на богатой и щедрой земле. Пан Якименко пересидел трудные времена в верховьях горной Тиссы, выполз на поверхность и решил, что настал его звёздный час. Киевские конкуренты признаков жизни не подавали, сама столица представляла собой гору обломков, смытую в Днепр после разрушения плотин водохранилищ и обильно излучающую рентгены. Сквозь маразмы о независимости и казачестве, в речах пана гетмана сквозила главная идея: собрать побольше подданных, чтобы обеспечить своё царствование по самому высшему разряду. Судя по передачам, ему удалось заманить около десяти тысяч людей. На космическом снимке селение напоминало Урал: укреплённый кремль с добротными домами и плебейская слободка вокруг. В долинах видны поля и пастбища, даже

какой-то заводик пыхтел трубой. Невдалеке – аэродром с несколькими самолётами и вертолётами. Возможно, даже "Руслан" смог бы там сесть.

- Я знаю этого типа, - сказал Петя. – Тоже депутат, один из самых лживых и жадных. Он скупил чуть ли не всё Закарпатье, горнолыжные курорты и минеральные лечебницы. Его презирали даже свои, эти хорьки в верхах.

Что ни депутат – то негодяй. Как будто их вырастили в одном гадюьем питомнике. Что с ними делать?

В Карпаты уже держит путь беспилотный воздушный разведчик. Тихоходная, почти прозрачная пластиковая машинка с трёхметровым размахом крыльев и электромотором, питаемым с Ковчега, управляется по спутниковому каналу и передаёт разведывательную информацию. Завтра она будет на месте, а пока её камера фиксирует грустную картину мёртвой Польши. В горах Словакии обнаружено небольшое поселение. Однако, чтобы обеспечить качественное наведение, беспилотника недостаточно. Более совершенный и мощный аппарат уже в разработке, но нам некогда ждать. Дальности "Чайки" не хватит. Молодёжь быстро находит решение. Надёжный мотор самолётика, выручавший нас с Хуаном столько раз, занимает место на полке ангара. Вместо него установлен мощный электродвигатель и специальная антенна – приёмник лучей Тесла, так называли систему передачи энергии без проводов. Испытываем новинку в воздухе. Станные ощущения. Облегчённая машина с нулём на указателе топлива отрывается от земли. Бесшумный двигатель даёт больше мощности, самолёт охотно выполняет пилотаж, прекрасно маневрирует на вертикалях. Как будто заново родился! Готовимся к дальнему перелёту, нам предстоит две промежуточные посадки для отдыха. Одна – на наше усмотрение, вторая – у обнаруженных словаков. Эти люди явно нуждаются в помощи. К счастью, в Прибежище нашёлся человек, знающий словацкий язык. Он написал обращение к своим землякам, его передали нам по телевидению. Петя обещает в скором времени наладить космический интернет, проект уже обсуждается в нашей сети.

Вылетаем. Предстоит путь в две тысячи километров. Приводняемся на балтийском побережье смытой Польши. Часик отдыха, обед. И вот уже своими глазами наблюдаем бесконечное тоскливое болото, бывшее когда-то чудесной страной с древними городами. К вечеру подходим к отмеченной точке. Посёлок в сорок домов оживает, нам энергично машут несколько десятков людей. Захожу на посадку в чистом уютном озере.

- Мы с Ковчега.

- Ковчег, Ковчег! – понеслось среди людей. Подошёл старший – крепкий бородатый дедок. Передаю ему письмо, он без очков громко зачитывает его землякам.

- У вас русское имя, Фёдор. Вы говорите по-русски?

- Конечно, отец. Я рад, что мы понимаем друг друга.

Они действительно бедствуют. В округе всё разрушено до основания, люди выживают натуральным хозяйством, нет самого необходимого, нет связи с остальным миром. Только приёмник, настроенный на волну Ковчега, питает надежду, да разглагольствования пана Якименко портят настроение. Через три часа самолёт Ковчега сбрасывает контейнеры с

гуманитарной помощью. Благодарные люди готовы целовать нам руки. Роскошный ужин накрывается прямо под небом.

- К нам прибились трое молодых украинцев. Они сбежали от этого князька, куда глаза глядят, долго скитались по горам, но не вернутся туда, ни за что.

- Пригласите их.

Скоро всё выясняется. Депутаты точно все из одного выводка. Их фантазия не уходит дальше собственного благополучия за чужой счёт. Почти копия владений покойного Сараева, маленький Гулаг после апокалипсиса. Недаром кто-то из Полярного Урала страдал ностальгией. Их надо просто уничтожать. Без жалости и эмоций. Как тупиковую ветвь человеческого рода.

Ночью вылетают самолёты союзников с десантом. Украинские ребята дали подробное описание селения, беспилотный разведчик сообщил точные координаты целей. Мы с Хуаном вылетаем за два часа до рассвета. Через час бесшумно обследуем местность. Дворец "правителя". Казарма. Две зенитных установки. Радары на вершине и на вышке аэродрома. Четыре укрепленных пункта. Наблюдательная вышка с фонарём, точно концлагерь. В километре – вход в бункер, там внешняя охрана. Набираю высоту.

- Чиф, я Монах. Пять минут до цели.

- Принято. Ковчег, картинка принята?

- Так точно, всё готово.

- Огонь!

С неба падает огненный дождь. Цели уничтожены, внизу паника, люди выбегают из домов. Десант высадился на соседнем склоне, быстро сгруппировался и стал спускаться. Со стороны поселения прозвучало несколько выстрелов, но наши снайперы быстро пресекли ретивых автоматчиков. Я парю в двух сотнях метров над долиной.

- Граждане! Это десант Ковчега! Вам не причинят зла, мы освободим вас от шайки дармоедов! – по-украински, голос Петра, усиленный мегафоном. Когда это он успел научиться прыгать с парашютом? Молодец, лично пришёл выручать земляков. Не устаёт повторять успокаивающие речи. Отряды вступают в город, население в первых лучах солнца начинает понимать, что это – не агрессия. Вижу несколько очагов в толпе: кого-то вяжут, а нескольких человек дружно избивают. Люди всегда знают своих "героев", и расправа с ними обычно быстра и жестока. Спецназ Вадима Лебедева захватил аэродром.

- Чиф, я Лебедь. Прошу на посадку!

- Принято.

Полоса достаточно длинная. Быстро сколачиваем примитивный землемерный инструмент, уточняем.

- Монах, я Чиф, полоса подходящая.

- Принято.

Три самолёта по очереди приземляются, отруливают в сторонку. Тесновато.

Всё повторяется в этом мире. На самолётах прибыли Максим с Юргеном, Педро Ибаррури, Эдуард Хайнц. Очень представительная делегация.

Выборы, обмен опытом и разговоры с людьми. Информацию о Ковчеге и Союзе не скроешь за колючей проволокой. Восстание зрело в рабочих кварталах, с гор спустились партизаны – два десятка беглецов от райской жизни пана Якименко, искавших людей и оружие для свержения новоявленного гетмана. Петя с бойцами выгружают аппаратуру, начальство ведёт важные переговоры, десантники патрулируют улицы во избежание беспорядков и ненужных жертв. Несколько соратников погибшего депутата болтаются на верёвках. Украинские и наши пилоты на четырёх трофейных вертолётах в несколько ходок перевозят словацкую общину. Им не выжить в одиночку, место там пустынное и бедное, а мелкие банды в горах не дают покоя. Кстати, по наводке беспилотного разведчика уничтожены три банды, жившие явно нетрудовыми доходами. Плазменный залп – и чьи-то жизнь и имущество спасены от их визита.

Карпатские товарищи щедро вознаградили освободителей. Два вертолёта грузятся в "Русланы" для Прибежища и Республики. Один Ан-24 с украинскими пилотами взял курс на Пижму – кажется, там обнаружили дальние родственники командира экипажа. Другой самолёт торжественно вручили десантникам Вадима. Украинцам остались по паре летательных аппаратов. База пана гетмана оказалась богатой, и начинать новую жизнь десяти тысячам людей было с чего. Немало доставили наши самолёты, отвозившие вертолёты по назначению. Мы с чистой совестью расставались с новыми друзьями. У людей появилось будущее, а у нас – новый верный союзник. Не до самостоятельности сейчас. Когда люди увидели кадры космических съёмок, то крепко задумались, как мало нас осталось на этой планете. Объединяться надо, а не слушать всяких мошенников. Молодость брала своё. Оказывается, в Ковчеге жило четверо украинских парней. Они были в первых рядах десанта вместе с Петей. И увозили с собой четверых гарных девчат. Их примеру последовали другие ребята, и три десятка украинских красавиц улетали на Ковчег, в Республику и Прибежище.

Перед самым отлётом пришла информация с Ковчега: беспилотный разведчик обнаружил в Карпатах несколько маленьких групп людей. Вертолёты доставили спасённых в Новую Украину. Так бесхитростно называли люди то, что удалось сохранить от большой родины. Сколько же ещё предстоит искать бедолаг, в одиночку или небольшими группами выживающих уже второй год. Радиоуправляемая машинка окупилась себя сторицей, вернув людям надежду, а может, и саму жизнь. Она планомерно прочёсывала большие территории. После старта с Ковчега, она только один раз была посажена на приютивший нас аэродром для осмотра, который показал полный порядок. Произведя профилактику, мы с Петей снова отправили её в полёт. Много зрителей наблюдало запуск игрушечного аппарата. На фоне гигантского "Руслана" это смотрелось весьма оригинально.

В гостях хорошо, но дома лучше. Мы с Хуаном возвращались своим ходом. Хотели по пути обследовать Чехию и центральную Германию, но уровень радиации не позволил. Как мы уже знали, заражение осталось не столько от бомбардировок, сколько от разрушенных реакторов и других ядерных и химических объектов, которых хватало у пустившейся

во все тяжкие цивилизации. Иногда с материка доносило зловещие тучи даже до Ковчега, и тогда дети не ходили в школу, а взрослые пользовались защитными средствами. Природа долго будет зализывать эти раны.

- Чиф Ковчегу!

- На связи.

- Важная информация. Какая высота полёта?

- Четыре тысячи футов.

- Автопилот включен? – голос отца Фёдора подозрительно озабочен.

- Так точно.

- Фёдор, ты там не свались в штопор. Поздравляю тебя с рождением сына!

- Спасибо, дорогой! Как Ева?

- Берта вторую неделю у нас, всё в порядке. Позавчера она приняла девочку у Джейн. Ваня Грозный тоже стал папашей, вы так дружно взялись за пополнение – молодцы. С мамами всё хорошо, детки здоровы. В добрый час!

- В добрый час, дружище. Ночью полагаем быть на месте.

- Конец связи.

Хуан счастлив лично поздравить меня первым, жмёт руку. На радостях делаю несколько фигур в воздухе, выбираем самый короткий путь домой. Какой там отдых! Благо, дозаправки не нужны, машина в порядке. Полный вперёд!

Крошечное существо посапывает в детской кроватке. Ева серьёзна и прекрасна в своём материнстве. Сара не может отойти, ей так хочется поиграть с братиком. Ник Шепард поставил букет в огромную вазу, уже полную цветов. Любуется крестником. Я знаю, что он подарит ему всю свою нерастраченную любовь. Но Берта выгоняет нас из палаты. Пока она что-то рассказывает Еве, мы безнаказанно навещаем Джейн с малышкой. Моя коллега расплылась в счастливой улыбке, гордо прижимает к сердцу маленький комочек. Ник утёр набежавшую слезу и поцеловал её ручку. Им есть, что вспомнить. Цветущий Петя ждёт нас в холле. Мари тоже здесь, Макс бросил все дела и в волнении топчется под окнами – его не пускают к жене. Алина с мальчиком уже выписались, и Ваня Грозной попросил отпуск. Все вместе идём поздравлять молодое семейство. Там уже собрались моряки, отец Фёдор и Виктор Иванович с Вадимом. Чтобы не волновать Алину и сына, уводим компанию в ресторан. Такое событие следует отметить! В разгар застолья динамик сообщает о рождении сына командера Соломонова. Зал поднимает тосты за моего капитана, а сам виновник на всех парах убегает в родильное отделение.

- Буду крестить ваших детей всех вместе, иначе придётся бросать лётную работу. За этот месяц – седьмой младенец в Ковчеге.

- Святой отец, я мечтаю о том дне, когда вы сможете полностью посвятить себя духовной службе.

- Боюсь, нескоро настанет этот день. Но будем стремиться.

- А что это за аппарат привезли сегодня на аэродром? Ни на что не похож, – задал вопрос другой подполковник.

- Вам с отцом Фёдором предстоит испытать его в воздухе. Это пробная модель аппарата вертикального взлёта на плазменных двигателях, - Петя, как всегда, в курсе всех новинок.

- Так что мы здесь делаем?!

На джипах мчимся к лётному полю. Курсанты и пилоты уже обступили новую игрушку. Двухместная машина радует глаз стремительными обводами, просторной кабиной с прекрасным обзором. Маленькие крылья и символическое оперение порождают воспоминание о космических шаттлах.

- В космос ещё рановато, хотя теоретически – дотянет. Для стратосферы всё предусмотрено. Скорость в три Маха ограничена только прочностью конструкции, - объясняет один из создателей этого чуда, давний мой знакомый специалист по прочности.

- Сегодня мы закончим все проверки и подготовку, а завтра можно будет произвести пробные полёты. Надеюсь, вам хватит времени на изучение документации?

Старые асы уже в кабине, у меня не хватило наглости самому забраться раньше их в мой самолёт. Что он будет моим, я не позволю усомниться даже Максиму. Приборная панель почти не отличается от старой на "Чайке". Разве что добавилось несколько дисплеев и рычагов управления, а на циферблатах приборов – фантастические значения. Изучаем устройство на месте под руководством создателей. Плазменные двигатели с переменным вектором тяги позволят машине занимать в пространстве такое положение, какое пожелает пилот, выполнять фигуры, не предусмотренные аэродинамическими рулями. Даже вертолёт не сможет тягаться с ней в маневренности, а догнать её в стратосфере возьмётся не каждая ракета. Прав был профессор: Ковчег станет непобедимым!

На рассвете весь лётный и технический состав уже на поле. Мэтры занимают места в креслах. Последние наставления инженеров – и прозрачный фонарь плавно закрывается. Низкий гул двигателей не может соперничать по шуму с работающей на краю полосы бетономешалкой. Слегка покачиваясь, аппарат плавно отделился от земли, завис в метре над ней. Повёл носом влево, вправо, изменил тангаж, покачал крылышками. Всё в норме. Медленно тронулся вдоль полосы. Стоп. Задний ход! У лётчиков глаза поползли на лоб! Поднимается выше, убрал шасси. И вдруг сорвался с места, устремился в сторону утренней зари!

Старые черти. Я знал, что не выдержат искушения.

Заложив вираж вокруг северной вершины, кораблик просвистел над аэродромом, выполнил крутую горку, восходящую бочку и застыл над нашими головами. Через минуту мы увидели счастливые лица пилотов.

- Где главный конструктор? – строго спросил отец Фёдор, вылезая из кабины. Подошёл, краснея, парень лет тридцати.

- Что-то не так?

- Абсолютно не так! Таких аппаратов мир ещё не видел. Ты гений, парень! Вся ваша команда – гении! Я впервые в жизни почувствовал

себя птицей. Хотя летаю дольше, чем ты прожил на белом свете. Спасибо, дорогой.

И ветеран крепко, по-русски расцеловал молодого человека.

- За месяц я берусь обкатать эту птичку по полной программе и обучить всех курсантов, включая разведку – он подмигнул в нашу с Хуаном сторону. Эскадрилья таких самолётов разгонит полк современных истребителей. Какой его вес?

- Три тонны без экипажа и вооружения.

- Вооружение?

- Автоматическая пушка 20 миллиметров в нижней передней части. Возможна подвеска двух ракет ближнего боя.

- Дальность?

- Не ограничена.

- Судя по герметичной кабине и кислородному оборудованию, высота тоже не ограничена?

- Сорок-пятьдесят тысяч метров. Расчётная. Практический потолок будем определять в ходе испытаний.

- Больше вопросов не имею. Фёдор, садись в левое кресло. Тут почти так же просто, как на твоём аэроплане.

Напору этого человека не мог противостоять никто, а мои руки и без того чесались. Разбираемся с рычагами, и я поднимаю машину в воздух. Всё управление подчиняется компьютеру, мне только нужно выбрать желаемое положение самолёта, воздействуя на штурвал и вспомогательные органы. Тело вжимает в спинку кресла, когда мы с места стартуем в разгон с набором высоты. Выполняю несколько разворотов, нехитрые фигуры. Даже "Чайке" не сравниться по маневренности! Звука двигателей почти не слышно, только рёв обтекающего воздуха, когда на высоте трёх тысяч метров мы разгоняемся почти до скорости звука. Вот это машина! Аккуратно садимся. Мне не хочется покидать кабину.

Глава 35.

Уютное гнёздышко.

2014, ноябрь, 08. Алтай.

Время летело со скоростью "Сокола", а уж он-то умел перемещаться быстро! Испытания нового самолёта заняли месяц. Опытные пилоты "выжали" из конструкторов всё, что могли, и даже немного больше. На высоте двадцать тысяч метров аппарат покорил рубеж в четыре тысячи километров в час. В самые высоты стратосферы мы не стремились, но на высоте шестидесяти километров до нас побывало очень мало людей, ещё меньше их оттуда вернулись живыми. Я увидел звёзды при солнечном свете, Земля действительно оказалась круглой. Новые приборы космической навигации и наведения оружия с точностью до метров позволяли определить наше место и точки прицеливания. На закуску, воздушные волки здорово погоняли меня на двух истребителях в учебном бою, но вынуждены были признать, что тягаться с такой машиной, даже с моим мизерным опытом, им очень трудно.

Мы с Хуаном готовились к дальнему перелёту. Спутник зафиксировал населённый пункт в пустынных горах Алтая. Там был настоящий город с аэродромом, на котором базировалось несколько самолётов разных типов, вертолёты. С космоса пришли снимки обширных полей и техники на них. Такой крупной колонии мы ещё не встречали. Следовало поближе познакомиться с её жителями. "Сокол" легко прыгнул на пятиметровую высоту, затем с ускорением и набором устремился на юго-восток. Земля резко проваливалась вниз, вот она уже окуталась синеватой дымкой. Без малого пять тысяч километров мы покорили за пару часов. За двести километров до цели снижаемся и сбавляем скорость. Над горами – ночь. Радарного излучения нет. Можно подойти поближе. Город ярко освещён. Удивительно, они никого не опасаются? Так уверены в своих силах, или ни разу не пуганные за всё время? Делаем несколько проходов. В центре – несколько крупных зданий. Жилые дома двух или трёх этажей. Много автотранспорта припарковано на улицах, несколько грузовиков что-то развозят по городу. Шесть построек явно производственного назначения. Аэродром на некотором отдалении. Группа огней в двух километрах, на пологом склоне огромной сопки. Похоже, там входы в бункеры. Укрепления и огневые точки если и есть, то хорошо замаскированы. Идиллия, как будто вернулись в безоблачное прошлое. Присмотрели удобную вершину в пяти километрах, производим посадку среди кустарника, маскируем машину. Доклад на Ковчег. Мы с Хуаном – "совы", так что вопрос ночного дежурства разыгрываем на пальцах. Он почти всегда выигрывает. Но и мне не спится. Гоняю всечастотный сканер радио эфира в надежде послушать местные новости. Перед рассветом моё любопытство удовлетворено переговорами вылетающего на Таймыр самолёта с диспетчером. Самолёт ложится на курс, по его докладам отмечаю на карте маршрут. Ему понадобится часа три. Думаю, стоит проследить, к кому он направляется. Ковчег даёт добро. Сигналы наземного радара вскоре смолкают, и мы, обогнув город за сопками, догоняем лайнер, ориентируясь по инверсионному следу. Держусь в его задней полусфере на пару тысяч метров выше. Через час полёта земля внизу белеет. Да, это вам не субтропики Норвегии, здесь уже зима!

- Крепость, я Уют, борт один.

- На связи!

- Десять минут лёта до вас, начинаю снижение. Прошу наведение.

- Включаем. Погода безветренная, давление семьсот пятьдесят шесть, минус девять, видимость пять.

Пора уходить со сцены, пищит индикатор радара. Резко пикирую без страха за наши уши – герметичная кабина здорово облегчила нашу жизнь.

- Первый, вы там ничего не уронили? Мелькнуло что-то на радаре.

- Нет, всё на месте. Помехи. Прошу посадку с ходу.

- Добро.

Не выпуская самолёт из виду, мы крадёмся над крутыми высокими скалами. Километров триста восточнее Норильска. Этот город разрушен до основания, я помню снимки из космоса. О дикой красоте местных гор и озёр я когда-то читал, и вот она перед нашими глазами. Суровые

места. Дивизию можно спрятать. Зависнув между скал, наблюдаем посадку. Полоса хорошо замаскирована на небольшом плато. Самолёт выруливает с неё на площадку, укрытую маскировочной сетью. Чувствуется профессиональная организация. Хуан переключает каналы сканера, выводит в наушники переговоры.

- Уют, я Крепость.

- На связи!

- Борт первый произвёл посадку. Всё в порядке. Спасибо за доставку и смену, через два часа он вылетит обратно.

- Принято. Конец связи.

В бинокли наблюдаем выгрузку семи десятков пассажиров в военной форме и нескольких грузовых контейнеров. Вскоре такая же партия людей и грузов доставляется к самолёту, и он выруливает на взлёт. Смена вахты на каком-то объекте с угрожающим названием Крепость. Прибывшие исчезают под козырьком скалы. Навидались мы бункеров. Хотя замаскировано здесь, в пример другим, хорошо. Дождавшись, когда умолкнет радар, обгоняем самолёт и незаметно занимаем прежнюю позицию. Город ожил. Снуют машины, люди торопятся по делам. Мирные будни! Что же меня настораживает? Надо советоваться с начальством. Особо оригинальных идей нет. Многие склоняются к мысли уничтожить бункер, а там видно будет. Но Макс возражает: это против наших лозунгов. Агрессии против Союза Крепость не проявляла, мы о ней ничего не знаем. В городе не наблюдаются нарушения прав граждан, идёт размеренная работа, никого не стегают нагайкой и не расстреливают в скалах. Надо пытаться решить вопрос мирным путём. Пойдёт что-то не так – у нас есть, чем усмирить противника. На том и решили. В багажном отсеке "Сокола", где спокойно могут разместиться двое взрослых, упакованы несколько ретрансляторов. Сигнал с Ковчега передаётся через спутник на это устройство, затем уходит в эфир на стандартных волнах. Принятый ответ тоже через спутник попадает на базу. Чтобы никто не мог запеленговать наш передатчик. Компактное устройство очередным рейсом на Таймыр мы доставили к вечеру и установили в малодоступной местности. Сами сместились на шесть километров и заняли позицию для наблюдения. Макс вступает в переговоры на русском языке:

- Крепость на Таймыре, вас вызывает Ковчег!

Несколько минут тишины.

- Крепость на связи. Коммандер Соломонов, рады вас слышать. Ваши передачи очень популярны, Ковчегу есть, чем гордиться.

- С кем имею честь вести переговоры?

- Генерал-майор Васильев. Как это вы успели добраться в нашу глухомань? Ваши намерения?

- Генерал, скажу вам честно. Не знаем, как с вами обращаться. Мы знаем только то, что ваш бункер существует. Агрессии против Союза вы не проявляете. Явных нарушений прав человека за вами не замечено. Но само наличие откровенно военного бункера настораживает. Не желаете ли объясниться?

- Максим Николаевич. У каждого свой путь. Если я предложу вам следовать своей дорогой и не мешать друг другу? Мы знаем координаты Ковчега и ваших союзников и обладаем серьёзными аргументами превентивного давления. У вас они тоже имеются. Стоит ли начинать всё сначала? Может, дадим людям спокойно пожить? Их осталось и так совсем мало.

- Я понял так, что никакие контакты с Союзом вас не интересуют?

- Можно было бы установить обмен информацией в глобальных вопросах, метеорологических и радиологических наблюдениями. Обговорить транзитные маршруты летательных аппаратов. Но самое первое – разграничить зоны влияния.

- Эти зоны находятся в пределах Евразии. Мы получили достаточно полную картину глобальной катастрофы. Другие регионы очень нескоро станут пригодными для жизни. Нам придётся делить сравнительно небольшие территории, рано или поздно может возникнуть конфликт. Не проще ли объединиться и решать проблемы мирным путём? У вас свои ресурсы, у нас другие. Мы никому не навязываем свой образ жизни, если вы внимательно слушаете наше радио. Многие союзники строят свои собственные отношения, но в случае возникновения угрозы, объединёнными силами её устраняем. Это касается не только военной, а в первую очередь гуманитарной поддержки.

- Мы обсуждали этот вариант. По некоторым причинам он нас не устраивает. Предлагаем, как говорили раньше, мирное сосуществование.

- Я хорошо помню те времена. Это была не жизнь, а именно существование. Вы сами говорите, что люди хотят просто жить и трудиться, а не заниматься постоянной подготовкой к войне. В этом случае она становится просто неизбежной. Результатов такой политики все мы насмотрелись в последние два года. На сегодняшний день мы с вами представляем две едва не самые крупные силы на планете. Пытаясь сохранить тайну, боюсь, достаточно серьёзную и не вашу, вы противопоставляете себя тем, кто строит новую жизнь без оглядки на обладателя ваших секретов. Никому из нас это не нравится, и от этого отношения будут только ухудшаться. Наши руководители не могут себе позволить настолько опасную ситуацию. Время тех, кто решает наши судьбы за нашей спиной – прошло. И мы готовы доказать это всей своей мощью.

- Знаете, Максим Николаевич, какие мощности ещё неизвестны вам и вашей разведке? Я приоткрою вам этот ящик Пандоры. На планете осталось много из того, что раньше называлось государствами. В законсервированных бункерах, под водой, в убежищах для многотысячного персонала. Пройдёт немного времени – и эти силы начнут шевелить своими мышцами. И только от их первых шевелений вся ваша робингудовская братия рассыплется в пыль.

- Это мы тоже слышали. К сожалению, предыдущие ораторы не смогут поделиться с вами воспоминаниями о результатах таких речей. Если уж вы твёрдо решили хранить верность так называемым государственным деятелям – эвакуируйте воинский гарнизон из Алтая в Крепость для ведения вашей войны. Город Уют заслуживает лучшей участи, чем бомбардировка нашим оружием. Пусть его граждане сами изберут свой

путь. Не можете отказаться от ваших идеалов – следуйте им. Держать в заложниках тысячи невинных людей – не по-солдатски, генерал.

- Значит, и туда вы успели сунуть свой нос. Обговорим и эту тему. Одну минуту, не выключайте связь.

- Чиф, смотрите!

Я тронул рули, и "Сокол" поднялся над вершиной скалы. В горе, скрывавшей бункер, открывался огромный люк ракетной шахты.

- Хуан, картинку! Ковчег, готовится к запуску баллистическая ракета. Тревога!

- Картинку держим, Чиф!

Запищал сигнал радарного облучения. Я на бреющем повёл машину между каменными громадами. А вдруг ракета не одна? Так и есть! Ещё два люка отползали от чёрных дыр, увлекая за собой камни и растительность, маскировавшие их до поры. Хуан мгновенно откорректировал электронный планшет.

- Чиф, укройтесь за скалами, через тридцать секунд – залп!

- Принято.

Ныряем в каменный распадок. Таких мощных взрывов я не слышал никогда. Ещё! Ещё. Только благодаря беспримерной лёгкости и мощности двигателей "Сокол" удержался в воздухе. Я взвился над горами. Сопка превратилась в вулкан. Чудовищное пламя закручивалось вихрем, уходящим в самое небо.

- Включить активный поиск!

На максимальной перегрузке облетаем восходящей спиралью страшное пожарище. Так и есть, одна ракета уже чертит чёрный след в зените.

- Ковчег, новая цель!

- Ведём! Залп!

Я ещё не видел в действии установку главного калибра Ковчега. Гигантский огненный метеор ударил в ракету. Белая вспышка – и небо очистилось.

- Чиф, освободить воздушное пространство в радиусе десяти миль от объекта!

- Принято!

Издалека наблюдаем катаклизм. Иначе нельзя назвать то, что происходит на бедной сопке. Кажется, она сгорает, как спичечная головка. Сначала ярко пылала, затем обуглилась, а потом провалилась между скал. Огромный дымящийся кратер издавал такой жар, что мне пришлось уйти ещё дальше и выше.

- Ещё немного, и мы сожжём всю планету, - голос Хуана дрожит.

- Снимай на камеру.

- Я давно её включил.

- Ковчег, я Чиф. Цель гарантированно поражена. Эфир чист.

- Принято. Следовать на Уют.

- Есть.

- Хуан, скопируй запись на мобильный носитель, пока будем в пути.

Сегодня мы бьём рекорды дальности полёта. Четвёртый перелёт. Прибыли поздним вечером. Город живёт вечерней жизнью. Похоже, они

ещё не знают об участии бункера. Вот и хорошо. Проплываем над центром Уюта. Оставляем несколько "сувениров" на высотных зданиях и башнях. Действительно, уютное местечко. А не навестить ли нам его?

- Дай-ка флэшку с записью.
- Пожалуйста.
- Я на минутку заскочу в бар, не глуши мотор.
- Вы с ума сошли?
- Площадь пустынная, поднимешься на пять метров и ожидаешь меня. В случае осложнений – поддержишь пушкой или уходишь.
- Опять влетит, Чиф!
- Скажешь, что я пивка решил попить. Выполнять.
- Есть.

"Сокол" зависает над площадью. Редкие прохожие удивлённо рассматривают диковинную машину. Захожу в бар. Зал почти полон, на меня не обращают внимания. Хорошее пиво, люблю этот напиток с курсантских лет. Протягиваю бармену запись:

- Дружище, привет с Ковчега. Покажи людям фильм, как сегодня сгорел бункер по имени Крепость. Пусть все подумают и решат – они с нами, или против нас? Завтра мы свяжемся с руководством.

Служитель стойки не понимает. Сую ему в руку носитель, отхожу ближе к выходу.

- Господа, прошу вашего внимания! Сегодня днём подземный бункер Крепость во главе с генералом Васильевым совершил попытку ракетно-ядерного удара по известной вам вольной колонии Ковчег. Бункер уничтожен. Кинофильм об этом событии вам сейчас продемонстрирует бармен. Подумайте, что вас больше устраивает – идти за такими авантюристами, как покойный генерал, или присоединиться к Союзу свободных людей? Мы с радостью примем в наше общество ваш прекрасный город. Привет вам всем от жителей Ковчега!

Ревизор. Немая сцена. Пользуясь замешательством, гордо удаляюсь, еле сдерживая ноги, рвущиеся перейти на бег. Делаю ручкой Хуану, словно загулявший пассажир такси. Машина подана. Помахав зрителям, плавно отбываем в тёмное небо. Занавес.

- Я Чиф. Прошу Ковчег.
- На связи.
- Видеозапись гибели Крепости передал жителям Уюта. Ретранслятор установлен в зоне прямой видимости города. Продолжаю наблюдение.
- Принято. Как вам удалось?
- Высадился на улице и вручил публике ближайшего бара с краткой речью.
- Вы авантюрист, мистер Фэд.
- У вас есть более подходящий план?
- Отдыхайте до утра. Уйдите подальше от города. Самолёты прибудут завтра.
- Принято.

Хочется полюбоваться результатом сольного выступления. Минут десять всё спокойно. Затем к бару подлетают сразу два военных джипа, люди в

форме блокируют площадь. Посетителей и служащих бара выводят и грузят в подъехавший автобус. Как была наша родина государством сексотов, так и осталась. А мы им про свободу. Грустно. Включились сразу два радара. По нашу душу, надо линять. Ложбинками и распадами уходим в далёкие поросшие лесом сопки. Пора отдохнуть.

На рассвете начинается облава. Шесть вертолётов и четыре самолёта планомерно ведут поиски вашего покорного слуги и его оруженосца. Слава Богу, истребителей не видать. Или ждут, когда появимся? На бешеной скорости проскакиваю мимо одного из вертолётов и, едва не цепляясь за вершины, убегаю сначала далеко на юг, потом, сделав заячью петлю, на север. Прячусь в каких-то зарослях километрах в двадцати от города. Поисковики приземляются. На их волне и появляется голос Максима:

- Внимание, Уют. В эфире Ковчег. Сообщите частоту для связи с вашим руководством. Дело чрезвычайной важности.

Через несколько минут связь установлена. Максим излагает тезисы вчерашней беседы с генералом.

- С кем я разговариваю?

- Полковник Шемякин.

- Надеюсь, видеозапись происшествия вы уже просмотрели. Это не угроза. Это лишь демонстрация того, что случается с теми, кто угрожает нам. Мы никого ни в чём не обвиняем и не выставаем никаких претензий. Мы снова предлагаем вам дружбу. Жители города должны сами выбрать свой путь.

- Они его уже выбрали. Мы два года прожили без вас, и дальше проживём.

- Это мнение жителей, или ваше личное?

- Послушайте, какое ваше дело? Что вы лезете со своими коммунистическими утопиями со своей Скандинавии? Вас никто не трогает – не трогайте и вы нас. Уж как-нибудь проживём без ваших подачек.

- Проблема в том, что вы знаете о Скандинавии. В том, что вы не идёте на установление хотя бы формального договора о дружественных отношениях. Это предполагает готовность в любой момент нанести нам удар. Мы не привыкли оставлять за спиной таких партнёров. Мы добиваемся гарантированной безопасности колоний Союза. И мы её добьёмся.

- Вы даже не знаете, куда вы вторгаетесь! Задействованы такие силы, что от вас не останется мокрого места!

- Я имею основания считать, что всё население планеты на сегодняшний день не превышает десяти миллионов человек. Из них девять – влачат полуголодное существование, даже не подозревая о ваших таинственных силах. Ваши вожди, укрывающиеся второй год в бункерах, пусть даже с ядерным оружием и тысячными армиями, просто боятся вылезти наружу. Там их поджидает радиация или отчаявшиеся люди, которые в лучшем случае заставят поделиться всем необходимым. На тушёнке долго не протянешь. Значит, им нужны селения, подобные вашему. Поверьте моему опыту: люди больше не желают кормить этих

крыс. И они с готовностью вешают и топят тех, кто пытается им это навязать. Сделаем вывод. Люди – это всё. А ваши начальники, при всех запасах и чемоданах с золотом – ничто. После минувших событий здравомыслящий человек не позволит снова посадить себе на шею тех, кто виноват в его бедах. Наверняка у вас есть личный интерес в этом деле. И планы по его достижению. Вы не на тех поставили, полковник. Они снова отсилятся в своих норах. А вы подставите под смертельную угрозу тысячи людей. И тем самым повяжете на свою шею пеньковый галстук. Так было уже много раз. И так будет всегда.

- Я не желаю с вами разговаривать на эту тему.

- Вам придётся разговаривать с вашими людьми.

- Только их забыли спросить... Что?! Убрать! Очистить улицы!

И пошел в эфир нецензурный жаргон. Полковник забыл выключить микрофон. Было отчего. Вчера, путешествуя над крышами города, я установил радиоприёмники с мощными динамиками в очень недоступных местах. А сегодня весь город внимательно слушал переговоры. Гласность, провозглашённую пятнистым предателем, никто не отменял.

На улицах творились беспорядки. Население собиралось в толпы. Зазвенело битое стекло. Потёк первый разбитый нос. Появились военные с оружием. Вот уже пролилась первая кровь. Такие события развиваются от плохого к худшему. В воздух поднялся вертолёт. Он направился в сторону центра, где было жарче всего.

- Хуан, картинку!

- Есть!

- Ковчег, по вертолёту, пли!

Огненный шар не дал упасть на землю даже обломкам.

Следующий вертолёт, уже готовый взлетать, постигла та же участь. Экипажи остальных машин, пригибаясь и оглядываясь, бросились в укрытие. Со стороны бункеров двигалась колонна автомобилей с солдатами, бронетехника. Жалко служивых, но воевать надо ЗА народ, а не против него. Смерть их была не лёгкой, но быстрой. Следующий удар мы нанесли по сооружениям казарм и укреплениям на входе в бункеры. Ликвидировали два радара. "Сокол", как рефери, висел над городом. Хуан вёл съёмку. На улице появились два автобуса, набитые бойцами в чёрном. Плазма тут опасна. Мой самолёт занимает позицию. Две очереди из пушки. Не надо мешать людям жить. Ага, вот и показали стволы замаскированные над бункерами пушки укреплений. Четыре длинных дула начали разворачиваться в сторону города. Вот как вы защищать народ собирались. Оплавленные капли металла поплыли по скалам. Ворота бункера стали медленно закрываться. Это хорошо. Толпа в горячке творит самосуд. А мистер Ник с коллегами произведут следствие. Всё будет по процедуре. И виселица тоже.

- Чиф, я Монах. Десять минут до цели. Обеспечьте посадку.

- Принято.

"Сокол" метнулся к аэродрому. Приказав Хуану контролировать обстановку, я куском найденной проволоки завязал двери здания, в котором укрылся персонал. Прикладом разбил окно:

- Братва! Кто сунется на выход – там мины! И моя пушка. Сидите тихо, авось, пронесёт.

Зависаем над стоянкой вертолётов. В городе пошло на убыль. Рядом никого. Четыре самолёта союзников садятся с ходу. Десант развёртывается, как на учениях. Два бронетранспортёра. Подполковники со своими спецами быстро осматривают вертолёты на поле, поднимают их в воздух, зависают рядом со мной. Ник Шепард в составе головорезов Лебедева направился к воротам бункера. Труды наши тяжкие.

Мы не пошли в город. Не следует дразнить разгорячённых людей. После взрыва у ворот подземелья, в городе стало тихо. Из-под земли донеслось несколько очередей. Ребята знают своё дело. Через полчаса пятеро лампасников и какой-то плюгавый тип в мятом костюме предстали перед следствием. Наконец обнимаюсь с друзьями.

- Мистер Фэд. За образцовое проведение операции вы и мистер Оливера представлены к очередным званиям и наградам, - по секрету сообщает мне один из них.

- Уши бы тебе надрать, старый разгильдяй, - мечтает другой. Пойди, пойми это начальство. Набрался у Мари всяких замашек. Сыну своему будете драть. Бедный ребёнок.

Через два часа население Уюта собралось на центральной площади. Мне уже это не интересно. Отвожу мистера Шепарда в сторонку:

- Что нового в крысином царстве?

- Работы предстоит много. Даже мне, при всей любви к профессии, становится не по себе. Этот, в пиджаке, знаете кто? Помощник вашего Президента. Нет, шеф погиб в самолёте, его слишком поздно эвакуировали. Думаю, тут кто-то из таких помощников приложил руку. Решил сам прибрать всё под себя. В сотне километров отсюда был муравейник "выживальцев" на несколько тысяч семей. А в этом бункере – логово Самого. Там царские условия. Для избранных. Но этот прыщ всех сумел обойти. Кроме того, здесь были огромные склады имущества и продовольствия. На их основе и был построен город, а "выживальцам" предоставлены, в общем-то, приличные условия. Гарнизон был укрыт на Таймыре. Они не участвовали в бойне, не высывались, пока их не позвали. Они были нужны для будущих свершений. Для установления "законной власти". У меня список ещё четырёх выживших гарнизонов. И другой список. Координаты укрытий президентов или премьеров нескольких стран. О степени их сохранности наш корреспондент не знает, но проверить надо каждый, и очень тщательно. Фэд, мы добрались уже почти до самой пенки. Это единственные реально опасные враги Союза. В их кругах вращался тот, кто всё это сотворил. Если я приведу его на эшафот – моя жизнь будет прожита не зря. Я это сделаю.

Глава 36.

Московский метрополитен.

2014, декабрь, 13. Россия.

Над Ковчегом повисли облака, падал лёгкий снежок. Вторая годовщина трагедии. Город притих, только из храма отца Фёдора доносилось печальное пение. Здание строилось по особому проекту. Уважая все вероисповедания, никому не отдавая предпочтение. Думаю, какой-нибудь православный архиерей крепко взгрел бы вольнодумца-лётчика, увидев такой храм. Зато каждый пришедший мог найти здесь свою икону или другую святыню, а заодно и облегчить душу молитвой или беседой со священником. Невзирая на страшную занятость с курсантами и боевую работу, тот всегда находил время для любого человека. Крестины наших детей он провёл, словно боевой инструктаж. Для него не было разницы, кто из нас протестант, православный или лютеранин. Даже атеист затесался.

- В единого Бога веруем, дети мои. Нарекаю раба Божьего...

Нашего сына мы с Евой решили назвать Дмитрием. Максим с Мари избрали имя Юрий. Петя уступил Джейн, и наполовину украинская девочка получила имя Элизабет. Ваня с Алиной нарекли первенца Джузеппе. Джейн была очень польщена нашим предложением стать крёстной родительницей Дмитрию вместе с Ником Шепардом. Ева очень рада, она хранила к нашим кумовьям трепетное и сердечное отношение.

- Фэд. Не знаю, как начать разговор. Многие сочли бы это кликушеством или дурной приметой. Но, во имя всех наших детей... - в его взгляде страдание и какая-то детская тоска. Нет ничего более мучительного для меня - видеть такие глаза друга. Он счастлив в новой семье, безумно любит малыша Юру. Но боль по первенцу не притупились. Даже всемогущее время не может унять эту боль.

- Брат, не надо слов. Я только ждал, когда ты сам предложишь. Согласен.

Долго молчим, обнявшись. Одним крёстником у меня, атеиста, стало больше.

Теперь мы часто виделись с друзьями, прогуливаясь с колясками. Вернее, наши жёны. Мы же встречались в штабах, на кораблях или в тренировочных воздушных боях. Когда мне было недосуг, под пресс летающего священника попадал Хуан. Старый забияка гонял его по небу до седьмого пота:

- Не успокоюсь, пока ты меня не одолеешь на такой машине. Ты должен летать лучше, чем твой престарелый командир. Кто его выручит в сражении?

Хуану довольно часто приходилось вылетать на эвакуацию скитальцев. Уже два беспилотных аппарата неделями прочёсывали обширные территории. На "Чайке" или "Соколе" - в зависимости от расстояния - парень за полтора месяца доставил в Ковчег сорок восемь человек. С ними работали разведчики мистера Шепарда, и лишь после длительной проверки люди вливались в наше общество. Сбоев пока не было, но и лишнего первое время им старались не показывать.

Боевой аппарат на плазменной тяге уже строился в подвалах университета и цехах заводов союзников. Без кооперации такие проекты осуществить одному Ковчегу не по силам. Когда этот монстр появится в небе, аэродинамическую боевую авиацию можно с чистой совестью

списывать в утиль. Джон в мое отсутствие с тяжким вздохом садился в правое кресло "Сокола" и брал у Хуана уроки вождения. К помощнику у отца Фёдора не было никакого милосердия. И только зависть товарищей к оказанной чести быть вторым у самого Монаха удерживала парня от дезертирства. Молодые пилоты подружились семьями.

Мы набирались сил. По случаю рождения ребёнка Джейн временно отошла от дел. Назначенный стармехом на "Европу" немец Томас Уде справлялся хорошо, но первое время нуждался в некоторой опеке. Мне пришлось взять шефство над группой будущих коллег в университете. Надо же отдать долг флоту, если самого унесло в небо. Вместе с курсантами и экипажем Вани Грозного мы приступили к переоборудованию "Америки" на электрическое движение. Катер не был рассчитан на длительное плавание, и постоянные пополнения запасов топлива стали проклятием для экипажа. Кроме того, лучи Тесла освобождали приличный вес и объём, дефицитные на маленьком корабле. Сара требовала внимания. С появлением младенца, у Евы стало меньше времени на воспитание дочки. Приходилось отдуваться мне. А хитрый подросток желал от меня одного – летать. Сначала я просто отдыхал, катаясь с ней на "Чайке". Но этот чертёнок подружился с дядей Фёдором, а тот кое-что ей показал в воздухе. И вместо отдыха я получил комплекс пилотажа юного истребителя. Когда-нибудь я не выдержу, я его так раздолбаю! В общем, отдых удался.

Я встретил Ника рано утром на "Европе". Он изучал крупномасштабную карту Новой Земли.

- Мистер Шепард, мы там столько шуму наделали, что ещё можно искать в этих краях?

- Приборы зафиксировали надувную лодку в районе нашей базы. Мне доложили разведчики. Три человека в военно-морской форме России. Я уже говорил вам, что президентский резерв имеет приказ не вступать не то, что в конфликт, но даже в контакт. Их бункер – на восточной части острова, в шестидесяти милях от нашего. Они – самый ближний к нам противник. Лодка до сих пор там. Возможно, у них проблемы с припасами. Два года под землёй – большой срок.

- А давайте я слетаю на "Соколе". Привезу вам "языка". За три часа обернусь!

- Я не могу привыкнуть к таким скоростям. Почему бы и нет?

- Идём к командиру.

Через час мы с Хуаном взлетаем. Ещё через час я ухожу в скалы Новой Земли и между ними крадусь к бункеру. Три фигуры кирками долбят камни в районе люка. Расслабились воины. Автоматы оставили в лодке. Заметили нас, когда самолёт завис над их судёнышком, ошестинившись пушкой. Открываю фонарь, привстаю:

- Бог в помощь, бойцы! Давайте по-хорошему. Всё железное медленно складываете на землю, руки поднимаете. И я не стреляю. Эта пушка отрывает ноги одним выстрелом. До самой шеи.

Ребята толковые. Двое. Третий дёргается рукой к ремню. Мой автомат коротко сказал: так-так-так. Нельзя так. Ещё один грех на моей душе.

- На колени! Руки за голову! Кто такие?

- Матросы. С базы. Нас послали продуктов поискать. Сказали, бункер тут.

- Сколько людей на базе?

- Четыреста два. Уже четыреста один.

- Вооружение?

- Три вертолёт и малый десантный корабль, но он законсервирован. Две установки "Град". Десять пулемётов, автоматы, гранаты. Не убивайте!

Быстро обыскиваю. По паре рожков к автоматам, ножи. У убитого – пистолет. Старший лейтенант. Солдатские книжки. Вещмешок с консервами. Не густо. Сбрасывают тело товарища в воду, отталкивают лодку от берега. В наручниках им будет неудобно, но потерпят. Лезут в багажник самолёта.

Приземляюсь прямо на причал. Выгружаемся, и Хуан уводит машину на базу.

- Мистер Фэд! Вы волшебник!

- Волшебник живёт в подвале большого здания возле парка. Его фамилия – Леви.

- Полностью разделяю ваше мнение.

На причале пленники очумело озираются.

- Моряки. Есть шанс для спасения. Вы рассказываете всё нам с этим дядей, потом вас проверят, как следует, и вы можете начать новую жизнь. Поверьте на слово, сегодня вам выпала удача. На Земле больше нет такого места, как здесь. А пока пойдём обедать.

В столовой команды Виктор Иванович угощает нас борщом с чесночными пампушками, биточками с картофелем и свежим салатом. На ферме работает большая теплица. Ребята аж вспотели, жадно поглощая зелень. Кок приносит ещё. Удаляется, утирая слезу.

- Да мы и не знаем ничего такого. Уже на дембель собирались, а тут как грохнет. Офицеры сказали, что планете – кирдык. Будем ждать команды Президента, такая диспозиция. Два года мурыжат одно и то же. Сами пьянствуют, потом до одури муштруют. Первый раз нормально на воздух попали. От консервов уже цинга, а доктор не прокисает. Нас было четыреста девяносто шесть. Двадцать трое покончили с собой. Двое в поножовщине. Остальные по болезням. Половина команды еле ноги переставляет. Полсотни лежачих. Ад.

Заботится родина о своих героях!

- Президент погиб в тот день. А его помощника рабочие недавно повесили на Алтае. Вашим командирам команды ждать неоткуда. Надо вытаскивать ребят. Как туда можно проникнуть? Служивые обычно все лазейки знают.

- Через вытяжной вентилятор. Туда с курилки можно попасть по кожуху. Ночью все офицеры перепиваются, вахта отключает вентилятор. Он огромный, можно пролезть между лопастями. Ходим воздухом дышать, летом мох кушали.

Эсминец "Быстрый" даёт тридцать шесть узлов. "Европа" слегка отстаёт. Через четыре дня – рандеву в соседней с бункером бухте. Пленные дали подробный план подземелья. Один из них, Вася Зайцев, вызвался в

проводники. Десант затаился у замаскированного вентилятора. В первых рядах – русскоязычные бойцы с "Европы", Ваня Грозный и Вадим Лебедев. Ночь. Вентилятор остановился, вскоре появляется первая фигура.

- Коля, привет. Это я, Заяц.

- Ты откуда взялся?

- Привёл спасателей. Не шуми. Тут такое дело – чтобы офицеры стрельбу не начали.

Не вышло без стрельбы. В коридоре, разделяющем помещения рядового и офицерского состава, находился туалет. В момент проникновения десанта мочевой пузырь позвал кого-то из командиров в поход. Надо отдать должное подготовке подземного гарнизона. Невзирая на выпитое, офицер поднял тревогу и даже стрельбу. Нырнул в дверь и запер мощный засов. Пока готовили подрыв, офицерский корпус приготовился к последнему бою. К сожалению, так для них и случилось. Гранаты и огнемёты, проверенные в боях, не оставили шансов. Безоружных и ослабевших рядовых взяли голыми руками.

Под землёй стоял почти новенький корабль. Флотилия Ковчега в нём не нуждалась, а вот Иван Иванович Костров давно мечтал получить выход в море по родимой Пижме. Прибежище разжилось собственными вертолётками. Наши специалисты с помощью освобождённых и подкормленных матросов за несколько дней привели судно в мореходное состояние. Пятнадцать человек были совсем больны, но не согласились на лечение в госпитале Ковчега. Фрэнк Стоун, загрузив аптеку, взялся сопровождать их до Пижмы с условием, что я подберу его на "Соколе". В числе спасённых на Азорских островах, были русские морские офицеры. Четверо из них решили продолжить службу на этом корабле. Как-никак, а на родину тянуло. Двести шестьдесят восемь женихов своим ходом отправились к русским красавицам. Только Вася Зайцев попросил оставить его на "Европе". Видно, понравились салаты Виктора Ивановича. Что-то у нас подозрительно быстро растёт коллекция законсервированных подземелий.

Вся Пижма вышла встречать свой морской флот на берег реки. Самолётчик Петровича качнул крыльями над излучиной. Слегка посвежевшие моряки-сидельцы растерянно сходили на незнакомый берег. Некоторых вели под локотки. Но каждого подхватывали заботливые руки, уводили по домам.

- Не давайте им спиртного первое время. Иван Иванович, вы проследите. Объясните женщинам. Погубят ребят. Они Солнца два года не видели.

- Уже сделано, Ильич. Бабы у нас понятливые. Добрые бабы.

Да, добра русская женщина. Это невозможно описать, это надо видеть. Хуан только сказал: Чиф, я счастлив, что породнился с этими людьми.

"Сокол" стал легендой Ковчега, не успев совершить настоящий подвиг. Прокатиться на нём мечтал и стар, и млад. Фантастические формы и его лётные характеристики не могли оставить равнодушным даже серьёзного доктора Стоуна. В благодарность за многочисленные услуги моему экипажу, я решил исполнить его заветные желания:

- Док, пристегнитесь покрепче и командуйте. К вашим услугам высший пилотаж, стратосфера и сверхзвук. У меня есть запасной час для прогулки и небо для вас.

- Я хочу увидеть эту планету с такой высоты, чтобы скрылись её страшные раны.

- Наденьте маску. Вот так. Правильно.

И мы устремились вперёд и вверх со всей возможной скоростью. Небо над головой стало почти чёрным. Планета удалялась в дымке, округлялась. Казалось, оттолкнись – и она насовсем уплывёт в глубины Вселенной. Я наслаждался удивительными чувствами, нахлынувшими в этой волшебной вышине. Взглянул на Фрэнка. Он утирал слёзы.

- Когда мы умрём, Фэд, мы поднимемся ещё выше и встретим там тех, кого любили. Я хочу в это верить.

- Я тоже, Фрэнк.

- Спасибо вам. За два года я впервые смог заплакать. Знаете...

- Знаю.

В лесах под Смоленском шла воздушная разведка. Новый беспилотник второй день исследовал холмы, в которых укрывался очередной президентский гарнизон. Как умно рассредоточены войска. Всё сделано, чтобы не упустить возможность захвата власти после чрезвычайных событий. Власти не ДЛЯ людей, а НАД людьми. Забыли царьки-хорьки, чей хлеб ели. Решили даже после всемирного мора, ими же устроенного, не остаться в стороне от кормушки. А кормильцев заставить наполнять её силой оружия.

Местность слегка фонит радиацией, но лес уже пригоден к обитанию. Обнаружено три инфракрасных следа. Детальное изучение снимков подтвердило наличие вентиляционных колодцев. По информации разведки, этот бункер вмещает более пяти тысяч бойцов. Много бронетехники, ракетное оружие и боевые вертолёты. Москва рядом. Отряд восстановления "государственной" власти. Паразиты до того обнаглели, что понятия государственной и личной собственности стали для них синонимами. Москва стала гигантским радиоактивным погостом. Но контроль над центром страны стратегически важен. Под землёй скрываются элитные войска. Как с ними быть? Вступить в переговоры, стоит на своём пацифист Соломонов. Разнести в прах, требует Ник Шепард. Не с кем разговаривать, генерал Васильев вам всё сказал. Русские командиры умеют выполнять полученные приказы и хранить верность присяге. Это достойно уважения при всех недостатках системы, бросившей их на произвол судьбы. Решаем всё-таки прозондировать почву. "Сокол" нагружается аппаратурой. В путь.

Высоко в небе ситуацию отслеживают приборы беспилотной машины. Мы с Хуаном уже привыкли играть роль живца в этой невесёлой рыбалке. Демонстративно барражируем над опасными холмами. Служба под ними налажена достойно. Включается радар. Живы, касатики!

- Военный бункер президентского резерва. Я – самолёт Ковчега. У меня мирные намерения. Прошу на связь.

На всякий случай, удаляюсь на десяток километров, Хуан держит картинку, посты излучателей в боевой готовности.

- На связи генерал армии Карцев.
- Переключаю вас на командера Соломонова.
- Генерал, я обрисую ситуацию. Вы не можете не знать о существовании Ковчега и его союзников. Вам известна обстановка на планете и наша политика. Президент и правительство страны погибли во время катаклизма. Один из помощников пытался узурпировать власть, недавно он осуждён и повешен решением жителей колонии на Алтае. Гарнизон резерва на Таймыре предпринял попытку ядерной атаки на Ковчег и был уничтожен. База на Новой Земле исчерпала ресурсы и была захвачена, её личный состав присоединился к русской колонии выживших сограждан. Осталось ваше подразделение и ещё один бункер, до которого пока не дошли наши руки. Мы не агрессоры, нам от вас ничего не надо, кроме мирного договора, а ещё лучше – вступления в Союз независимых колоний. Выходите на поверхность, обустраивайте поселение, начинайте жить по-человечески. Дайте нормальную жизнь вашим бойцам, они её честно заслужили. В окрестностях мы обнаружили несколько лагерей спасшихся людей, они с удовольствием присоединятся к вам. Мы все с готовностью поможем в любых вопросах. Людей осталось очень мало, генерал. Воины должны защищать их в беде, а не добивать несчастных. Время тех, кто привёл нас к сегодняшним реалиям, закончилось. Самоубийство – не лучший вариант закончить жизнь с чувством выполненного долга. Вы и ваши люди выстояли в нечеловеческих обстоятельствах, и заслуживаете лучшей участи. Повторяю, мы не ставим никаких условий. Вы не опасны для нас, и даже при вашем отказе мы оставим вас в покое. Выходите, осмотритесь, мы предоставим всю имеющуюся информацию о событиях на планете. Не торопитесь с выводами. Вы выполнили приказ. Отменить его некому. Примите самое ответственное решение в вашей жизни.
- Мы обсуждали эту тему, господин Соломонов. Нам нужны доказательства.
- Самолёт разведки несёт на борту контейнер с материалами наших исследований и кадры космической съёмки планеты. Сейчас он выгрузит их у северного вентиляционного колодца вашей базы.
- Вместе с ядерным зарядом? Как он сядет в лесу? Все спутники уничтожены, это я знаю точно.
- Давайте в обратном порядке. В космос запущены четыре орбитальных и один геостационарный спутник Ковчега. Его азимут... Проверьте на частоте... Там идёт трансляция телеканала Союз. Посадка самолёта – наша забота. Сбивать его нет смысла, у нас нет ядерного оружия. Мы имеем кое-что более эффективное, с мгновенной доставкой адресату.
- Готовы принять материалы. Зелёная ракета.
- Чиф, доставить посылку!
- Принято.
- Нам нужно время.
- Двух суток будет достаточно?
- Добро, до связи.
- До связи.

Видно, я тоже становлюсь мизантропом. Поэтому передаю управление Хуану. Он удерживает аппарат над верхушками деревьев, а я, рискуя сверзиться вниз, на лине спускаю контейнер в руки двух бойцов, появившихся из-под земли. Вперёд и вверх! Не обстреляли – и на том спасибо.

- Ковчег, я Чиф. Посылку доставил.

- Принято. На точку.

- Конец связи.

Два дня я свободен. Улетаем на Ковчег, там есть, чем заняться. Господи, как хочется, чтобы получилось! Как я устал от стрельбы, крови и непонимания.

- Отец Фёдор, посвятите эти дни молитве. Бросьте всё, наши мирские заботы не стоят жизней, висящих на кончике их языка.

- Ты прав, Фёдор. Наша суета не стоит и одной человеческой жизни.

Только любимая работа спасает от сомнений и тяжёлых мыслей. "Америка" на ходовых испытаниях. Мелкие недоделки и ошибки устраняем на плаву. Сорок восемь узлов! Ваня с Гансом и Яном сквозь рёв воды орут какую-то похабную пиратскую песню. Курсанты подхватывают. Наберут детей на флот... Но они это сделали! Алексей Иванович Торопов счастливо улыбается. Без него опять не обошлись. Он уже перевёл электростанцию "Шельде" на лучи Тесла. На очереди – "Пиранья". Если получится, а в этом нет сомнений, то Морис Эдда заткнёт за пояс любой атомоход. В известном гроте начато строительство второй очереди электростанции. Промышленность и флоты требуют! Армия – на очереди. На Ковчеге высадился трудовой десант союзников. Восемь сотен молодых специалистов вливаются в дружные ряды монтажников, строителей и создателей новой техники. Стало тесновато, но Юрген Ив знает, как решать проблемы. Он так вышколил помощников – всё делается по высшему разряду. Но пора вылетать.

Бескрайние российские леса. Прогалины погибших сёл и городов зарастают молодой порослью. Поселяйся, приложи труд – и живи счастливо. Чего-чего, а места теперь хватает. На большой открытой площадке – ряды боевой техники, палатки, дымят полевые кухни. Сразу видна военная организация. Смущают стволы зениток, сопровождающие "Сокол", но я уже не боюсь. Такой демонстрацией врага не встречают.

- Мы приняли решение. У вас слишком красноречивые аргументы. Мы готовы к переговорам о вступлении в Союз.

Спутники передали нам сведения о приготовлениях ещё вчера. Поэтому место Хуана занимает Макс, а в багажном отсеке – Иван Иванович и Вадим Лебедев. Невелики баре, сказал голова Пижмы, ради святого дела потерпим. Проверю, как летает эта птичка, сказал мой друг. И даже, по секрету, попросил немного порулить: я же тебе на судне разрешал. Но вопли за спиной заставили меня отобрать штурвал у этого медведя.

Подтянутые солдаты принимают караул у "Сокола". Джип доставляет нас в командирскую палатку. На пути следования – сотни возбуждённых, заинтересованных глаз. Да, многое зависит от командира. Это не чумной барак на Новой Земле. Бледные, но бодрые солдаты, стройные офицеры, ухоженная техника. Всё на своих местах. Расчищенные дорожки на

выпавшем вчера снегу. Генерал армии Карцев и его штаб встречают нас у палатки, приглашают к столу переговоров.

Приятно иметь дело с думающими людьми. Вот не было бы на Алтае этого плюгавого выродка – и с генералом Васильевым можно было бы договориться. Коллеги охарактеризовали его с положительной стороны. Но прошлого не вернёшь. И мы строим планы на будущее. Новая Россия уже приступила к их воплощению. Вертолёты везут робинзонов, обнаруженных в окрестностях нашим беспилотником. Бойцы разбирают развалины, готовят лётное поле. Самолёты союзников сбрасывают гуманитарный десант и технику. Приземляются Петро и Андрей, а как же без связи? Хуан сразу направляется к "Соколу", сиротливо стоящему под стражей русских бойцов. Но, когда из парашюта выпутали электромеханика Торопова, я сел на свежий снежок.

- Алексей Иванович, сколько вам лет?!

- Все мои. Всю жизнь мечтал прыгнуть с парашютом. Красота! Приёмник лучей Тесла будем монтировать. Надо беречь природу, ей и так досталось. Мы пойдём путём чистой энергетики.

Видно, эпидемия молодости, зародившаяся в Ковчеге, поразила не только нашего ветерана. Я по себе замечаю, что даже мой голос стал звонче, взгляд веселее. Или это от счастья?

Генерал попросил слова:

- У нас есть точные сведения о президентском бункере в тайном тоннеле Московского метро. Он содержит крупные склады снабжения. Кроме того, в метро были организованы большие убежища для гражданских лиц. О них мы знаем мало, но есть вероятность, что под землёй могут находиться тысячи. Выжить им было значительно труднее, но оставлять на гибель тех, кого ещё можно спасти, мы не имеем права. В самом городе находиться можно только в защитном снаряжении, бомбили его нещадно. Однако, возле аэродрома в Жуковском есть специальный тоннель к официальным линиям метро. Мне была предоставлена карта его неофициальной части. Не вся, конечно, но в пределах поставленных подразделению задач. Наши разведчики были доставлены вертолётom в Жуковское и доложили про обнаружение тоннеля. Одна из взлётных полос аэродрома подлежит ремонту, но у нас недостаточно цемента. Сейчас ведётся разведка трассы. Транспортная колонна, ремонтный батальон и два батальона бойцов завтра отправляются на марш. Мы наслышаны, что подразделение Вадима Лебедева имеет боевой опыт в подземельях, а отряд мистера Шепарда – специалистов по вскрытию помещений. Мы бы с удовольствием включили их в поисковую команду. Потребуются медикаменты и врачи, наши запасы ограничены. Мы имеем шесть вертолётов, но их может быть недостаточно для эвакуации гражданских лиц с зараженной территории. Для оперативной связи и срочных перебросок я попросил бы господина Солнцева применить его чудесный аппарат. В качестве компенсации за участие в операции, мы готовы поделиться всеми полезными находками. Я закончил доклад.

Люблю военных. Они не привыкли раскачиваться, ведь любое промедление может кому-то стоить жизни. Через день аэродром Жуковского вспоминал свои лучшие деньки. Гудели моторы лайнеров и вертолётов, сновала ремонтная техника и сотни людей. Четыре сотни

бойцов уходили под землю, ещё сотня следовала за ними, обеспечивая охрану узловых переходов и эстафетную передачу предполагаемых обитателей метро на поверхность.

Операция была непростой и заняла больше месяца. Под Москвой раскинулся другой, малоизвестный город. Боюсь, никто никогда не держал в руках его подробный план. Тайн и сюрпризов там было не на один десяток романов. Были завалы и затопления, горы трупов и стаи крыс, радиоактивные и химические гиблые места. Самое плохое – этот город был разделён на зоны влияния разными и непримиримыми группами людей. Их там оказались десятки тысяч. В большинстве своём – простые обыватели. Одиночки в таких условиях не выживают. А в коллективе должен быть лидер. Как водится, далеко не всегда слово "лидер" обозначает "хороший человек". А если ресурсы ограничены, а этими словами слишком мягко выражается реальность подземной жизни, то борьба за выживание превращается в такое, чему и слов не подобрать. На усмирение всех мародёрских банд и кланов у нас не было ни сил, ни времени, ни желания. Задача была поставлена так: вывести максимум женщин и детей. Мужчин, за которых могли поручиться две женщины. Специалистов и лидеров, обеспечивающих жизнедеятельность людей в этих страшных условиях. Мародёров и насильников отстреливали, как бешеных собак. Бандитские норы выжигали напалмом. Главарей банд сбрасывали в крысиные ямы. Теряли бойцов. Под землю ушёл ещё один батальон генерала. С Прибежища Вадим вызвал дополнительную сотню спецназа. Прилетела рота с Урала. Двести человек с Республики. Сотня украинцев. Две сотни альпийцев. Страшные вещи творились под разрушенной столицей. Только благодаря секретной карте генерала был найден безопасный тоннель к складам. Он был оборудован узкоколейкой. Экстренно вызванные с Ковчега специалисты смонтировали приёмники лучей Тесла и наладили движение вагонеток. Несколько раз они подвергались нападению доморожденных партизан. Многие тогда возблагодарили мистера Шепарда за потраченное на боевую подготовку время.

Наземный транспорт занимался перевозкой трофеев. Тридцать шесть вертолётчиков союзников круглосуточно отвозили людей в огромный палаточный лагерь, разбитый рядом с расположением смоленского гарнизона. Туда прибыли двадцать восемь медиков и более двух тысяч добровольцев со всех колоний. Без работы они не сидели. Истощение, запущенные раны, нервный кризис, сердечные болезни, апатия – только начало бесконечного списка болезней поступающих пациентов. Солдаты построили грунтовую полосу для приёма лёгких самолётов, и десяток авиеток включились в бесконечную карусель. Даже Петрович привёз на "Руслане" свою Цессну. Когда выдавалась минута, Хуан садился в левое кресло "Сокола" и включался в этот поток. Я думал, мы уже всё повидали. Глубокое заблуждение.

Мы с Хуаном стрелой летали над всей нашей Ойкуменой. Доставили медицинское оборудование с Алтая. Приёмник лучей Тесла с Ковчега. Троих обладателей редкой группы крови с Республики. Дистанционные взрыватели с Бреста. Семейство Ворона для наведения порядка на складах. Двоих тяжелораненых бойцов в реанимацию Новой Украины.

Реанимационное оборудование с Новой Швейцарии. Подбили неизвестный бронетранспортёр, промышлявший на лесной дороге за отставшим транспортом. Подобрали почти в центре Москвы потерявшую группу пару бойцов. Не считая других поручений командования. Считать было некогда.

Постепенно поток беженцев таял. Солдаты сделали всё, что могли. Всем помочь не смог бы никто. В бесконечных лабиринтах, удерживаемые бандитами, потерявшиеся или бессильные люди имели мало надежды. На узловых станциях метро оставались надписи и указатели, ведущие в Жуковское. На выходе из тоннеля дежурил батальон прикрытия с огнемётами и бронетехникой. Но переходы заблокировали подземные бандиты. Пришёл тот день, когда нужно было сказать: всё. Ибо всему есть конец. Тоннель был взорван.

Госпиталь на шестнадцать тысяч пациентов – так выглядел палаточный городок спасённых. Добровольцы Союза и бойцы генерала трудились изо всех сил, чтобы поставить их на ноги. Со всего Союза шли борта с провизией, медикаментами, одеждой и предметами быта. Электрообогреватели из запасов Ковчега и лучи Тесла грели палатки. Прибыли две тысячи молодых людей всех национальностей – строить город. Юрген Ив прислал своих лучших специалистов. Процесс, вначале похожий на горный обвал, потихоньку принимал приемлемый темп. Людской муравейник становился упорядоченным и управляемым. Генерал армии Карцев лишний раз доказал, что высокой должности он достиг заслуженно. Всё здесь подчинялось ему и его штабу, дополненному ведущими специалистами гражданских служб. Любые проблемы, вопросы любой сложности решались мгновенно. О неисполнении приказов не могло быть и речи. Исполнители наделялись властью, порой чрезвычайной. Нерадивые получали такие взыскания, что очень быстро исчезли, как класс. Только так. Это война. Война ЗА людей.

Глава 37.

Бункер Крым.

2015, февраль, 6. Ковчег.

Я покидал Новую Россию с последними самолётами Ковчега. Звали дела домашние. Флот перевооружался на электрическую тягу. "Пиранья" проходила последние испытания, "Пола" уже вовсю гоняла с пустыми топливными цистернами. Экипажи трудились, не покладая рук. Оставленные без присмотра курсанты проходили с ними производственную практику. Живая работа учит лучше всех.

Почти месяц не видел родных. Ева помалкивает, но я вижу, что ей нелегко. Сара молодец, уже помощница матери. Нашла лазейку в расписании дежурств Ирвина и эксплуатирует его в качестве пассажира "Чайки", одну её в воздух не выпускают. Покладистый парень не знал, что значат слова "Ну, разочек". Дима подросток. Такова жизнь моряцкая. Не успеешь оглянуться, как дети выросли и ушли своим курсом. Или жизнь пилотов? Или воинов? Бедные наши, любимые. А может, в этом и есть

мужское счастье – уходить в поход, чтобы твои родные были в достатке и безопасности. И знать, что тебя ждут у родного очага. Ждут, чего бы это ни стоило.

Фёдор Иванович объявил трёхдневный отпуск личному составу. На дежурстве только экипаж Ирвина, остававшийся прикрывать Ковчег. Им предоставят отдых позже. После московских полётов мы все устали от неба. Не думал, что такое бывает.

- Флот в тебе не нуждается.

Я не поверил своим ушам. И это говорит мой капитан?

- Три дня, не более, - улыбнулся Макс. – Размечтался.

Да, отупел механик за последний месяц. Ну, раз так – едем в Брест. Там тепло, возьмём Василия с Марусей и покатаемся на "Парусе мечты". Я давно обещал Еве. Хотели взять Джейн с Элизабет – Петя уехал по делам на Алтай, – но малышке нездоровится. Сдаю Сару на попечение Мари. Они с Максом отдыхали пару дней на яхте прошлым летом. Дочка ноет, но школу пропускать нельзя. Потом дам порулить "Соколом". Я тоже хитрый, знаю волшебный ключик. Она готова жить у них хоть всю оставшуюся ради такого случая. Добираемся на "Соколе". Женщины с малышом разместились в пассажирском отсеке, Василий попросился в кабину:

- Ильич, такой шанс бывает раз в жизни! Мне вся пожарная команда будет завидовать!

Ну что с ними делать? Пристёгивайся, дорогой. Делаем обзорный круг над Ковчегом, любуемся с высоты фиордами, проносимся до самого мыса Финистер и большой дугой Бискайя возвращаемся к Бресту. Нас приветствуют посты Республики на всём побережье залива, рыбаки. Всё хорошо, никто не покушается на покой Союза.

Губы Евы дрожат от волнения:

- Два года, Федя. Уже два года! А как будто вчера.

Наш спаситель "Парус мечты". Первая рыбалка на "Дельфине", шторм, красный огонь над волнами, голод. И её любовь. Обнимаю:

- Солнышко, если бы не этот кораблик, я бы так и не узнал, какое счастье готовит мне судьба. Нашего экипажа прибыло! Три новых моряка родились на свет. Добро пожаловать на борт, Дмитрий Фёдорович! – ладошкой, увлажнённой морской водой, умываю крохотное личико. Весело блестят милые глазки. Нежно целую любимых.

- Отдать швартовы! – чувствую, Василия сегодня от штурвала не оторвать. Он превратил израненную яхту в гордую морскую птицу.

- Вася, Маруся, спасибо вам. Вы знаете, что значит для нас этот корабль.

- Когданибудь он займёт место на почётной стоянке Ковчега, Ильич. Помянете моё слово. Сколько людей, сколько судеб спасено теми, кто ступил на его палубу в то страшное время. Я видел, чего стоило это судно и вам. И счастлив был оказать хоть маленькую услугу. Да и люблю я паруса.

Два рыбака появляются на горизонте, на деликатной дистанции занимают позиции на траверзах. В бинокль вижу, что они не промышляют, а несут усиленное наблюдение за горизонтом. Пулемёты

расчехлены. Как же, Very Important Persons! Бремя славы. Вскоре оживает радио:

- Чиф Республике!

- На связи.

- Ты что же в наших водах инкогнито разыгрываешь? Ужинать и ночевать – ко мне! Вздумай только ребёнка в норе спать положить. Конец связи.

- Принято.

Разведка Педро донесла. Показываю кулак рыбакам. Машут приветливо. Друзей у меня теперь – полмира. Хотя и врагов осталось немало. Вместе – справимся!

Пока сынишка спит в каюте, учим Еву управлять парусом. Маруся виртуозно ставит шкоты, с полуслова ловит команды шкипера – настоящая морская семья. Женщина оттаяла после трагедии, явно наслаждается выдавшимся случаем посоревноваться с ветром.

- Ребята, а ведь я видел на Азорах две яхты. Немного подбиты, но на плаву. Будет оказия – привезём на Ковчег, откроем яхт-клуб. Друзья, пойдёте инструкторами?

- Зачем спрашиваете? Чтобы поволновались? Так мы уже волнуемся, как бы молодые не обскакали.

- Вас обскачешь! Будут яхты, обещаю.

Вечером собираемся в гости. Наши друзья стесняются: может, без нас, такие люди, да мы не одеты...

- Так. Вы делали здесь ревизию. Выберите себе смокинги и бальные платья на складе.

- А вам?

- Лично я еду в шортах и футболке. Ева, кажется, тоже. И хватит комплексовать. Знаете, какое звание у сеньора Ибаррури? Капрал. По-нашему, прапорщик. Добрейший и простой человек. И таким останется, даже если его провозгласят королём Испании, поверьте, я его знаю. Через час вылетаем.

Три дня пролетели, как один. Ласковое море, душевные беседы в уютном доме Педро, сон под пение цикад. Как редко бывает такой покой. Мария целуется с Анной Ибаррури, записывает рецепт острой подливки. Ева осторожно подставляет личико Димы для поцелуя бородатой физиономии Педро. Взлетаем.

- Маруся, не скушали вас?

- Боже, Ильич, какие люди!

- Такие, как и вы. Анна шепнула мне: и эта женщина стреляла по врагам? Я преклоняюсь!

- Скажете тоже. Я от страху стреляла.

- А думаете, я стреляю от радости?

- Но вы попадаете в цель.

- Зато я не умею делать такие олады. Ева, солнышко, возьми пару уроков у нашей подруги. Не могу забыть тот рейс на "Шельде". Сразу слюнки текут.

Ник Шепард – мой злой гений. Когда он так на меня смотрит, я уже знаю: у него есть план. И этот план придётся воплощать в жизнь экипажу "Сокола".

- Сэр, куда лететь? – приветственно жму его левую руку.
- В Крым. Там последний бункер резерва. Надо закрыть эту тему перед делами более важными. Беспилотный разведчик напал на след.
- Но это же не российская территория.
- Логика очень проста. Черноморский флот России стоял в Севастополе. И у него было много доброжелателей в Украине. Для обеих стран это был очень важный регион. Генерал армии Карцев берётся провести переговоры лично.
- Напрямую?
- Да. Он сказал: они должны видеть мои глаза.
- Я, конечно, не намерен обсуждать мнение такого человека...
- Я тоже, Фэд. Доставите генерала на место. Вас ждут через три часа. С объединённым командованием согласовано. Действуйте по обстоятельствам, но у меня есть личная просьба.
- Я внимательно слушаю.
- Если вопрос будет стоять о вашей жизни и смерти – выбирайте жизнь. Вы мне слишком дороги. Но если будет хоть один шанс – сохраните жизнь генерала. Он нужен Союзу. Это – военачальник. А я – простой офицер.
- Вы не простой офицер, Ник. Я всего лишь уточняю. Сделаю всё возможное.
- Верю. Удачи вам.
- Спасибо. Разрешите идти?
- Идите с Богом.

Взлетаем. На полпути я обгоняю воздушный заправщик и клин самолётов Ковчега и Прибежища. Лидеры – два истребителя подполковников. Обменялись покачиванием крыльями, и я умчался вперёд. В Новой России антенны радаров вертятся на боевой частоте, эскадрилья штурмовиков взлетает и берёт курс на юг. Боевая техника рассредоточена, зенитные расчёты в повышенной готовности. Да, это серьёзно. Краткое приветствие, генерал в парадной форме и с большим кейсом устраивается в пассажирском отсеке.

- Через сорок минут мы должны быть на точке. Высадите меня в назначенном месте и уходите на безопасную дистанцию. Рандеву уже согласовано. Если я не дам радиосигнал в течение часа – немедленно начинайте огневой налёт всем доступным оружием союзников. Но даже после получения сигнала, на прямой видимости я должен поднять правую руку. Вы приближаетесь только в этом случае, запомните. На ожидание моего жеста – одна минута. По её истечении вы удаляетесь со всеми предосторожностями и командуете залп. Никакого геройства. Моя персона не стоит ядерного удара по беззащитным людям.
- Есть.
- Хорошая у вас машина. Я много слышал о ней. Прокатите когда-нибудь на досуге?
- С удовольствием, только вот с досугом туговато.

- После победы.
 - Победим, товарищ генерал армии.
 - Для вас, Фёдор Ильич, просто Николай Григорьевич.
- Писк радарного датчика.
- Монах, я Чиф. Нас ведут два радара. Даю картинку. Пять минут до точки.
 - Я Монах. Принято. На позиции.
 - Принято.
 - Они предупреждали о радиомолчании.
 - Так они ничего и не слышат.
 - Уверены?
 - Так точно.
 - Тогда с Богом. Удачи вам.
 - Вам тоже. Николай Григорьевич. Дверки отсека будут открыты, взлетаю немедленно после вашего прибытия на борт. Постарайтесь упасть на диван – будет сильная перегрузка.
 - Не геройствуйте.

- Позволю себе дать такой же совет.

Ярко-зелёная дымовая шашка на скальном карнизе. А мы когда-то проходили в нескольких милях отсюда и считали эти горы мёртвыми. Два офицера отдают честь генералу, ожидают моего взлёта и только потом исчезают из виду. Увожу машину километров на двадцать, сажаю у прибоя. Хуже всего – ждать и догонять. Затишье перед бурей, или начало штиля? Кратко совещаюсь с непосредственным начальством.

Хуан раскладывает пассажирский диван на весь небольшой отсек, фиксирует дверки в сдвинутом назад положении. Сорок одна минута. Взлетаем, но не приближаемся к площадке, зависаем в распадке скал. Здесь в нас трудно попасть. Пятьдесят четыре минуты.

- Чиф генералу.
- На связи.
- Подходите по плану, всё нормально.
- Принято. Хуан, секундомер!

Едва не касаясь скалы правым бортом, выплываю на прямую видимость. До балкона – метров двести. Вместе с Карцевым несколько офицеров. Оживлённо жестикулируют. Он стоит в центре, заложив руки за спину, лицом к нам. Периферийным зрением отмечаю что-то промелькнувшее над каменистым берегом километрах в трёх.

- Двадцать секунд.

Приближаюсь на тридцать метров. Он смотрит мне в глаза, что-то произносит.

- Сорок секунд!

Офицеры продолжают спорить. Не будет сигнала. Надо решать.

- Десять. Девять. Восемь, – начинает Хуан обратный отсчёт.

"Сокол", разворачиваясь к балкону носом, рывком устремляется прямо на группу людей. Срабатывают рефлексy, они шарахаются в стороны. Кроме генерала. Звучит автоматная очередь, пули стучат по крылу.

- Пошёл! – крик за спиной.

Хуан успевает дать очередь из пушки почти в упор. Задний ход на десять метров, проваливаю машину ниже уровня балкона и вдоль скалы устремляю её в резкий набор с подворотом в знакомый распад. За спиной слышу взрывы и рёв авиационных пушек, подо мной на дикой скорости проносится встречный истребитель. Подполковники точно рассчитали маневр! Через секунду другой самолёт Ковчег обгоняет меня сверху и с резким левым креном уходит к следующему распаду. Следую за ним.

- Чиф, на бреющем, курс сорок пять, полный газ!

- Принято!

Это наша птица умеет – полный газ! Через минуту расхожусь с эскадрилей Новой России, дающей ракетный залп.

- Не бомбить! Это приказ! – грозный крик.

- Монах, Ковчег, я Чиф! Приказ генерала – не бомбить!

- Я Ковчег. Повторите.

- Не бомбить!

- Принято. Монах, всем на исходную. Чиф, при первой возможности дайте связь генералу.

Мы ушли километров на сорок. Сажаю машину в глубокой ложбине. Окопались, так сказать.

- Николай Григорьевич, вы целы?

- Вашими молитвами. Хоть бы ремни натянули, чуть не вывалился.

- В следующий раз...

- Не будет следующего раза. Я вас - под трибунал за нарушение приказа. Вас расстреляют.

Чёртов солдафон. Вот попали! Зыркает строго:

- Ладно, объявляю амнистию за предотвращение бойни. Давайте гарнитуру.

Хуан передаёт ему свой шлем и начинает осмотр машины.

- Ковчег генералу.

- На связи.

- Залпа противника не будет. Они потратили ракеты в день катастрофы. Не выдержали нервы. Решение не принято, в их рядах раскол. На совещании экстремисты пытались устроить переворот, началась стрельба, и позитивные силы отступили в изолированный бункер. Я оказался в руках чужой команды. Надо было предотвратить ненужные жертвы. Предложил на живца поймать или сбить "Сокола". Я знал, что Чиф справится. Его надо примерно наказать за нарушение приказа и представить к награде за выполнение солдатского долга. Подождём развития событий. Они нам не опасны, пусть разберутся между собой. Думаю, это вопрос часов, я знаю генерал-лейтенанта Пряхина. Полагаю, штурмовая авиация может возвращаться на базы. Мы подождём на месте. Беспилотник в зоне?

- Так точно. Зафиксировано шесть трупов на балконе. Тишина.

- Это хорошо. Значит, скоро. У меня всё.

- Чиф Ковчегу!

- На связи!

- Сэр, вы примерно наказаны! Пять суток ареста условно!
- Есть!
- Вы и мистер Оливера представлены к ордену Союза.
- Служим свободным людям!
- Оставайтесь на связи.

Генерал с Хуаном тыкали пальцами в две автоматных пробоины на левом крыле. Пули прошли аккуратно, ничего внутри не повредив. Да там особо ничего и не было. Это на обычных самолётах в крыльях располагают топливные баки. А у нас они служили лишь для улучшения обтекаемости корпуса на высоких скоростях. Стрелок имел опыт, но отстал от жизни.

- Перекусить есть, разведка?
- Хуан, накрывай.

Английский у генерала – безупречный.

- Богато живёте.
- Мы никогда не знаем, сколько времени займёт рейд. Приходится запасаться.
- Ты откуда родом, Хуан?
- Азорские острова.
- Семья?
- Погибла. Женился на русской девушке. Юлия скоро обещает ребёнка.
- Молодцы, надо продолжать человеческий род. Я тоже собираюсь, только невесту пока не выбрал.
- В Пижме самые лучшие девушки.

Так болтаем пару часов.

- Пряхин вызывает Карцева.
- На связи.
- Порядок, Николай. Людей зазря побили. Дураки, царствие им небесное. С обратной стороны скалы - большая площадка, зелёный дым. Ждём.

В подземелье пахнет порохом, несколько трупов. Обошлось малой кровью для двух тысяч личного состава. Генерал Пряхин после стычки включил громкоговорящую связь и объяснил бойцам ситуацию. Фанатиков "государственности" уставшие люди пристрелили без церемоний.

По разрушенной дороге в межгорье движется колонна в сторону Симферополя. Там приступают к ремонту ВПП. В бункере – только дежурная смена в сотню штыков. Такой плацдарм нельзя оставлять без контроля Союза. Будут меняться раз в месяц, а основной состав вольётся в смоленский гарнизон. Две тысячи спасённых – ради этого стоило рисковать, сказал генерал Кравцов. Просит откомандировать группу связистов и разведчиков Ковчег с аппаратурой. Сделаем. Для хороших людей – пожалуйста. Доставляем двух генералов в Новую Россию, тепло прощаемся.

- Ковчег Чифу.
- На связи.
- Задание выполнено. Жду распоряжений.

- Следуйте домой.
- Прошу добро на облёт Киева. Там тоже метро.
- Осторожно, в регионе высокая радиоактивность. Добро.
- Конец связи.

Ева во сне иногда плачет, шепчет: мама. Я должен убедиться во всём, чтобы поставить точку. Неизвестность убивает. "Соколу" полчаса лёта. Стороной обходим зону Чернобыля. Там сейчас хуже, чем в 1986-м году. Ракетные снайперы попали в саркофаг, и без того дышавший на ладан. Все красивые лозунги и миллиардные проекты по его усовершенствованию были только ширмой для властных жуликов, растаскивающих средства по норам. Один плюс – пылающую под землёй реакцию разметало взрывом, осталось только ждать, когда природа справится с напастью. Долго придётся ждать. А зараженная вода стекает в Днепр. Даже в Херсоне опасный уровень.

Мать Евы жила в районе станции Лукьяновская. Это довольно далеко от реки. Заражение местности в допустимых пределах, для гарантии мы надели кислородные маски. Парим над хаосом развалин, уже покрывшихся неравномерным слоем растительности. Проходит час, никаких признаков жизни. Не может этого быть в миллионном городе. Уже теряли надежду, когда заметили две человеческие фигуры, мелькнувшие среди каменных блоков. Скрываются, что ли? Направляю машину к ним, но они убегают в сторону другой кучи обломков. Открываю фонарь:

- Да что вы прячетесь, люди добрые! Давайте поговорим, мы не сделаем вам ничего плохого! Наоборот, поможем!

Ни в какую. Маневрируя, прижимаю их к непроходимой куче мусора:

- Пристрелю! На колени! Руки за голову!

Что за люди. Хуан на страховке, я спешиваюсь. Ходячие скелеты. Кухонные ножи и тощие котомки. Запах подполья мне уже хорошо знаком. Почти подростки.

- Ну что вы, ей Богу. Мы с Ковчега, может, слышали?

- А не с Марса, случайно? У нас таких глайдеров нет, мы в кино видели.

- Не было раньше, а теперь есть. Меньше фантастику надо смотреть.

- А мы сейчас вообще ничего не смотрим. Только в подвалах роемся.

- Идём, перекусите.

Банки мгновенно опорожняются до блеска. Жадно смотрят на коробок с остатками наших припасов.

- Ребята, мне не жалко. Но вы можете себе навредить.

- Да я ведро могу съесть!

- Можешь. А потом помрёшь от заворота кишок. Потерпи, я всё отдам. Где люди? Надо вас выручать.

- В метро. Там коммуна и банда. Воюем. Мы собираем по крохам, а они грабят. Каждый день кого-то убивают. Но мы их тоже. Оружия мало.

- Сколько вас?

- Шесть тысяч.

- А бандитов?

- Меньше тысячи, но у них много оружия. Мы взорвали тоннели, оставили всего несколько выходов на поверхность, засады. Но они иногда прорываются, и тогда такое начинается! Выслеживают нас наверху. Замучили уже.

- Кто у вас старший?

- Михалыч. Николай Михайлович Юрченко. Он из уголовного розыска.

- Сможете передать ему радиостанцию?

- Конечно.

Битва под Киевом закончилась к утру следующего дня. Была она кровопролитной для бандитов и почти бескровной для десанта союзников. Второй десант обустроивал полосу в Бориспольском аэропорту. Жить вблизи Днепра было невозможно, и киевляне были эвакуированы по всему Союзу. К сожалению, в их списках имя моей тёщи не значилось. Большая часть спасённых улетела в Новую Украину. Девятьсот человек прибыли на Ковчег. Их сагитировал Петя Гарбуз, принявший живое участие в операции. В городах союзников госпиталя останутся переполненными несколько месяцев. Но мы переживали и более тяжёлые времена. Две недели мы с Хуаном обследовали города бывшего СНГ и Европы, имевшие метро. К прискорбию, результат был печальным. В Петербурге мы тоже не преуспели, невзирая на мои безумные усилия. Перелёт из моего города на Ковчег обеспечивал Хуан. Я безвольной куклой сидел в кресле. Максим встретил на лётном поле и отвёз меня подальше от любопытных глаз, на "Шельде", замаскированный в отдельной бухте. Там мы отключили всю связь и напились, как сапожники. Через сутки Ник Шепард с отцом Фёдором устроили нам разбор полётов, и мы с виноватыми опухшими рожами были возвращены в семью.

Глава 38.

Новая энергетика.

2015, февраль, 19. Ковчег.

Командование объявило рождественские каникулы с 23 декабря по 15 января. Это значило, что только дежурные смены и вахты оставались на своих постах, а текущие и плановые работы можно отложить. Три года все мы трудились, сражались и соревновались со временем. Наступил момент, когда основные жизненные проблемы и задачи были решены. В общежитиях проживали только приехавшие ненадолго командировочные и гости. Поля покрылись лёгким снегом, на фермах наступило затишье. Теплицы, оснащённые автоматическими системами освещения, полива и обогрева, нуждались лишь в присмотре и своевременном сборе урожая. Бытовые службы были полностью механизированы и автоматизированы, поддержание порядка в городе могли обеспечить десяток человек дежурной смены. Запасы продовольствия, одежды и всевозможных принадлежностей позволяли не беспокоиться о домашнем быте. Можно было перевести дух, предаться семейным радостям, сходить в гости к соседям или слетать к друзьям в союзный город. Многие отправились в путешествия по окрестным островам, на охоту или рыбалку. Словом,

каждому были предоставлены возможности отдыхать так, как ему хотелось. Люди честно заслужили не только быть сытыми и одетыми, но и право на полноценный отдых.

Мы гуляли с детьми, катались на лыжах, лепили снежных баб и допоздна засиживались у отца Фёдора, раздобывшего на Алтае объёмистый старинный самовар. Дом священника постепенно терял вид холостяцкого офицерского жилья – из Пижмы, к прискорбию местных красавиц, он привёз на "Соколе" стройную высокую синеглазку Анастасию. На следующий день мне выпала командировка в Республику – наш священник давно подружился с испанским падре. В который раз удивив нас пренебрежением к бывшим церковным распрям, коллега-католик торжественно обвенчал сразу две православные пары. Стоит ли гадать, кто ещё стоял под венцом? Конечно, друг юности и соратник Виктор Иванович с уральской красавицей Катериной. Священнодействие происходило при огромном стечении народа. Ветераны пользовались искренним уважением и любовью не только в Ковчеге. Свадьба по масштабу превосходила народное гуляние. Приехали все главы союзных городов с помощниками и семьями. Курсанты всех дружественных колоний, проходящие обучение в Ковчеге, в честь подполковников устроили грандиозный воздушный парад. Но самый главный подарок заслуженным лётчикам преподнесли конструкторы и инженеры. Когда в небе затихли раскаты реактивных двигателей, над нами с низким негромким гулом медленно продефилировала эскадрилья хищных стремительных невиданных самолётов? Космолётов? Трудно сразу определить! Они дружно выполнили горку, и в небо букетом ударили шары плазмы от их стреловидных консолей. Белые вспышки взрывов на синем небе ознакомили начало новой страницы в освоении неба.

- Стареем брат, - обратился один молодожён к другому.

- Да, молодёжь за нашими спинами начинает всё решать, - ответил второй.

- Господа полковники, - вмешался генерал Карцев. – Не обижайтесь. Ребята только взлёт-посадку успели отработать. От всего сердца старались, хотели вас порадовать, показать, что души свои вы в них вложили не зря. Командование пошло на этот шаг только из высокого доверия к вашим ученикам. Вдобавок, прошу вас ненадолго отвлечься от важных дел и привести в соответствие вашу форму одежды с новыми присвоенными званиями. Искренне поздравляю вас, как вновь назначенный главнокомандующий объединённых сил.

И генерал, отдав честь, вручил им новенькие погоны.

Описывать дальнейшее не берусь, это надо видеть своими глазами.

Новый, 2015 год встречали у гигантской ёлки на центральной площади. Её пришлось транспортировать сразу двумя вертолётами. Конечно же, за их штурвалами сидели наши асы. Как всегда, задание пилоты выполнили блестяще.

- Я выучусь, как они! – восхищённо сказала дочка.

Ева грустно посмотрела на девочку, на меня – и вдруг улыбнулась:

- Не буду больше с вами бороться. Видно, в нашей семье никогда не будет домоседов. Димочка, солнышко, а ты? Подаришь мне хотя бы лет десять материнского счастья?

- Мамочка, мы все будем любить тебя вечно, - сказала дочка, а я только сгрёб их всех в объятие и долго мы стояли так, под этой ёлкой, счастливые.

Третьего января я проснулся на рассвете. Обычно я люблю поваляться в постели подольше, но сегодня меня что-то тяготило. Тихонько поправил одеяло на плече Евы, выпил чашечку кофе. Надо куда-то идти. Такое со мной бывало на судне. Что-то важное вчера промелькнуло в голове, такое, что надо срочно сделать, а вспомнить не могу. Тогда ноги сами несут в машинное отделение. На месте быстрее вспомню. Да, что-то очень важное.

В этот раз ноги принесли меня на "Европу". Вахтенным у трапа оказался Вася Зайцев, мой бывший пленник из Новой Земли.

- Доброе утро, Фёдор Ильич. Что сегодня случилось?

- А что?

- Да все офицеры уже на борту. И почти все рядовые, даже курсанты, хотя мне команда на большой сбор не поступала.

- Всё понятно, Василий. Понедельник начинается в субботу.

- Не понял?

- Классиков надо читать, дружок. Стругацких, например.

В кают-компании стоял деловой гул голосов. В нём я расслышал звонкий колокольчик Джейн.

- Доброе утро всем! Миссис Джейн, а где ваша дочь?

- Доброе утро, сэр. Малышка спит в каюте, ей нравится засыпать под шумы машин.

- Как прикажете понимать начало сегодняшнего дня?

- А что вы делаете на борту в выходной день?

- Отвечать вопросом на вопрос невежливо.

- А уличать товарищей в желании поработать – вежливо?

- Ладно, всем прощаю. Что у нас сегодня на повестке дня?

Сегодня были ходовые испытания. "Европа" и эсминец выходят в море для обкатки электрических гребных установок. Пока мы воевали в Москве, моряки и береговые специалисты произвели переоборудование кораблей. Титанический труд ребята произвели на плаву. Сухой док только закладывался в удобной бухте, и ждать окончания его строительства никто не собирался. Спускаюсь в машинное отделение. Непривычно просторно и пусто. Нет главных дизелей, насосов и систем для их обеспечения. Вместо этого – два мощных электродвигателя и электрические системы приёмников лучей Тесла. Меня поразила тишина. Дизель-генераторы тоже отсутствуют, а это ведь они создавали на судне постоянный рокот, по которому я даже спросонок мог определить режим работы судна.

- Корабль стал легче на двести тонн оборудования, освободился от семисот шестидесяти тонн горючего. А мощность гребных электродвигателей в полтора раза превышает мощность дизелей, - хвастается Джейн.

- Бедная Элизабет. Ребёнок растёт сиротой. Ведь этот фанатик, ваш муж, тоже здесь?

- Не говорите так, сэр. Мы с Питером по очереди занимаемся с малышкой. Я же вам обещала, что выращу достойную вахту.

- Боже, Джейн, - я не мог ничего сказать, только обнял и расцеловал эти румяные пухленькие щёчки. - Вы должны знать, я всегда вас уважал, но не всегда понимал столь тёплое отношение к вам и мистеру Шепарду со стороны моей супруги. Сегодня – понял.

Нас прервал телефон:

- Фэд, прошу запуск!

- Миссис Джейн? – её большой палец в ответ. - Машина готова, передаю управление на мостик.

Раздался едва слышный гул электродвигателей, и наш корабль покинул причал, наматывая винтами первую милю своей новой жизни.

Мы провели в море целый день. Помолодевшая "Европа" показывала чудеса. Наперегонки с "Быстрым" она уступила всего один узел скорости, но эсминец летел сорок три узла! Притом, такие скорости корабли могли выдерживать сутками хода. Снабжённые беспилотными воздушными наводчиками, они могли одним залпом спаренных плазменных батарей уничтожить ЛЮБОЙ корабль противника на любой дистанции! Акустик "Пирании" доложил, что для обнаружения наших кораблей требуется приблизиться к ним в полтора раза ближе, чем раньше. На торжественном ужине я признался Максу, что немного сожалею о своём переходе в лётный состав. Такой корабль!

- Никуда ты от нас не денешься, дружище. На очереди – "Шельде". Там многое сделано, но возникла проблема с главным гребным электродвигателем. В наших запасниках не отыскалось машины такой мощности. Прикинь на досуге, что можно придумать.

- Есть идея.

- Значит, не все мозги вытряхнул на перегрузках.

- Ты же говорил, что там одна сплошная кость?

- Это в голове. Про спинной мозг речь не шла. Выкладывай.

- Надо идти флотом на Азорские острова. Это будет хорошим испытанием для кораблей. А на мёртвом якоре там стоит огромный сухогруз с мощным ледовым форштевнем. Корпус сильно повреждён. Не знаю, как он там оказался, но его класс – дизель-электроход. Ты меня понял, штурман с головным мозгом?

- Завтра снимаемся!

- А каникулы?

- Иди, догуливай. Догонишь на "Соколе".

- Я не о себе, хотя именно так и поступлю, у меня к отцу Фёдору вопросы имеются. Люди ведь в отпуске?

- Пойдут только добровольцы.

Весть облетела Ковчег, словно пожар. Утром следующего дня в порту настало столпотворение. Меня вызвали на аэродром. Отец Фёдор, как будто и не было отпуска, в лётном комбинезоне, закончил инструктаж в учебном классе:

- По коням, орлы! Фёдор, задание для тебя: рейс на Новую Россию - доставить электромеханика Торопова, человек ногти грызёт, чтобы не прозевать такое событие. На обратном пути, в Карпатах, тебя с нетерпением ждёт Майкл Дорн, он там у невесты отдыхал. В Республике подберёшь профессора Леви, сегодня он по радио потребовал лично присутствовать в походе. Надежда Юрьевна прибудет позже, будет замещать мужа в университете. Вопросы?

- Разрешите выполнять?

- С Богом.

Во все стороны разлетались вертолёты. Хуан, выруливая "Чайку" на полосу, помахал мне рукой. Эфир кипел призывами туристов и охотников доставить их как можно быстрее на Ковчег, чтобы не отстать от экспедиции. "Америка" носилась по ближним фиордам, подбирая группы отдохнувших людей, соскучившихся по настоящему делу. По дороге сюда я видел Юргена Ива с заместителями на крыльце мэрии. Они наблюдали оживший муравейник города, все жители которого дружно саботировали учреждённые ими каникулы. И не растерянность, а гордость за сограждан видел я в глазах мэра.

После полудня я доставил не троих, а четверых пассажиров. В правом кресле "Сокола" расположилась чернобровая гуцулочка Оксана. Они познакомились с Майклом в день освобождения Новой Украины, и больше расставаться не собирались. Благо, мощности у самолёта хватало. Трое мужчин по-турецки расселись на разложенном диване пассажирского отсека. Любовь – это святое. Оксанка сначала немного стеснялась, но я оказался не кусачий, и всю дорогу она расспрашивала меня о Ковчеге. Будет у нас детский врач, деток уже более трёх сотен!

Поздним вечером флот покинул Ковчег. Авиацию решено было оставить на месте, кроме двух вертолётов Майкла Дорна и Ирвина Гаусса. "Пола" находилась в Пижме. Этот кораблик оказался очень востребованным для перевозки небольших партий грузов. Он доставил союзникам сельскохозяйственное оборудование с Республики, а сейчас грузился металлом, большой склад которого обнаружили разведчики в разрушенном порту Архангельска. Наша промышленность начинала нуждаться в сырье. Хуан на "Чайке" иногда совершал ближние рейсы, но основное время мы, вместе с курсантами-авиаторами, посвящали изучению новой техники. Мощный, надёжный и испытанный в боях Су-25 – очень серьёзная машина. Но то, что стояло в новом ангаре – было на голову выше. Стремительные обводы, бронированный корпус, герметичная двухместная кабина, уникальное вооружение, плазменные двигатели. Скорость – вплоть до первой космической на высоте более ста километров. Возможность маневрирования и ведения боя в ближнем космосе. Уникальная живучесть систем. Возможность стыковки на орбите. Беспримерная маневренность в атмосфере. Множество приборов и кнопок, изучению которых мы и посвящали основное время, притом по "слепой" технологии полковников. Теория космической навигации и баллистики, которую нам читали в университете специалисты, не востребованные в своё время на Урале. К полётам на этом чуде нас пока не допускали. Тренируйтесь на "Соколе", сказал полковник, принципы те же. А подняться в космос он сам ещё не был готов. Они с Виктором

Ивановичем испытывали аппараты в воздухе, ставя конструкторам и технологам порой такие задачи, от которых глаза инженеров выскакивали из орбит. Фрэнк Стоун тщательно следил за нашим здоровьем. Специалистов по космической медицине не было, и он лишь с сомнением покачивал головой, вызывая наши возмущения и протесты. Кто из нашего поколения не мечтал об этом? Да мы зубами вырвем свой шанс! А науку – выгрызем! Вечерами я засиживался у компьютера. Сара часто садилась рядом. Вскоре мы вместе стали разбирать все эти векторы, ускорения и прочую баллистику. Уровень начальных познаний в этой науке у нас с ней был одинаков – ноль. Порой подросток быстрее меня схватывал какой-то принцип или формулу, и тогда начиналась научная дискуссия. Меня всё-таки выручало высшее техническое образование. Знания в советских мореходках нам вбивали прочно. Не то, что во времена ворюг-дерьмократов, продавших Западу даже образование наших детей. Когда наши компьютерные гении создали программу-тренажёр "Стрелы", мне пришлось идти на поклон к господину Вороне, просить новый компьютер для дочки. Иначе дело могло закончиться семейным скандалом. Хорошо, строители предусмотрели в нашем доме отдельный кабинет. Иногда Ева шикала на нас, чтобы "тише решали свои глупые интегралы", но я видел, что она гордится будущими космонавтами и счастлива нашему с дочерью общему увлечению. Сару, по просьбе отца Фёдора, приняли в нашу университетскую группу. У нас было четыре занятия в неделю, вечерами. Мои часы занятий в кабине назначили на послеобеденное время, и Сара после школы спешила занять место второго пилота или командира – разыгрывали на пальцах. Я подбирал её на джипе, и надо было видеть глаза ребят, провожавшие нас. Я поклялся им, что будет открыт аэроклуб. Только надо подождать, все пилоты страшно заняты изучением нового аппарата. Девочка стала лучше успевать в школе. Было трудно, но она старалась не пропускать даже уроки музыки. Только воскресенье было свободным днём, и она ходила по аэродрому в поисках напарника на "Чайку". Спасибо, Хуан стал ей настоящим другом и урывал для неё часик, пока Юля с маленьким Карлосом ложились поспать после обеда. Утренние пробежки и гимнастика стали для нас с дочкой нормой. Ева с довольным видом встречала нас завтраками. Малыш связывал ей руки, иначе она с удовольствием бы к нам присоединилась. Жизнь стала плотно насыщенной, но мы с дочкой гордо отмечали, что не отстаём от других пилотов. Это были счастливые дни нашего с ней энтузиазма и чистой искренней дружбы. Девочка расцветала в юную красавицу, и уже не один молодой человек приглашал её на воскресные танцы в клубе, заставляя нас с Евой вздыхать и волноваться.

Настал день прибытия флота на Азорскую базу, мы с Хуаном готовили "Сокол" к вылету. Я упаковывал старенький ноутбук, в котором были забиты учебные материалы. Рядом лёг чемоданчик Хуана.

- Будет ли у нас время, дружище?
- Я должен подняться в космос вместе с вами, Чиф. Даже Сара не сумеет вам так ассистировать.
- Верю, дорогой. Вдвоём у нас обязательно получится!

Сколько нам пришлось полетать и пережить. Надёжный, верный товарищ и храбрый воин. Среди вражеских трассеров и взрывов, в ночных горах и в сотнях миль от родной базы он ни разу не дрогнул. Я знал, что бы ни случилось – на него можно положиться. И не только в небе.

Перелёт занял два часа. Бог ты мой! Что за техника пришла в нашу жизнь! Два следующих часа мы потратили, чтобы обследовать море в радиусе пятисот миль. Стоящих внимания объектов не обнаружили, но три беспилотных разведчика продолжали свой бесконечный поиск. Операторы посменно несли службу в одной из кают "Шельде". Мой напарник загрустил, ступив на родную землю.

- Надо жить, Хуанито. У нас есть смысл и цель. Возьми аппарат, посети дорогие места. Не мучай себя. Так распорядилась судьба. Расскажи им о сыне, о Юле. Тебя поймут, поверь мне.

- Я верю, Фёдор Ильич, - сказал мне парень по-русски. Он многому научился у супруги, на длинных перелётах практиковался со мной в произношении. Хорошая у них получилась семья. Впрочем, как и у всех нас. Потрясения и потери не давали нам права обидеть или оскорбить тех, кто стал для нас единственными родными людьми на всей планете.

Закипела работа. С нами прибыли все специалисты, которые хоть в малой степени могли быть полезными. Союзники прислали в общей сложности тридцать шесть профессионалов высокого класса. Демонтировать оборудование весом в десятки тонн. Переместить его на сотни метров. Подогнать и выставить многометровые тяжёлые детали с точностью до десятых долей миллиметра. Организовать для этого шесть сотен человек, горы вспомогательной техники, инструментов и приспособлений. Я осуществлял общее руководство. Джейн, получившая строжайшие предписания по уходу за ребёнком и ненарушению режима отдыха под угрозой немедленной эвакуации на "Соколе", командовала отрядом механиков. Они были все до единого отпущены со своих кораблей, наведываясь иногда для консультации машинной вахты. Алексей Иванович Торопов руководил группой электромехаников. Прокладывались многокилометровые кабельные трассы, изготавливалось и монтировалось мощное оборудование. Петя устанавливал приборы автоматики и контроля в содружестве со специалистами своего профиля. Под командованием профессора Леви работала группа энергоснабжения. Работы заняли больше месяца времени. За это время Хуан совершил двадцать восемь полётов по доставке специалистов или оборудования по всему Союзу, включая два рейса на Алтай. Вертолёты привезли четырнадцать человек, обнаруженных в горах беспилотниками. "Европа" с крайне урезанной командой под командованием Ника Шепарда сняла экипаж сухогруза, чудом держащегося на плаву в сотне миль от ближайших берегов.

- Фэд, прошу запуск!

- Машина готова, передаю управление на мостик.

На палубе грянуло такое "Ура!", что слышно было в центральном посту управления, оснащённом звукоизоляцией и расположенном на четыре метра ниже ватерлинии. Вся наша вахта тоже обнималась. Без ревности, но с гордостью скажу: больше всех поцелуев досталось миссис Джейн. И

я был не в последних рядах в этом процессе. Заслужила! Когда все немного успокоились, она принесла малышку:

- Чиф, благословите мою дочь.
- Так это надо бы к отцу Фёдору.
- Вы наш машинный патер. Она вырастет морским инженером.
- Благословляю тебя, Элизабет Петровна, на борту этого славного корабля. Пусть море всегда будет ласково к тебе. Пусть тебя всегда окружают такие люди, как в этом чудесном экипаже. Будь всегда такой прекрасной леди, как твоя мама. Аминь, - и я легонько мазнул крошечный носик капелькой машинного масла.

Испытания прошли успешно. Судно давало двадцать семь узлов, прекрасно управлялось. Решили задержать отход на несколько дней для наведения порядка и погрузки техники. Союзники с Новой Швейцарии попросили привести в порядок небольшой сухогруз, найденный на стоянке умирающих кораблей. Его привели в должный вид за считанные дни. Колонии растут, без морского транспорта уже не обойтись. Идёт активный товарообмен, разведка территорий и поиск материалов и оборудования, для доставки которых уже недостаточно рюкзака разведчика или багажного отсека самолёта. По пути домой собирались посетить Брест и Республику – захватить некоторые припасы и попутный груз на Ковчег. Проследив за погрузкой двух обещанных яхт из бункера повешенного адмирала, я стал готовиться к вылету. С нами улетала Джейн: матери с ребёнком и без того достаточно романтики. Попросив Хуана занять место в пассажирском отсеке, я пригласил профессора в штурманское кресло:

- Николай Николаевич, вы – самый важный в мире пассажир этого корабля. Вы – его создатель.
- Знаете, как ответил в подобном случае один Главный конструктор? Этот самолёт держат в воздухе тысячи человеческих рук, создавших его. Я с ним полностью согласен.

Имея на борту лучших специалистов и технику, "Шельде" слегка задержался в Республике. Их маленький флот был переведен на электродвижение в рекордные сроки. А в бухте Ковчег его уже дожидался "Дубок" из Пижмы, наш старый знакомец по Новой Земле. Только после царского банкета самолёты развезли специалистов и оборудование по домам. Половина колёсной техники союзников уже была переведена на лучи Тесла, другая половина ожидала поставок электродвигателей, в которых неожиданно возник дефицит. Специальные группы вышли на разведку развалин, и в скором времени тарахтящие двигатели внутреннего сгорания можно будет встретить только на аварийных генераторах или в отставших от жизни хуторах. А в очередном гроте срочно закладывалась сверхмощная союзная электростанция с излучателями лучей Тесла. Три тысячи добровольцев со всех уголков Союза разбили городок на склонах скалы.

Глава 39.

Звёзды чёрного неба.

2015, апрель, 12. Стратосфера.

Невзирая на заботы, я изредка возвращался к самоподготовке, но, конечно же, отстал. Командир выделил нам с Сарой лишний час в день на изучение машины. А теорию дочка помогала мне освоить по вечерам. Для неё тоже польза: повторение – мать учения. За неделю я догнал группу, хотя это и стоило мне бессонных ночей. Вспомнились юные курсантские годы. Гоняли нас и на строевые занятия, и в наряды, и картошку чистить, и на дурацкие комсомольские собрания. Но преподавателей это не волновало. Пришёл учиться – изволь. Так приучали организовывать своё время, закаляли нагрузками, воспитывали самодисциплину и навеки сбивали точность биологических часов. Это вредно для здоровья, но тогда иди не в моряки, а в прорабы. У нас тут так: есть возможность – отсыпайся. Надо – значит беги в ночь-полночь и принимай мгновенные решения, а не хлопай заспанными глазами.

Шесть красавцев "Стрела" прошли сдаточные испытания. Ошалевшие инженеры зарекались больше иметь дело с Монахом и Лютым. Они будут вздрагивать по ночам, вспоминая эти страшные позывные. Но уже новые идеи зрели в виртуальном творческом пространстве, а принятые на вооружение машины гарантированно выполняют поставленные задачи. Началась лётная подготовка. С самого начала – тренировки "слепого" полёта. Отец Фёдор задёрнул шторы на остеклении кабины:

- С Богом, сын мой. На взлёт!

Опыт ночных вылетов даёт себя знать, да и на "Соколе" у меня приличный налёт. Отрываю машину от земли. Помню, что в моих руках – дикая, невероятная мощь. Всё равно пятнадцать тонн слишком резко подпрыгивают вверх.

- Нежнее, курсант. Здесь масштабы другие, учись чувствовать силу. Плавненько добавляй. Движемся вперёд, скорость сорок, сто метров по прибору, высота двадцать. Стоп. Стоп – это значит остановиться, а не взбрыкнуть. Ещё раз. Хорошо. Сто метров назад, подъём триста метров.

Так я буду учить первым шагам моего Диму. Спокойно, без нажима, с уверенностью, что у нас всё получится. Мне всегда нравилось выполнять учебные полёты с Фёдором Ивановичем. Без нервотрёпки, отрабатывая каждое движение до тех пор, пока не станет идеально. А уж в бою его грозная краткая команда будет выполнена однозначно и вовремя! Мне предстоит учиться полётам в группе. Там взаимное понимание, точность исполнения, уверенность в товарище и машине играют ключевую роль. Нас двенадцать человек. Мы с Сарой по-честному прошли жесточайший отбор, никаких скидок! Ей исполнилось шестнадцать, и вопрос допуска к полётам решался на самом высоком уровне. Был момент, когда всё повисло в воздухе, и оба мы дрожали от волнения. Спасли ветераны. Они раскопали в чьём-то компьютере большую статью о том, что женщины легче переносят перегрузки и более адекватно реагируют на изменение условий полёта. Множество медицинских терминов и диаграмм убедили даже доктора Стоуна, учинившего бедной девушке такие тесты, что я бы точно не прошёл. Тем большей была наша радость, и я прыгал с ней на пару и махал руками, как мальчишка. Когда дочка ушла в первый самостоятельный полёт, я не мог оторвать взгляд от

серебряной птицы, беззвучно парящей в синеве. Рядом стояла Ева и вытирала слёзы. Подошёл Майкл Дорн:

- Миссис Ева, Чиф, поздравляю вас с рождением нового пилота. Спасибо вам за девочку. Она – гордость нашей эскадрильи. Вы и Сара назначены командирами экипажей.

- Тебе спасибо, дорогой. Ведь это ты дал мне путёвку в небо.

Перед глазами проносятся развалины на Сардинии, потрёпанное платье, взгляд карих глаз. Ночной полёт, трассеры и стук пробоин, первый стингер, тревожный крик товарища. Ирвин тоже в нашей команде. Все вместе бежим к месту приземления. Нас качают. Мою семью.

Через месяц мы цепочкой заходили в атаку на движущуюся групповую цель в горах. Впереди – Монах. За ним – Лютый, Майкл, Ирвин, Сара и я. Вторым пилотом у меня – Хуан. У Сары – Дауд, сын Саида. Второй его сын, Ахмед, ассистирует Ирвину. Старый пастух не может поверить, что его сыновья могут летать по небу. У Майкла в напарниках – Андрей Иванов. Да, парень выучился и прошёл все тесты, повергнув Петруху в шок и чёрную зависть. Как сложились людские судьбы! Вчерашние пастухи и контуженный мокрый матросик сидят в кабинах самых совершенных и грозных аппаратов. Сын "Однорукого бандита" с Прибежища, Сэм, занял правое кресло самолёта Лютого. Монах летит в компании верного Джона Смита. Скажи кому-нибудь из нас об этом три года назад – мы бы просто посмеялись. А сегодня наши пушки разносят движущиеся мишени в том порядке, какой задал командир.

- Я Монах, головная поражена.

- Я Лютый, две замыкающих подбиты.

- Я Дорн, центр поражён.

- Я четвёртый, авангард поразил.

- Я пятый, замыкающие добиты.

- Я Чиф, колонна уничтожена.

- Я Монах, строй пеленг, курс двести десять, высота четыре, скорость девятьсот.

- Я пятый, неисправность второго двигателя. Выключаю пятый. Разрешите полёт вне строя?

- Я Монах, разрешаю. Остальным сомкнуть строй.

У меня темнеет в глазах. На каждом аппарате шесть двигателей, по три с каждого борта. Второй и пятый обеспечивают основную вертикальную тягу при взлёте, посадке и зависании, а также используются для достижения предельных скоростей. Остальные позволяют продолжать полёт и даже бой, но на малых скоростях. Посадка возможна только по-самолётному, её скорость около трёхсот километров в час. За всё время не было ни единого сбоя плазменных двигателей, и мы даже не отрабатывали такую посадку – слишком высок риск приземления на огромной скорости. Группа отстаёт от самолёта девочки, Монах и Лютый зависают чуть ли не на её крыльях.

- Сара, я Монах. Идём на базу. Я вызвал флот, "Америка" выходит из фиорда. Подходим с моря, высота две тысячи, скорость пятьсот. По моей

команде свеча вверх, выключить двигатели. При зависании – катапульта.

- Монах, жалко аппарат.

- Сара, девочка, ты для нас дороже. Пять минут до цели. Это приказ.

- А на чём я буду летать?

- А что я доложу твоей маме? Чиф, скажи ей.

- Сара, железо не стоит риска. Мы не для него живём, оно для нас. Выполняй приказ. Прошу тебя.

- Я сяду. Я на тренажёре выполняла.

- Я Монах. Реально это даже мы не пробовали.

- Я Лютый. Сара, это не игра. Прыгай. У тебя в кабине человек. Ты рискуешь и его жизнью.

- Я Сара. Дауд решил остаться.

- Я Монах. Сара, свечку!

- Я Сара. Ковчег, прошу посадку.

- Я Ковчег, зона и полоса свободна.

- Я Монах. Сара, прошу тебя!

- Я Сара. Иду на посадку. Это наше решение. Конец связи.

Вертикальной подковой наши самолёты окружают её машину. Моя девочка. Последний росточек норвежской семьи, который мы с Евой лелеяли в надежде, что он пустит веточки, свежие побеги – и сейчас я могу увидеть его ужасный конец. Гусеницы под комбинезоном. Что я скажу Еве? Ведь это я влюбил её в небо, я во всём виноват! Ник меня пристрелит. И правильно сделает.

Глиссада. Она длится мгновения. Касание, дым резины. Машина рикошетит от бетона, но вот снова касание, хлопок тормозного парашюта. Виляя на полосе, "Стрела" замедляет движение. Гаснет парашют. Остановилась!

- Монах, я Сара. Произвела посадку. Готова получить взыскание.

- Чиф, выпори её дома. Благословенна будь, Сара. У тебя теперь личный позывной. Орлы, запомните этот день!

- Принято!

- На посадку. Первый – Чиф.

- Принято.

Приземляюсь возле её машины. Не могу подняться из кресла – ноги ватные.

- Чиф, что с вами?

- Ты любишь своего сына, Хуан?

- Зачем спрашиваете?

- Не пускай его в небо.

- Он сам решит, Чиф. Как ваша дочка. Вы сейчас можете запретить ей летать, вас послушают. Станет она счастливой?

- Видно, ты прав, амиго.

- Давайте, я вам помогу.

Ликующая толпа расступается. Полковник строго смотрит ей в глаза, подняв ладонью детский подбородок. Малышка стоит по стойке "смирно".

- Вольно, курсант. На первый раз - выговор. Следующее невыполнение приказа – отстраню от полётов. Какой папа, такая и дочка. Храни вас Господь.

Крепко прижимает к груди, глаза влажные.

- Вы меня доведёте, я вас обоих отлучу.

- Пап, у тебя волосы стали белыми.

- Маме не говори. Она меня прибьёт.

- Лучше мы сами скажем. Аккуратно. Всё равно узнает, Монах тут всех всполошил.

- Не делай так больше.

- Как?

- "Козла" дала. Я тебя чему учил?

- Больше не буду.

- Идём домой, надо к маме первыми успеть.

Успели. Наврали три короба, перевели в шутку. Ева долго смотрела в мои глаза. Всё поняла. Села на табурет, вздохнула:

- У меня три шага до смерти. Вы двое и он, - взмахнула рукой на коляску. – А ругать я вас не буду. Никогда. Потому, что люблю. Да и не поможет. Сара, кроме самолётов, на свете существует кухня. Накрывай на стол, вы забрали своими враками все мои силы. Подожди. Я приготовила тебе подарок. По случаю получения персонального позывного. Как знала, что ждать этого недолго.

Маленькая кукла. Традиционный норвежский гномик, но в крагах, на колпаке – лётные очки и надпись: Сара. Я очень редко видел, как она плачет. Слезы прямо брызнули из девичьих глаз, она утонула в объятиях Евы.

- Мамочка. Это же из моего детства. Спасибо тебе, милая. Я никогда с ним не расстанусь. Никогда не волнуйся о нас с папой. Мы помним, что ты сказала. Что бы ни говорили тебе – знай, мы вернёмся. Потому, что ты для нас самая нужная на свете.

Авария показала скрытый дефект конструкции аппарата. В результате вибрации, вызванной пушечной стрельбой, отошёл контакт в цепи управления двигателем. Проверка выявила, что на всех самолётах этот контакт уже был нарушен. Ничьей вины в этом не было, пластик стандартного разъёма просто оказался недостаточно прочным. После облёта машины, Лютый замечаний не высказал. Мы продолжали напряжённые тренировки. Курс космических наук приближался к завершению. И вот мы снова в воздухе всей эскадрильей.

- Я Монах. Высота пятьдесят тысяч, скорость три М, курс двести семьдесят.

- Я Монах. Эскадрилье занять эшелон семьдесят пять тысяч, скорость пять М, Лютый ко мне. Старший группы контроля – Дорн.

- Принято.

Два аппарата, оставляя за собой рассеивающиеся струи белой плазмы, резко уходят вперёд и вверх, к звёздам на чёрном небе стратосферы. Скоро мы видим их лишь на радарх.

- Ковчег Монаху!

- На связи.
- Высота сто сорок тысяч, скорость первая космическая. Перехожу в баллистический режим. Лютый в двух тысячах метров.
- Принято, спутник вас наблюдает. Как самочувствие?
- Чувствуем себя хорошо, настроение бодрое! Невесомость! Немного звенит в ушах, но это описано в литературе. Системы в норме. Ориентируемся на орбите. Порядок, корабли управляются без замечаний.
- Фёдор Иванович, Виктор Иванович! Поздравляем вас и всё честное человечество с возобновлением космической эры! Ровно пятьдесят четыре года назад первый человек Земли, Юрий Гагарин, открыл этот путь. И нам, свободным людям, удалось продолжить его начинание. Ура!
- Наша планета прекрасна, я вижу её с высоты, доступной лишь Богу и человеку. Да будет счастье и мир нашим детям. И пусть они достигнут далёких звёзд, неся к ним добро и свободу.
- Я Ковчег. Группе Дорна занять позицию встречи.
- Принято.

Двадцатикилометровой дугой мы разворачиваемся на заданный курс. Сара летит рядом со мной. Вижу, как её гермошлем поворачивается ко мне затемнённым стеклом, она машет куклой-талисманом, Дауд приветливо салютует. Мы с Хуаном машем в ответ.

- Чиф, мы это сделали! – счастливый голос Хуана по внутренней связи.

- Нет, дружище, мы с тобой это сделаем завтра. Но МЫ это СДЕЛАЛИ!

На тактической картинке дисплея появляются две точки. Они быстро приближаются, замедляя скорость мощными струями плазмы в хвостовой части, двигаясь кормой вперёд. За сорок километров до пересечения курсов, аппараты красивым кульбитом разворачиваются в нормальное положение, и вот мы опять идём сомкнутым строем!

- Ковчег, я Монах. Спуск с орбиты произвели по плану. В составе эскадрильи следуем на базу.

- Ждём вас, мягкой посадки!

На лётном поле – тысячи людей. Кажется, здесь собралось всё население Союза! Героев уносят на руках, начинается торжественная церемония. Нам достаётся малая толика славы, да и не за ней мы летали к границе космоса. Объятия с любимыми, друзьями и братьями по крылу – вот главная награда.

- Папа, спасибо тебе, ты сделал меня причастной к таким событиям! Мама, мы видели звёзды! Когда-нибудь я подарю их тебе!

Вот ради чего стоит жить. Ради кого стоит пройти любые испытания. И я подхватываю на руки маленького сына, возношу его над толпой:

- Запомни этот день, малыш! Этих людей, совершивших невозможное. Эти корабли, прикоснувшиеся ко Вселенной. Твою мать и сестру, строящих твоё будущее.

- И твоего отца, посвятившего этому свою жизнь, - добавила Ева, принимая младенца в свои руки. – Вам надо отдохнуть, пилоты. У меня сегодня праздничный стол. Сара, будь добра, пригласи Дауда и Ирвина с Ахмедом. Андрея. Ребята они холостые, пусть поужинают с нами. Наши высокопоставленные друзья сегодня слишком заняты. Петя с Джейн и

Элизабет уже отправились, они тоже приглашены. Люси обещала заглянуть.

У дочери радостно сверкнули глаза. Убежала. Так.

- Солнышко, а делится ли дочка с тобой сердечными тайнами?
- Это большой и давний секрет. Я обещала.
- Но ведь у нас с тобой нет секретов?
- Федя, если ты меня подведёшь...
- Могила.
- Она тайно влюбилась в Ирвина, еще совсем девчонкой, на уроках навигации. Но он не догадывается, хотя почему-то и не женится. Пора бы, уже двадцать шесть лет. Но я тебя умоляю, Федя!
- А что, отличный жених. Мы с ним чудесно ладим, учил меня летать. Золотой парень.
- Но ведь она совсем ребёнок!
- В космос слетать, посадить скоростной истребитель – так взрослая. Но мы ведь и не торопим. Пусть сами решают.
- И я того же мнения. Всё равно, рановато. И знаешь... Уйдёт к чужому человеку. Ещё обидит ребёнка. Прикипело к ней моё сердце.
- За это и люблю тебя, родная. И дочку люблю, мы с ней вообще родственные души, отец Фёдор так и сказал: обоих отлучу.
- Что вы опять отчебучили?
- Да нет, это по случаю той посадки, к слову пришлось ему вспомнить и мои выходки.

Вечеринка удалась. Пилотам завтра вылетать, гуляем без спиртного. Лишь Петя с девушками пригубили шампанское за День Космонавтики. Пили чай, шутили, танцевали. Молодёжь мечтала о звёздах, и я мечтал вместе с ними. Мы крепко подружились за время подготовки, у ребят пропала робость перед старшим по возрасту и званиям, а позывной Чиф уже давно стал словом нарицательным. Я стал одним из них, мы делали одно общее дело, и это чувство единения стоило многого и для меня, и для них. Сара была своим парнем на аэродроме со дня закладки первой площадки для вертолёта Майкла и Ирвина. Я незаметно наблюдал за дочкой и парнем. Они вели себя подчёркнуто так, как и все, вступали в дискуссии и споры, ничем не выделяя и не обделяя друг друга, даже иногда подтрунивали один другого. Я провокационно объявил белый танец, и дочка пригласила Дауда, своего штурмана. Ох уж эта молодёжь! Ева сама пригласила Ирвина, затеяла с ним какой-то разговор. И только лёгкий румянец на щеках Сары сказал мне обо всём. Мама нарушила негласное правило, показала ей, что помнит об этой тайне. Девочке было и приятно, и страшно – а вдруг ОН поймёт? Хотя так мечталось, чтобы понял! Меня пригласила Джейн.

- Мистер Фэд, ваша дочка идёт по моему пути.
- Мне казалось, что по моему. Я в том смысле, что, хотя мы с вами и коллеги по профессии, но я, проклятый дезертир, увёл дочку в другую стихию.
- Вы не дезертир. Дезертиры не руководят такими работами, как мы проделали на "Шельде". Я о том, что девочка чувствует себя своей в коллективе, призванном выполнять мужскую работу.

- Я понял, Джейн. И эта девочка продолжает оставаться при этом леди. Может, это и нескромно, хвастаться дочерью, но я действительно это наблюдаю. И у неё перед глазами идеальный образец для подражания. Это – вы.

- Ева, по её душевной чистоте, привила ей излишне высокое мнение о моей персоне, вот чего я побаиваюсь, Фэд. Как бы не пришло откровение вместе с возрастом и первыми потерями. Мне будет искренне жаль Сару, если такое случится, я её люблю, мы очень дружны, опять же, благодаря вашей супруге. Я опасаясь, что в случае разочарования девочка может меня возненавидеть. Знаете, тяжело быть разрушенным идеалом.

- Мы с вами коллеги, и не мне вам рассказывать, что часто моряки не находят общий язык со своими детьми. Я не исключение, и длительные походы не дают мне возможности знать все душевные тайны моего ребёнка. Но Сара – цельная натура, Джейн. Кого-то или что-то она любит и ценит, не оглядываясь на чужое мнение и собственные проблемы. Возможно, это врождённое, её родители были интеллигентные люди. Что-то хорошее ей определённо дала Ева, я знаю это по себе. Ну а плохому она учится у меня. При всех моих недостатках, вы не можете отрицать, что я умею добиться своего. И знаете, что для меня ваш пьедестал несокрушим. Мы стали очень дружны с дочкой, я счастлив тем, что втянул ребёнка в это опасное, но захватывающее дело. Такой вот вурдалак. А вы – светлый идеал для неё, я знаю точно, что она ему никогда не изменит. И за это я вам очень благодарен. Даже личные отношения она строит так, чтобы один раз – и навсегда. Как леди Джейн.

- Вы знаете?

- Знаю. И не собираюсь вмешиваться. Думаю, у ребят всё сложится не хуже, чем у вас с Питером. А что касается ваших опасений – просто оставайтесь собой, леди Джейн. Сара сама увидит, что следует брать в пример. У неё сложный возраст, умноженный на непомерные нагрузки. Она сильная девочка, и сама разберётся, как пройти испытания и выйти на правильный курс.

- Вы хороший отец, мистер Фэд. Дочке легко будет идти за вами.

- Пока что я ведомый в её паре.

- Даже так?

- Она показала лучшие результаты в групповом полёте и организации боя. Я ведь разведчик, одиночка. Привык думать только о себе. А она – думает обо всех. Даже о нас с вами.

- Вы счастливый отец.

- Да, Джейн, я счастлив прикрывать в бою свою дочь. И наживать седины, наблюдая её аварийные посадки.

Эскадрилья уходила в космос. Перегрузка сжимает грудную клетку, всё внимание – на приборы. Тяжёлое дыхание напарника в наушниках. Автоматика отключает двигатели. Невесомость! Но счастье кратковременно.

- Я Монах. Осмотреться.

Чёрточка корабля Сары – в километре впереди. Остальные слишком далеко, вижу их только на дисплее. Тест аппаратуры.

- Я Чиф, аппарат в норме, наблюдаю ведущего. Ориентирую машину по Солнцу.

- Принято. Строй конус!

Вспышки плазмы, две минуты – и я вижу над головой четыре наших машины, зависшие в чёрной пустоте. Командир на экране завершает пространственный конус – так задумана тактическая форма построения эскадрильи для космического боя. На дисплее прямо по дуге орбиты – встречный объект. Расстояния измеряются в тысячах километров, здесь космические скорости.

- Я Чиф. Цель захвачена.

- Эскадрилья, к бою!

- Огонь!

Двенадцать огненных полос вонзаются в объект, невидимый глазом. Вспышка в черноте.

- Цель поражена. Чиф – наземная цель двенадцать. Сара – цель сорок два. Четвёртый – цель двадцать один. Дорн – цель семь. Лютый – цель восемь. Огонь по мере прохождения!

Мишени разбросаны по всей планете. Вот и моя. Хуан производит захват, большой палец над пультом. Оружие готово! Пли! Два огненных шара уходят в синюю дымку атмосферы. Дисплей очистился от красной точки.

- Я Урал-Два. Цель двенадцать поражена.

- Я Пижма-Один. Цель сорок два поражена.

- Я Прибежище-Один. Цель двадцать первая поражена.

- Я Бискай-Восемь, Седьмая цель поражена.

- Я "Пирания", цель восемь уничтожена.

- Я беспилотник-Шесть. Цель четырнадцать уничтожена.

- Я Монах. Учебная одиночная цель в созвездии Плеяды, дистанция сорок тысяч километров!

Мы разворачиваем аппараты и даём плазменный залп. Наши заряды уносятся так далеко, что не видно даже вспышек.

- Я Стационар-Один. Взрывы в семи тысячах, в созвездии Кассиопеи.

- Я Монах. Строй пеленг, дистанция один.

Эскадрилья выстроилась в безвоздушном пространстве.

- Я Монах. Орлы, поздравляю с первым космическим полётом. Поставленные задачи выполнены. Пятнадцать минут на впечатления. Соблюдать строй и радиомолчание. В добрый час, ребята! Надеюсь, не только воевать мы будем в святых небесах.

Над головой, только руку протяни – родная планета. Проплывают континенты, видны горы и реки, океаны отливают голубизной. Тело просится в полёт, Хуан играет в воздухе карандашом. Но мы не на космической станции. В кабине, напичканной приборами и органами управления, не разгуляешься. Высотный костюм, гермошлём и ляжки привязных ремней сковывают движения. "Стрела" – машина для боя, а не для путешествий. Но всё же, всё же! Я – в космосе. Моя дочь в

километре от меня испытывает удивительные чувства. Одиноким ребёнок, найденный в горных развалинах, поднялся над планетой. Она только начинает жить. Впереди у неё – звёзды.

- Хуанито, дай твою руку.

- Ильич, мы в космосе! Я благодарен судьбе за то, что свела меня с вами. Внукам буду рассказывать, с кем мне выпала честь впервые увидеть звёзды, испытать эти чувства.

- Нам всем повезло, амиго. Вы все – самые лучшие. Мы навсегда останемся верными друзьями. После этого зрелища быть по-другому просто не может. И мы в ответе за тех, кто сейчас там, на этой планете. Видишь, какая она маленькая? Мы должны сохранить её для наших детей и внуков.

- Я Монах. Включить программу снижения. Спуск с замыкающих. Задержка номеров – три секунды. Чиф, начинаю отсчёт. Три, два, один, старт!

Тело вжимает в спинку сидения. Я не управляю процессом, это под силу только электронике – регулировать мощность двигателей и положение аппарата в пространстве. Через минуту машина делает головокружительный кувырок и выходит в режим свободного скольжения. Пора браться за штурвал. В ста двадцати километрах – точка на экране.

- Сара. У неё всё в порядке. Завидую вам, Чиф. В первый полёт – и с дочкой. Славная у вас девочка.

- Спасибо, друг. Надеюсь, твоему сыну тоже выпадет счастье, но ты покажешь ему звёзды не на боевой машине.

- Ковчег, я Монах. Эскадрилья в атмосфере, все в норме. Следуем на базу.

- Принято. Поздравляем новичков с космическим крещением. Мягкой посадки.

Они там, видно, из зависти так сухо. Не пойму этих военных. Спуститься с высоты семьдесят пять километров – это тоже непросто. А на Ковчеге цветут сады.

Глава 40.

Пираты Сеуты.

2015, май, 12. Средиземное море.

Ник Шепард смотрит на меня знакомым взглядом.

- Куда лететь, сэр?

- Вновь приобретённое судно швейцарцев подверглось нападению со стороны наших старых знакомых в проливе Гибралтар. Плазменный излучатель на нём не успели установить, моряки вступили в бой с использованием пушки и пулемётов. Отбились, но понесли потери. У бандитов уже не только лодки. Был даже вертолёт. Пора решать.

- Что говорит разведка?

- Беспилотный аппарат отследил довольно сложную схему. В окрестностях мыса Леона образовалась группа укромных скалистых

бухт. Очень удобное место для засады. На господствующей высоте 848 установлен мощный радар, контролирующий подходы к проливу почти на сотню миль. Он включается каждый час на короткое время. Приближающиеся суда просто обречены быть отслеженными. За последнюю неделю были атакованы два корабля, после захвата они были ограблены и потоплены. Третий, "Швейцарец", отбилсЯ, но дорогой ценой. Захваченные экипажи вырезаются, изредка угоняются в плен, груз и припасы перегружаются на маломерные суда. Эти суда следуют в залив Сеута, входят в реку в районе города Мартил и выгружаются в долине у разрушенного Тетуана. В горном распадке построено укрепленное селение, его население – не менее трёх тысяч человек. Земледелием не занимаются, не обнаружены и признаки какого-либо производства. Однако, бедным их существование я бы не назвал. Судя по всему, пиратство приносит неплохой доход. В укромных местах обнаружено восемь судов разного типа, видимо это их трофеи. Настоящий бандитский притон. Командование склоняется к мысли о его полном уничтожении. "Европа" и "Быстрый" сегодня снимаются в поход. Ваша задача – на "Соколе" произвести окончательную разведку в целях предотвращения ненужных жертв. После начала операции – корректировка огня. Вопросы?

Вопросов не было. Последние годы перед катаклизмом пиратство расцвело махровым цветом во многих регионах, через которые пролегали наиболее оживлённые морские трассы. На примитивном уголовном уровне оно существовало всегда, от мелкого воровства в каютах экипажа до захвата пароходов с целью перепродажи груза. Такие случаи были не редкостью, к примеру, в Малаккском проливе. На следующее в пути судно ночью высаживался "десант" со скоростного катера. Бандиты врывались в каюты спящих моряков и, угрожая ножами, попросту обчищали их карманы и рундуки. Капитана принуждали "поделиться" судовой кассой. Обычно на борту не было особо крупных наличных денег, и чаще всего моряки отделявались разбитыми носами и лёгким испугом. Даже были рекомендации не оказывать морским гопникам сопротивления во избежание ненужных осложнений.

Как и на берегу, уголовный бизнес быстро попал под пристальное внимание "высших кругов общества" ведущих держав. Как повелось, вместо того, чтобы использовать данную им власть, государственные средства и вооружённые силы для защиты мирных граждан и наведения порядка, эта публика попросту этот бизнес возглавила. И мир узнал о сомалийских пиратах. Караваны судов следовали со Средиземного моря в Индийский океан через Суэцкий канал и Красное море. Это экономило месяц пути вокруг Африки. И вдруг в пустынной Сомали, где и слово-то "государство" мало кто слышал, появились быстроходные современные катера, солидные корабли-матки для их обеспечения в открытом море, современные средства навигации, разведки и наведения. А главное – крупнокалиберные пулемёты, базуки и хорошо подготовленные специалисты по применению всего этого хозяйства. Вот подкопили деньжат бедные сомалийские козопасы в своей пустыне, и организовали целый пиратский флот, начавший терроризировать десятки судов, имевших неосторожность приблизиться к Баб-эль-Мандебскому проливу.

Бизнес пошёл так хорошо, что в начале второго десятилетия третьего тысячелетия пиратов уже можно было встретить на всех просторах великого Индийского океана. Уничтожить их корабли и береговые базы могло небольшое военно-морское соединение достаточно развитой страны. Но никто не делал этого. А чтобы не болели головы джентльменов удачи, какое судно выбрать для ограбления с наибольшей выгодой, в международных морских организациях были предприняты поистине грандиозные шаги. Ведь заправляли там те же, кто занялся серьёзным пиратским делом. Каждое морское судно было оборудовано специальной спутниковой системой опознавания. Нажав кнопку прибора, можно было узнать название, тоннаж, принадлежность, пункт назначения и другие нужные пиратам сведения о корабле. Береговые диспетчерские службы в важнейших пунктах всех морских трасс подробно интересовались грузом, запасом топлива и даже количеством людей на борту. Чтобы, значит, жители пустыни знали, сколько заложников они возьмут в плен и на какой выкуп можно рассчитывать. Оказывать сопротивление или, не дай Бог, вооружать экипажи строжайше запрещалось.

На российских дорогах автолюбители издавна ненавидели дорожно-патрульную службу. Призванные следить за состоянием движения, дорог и безопасности на них – эти "государственные служащие" занимались самым настоящим вымогательством, устраивая засады на сложных перекрёстках или у знаков ограничения. Нарушителя останавливали и начинали оформлять протокол на взыскание штрафа. Обычно от них легко можно было откупиться, вручив половину положенной суммы в качестве взятки. Размер её сильно зависел от того, на чём вы едете. Водитель старенького "Жигуля" мог вообще отделаться лёгким матерным "пошёл...". Но уж водителю трейлера с контрабандным спиртом или контрафактными компьютерами отправитель груза заранее выдавал "командировочные", соответствующие немалому проценту вероятной прибыли. "Государственные деятели" регулярно повышали тариф..., пардон, размеры официальных штрафов. Ведь сержанту с полосатым жезлом доставалась лишь малая толика поборов, основные суммы шли "наверх", и исчислялись они цифрами гигантскими. А тут по морям плавают миллионы судов! И появились свои полицейские. Конечно же, в первых рядах – американские, затем НАТОвские боевые корабли и вертолёты. Этот флот мог бы очистить от негодяев весь мировой океан, но он занялся своим рэкетом. Хочешь пройти этим маршрутом без проблем – плати за конвой. Десятки и сотни тысяч долларов, это вам не российское бездорожье. Жадный? Заплатишь, как водится, дважды. И намытарятся твои моряки – мама не горюй. Шикарный бизнес. Сидит себе благовидный джентльмен где-нибудь в Сити и барабанит пальцами по клавиатуре компьютера. Ага, вот и приз!

- Алло, Алибаба! Завтра в семнадцать по твоему времени подходит такое-то судно. Курс, скорость, тоннаж, экипаж... Что? Нет проблем, дорогой, конвой будет в двухстах милях, разве я тебя хоть раз подводил?

Так куётся удача, джентльмены! И уже завтра в восемнадцать часов по местному времени два десятка моряков, избитых и растерянных, станут

не людьми, а товаром. Предметом торга. И захочет ли их выкупать на свободу прощелыга-судовладелец, застраховавший свою купленную на свалке металлолома калошу по высшей ставке и нагрузивший её застрахованным же грузом? Тот ещё вопрос. А правительство родины, которое осаждают семьи моряков в надежде спасти кормильца, станет воротить нос: ваш моряк работает под флагом великой морской державы Монголии, туда и обращайтесь.

Когда-то жулики мечтали совершить преступление века. Такое, чтобы сорвать наибольший куш и не попасть за решётку. В наше время эти преступления совершались каждый божий день на глазах у миллионов людей. И не то, что о решётке – об испорченном настроении преступники не желали слышать. Удалите из моего кабинета эту истеричную морячку! У меня от визга мигрень, она меня отвлекает от работы, на мониторе компьютера два десятка пароходов, я не могу выбрать!

Миром стали править уголовники. И мы сами в этом были виноваты. В какой-то момент мы забыли простое правило живой природы: стаей, прайдом, племенем, обществом – должен руководить достойнейший, заботящийся о благосостоянии всего общества, а значит – каждого его члена. Как только он нарушит это правило – он уже не вождь, а во многих живых системах даже не жилец. Пришла пора исправлять ошибки.

На задание я собирался с настроением. Давно хотелось поквитаться за товарищей. Да ведь это же простые исполнители, спросит кто-то. Отвечу. При abordage одного судна неосторожный налётчик вывалился с атакующей лодки за борт и попал под гребной винт. Его фарш пришёлся по вкусу акулам. Когда пленённый экипаж оказался в прибрежном посёлке, семья покойного бандита категорически потребовала выдать им пять моряков. Для кровавой мести за погибшего "при исполнении служебных обязанностей". В другой раз экипажу удалось отбиться и даже захватить в плен нескольких бандитов. Естественно, уркам слегка досталось на орехи от сердитых мариманов. Так "общественное мнение" в лице купленных пиратскими главарями газетчиков и прокурора отпустило "пострадавших от произвола" пиратов с извинениями и предоставлением европейского гражданства. И устроило судебный процесс морякам, "нарушившим права человека". Ещё вопросы имеются? Корабли уже на подходе. Мы с Хуаном скользим над ночными горами. Четыре часа назад мы установили мину. Петя продолжает совершенствовать нашу электронику. Небольшое устройство включится по сигналу пиратского радара, и в радиусе десяти миль сгорят все электронные приборы. Электромагнитный импульс, как при взрыве небольшой атомной бомбы. Поэтому мы убрались подальше, опасаясь за аппаратуру "Сокола". Разведка подтвердила наличие двух сторожевых кораблей и трёх рыболовецких баркасов среди прибрежных скал. Два десятка моторных лодок. На вершине стоит мёртвый вертолёт бандитов, возле него мечутся люди. Пытаются понять, почему ничто не включается. Даже не подозревают, что они уже не лётчики-налётчики, а лица без определённого места жительства. Ибо Хуан уже дал картинку на корабли, и внизу вспыхивают белые плазменные взрывы. Пушечным

огнём разгоняем публику на вершине. Здесь будет наблюдательный пункт Союза. Все флаги – в гости к нам! Вздумаешь хулиганить в окрестностях – на виселицу. Жаль, раньше руки не доходили.

- "Европа", я Чиф. Флот противника уничтожен.

- Принято. Следуйте по плану.

Следуем в город. Беспилотник показал, что сброд в нём проживает редкостный. Кто там писал книги о благородных пиратах Карибского моря? Обычная гнилая шелупонь во главе с жестоким подонком. Паразит по определению грязная тварь. Паразиты, переживающие удачные денёчки своего тараканьего гнезда – трижды отвратительны. Пир во время чумы. Добавить нечего. Наша задача очень проста. Не допустить попаданий в несколько зданий этого клоповника. Там что-то сродни невольничьему рынку. Несколько десятков мужчин и женщин согнаны из захваченных кораблей в преддверии завтрашних торгов. Мы занимаем позицию над центром городка, Хуан в очередной раз уточняет боевой планшет.

- "Европа", я Чиф. Картинка готова.

- Принято. Залп через минуту. Будьте осторожны.

На дома падает огненный ливень. Плазменные установки совершенствуются с каждым днём. Они могут ударить смертоносным шаром размером в монгольфьер, способным сжечь соседнюю гору. А сегодня та же батарея отправляет по тридцать мелких зарядов, каждый из которых знает, жителям какой глиняной халупы крупно не повезло. Окружающие рынок дома оставляем нетронутыми, чтобы не навредить запертым в центре людям. Постояльцы уцелевших зданий в панике покидают город, не позаботившись о вопящих от страха невольниках. Стадо, бегущее от возмездия, вскоре накрывает наш пламенный привет.

- Хуан, я недавно нашёл-таки мой любимый фильм. Хочу, чтобы ты посмотрел.

- О чём он?

- О наших старших коллегах, пилотах Великой Отечественной Войны. Называется "В бой идут одни старики". Старое, наивное кино. Но до боли душевное и чистое. Какие были люди! Сара плакала, когда смотрела.

- Значит, и мне следует увидеть. У вашей девочки чуткая душа.

- Там есть такая фраза: Развалинами Берлина удовлетворён! Так вот, следом за Маэстро, главным героем этой картины, я хочу заявить: Развалинами этого гадюшника удовлетворён. Идём спасать людей, пока они не сошли с ума.

Их оказалось больше сотни. В основном – моряки и пассажиры захваченных судов. Отобраны самые молодые, крепкие и здоровые люди. Опять проклятый Дарвин. До побережья – два часа пешим ходом. Я не намерен примазываться к славе библейского Моисея. Кратко объяснив ситуацию, указываю им направление к морю. К их приходу наши корабли будут на месте. А мы с Хуаном отбываем, ибо операция в разгаре. Беспилотник обнаружил корабли, пригодные к использованию. Каждый из них обслуживают выжившие члены экипажей под охраной нескольких пиратов. Комбинация проста. "Европа" и "Быстрый"

врываюся на место стоянки и выдвигаю ультиматум. Мы с воздуха незаметно контролируем ситуацию. Начали!

Я был вынужден использовать оружие только один раз. Четверо вооружённых бандитов развели костёр на крышке трюма сухогруза и что-то стряпали. Когда появились наши корабли, они бросились к надстройке с явным намерением прикрыться заложниками. Жуткий лай моей пушки снёс их кровавые куски за борт. Тренировки в эскадрилье "Стрела" не прошли даром, судно повреждений не получило. К утру наш флот пополнился пятью грузовыми судами и двумя рыболовными траулерами. Одно судно было слишком повреждено. Мы отбуксировали его на отмель, пойдёт на запчасти. Освобождённые моряки вернулись на родные корабли или присоединились к их экипажам. Три десятка человек, не связанных с морем, разместили на "Европе". Восемь больных и раненых попали в лазарет эсминца. Ни один не пожелал остаться или уехать в родные края: прошло много времени со дня всемирной беды, люди хорошо знали обстановку. Шанс попасть на Ковчег сегодня расценивался среди скитальцев наравне с возможностью попасть в рай. Целый караван потянулся через Гибралтарский пролив. Наши корабли выдали необходимые запасы топлива и масел до последней капли, поражая вновь поступивших инженеров. Их коллеги на лидере и эсминце только посмеивались. Мы растём, и нам нужен большой флот. Работой мы с Джейн обеспечены на месяцы. Пополнение флота выглядело очень печально. Но и здесь произошёл отбор. Третий год без нормального ухода и ремонта оставаться на плаву могли только добротные, надёжные корабли. У нас есть всё, чтобы они стали ещё лучше, чем в тот день, когда впервые покинули причал.

Скала Гибралтар интереса не представляла. Ей достались не менее трёх ядерных ударов. Мы с Хуаном получили приказ обследовать Атласские горы "по диагонали". Беспилотный разведчик по завершении операции пошёл в прочёсывание прилегающих территорий согласно долгосрочной программе, а нам следовало змейкой пронестись над заданным районом в поисках возможных поселений. Ставшее привычным, но по-прежнему угнетающее зрелище разрушенных городов, безжизненная пустыня на юге. В трёх сотнях километров от Сеуты подобрали сына с отцом. Им удалось выжить благодаря баранам. Пора ставить в Ковчеге памятники этим животным и рыбе. Я нашёл в компьютере разговорник, специально подготовленный на такие случаи. Лишь после небольшой речи на арабском языке, прозвучавшей из динамиков, люди поняли, что пришло избавление от одиночества и беспросветной нищеты. Быстро собрались, подогнали к "Соколу" десяток животных. Честно, я бы и рад. Но не в МОЙ САМОЛЁТ! Хуан закусил губу, чтобы не обидеть смехом наших найдёнышей. Он знал историю с Козлевичем. Боцман Григорий Иванович в тот день простил бы мне все обиды. Переговоры с аборигенами затянулись, и я использовал космический канал, связался с господином Вороной для решения деликатной проблемы. Разговор был долгим. Тяжело вздыхая, хозяева увели своё стадо за бугорок и вскоре вернулись с тушками. Сегодня в Ковчеге будет шашлык. Боюсь только, что нас с Хуаном не пригласят на этот праздник живота. Я приземлил "Сокол" прямо у ворот фермы Саида:

- Принимай пополнение, друг!

Марфа с мужем быстро нашли с гостями общий язык. Приступили к выгрузке. Нас не отпустили, пока вся компания, включая месье Жака, не выпила этого крепчайшего напитка, по сладости не отличающегося от первого поцелуя – кофе по-турецки. Мы уже натягивали шлемофоны, когда подошёл Абдулла, приехавший с нами. В руках он держал увесистый свёрток. Я стал отнекиваться, но Саид сказал:

- Фэд, нельзя отказываться. Ты этим очень обидишь уважаемого человека.

Расставались, как лучшие друзья.

- Хуан, бери Юлю с сынишкой и приходите в гости. Будем мы сегодня всё-таки с шашлыком.

- Может, и соседей пригласить? Мяса на всех хватит.

- Ну, конечно же! – мы переглянулись и рассмеялись. У меня есть ещё один друг, с которым всё понятно без лишних слов.

У него в соседнем домике живут холостяки – Ирвин и Ахмед с Даудом. Кроме радости встречи, сделаем дочке подарок для сердечка. Мы пили испанское вино, ели восхитительное мясо и пели под гитару русские песни. На Ковчеге официальными языками были признаны английский и испанский – ими владели большинство из нашего многонационального братства. Дети изучали их в школе в обязательном порядке. Где бы мы ни бывали, всегда искали и привозили учебники на всех языках мира, чтобы родители могли сохранить для детей родную речь. По прибытии киевлян, появился клуб русского слова. На общественных началах открылись кружки для деток, изучающих родные языки. Джейн, Мари и Люси свободно общались с нами на русском. Макс признавался в любви к жене по-французски. Ник Шепард не упускал случая попрактиковаться на языке главнокомандующего. Общаясь в сложившихся коллективах, многие в достаточной мере овладели ещё двумя-тремя наречиями. Сара давно болтала по-русски почти без акцента. А пилоты и курсанты, выражая своё уважение к Фанатикам, довольно сносно говорили на языке Пушкина, разбавляя его боевыми цитатами отца Фёдора и крепкими словечками Виктора Ивановича. Речевой винегрет был многообразным и ярким. На общем собрании кто-то заикнулся о создании языка Ковчеха, но был раскритикован. Глупости! В каждом языке есть своя прелесть и выразительность. Классик недаром сказал о связи количества известных человеку языков и его культурном уровне. Идиотские потуги некоторых бывших самостийников ограничивать в государствах использование языков соседних братских народов, которыми владело почти всё население – это преступление против культуры родного народа. Но в этот вечер мы не хотели думать о таких вещах. Мы радовались новой победе, наслаждались дружбой и любовью, готовились встретить завтрашний день таким, каким пошлёт его судьба. Мы не боялись судьбы. Мы сами её создавали.

Молодёжь расходилась по домам. Сара пошла их проводить. Что-то она долго. Мы уже собирались укладываться, когда она появилась. Глаза сияют. Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Ева лишь переглянулась с ней, и они бросились друг другу в объятия.

- Ну-ка, делитесь со мной.

- Фёдор, не заставляй девушку краснеть.
- В любви нет ничего позорного, чтобы краснеть. Это святое чувство. У нас уже большая девочка. Кто же этот счастливчик? Говори, дочка, ты же знаешь, ведомому нужно доверять.
- Папа, Ирвин мне признался... Сказал, что уже давно, ещё в школе. Только ждал, когда я подрасту. Дурачок. А я мучилась, боялась, что он может жениться...
- Девушка уткнулась в моё плечо.
- Я очень рад за вас, солнышко. Хотелось бы, чтобы ваше счастье было вечным. Подарите нам внуков. Ева, у нас, русских, будут внуки - норвежцы.
- От этого они не станут нам чужими.
- Папа, рановато об этом. А вдруг он передумает?
- Я знаю этого парня лучше, чем ты. Я видел его в боях, он был первым моим штурманом. Такой не передумает. Хотел бы – уже давно женился бы. За ним знаешь, какие девушки увивались?
- Я им поувиваюсь!
- Не волнуйся. Мы теперь в одной эскадрилье, будет у тебя на глазах. Только не теряй голову. В небе он только ведомый второй пары. Пожалуйста, помни об этом. Учись у леди Джейн. Она не смешивает личные и служебные отношения.
- Папа, как ты мог подумать?
- Я не хотел тебя обидеть, дочурка. Но предупредить – моя обязанность. Давайте ложиться, уже поздно. И не вздыхать в темноте, а спать, завтра сложные полёты. Всё будет хорошо, милая. Мы с мамой действительно счастливы. И немного расстроены.
- Чем?
- Уйдёшь от нас, позабудешь стариков.
- Ну, уж нет. Я вас никогда не брошу. И никакие вы не старики, вам ещё Диму растить. А тебе прикрывать командира.
- Вот за это будь спокойна. Дай тебя поцелую, не одному Ирвину такое счастье!
- Федя, не смущай девочку.
- Я по-отцовски, не ревнуй.

Глава 41.

Американские норки.

2015, июнь, 16. Ковчег.

Домик трясло, словно корабль в сильный шторм. Земля гудела, испуганные люди выскакивали на улицу, метались в панике. Ева с младенцем на руках тоже бросилась во двор в одной ночной рубаше, я вытолкнул за дверь полусонную Сару, схватил в охапку всё, что висело на вешалке, тоже покинул помещение. Землетрясение!

- Всем отойти от зданий! Сохранять спокойствие!

Толчки прекратились через пару минут. Разрушений не было. Юрген сдал свой главный экзамен на "отлично". В сутолоке кто-то подвернул

ногу или расквасил нос, но люди остались живы. Переждав некоторое время, стали возвращаться в дома. Успокоив семью, я направился в штаб. Там уже собралось почти всё руководство, звонили телефоны. Ник Шепард по селектору опрашивал посты и корабли. Никто серьёзно не пострадал. Электростанции тоже выдержали удар с честью, энергия продолжала поступать.

- Информация из центра космического наблюдения. Зафиксирован ядерный взрыв в Чукотском море. Запись со спутника показала пролёт неизвестного самолёта над местом взрыва пятнадцатью минутами ранее. Мы направили в этот район два дополнительных спутника, чтобы отследить его. Эти явления связаны между собой. Похоже, кто-то решил расправиться с Ковчегом. Мистер Фэд, я попросил бы вас пригласить миссис Еву для консультации.

Оставив сына на попечение Сары, Ева прибыла на совещание.

- Миссис Ева, что вы можете сказать, как геолог, о геофизическом оружии?

- Конкретных сведений у меня нет, эти разработки были засекречены. Но, как специалист, я могу сказать, что разговоры о таких явлениях имеют под собой почву. Ходили упорные слухи, что землетрясение в Армении 1987 года было спровоцировано подземным ядерным взрывом в тысячах километров от эпицентра. Специалистам известны границы материковых плит, линии напряжённости в них. После всемирной катастрофы, вероятнее всего, подробная картина изменилась, но в общем-то материки остались на месте. Для специалиста, обладающего картой этих линий, не составит труда рассчитать точку мощного воздействия на одном конце линии, чтобы получить результат в другом месте. Я не имею такой карты, но общую картину материковых плит представляю довольно подробно. Если бы меня попросили, образно говоря, прицелиться в Ковчег, я бы искала точку на Аляске или в Чукотском море.

- Благодарю вас. Вы развеяли наши сомнения.

- Что происходит, мне ничего не объяснили?

- Ядерный взрыв в Чукотском море. Разведка отследила самолёт. Он следует на юго-восток над территорией Канады. Эскадрилья "Стрела" - боевая тревога!

Я подбросил Еву домой на джипе, захватил предупреждённую Сару и помчался на аэродром. Техники уже готовили машины. По дороге я рассказал дочке о происшествии. Через пятнадцать минут наши аппараты мчались в стратосфере чуть не на космической скорости. Через два часа мы прибыли в Америку. Если бы кто-то сказал мне об этом полгода назад, я бы посоветовал ему посетить врача. Мы начали спуск.

- Я Монах. До цели двести километров. Строй колонна, попарно. Пассивная разведка. Нас наводят по спутнику. Задача – отследить базу.

- Принято.

На тактическом экране появилась галочка самолёта противника, цифры его высоты и скорости. Он снижался над северной частью штата Айдахо. Сканер уловил переговоры пилота с диспетчером:

- Скала, я борт второй. Включите наведение.

Вслед за Монахом мы прижались к горам. Дистанция – тридцать километров. Писк датчика радарного излучения. Группа резко сближается с целью. Вот уже виден сам самолёт. Заняв позицию позади "Боинга", мы крадёмся по следу. Впереди показалась полоса. Хорошо замаскированная среди скал, она заметна только проблесками огней. Самолёт касается земли.

- Я Монах. Стать в круг, вести наблюдение. Не высовываться.

- Принято.

Нырря среди гор, я по часовой стрелке веду машину вокруг базы. Хуан весь внимание.

- Чиф, бункер в конце полосы. Самолёт уже зарулил, створки закрываются. Снаружи никого. Радар молчит.

Докладываю командиру.

- Я Монах. Группа, беглый огонь в люк!

Они не успели закрыться. Двенадцать плазменных болидов – страшное дело. Монах выжидает минуту, накапливая заряд, бьёт по антенне радара, покрытой маскировочным шаром. Под землёй творится ад, из полузакрытых створок люка вырываются языки взрывов. Знакомая картина: в теле горы появляются зевы ракетных шахт.

Расходимся веером, краткая команда – и мы поражаем восемь пусковых установок. Как делишки, господа? Согрелись? Сейчас, мы только отойдём подальше! Восемь вулканов изрыгают в небо адское пламя ракетного топлива. Удаляемся на пятнадцать километров, и на злосчастный бункер падает четыре гигантских шара – привет от стационарных установок союзников. Я такого ещё не видел. Кажется, в планете пробили дыру размером в полкилометра. Ужас сковывает сознание. Монах собирает группу. Садимся в тридцати километрах от адского пожара. Потрясённые пилоты некоторое время не выходят из кабин. Но вот командир уже машет нам рукой.

- Ну что, орлы, головы повесили? Так будет с каждым, кто посягнёт на Ковчег.

- Даже не узнали, кто это был, - произносит Лютый.

- Меня проинформировал мистер Шепард. Это был бункер стратегического резерва Соединённых Штатов. Его не смогли одолеть два ядерных удара. Кто-нибудь заметил, какой там был уровень радиации? А воронки от взрывов?

- Я видела оплавленную воронку в моём секторе.

- И я видел в трёхстах метрах севернее вершины.

- Молодцы, кое-что вы уже умеете. Отдыхаем полчаса, меня эта картина тоже поразила. Молодёжь! Поздравляю с первым боевым вылетом. Так держать!

- Спасибо, товарищ полковник.

- Я получил приказ обследовать ещё одно место в этих краях. В горах штата Колорадо, у истоков Рио-Гранде, предполагается наличие правительственного убежища. Разведка имеет сведения о двух радиосеансах из этих районов. Сейчас это место обследуют спутники. Мы тоже

кое-что предпримем. Ждите меня здесь, я сметаюсь поближе, запущу беспилотник. Он нам многое расскажет.

"Стрела" командира растаяла в небе. Через двадцать минут он вернулся. Мы подключились к космическому каналу, передающему сигнал беспилотного разведчика. Да, с такой техникой можно воевать! На экране проползает горный массив. В инфракрасном диапазоне видны два пятна – вентиляционные люки подземелья. Живы, касатики. А вот и взлётная полоса, упирающаяся в бетонную стену. Всё понятно. Купол радара на вершине тоже закомуфлирован.

- На взлёт!

Наши аппараты зависли большим кругом, в центре которого – бункер. Командир уничтожил радар, мы контролируем любое изменение обстановки.

- Подземное убежище правительства Соединённых Штатов Америки, штат Колорадо! Вас вызывает Ковчег! Вы обнаружены и окружены. Бункер в штате Айдахо уничтожен. Выходите с поднятыми руками. Малейшие попытки сопротивления приведут к вашему полному уничтожению. В конце взлётной полосы находится контейнер с видеозаписью гибели ваших коллег. Даём двадцать минут на ознакомление и размышления. По их истечении будет произведен залп, у вас нет шансов. Говорит командир эскадрильи "Стрела" полковник Гринёв. Время пошло!

Через пару минут появляется фигурка человека, подхватывает коробку и исчезает в скале. Как напоминает крысу! Становится противно. Тоже мне, хозяева жизни. Три года боятся высунуть нос, кусают исподтишка, подличают, не уймутся. Кровожадно рисую перед глазами, как они болтаются на верёвках, оскалившись в крысиной гримасе.

- Чиф, я догадываюсь, о чём вы мечтаете. Я мечтаю о том же.

- Видно, тебе пора в командиры, Хуан. Ты научился слишком хорошо меня понимать.

- Знаете, я читал книгу советского героя-лётчика Голубева. Не всем дано быть ведущими. Он прикрывал великого Покрышкина, и этим был счастлив. А то, что я знаю о вас, не услышит даже Юлия, хотя между нами нет тайн.

- Я верю тебе. И вряд ли найду тебе достойную замену. Но когда будешь готов – скажи. Ты заслуживаешь командирского кресла.

- Я не готов. Не готов с вами расстаться.

- Спасибо, друг. Повоюем вместе.

- Ковчег бункеру, прошу на связь! Ради Бога, не стреляйте! У нас такое творится! Мнения разделились, они стреляют друг в друга, как бешеные звери! У ворот настоящая резня! Я дежурный связист, ничего не решаю, заперся в рубке. За дверью автоматная стрельба! Не стреляйте, мы готовы сдаться, но военные посходили с ума. Нас всего сотня людей, почти половина уже убиты. Пощадите оставшихся!

- Я Монах. Оставаться на местах. Эти пауки, похоже, справятся без нас. Следить в оба!

- Принято.

Через час из открывшегося люка вышло шестнадцать человек. В крови, многие ранены. Мы с Сарой получили приказ отконвоировать их подальше, к другому концу полосы. Испуганно озираясь на наши ошетилившиеся машины, они побрели вперёд. Так чесались руки на гашетке! Лютый с Майклом отправили своих штурманов на разведку. Когда ребята снова оказались на воздухе, на их лицах застыл ужас. А ведь они уже кое-что видели в своей жизни. Оставив Хуана с Даудом охранять пленных под дулами автоматов, мы посадили машины у входа.

- Сара, девочка. Тебе не следует туда ходить. Это война.

- Я - солдат этой войны, отец. Я должна знать, что это такое.

- Ты можешь сломаться. Не каждому мужчине это дано. Пощади свою душу.

Но она пошла. Я вынужден был её сопровождать. Ирвин шёл рядом. Мы обошли все помещения. Это было то, чего не захочет вспоминать нормальный человек.

- Это не люди. Это монстры. Их надо уничтожать, как бешеных собак, - в её лице не было кровинки. Слёз я тоже не видел. - Я получила урок, папа. Я не успокоюсь, пока хоть одна из этих крыс будет дышать воздухом моей планеты. Сегодня я стала взрослой женщиной. Я хочу на солнце. И там ты меня поцелуешь при всех, любимый. Такая будет у нас помолвка.

Ирвин смущённо взглянул на меня. Я лишь похлопал его по плечу и направился к выходу.

- Товарищи командиры. Друзья! Там - мертвецы. Там - тоже, они все умерли почти три года назад. А мы - живы. И во имя жизни объявляем о нашей помолвке. Свадьба Сары Гринфилд и Ирвина Гаусса состоится в день моего первого боя, ровно через год. Вся эскадрилья приглашается в качестве почётных гостей!

И сразу прошло напряжение, раздались радостные крики, а любимица эскадрильи утонула в объятиях друзей. Отец Фёдор тихонько перекрестился, переглянулся со мной, подмигнул - и кинулся в толпу пилотов, пытаясь прорваться к моей дочери. А я стоял и не знал, радоваться мне или грустить.

Припасов в бункере было немного. Так, кое-какие продукты, немного оружия, одежды. Слабенькие трофеи, если не считать военно-транспортного самолёта и, самое интересное, ящика с золотыми слитками. Видно, когда закончатся консервы, они собирались есть золото. Но мы погрузили его в просторный отсек лайнера. Хороший металл для электронных схем, профессор и Петя будут довольны. Самое ценное было в компьютерах и бумагах бункера. Эта информация могла стоить многих спасённых жизней. Оказав первую помощь раненым пленникам, мы погрузили их в трофейный самолёт, и Лютый с Андреем Ивановым вырулили его на взлёт. Перед этим Андрей настроил дистанционное управление люком - в Америке у нас ещё не было плацдарма. Плестись за тихоходным монстром не было смысла, и отец Фёдор увёл эскадрилью домой. Спутники проследят за транспортом, неприятностей не ожидалось. К вечеру мы приземлились в родном Ковчеге. Вся операция заняла меньше суток. Слава Богу, она обошлась без жертв с нашей стороны.

Начались следственные действия. Они заняли не один день. Слишком много ценных сведений мы привезли. Главари бункера погибли. Это были очень высокопоставленные персоны. Остались только их референты и вспомогательный персонал. Но и они поведали много интересного, а разведку пришлось усилить толковыми ребятами – в компьютерах были гигабайты важнейших сведений. В том числе – карта напряжённости земной коры, о которой говорила Ева. Командование попросило её уделить время этому документу – угроза геофизического удара для Союза была слишком очевидной. Супруга отметила десяток точек, потенциально опасных для нас в этом плане. Они были разбросаны по всему миру, и наши спутники немедленно были настроены на повышенный контроль прилегающих областей. Я на "Соколе" доставил восемь беспилотных разведчиков в особо заслуживающие внимания районы. В Новой Швейцарии готовились к запуску три новых спутника.

Глава 42.

Сицилианская защита.

2015, июнь, 28. Средиземное море.

В эфире появилась нейтральная колония Новый Мир. Они были проинформированы о последних событиях и сделали свои выводы.

- Мы долгое время наблюдали со стороны за развитием ваших колоний и вашей борьбой. Мир тесен, и мы являемся его частицей. Мы пересмотрели своё мнение о наших отношениях и единогласно приняли решение вступить в Союз. Стыдно сидеть в стороне от великих событий. Наши представители готовы прибыть в Ковчег для оформления официального договора. В качестве вступительного взноса мы предоставляем готовые к выводу на орбиту четыре геостационарных спутника связи и наблюдения. К сожалению, своих носителей у нас нет, технология плазменных двигателей нам тоже недоступна. Так же, как и лучи Тесла. Если ваши специалисты помогут решить эти вопросы, спутники смогут контролировать значительные территории. Это обезопасит наши города и поможет наладить полноценную цифровую связь всех колоний. Пора возрождать интернет. Наши специалисты имеют большой задел и мощные компьютеры. Ждём ответа.

Нашего полку прибыло! Торжественная церемония вступления в Союз прошла на высшем уровне. Спутники ушли на орбиту через две недели, а электромеханик Торопов с группой специалистов улетел к новым союзникам переводить энергетику на новые рельсы. Конечно же, с ним полетели профессор и Петя.

На церемонии приёма в Союз нового члена присутствовали руководители всех дружественных колоний. Генерал Карцев предложил провести венный совет объединённого штаба. Слово предоставили Нику Шепарду.

- Леди и джентльмены. Последняя операция в Америке принесла нам очень важную информацию. На добытых картах и в ранее полученных разведкой сведениях мы обнаружили более тридцати точек возможного базирования бункеров и убежищ лиц высшего эшелона власти бывших

ведущих держав, их засекреченных военных объектов. Как показывает опыт, первые лица государств погибли в катаклизме или, что более вероятно, были уничтожены собственными помощниками. Но от этого ситуация не стала лучше. Последний конфликт тому подтверждение. В мире остались силы, имеющие мощный ресурс и не намеренные мириться с нашей политикой. О Союзе и его делах знают все, у кого сохранилось радио. Места нашей дислокации уже трудно назвать засекреченными. И если год назад партизанскую войну вели мы, то сегодня её ведут наши противники. При всех недостатках, их нельзя считать глупыми, это опасный, изворотливый и серьёзный враг. Мы не знаем, когда и где он нанесёт следующий удар.

Есть два предложения по этому поводу. Первое – тотальная бомбёжка всех известных очагов опасности. Наше оружие проверено в боях, результативность гарантирована. Но у этого метода много противников. Вы будете удивлены, но я в их числе. Погибнет много невинных людей – солдат, обслуживающего персонала и членов семей. Это противоречит нашим принципам. Кроме того, мы только на полшага продвинулись в решении вопроса: кто это затеял? Эти лица должны предстать перед международным судом и ответить за попытку уничтожения цивилизации. Не исключено, что оружие, ставшее причиной катаклизма, до сих пор находится в их руках. Вторая катастрофа просто уничтожит планету. Кто знает, на что могут пойти эти нелюди.

Второе предложение предполагает затяжные и кровопролитные действия по осаде и захвату баз противника. Мы располагаем достаточными ресурсами, чтобы каждая из наших колоний могла взять на себя выполнение какой-то части этой операции. Спутниковая разведка в черновом виде завершена. Наиболее перспективные, с вашего позволения, объекты держатся под особым контролем из космоса, многие наблюдаются беспилотными аппаратами. Пришла пора завершающей фазы этой проклятой войны.

Прения были долгими. Был принят второй вариант. Каждая колония получила список нескольких бункеров. Ковчег предложил Прибежищу, как самым давним и испытанным соратникам, объединить усилия для выполнения своей части поставленной задачи. Вадим Лебедев с удовольствием согласился. Эскадрилья "Стрела" поступила под стратегическое командование объединённого штаба и должна выполнять поддержку союзных войск по мере возникновения необходимости на конкретных участках. Обычная авиация тоже будет принимать участие в боевых действиях союзников. К слову, обычными наши самолёты и вертолёты назвать уже было трудно. Прожорливые и сложные реактивные двигатели уступили место более лёгким и мощным плазменным агрегатам, почти не нуждающимся в обслуживании по причине отсутствия подвижных деталей. Освобождённые от многотонного груза топлива и оборудования, летательные аппараты на голову превосходили самих себя в прежнем варианте. Вертолёты на электрической тяге могли вылететь хоть в кругосветное беспосадочное турне – лучи Тесла бесперебойно питали их установки. Было высказано опасение по поводу надёжности электроприводов. А вдруг случится авария на станции поставки электроэнергии? Но у нас уже были три

независимых электростанции, каждая из союзных колоний имела свои собственные источники энергии, которые в случае сбоя могут автоматически взять на себя жизненно важные потребители Союза. Каждый летательный аппарат имел дублированные приёмники лучей Тесла. Надо очень постараться, чтобы эта многоуровневая система дала экстремальный сбой. В мастерских университета заканчивались испытания компактного и лёгкого накопителя электроэнергии. Аккумуляторы старого образца скоро пойдут в утиль. Эти разработки успешно велись ещё до катастрофы, только монстры-производители двигателей внутреннего сгорания и проводной электротехники всеми силами тормозили перспективные проекты. Зачем было гигантским монополиям внедрять что-то новое и передовое, когда и на старье можно было зарабатывать миллиарды? Плевать на природу и здоровье людей! Такое же положение сложилось во многих отраслях прежней жизни. Даже в тех, которые по определению служат для человека: продовольствие, здравоохранение и фармацевтика. Давно известно, что синтетические витамины – это смертельно опасный яд. наших детей с младенчества пичкали антибиотиками и всяческими "вита..." добавками, произведёнными из нефти, газа или вообще из отходов химических заводов. Рекламой этой отравы были завалены телевизионные каналы. Натуральные сыворотки от опаснейших болезней – туберкулёза, рака, гепатита – были доступны только для сильных мира сего. Остальное человеческое стадо обрекалось на страдания и вымирание. Мол, ресурсов планеты недостаточно, чтобы всех прокормить. Конечно, не хватит, если изводить урожаи на биотопливо, а из нефти делать эрзац-колбасу и искусственные соки. Самый настоящий геноцид процветал под кричаще намалёванными плакатами борьбы за наше благосостояние и прогресс! Планета изнемогала от генных мутантов и опасных загрязнений, целые регионы заражались неведомыми болезнями, американская протезно-силиконовая обезьянья псевдокультура разлагала души молодёжи, всяческие моральные отклонения и противоестественные извращения часами муссировались на государственных каналах, понятия любви и семейных ценностей выхолащивались до уровня инстинктов пресмыкающихся. Кроваво и беспощадно смещались режимы, вожди которых пытались проявить здравомыслие, а самих вождей подвергали остракизму и суду, приговор которого обосновывался не человеческими, а дьявольскими законами. Как можно назвать такое положение дел? Но и этого им показалось мало! Нажатием какой-то супер-кнопки человечество попросту пустило в расход. Очистили планету от "лишней" биомассы. Ошибочка вышла, господа! Не учли вы, что человек – существо живучее, а душа его – бессмертна. И мы вам это – ДОКАЖЕМ. Дрожите, пришло время!

Флот Ковчега с крупным десантом направлялся в Средиземное море. Наши задачи были поставлены, с учётом наличия кораблей, в приморских местностях.

Пока флот в составе "Европы", "Быстрого", "Пирании" и "Шельде" двигался на юг, наша эскадрилья занималась боевой учёбой. Обычная авиация перебазировалась в Новую Украину, в географический центр Европы, откуда быстро достижимы все запланированные союзниками

театры боевых действий. Генерал Карцев мыслил стратегически. Войска перегруппировались, объединялись и концентрировались согласно генеральному плану кампании и возможностям каждого подразделения. Учитывая невероятную скорость наших аппаратов, мы могли по своему усмотрению выбирать место постоянной дислокации. В случае необходимости, в течение двух часов, а то и быстрее, мы могли поддержать из воздуха силы союзников в любой точке планеты. Поэтому, по мере выхода флота на оперативный простор, наш командир принял решение о нашем непосредственном участии в операции. Бой – самый лучший учитель.

Корабли подошли к северо-западной оконечности Сицилии. Где-то в горах был бункер управления НАТО. В самом центре Средиземного моря затаились те, кто желал держать под контролем всю Европу. Почти рядом были беспокойные Балканы. Ядерное и химическое заражение планеты заметно шло на убыль. Природа брала своё. А те, кто отсиживался под землёй все эти годы, хотели взять то, что им не принадлежит – наш труд, свободу и саму жизнь. Спутники отследили несколько сеансов связи с острова. Вообще, Петя отмечал оживление в эфире планеты. На разных частотах появлялись всевозможные шифрованные передачи, обычно очень короткие. Разгадывать мудрёные коды не было времени. Передатчики ставились на учёт, разведка брала в производство их деятельность. В Новой Швейцарии группа специалистов завершала работу над мощной программой-дешифратором, но это непростое дело двигалось медленно. Достаточно было факта выхода на связь вероятного противника. Такие факты и привели наш флот к первому гнезду. Как водится, впереди шла "Пиранья". Сейчас она почти не появлялась на поверхности: высунет антенну-приёмник лучей Тесла вместе с перископом, подзарядит батареи – и до свидания. Море в районе её поиска было пустынным, но слегка потревоженным. Кто-то щедро закидал его донными минами, а противолодочный сонар на глубине кому-то докладывал оперативную обстановку. Подавал признаки жизни радар на одной из вершин. Плазменный залп заставил его замолчать. Противника нужно ослепить. Нас ждали. Неудивительно. Война была объявлена. Наивно было предполагать, что среди десятков тысяч людей, принявших в ней участие, не было информаторов противника. Нападать первыми враги опасались. Мощность нашего оружия уже была хорошо известна даже детям. Но для подпольной, партизанской войны противник обладал огромными ресурсами, пощипать наши силы мог основательно, и мы не расслаблялись. Экономить заряды, как повелось, тоже не собирались. Торпеда Мориса Эдда поразила гидроакустическую станцию слежения. Сутки водолазы обезвреживали донные мины. Притом, на подходах к базе обнаружили два ядерных фугаса. Джо Мунке и его команда были представлены к наградам за героические действия на предельных глубинах. Не сработай они в высшей мере своевременно, от нашего флота осталось бы только воспоминание. Несколько беспилотных разведчиков следили за обстановкой. Тишина. Наша эскадрилья заняла позиции в воздухе, корабли подошли к берегу и начали высадку десанта. Вот уже подразделения движутся в горах. Три тысячи человек под прикрытием

кораблей и авиации – это сила! Ночью вертолёты высадили в горах две сотни "Ангелов" – так называли специально подготовленную команду Вадима Лебедева, оснащённую парaplанами. Им предстояло первыми налететь на укрепленные позиции наземного гарнизона противника и парализовать очаги сопротивления наступающим силам. С "Шельде" поднялся в воздух "Сокол". Там сейчас ребята из Прибежища – птенцы Лютого, как они себя величают. У Виктора Ивановича школа жёсткая, однозначная. Позывной ему присвоили заслуженно. Под горячую руку лучше не попадай, может и по уху съездить. Но в бою, не задумываясь, подставит свою машину, прикрывая от огня желторотого курсанта.

И всё же атаку начал противник. Была она массированной, внезапной и крайне опасной. Эфир взорвался командами и докладами, датчики визжали сообщениями о радарном облучении, воздух вдруг заполнился десятками стремительно движущихся целей! Нам ещё не приходилось сталкиваться с таким мощным противодействием. Но тренировки и надёжная аппаратура не дали застать нас врасплох.

- Я Монах. Рассредоточиться на высотах более двадцати тысяч, беглый огонь по целям, угрожающим флоту!

Самолёт Сары спиралью рванул на высоту, уклоняясь от двух ракет, вырвавшихся из-под земли. Залп!

- Ракеты уничтожены. Одна у нас на хвосте! – докладывает Хуан. Даю форсаж, тело вжимает в кресло. С крыла Сары срывается огненный вихрь, проносится навстречу. Наше оружие бьёт в любом ракурсе! Спасибо, Дауд!

- Чиф, цели семнадцать и сорок четыре! – голос дочки хриплый от перегрузок.

- Есть! Захвачены! Уничтожил!

- Сара Чифу. Ухожу влево-вниз, группа самолётов на восьми часах, дистанция двести – это наша задача. Форсаж!

Следую за ведущим, наши штурмана молниеносно распределяют объекты для атаки. Централизованное автоматическое наведение Союза взяло под контроль сферу в радиусе ста километров от флота, береговые батареи подключились к корабельным установкам. Над морем – огненные облака, ни одна ракета врага не достигла цели. Эскадрилье "Стрела" поручены опасные секторы за пределами видимого горизонта. Устремляемся туда на гиперзвуке, над Апеннинскими – дюжина самолётов противника. От них на флот мчатся более сорока ракет.

- Ковчег, я Сара. Прошу ракетный заслон, координаты на картинке!

- Выполняю! Уйдите на высоту тридцать тысяч!

В воздухе словно повисла гигантская огненная сеть: сотни небольших шаровых молний чертят его тускло светящимися полосами сложного смертельного танца. Не то, что ракета – комар не минует этот пространственный барьер. Ракетная атака захлёбывается за сто миль от флота.

"Стрела" Сары метеором падает на группу штурмовиков. Залп – два самолёта уничтожены. Мой залп – ещё два. На перезарядку плазменных орудий нужна целая минута, но у нас её нет!

- Я Сара, атакую пушками, прикрой!

Продолжая стремительное пикирование, она на встречных курсах поражает самолёт противника. Его пилот даже не успел понять, откуда прилетела смерть. Как она успела прицелиться за мгновения атаки? Я слегка приотстал, змейкой сбрасывая скорость. Ведомый сбитого дочкой самолёта сориентировался, закладывает крутой вираж вслед её аппарату. Мой выход. Коршуном падаю на распластанного в небе силуэта, очередь! Готов!

- Я Сара! Огонь по готовности!

- Есть!

Оказывается, и "Стрела" умеет поскрипывать, когда перегрузка подходит к пяти g! Залпы! В небе Италии осталось лишь два самолёта противника. Пикированием пытаются выйти из боя. От кого хотите уйти? От наших молний? Напрасный труд.

- Я Сара, на исходную. Самый полный!

- Есть самый полный, дочь моряка!

- Я Монах. Сара, Чиф! Не засорять эфир! Ваша зона – Корсика.

- Есть!

- Ковчег Саре. Две баллистические ракеты стартовали из сектора Неаполя.

- Цели захвачены. Уничтожены. Установки поражены.

- Из Балеарских островов – шесть самолётов в направлении Республики. Перехват!

- Картинку!

- Беспилотники сбиты, спутник за горизонтом. Надежда на вас!

- Чиф, поиск!

- Четыре цели захвачены! Две сбиты.

- Вижу остальных. Два сбиты. Атака!

Тяжёлый бомбардировщик в прицеле. Кормовой стрелок поливает небо очередями. Как учили мастера? Резкий маневр, удар! Крыло противника отвалилось.

- Сара, я Чиф. Готов!

- Монах, я Сара. В секторе чисто.

- На Корсику. Определить базу противника.

Хуан бегло просматривает запись показаний приборов:

- Здесь.

- Сара, я Чиф. Цель сто восемнадцать на картинке.

- Принято. За мной!

- "Стрела", ракетная атака на Ковчег! Прошу подключить к сети наведения ваши орудия!

- Я Сара, включаем.

- Я четвёртый, готов.

- Я Монах. Подключаю одно. Другое нужно для боя.

Наши болиды уносятся за горизонт по командам диспетчера Ковчега. Три минуты напряжения.

- Я Ковчег. Ракетная атака отбита. Ядерный взрыв на первой электростанции. В городе жертв и разрушений нет. "Америкой"

потоплена подводная лодка. Это была её торпеда. Жители в укрытиях, всё под контролем.

- Я Республика. Сбиты восемь ракет со стороны Южных Кордильер. Точка запуска надёжно уничтожена.

Надёжно – это значит, что в радиусе полукилометра плавятся камни. А не зли дона Педро!

- Я Новая Россия. Отбита атака семнадцати баллистических боеголовок. Ответный привет в Америку надёжно доставлен.

- Я Прибежище. Ракетами пресекли атаку шести штурмовиков. Отследили их базу. Уничтожили.

- Я Пижма, со стороны бывшего Северного Полюса – восемь ракет! Даю картинку.

- Пижма, я Республика. Ракеты поражены.

- Я Урал. Сбили три десантных самолёта, преследуем парашютистов.

- Я Алтай. Семь крылатых ракет уничтожены. Спутник засёк точки пуска, просим поддержать огнём!

- Алтай, картинку!

- Я Прибежище. Алтай, цель поражена.

- Я Новая Украина. Истребители ведут бой с группой штурмовиков. Даём картинку.

- Истребителям Украины, выйти из боя в южный сектор!

- Ковчег, я Сухой-первый, не отвлекайтесь. Мы их дожимаем, трое пытаются уйти, не дадим.

- Я Новый мир, спутник засёк пуски трёх ракет с Корсики.

- Я Сара. Цели захвачены. Поражены. Атакую базу. Чиф, цели шесть, семь!

- Атакую. Цели поражены.

- Сара Чифу. Пушечная атака, цель двенадцать!

- Выполняю.

Очередь пушки разносит приземистое здание с антеннами в горном ущелье. Взрываю между скал вслед за ведущим. Какой-то грохот, в голове взрывается боль, темнота...

Глава 43.

Затишье после боя.

2015, июнь, 30. Республика.

... **К**ажется, я оглох. Или рация вышла из строя? В наушниках – только тихий звон. Всё вокруг белое. Мы в облаках?

- Хуан, принимай управление, я ничего не слышу. И ослеп, кажется.

- Всё в порядке, Чиф. Мы на земле.

Почему же шлем сжимает виски и уши? И облака? Туман рассеивается, и я вижу склонённое надо мной лицо штурмана.

- Мы в госпитале, командир. Вторые сутки.

- Как Сара, ребята?

- Сара в соседней палате, остальные в порядке.

- Что с ней?!

- На выходе из атаки наши машины получили по стингеру. Оба взорвались по левому борту. Спасибо конструкторам, броня выдержала. Но бронестекло вогнуло вовнутрь взрывной волной, вас и Сару приложило одинаково – по голове. Девочка уже рвётся навестить вас, но врач не пускает. У нас троих – сотрясение мозга. Мы с Даудом приземлились на ближайшей базе, в Республике.

- Прекратить разговоры! Быстро в постель!

Лицо Хуана исчезает, вместо него появляется бармалейская физиономия Педро Ибаррури.

- Даже не думай пошевелиться. И молчи.

- Как операция?

- Я кому сказал?

- Так говори же сам!

- Не совсем по плану. Мы даже не представляли, сколько крыс осталось под землёй. Генеральное сражение длилось почти сутки. Выползли, кажется, все наши враги. Жарче всего было на Ковчеге и Сицилии. Они сделали основную ставку на уничтожение вашей колонии и флота. Остальные союзники были атакованы скорее для отвлечения и распыления наших сил. Системы наведения и плазменные орудия работали на пределе возможностей. Флоты израсходовали почти весь боезапас. По Ковчегу было выпущено не менее трёх сотен ракет, но цели не достигла ни одна. Единственная потеря – электростанция, погибла дежурная смена. Грот принял основной удар, до города почти не докатилось. Флот вступил в бой с четырьмя подводными лодками, двумя крейсерами и двенадцатью ракетными установками подземелья. "Пиранья" потопила крейсер и две субмарины. "Европа" - другой крейсер. Ей достались две ракеты, но одна не разорвалась.

- Что с экипажем?

- Погибли шесть матросов. Среди них – филиппинский пастушок, ты рассказывал о нём, Джоэл. Тяжело ранен Василий Муравьёв.

- Жаль парня, теперь Джерри остался совсем один. А Вася такой молодой, толковый механик. Что с ним?

- Его доставили к нам на "Соколе". Жить будет, но без левой ноги.

- Бедняга.

- У самого фингал на пол-лица. Молчи, сказал! А то уйду, меня и так доктор еле пропустил.

Я сжал губы в знак согласия. Педро продолжал. Наш эсминец торпедировал одну подлодку, на вторую навели самую мощную плазменную установку. Субмарина и её экипаж заживо сварились в кипящей морской воде. Они успели выпустить торпеду по "Шельде". Прямого попадания удалось избежать, но близким взрывом сорвало с фундамента гребной электродвигатель, половина экипажа контужена. Гады, все наши труды насмарку! Я вам устрою фундамент! Всех закопаю! Лютый катапультировался с разбитого самолёта, отец Фёдор сел на побережье без хвостового оперения, с тремя десятками пробоин. Но даже с земли продолжал руководить оставшимися экипажами и вести огонь из плазменного орудия. Ирвин из пушки уничтожил крылатую

ракеты – плазменные установки были повреждены. Майкл вступил в бой с четырьмя истребителями, с победой и без повреждений вернулся в Ковчег. Две фугасные ракеты упали на электростанцию Прибежища, Вадим за это вывел в расход всех ракетчиков в захваченном подземелье. Возмездие было жестоким. Спутники бесстрастно фиксировали точки старта ракет и самолётов противника. До сих пор велась их бомбардировка всеми доступными средствами. На волнах общего вещания передавался ультиматум. Перечислялись все, даже мало изученные координаты убежищ врага. Двадцать минут на принятие решения о капитуляции. По истечении срока – "надёжное" уничтожение. Церемонии и гуманность закончились. Белый флаг подняли одиннадцать бункеров. Авиация союзников не успевала доставлять десанты для захвата капитулирующих. Следовало торопиться, чтобы крысы не успели уничтожить документы и улики. Под страхом смерти их вынуждали налегке покидать подземелья и собираться на открытой местности. Малейшее непослушание будет пресечено плазмой! Спутники зорко следили за порядком, "Сокол" развозил беспилотные наблюдатели. В горах турецкой Малой Азии объявился передатчик неизвестной колонии Ататюрк. Его оператор сообщил о восстании против "хозяев жизни". Жители перебили клику "господ" и этим предотвратили мощную ракетно-ядерную атаку по союзникам. Кажется, у нас появились новые соратники.

Через сутки обстановка стала контролируемой. Оставалось четыре гнезда в Северной Америке. Их личный состав загорал под весьма насыщенным рентгенами небом, с которого за ними зорко следили спутники и беспилотные аппараты, доставленные единственной неповреждённой машиной Майкла Дорна. Оккупационные войска Союза на самолётах уже были в пути, когда Майкл сообщил о ракетной атаке, которой подвергся его аппарат. Вскоре рукотворный вулкан обезобразил и без того грустный пейзаж Аризоны. На один из капитулировавших гарнизонов упали две ракеты, запущенные кем-то несогласным. В ответ Ковчег организовал очередное извержение в горах Сьерра-Невада. Что-то говорило мне, что на американской земле нам предстоят немалые ратные труды. Богатая, зажравшаяся держава, подмявшая под себя весь мир, затаилась, как змея перед броском. То, что мы успели там накопать – крохи. Самые главные битвы – впереди. Чуть позже. Надо собраться с силами. Тошнит, как в первый в жизни шторм. Доплавался.

Неслышная тень прошмыгнула в палату около полуночи. Голова тоже в бинтах, во всю щёку – синяк. Красавица.

- Спите?

- Заходи, солнышко. Только тихонько. Садись сюда.

- Доктор ушёл в другое отделение, а медсестра дремлет в ординаторской. Как вы?

- Врач обещал оставить в живых. А ты?

- Готова к вылету.

- Не налеталась?

- Папа, это такой адреналин!

- Ага, у меня голова до сих пор кружится. Ты хотя бы поняла, что участвовала в настоящем бою?

- Я дала повод усомниться?

- Ты настоящий воин, девочка, - подал голос Хуан. - Как будто всю жизнь командовала боем. Чиф, будет ваша дочь главкомом ВВС!

- Зачем пошла в лобовую атаку? Ведь можно было сманеврировать. Чуть не подставилась под удар его ведомого.

- Я знала, что ты прикроешь. Времени было в обрез, у них оставались ракеты. А отец Фёдор говорил, что противнику тоже страшно, тут у кого нервишки крепче.

- Потреплю бороду старому бандиту. Он у меня давно в должниках, учит вас, понимаешь, всякому.

- Хорошо учит. Аппараты пострадали, но эскадрилья жива. Задание выполнено, мы победили! Папа, мы победили! Ты видел тучи ракет? Ни одна не прошла!

Обнимаю этого наполовину ребёнка, наполовину воздушного аса.

- Сколько у тебя сбитых? Я не успевал считать.

- Кажется, восемь. Ракеты не в счёт. Вот крылатую, так, как Ирвин - это да! На бреющем! На сверхзвуке.

- Ну, конечно, так, как Ирвин...

- Папа, это не личное. Командир позывной присвоил, Ведун. Он в азарте кричал: "Веду! Веду! Есть!". Он достоин награды.

- Уже получил. По крайней мере, обнадёжен.

- Шутишь - значит выздоравливаешь, - у моей дочери с юмором полный порядок. Школа дяди Ника. И мамина. Мои девчонки не обижаются на глупые речи старого больного механика.

- Хорошее начало. Мама будет гордиться.

- Ты ей только про лобовую атаку не говори. Будет волноваться.

- Хуан, а разве была лобовая?

- Я тогда на дисплей смотрел. А у нашего пациента, который катапультировался, вспыхнул парашют, это я точно видел. Значит, никто не скажет.

- Хуан, ты настоящий друг, - Сара подарила ему нежный поцелуй. - Папа, ты этого тоже не видел.

- Смотрите у меня, а то Юля с Ирвином быстро научат вас верности.

- Мы по-дружески, Чиф. Грех отказывать в поцелуе красивой девушке.

- Это что за посиделки? Марш в палату!

Ничего не понимают эти доктора. Ведь самое лучшее моё лекарство только что сидело на краешке кровати.

Отец Фёдор сумел поднять в воздух подбитую машину и дотянуть до Республики. Мастер, чего говорить. С Ковчега прилетели на своих аппаратах Майкл и Ирвин. "Сокол" доставил в наш госпиталь экипаж Лютого. Самолётом приехали техники с запчастями. С ними напросились наши жёны и невесты. Всей компанией навестили нас в госпитале, но доктор оказался совершенно бездушным человеком, через пять минут выгнал посторонних из заведения. Фред Стоун, прибывший тем же рейсом, долго щупал пульс, светил в зрачки и привычно неприятно

качал головой. Из всех медработников нормальный человек – только Мари Соломонова. И то, пока вы не попали к ней на приём. Ночью кто-то постучал в окошко нашей палаты на втором этаже. Хуан уже немного передвигался, открыл раму.

- Святой отец, у вас уже отрасли собственные крылья?
 - Богохульствуешь! Я стою на плечах гигантов – Андрея и Дауда. А они – на садовой скамейке. Что говорит костоправ?
 - Дней пять минимум. И неделя реабилитации. Вы бы ему епитимьей пригрозили, что ли.
 - Голова кружится?
 - Сегодня легче. Завтра попытаюсь сесть.
 - Не торопись, лучше отлежаться лишний денёк. У меня было такое в Афгане, на вертушке. Тоже второй пилот привёз моё брэнное тело. Четверо суток лежал, зато через две недели выполнил пилотаж. А кто поторопился – через месяц. Ты тоже, Хуан, не особо прыгай. Тут молодой задор надо придержать. Мне нужны здоровые бойцы. И малышке передайте. Впрочем, там Ирвин уже все плечи истоптал Майклу с Ахмедом. Я его проинструктировал.
 - Что с машинами?
 - Поступили восемь новых аппаратов. Инженеры постарались на совесть. Завтра приступаем к испытаниям. Две эскадрильи! Молодёжь уже рвётся в бой, двенадцать ребят окончили курс. Будем их натаскивать, пока вы отдыхаете. Парни – обстрелянные истребители, должны быстро войти в строй. Ваши машины уже ремонтируются, будут готовы к выписке. Конструкторы усилили остекление фонарей.
 - Говорят, Лютый ранен в руку.
 - Пустяки, кость не задета. Выйдет вместе с вами. Словом, набирайтесь сил, ждём вас. Вот, Анастасия передала свежего мёду. Они с Надеждой Юрьевой целую пасеку выпестовали, поклон вам.
 - Спасибо, кланяйтесь им.
 - Тебе, Фёдор, спасибо. За дочку. Славное дитя вырастил, высоко взлетит, если в лобовые атаки реже будет кидаться. Ты скажи ей родственному.
 - А вы откуда знаете?
 - Командир в бою обязан всех подчинённых видеть.
 - Так вы же были за сотни миль!
 - На то и воздушный бой, это тебе не в подводной лодке. Глаз да глаз нужен, молоды вы, чтобы без присмотра.
 - Фёдор Иванович, вы только Еве...
 - Негоже рассказывать женщинам о кровавых делах. Они для любви созданы, а не для страданий. Будьте здоровы.
- Через пять дней эскадрилья в полном составе собралась в ангаре. Летать не на чем, да не всем и позволено. Новые аппараты проходят испытания, а на наших машинах с утра до ночи тренируется пополнение. Изучаем матчасть, помогая техникам обслуживать самолёты. Вечера в семейном кругу, с друзьями – как будто и не было сражений, не осталось врагов, и никто не вынашивает кровавых планов. Но частенько, то поодиночке, то сразу тройкой экипажи командира и Майкла с Ирвином выполняют

отдельные задания. Война продолжается, и о хрупкости окружающего нас покоя мы знаем слишком хорошо. А мой сын сделал первые шаги. Куда приведёт тебя твой путь, кроха?

Глава 44.

Антарктида.

2015, июль, 21. Ковчег.

- **Мы** получили очень важную информацию, приоткрывающую завесу над самой главной тайной, - Ник Шепард начал доклад для глав союзных колоний и верховного командования, собравшихся на чрезвычайное совещание. По возвращении в Ковчег после Сицилийского сражения, мой друг с головой ушёл в обработку разведывательных данных. Были они обширными и многоплановыми.

- Как и следовало предполагать, корни заговора против человечества тянутся в Америку и Старую Европу. Разговоры о тайном мировом правительстве не лишены смысла, хотя формально оно не существовало. Был своеобразный клуб самых богатых и влиятельных семей планеты. При их возможностях, понятия государств и их границ не существуют. Так же, как и понятия гуманности, чести и совести. Согласитесь, нормальному, честному человеку, будь он хоть трижды одарённым и трудолюбивым, редко удавалось стать миллиардером. Единичные исключения лишь подтверждают это правило. Члены этого клуба владели значительной частью финансовых, интеллектуальных и материальных ресурсов планеты. Манипулировали президентами и правительствами, распоряжались государственными бюджетами по своему усмотрению. Давно уже не секрет, что "слуги народа" избирались не гражданами, а назначались решением Большого Брата в зависимости от проявленной лояльности к хозяевам, а не к избирателям. Информационные технологии и наука манипулирования сознанием были намного совершеннее, чем себе представляли рядовые граждане. Распространение компьютерных сетей, мобильных коммуникаций и биометрических досье позволяло контролировать индивидуума если не глобально, то весьма избирательно. Более или менее заметные личности, ведущие активный образ жизни, имеющие собственное мнение и позицию, попадали в списки тотального контроля. Сложнейшие многоуровневые программы поведенческого анализа автоматически устанавливали приоритетность и значимость реагирования на те или иные поступки таких людей. Аналитические службы на правительственных уровнях обрабатывали поступающие сведения и генерировали решения, направленные на достижение главной цели: безоговорочное выполнение программы порабощения человечества.

Кем? Нам известно только общепринятое условное название этой сверхсекретной и сверхмощной организации: Комитет Трёхсот. Хотя в её структуре были задействованы сотни миллионов человек, большинство сотрудников даже не представляли, на кого работают на самом деле. Всё делалось под прикрытием всевозможных государственных секретных служб, отрядов специального назначения, вооружённых сил, полиции, а часто даже уголовных и религиозных структур. Эта деятельность была начата более ста лет назад, во времена, предшествующие Первой Мировой Войне. К тому времени Земля уже была достаточно освоена человечеством, поделена крупнейшими империями на сферы влияния. Индустриальные технологии высвободили множество рабочих рук и позволили применить эти руки для обеспечения комфортного и сытого существования господствующих наций. Побочными результатами научных и медицинских достижений стали резкое уменьшение смертности и рост населения, что стало предметом обеспокоенности власть имущих. Уже тогда появилось понимание, что ресурсы планеты весьма ограничены, а геометрическая прогрессия роста человеческой популяции представляет угрозу нешуточную. Древняя топорная идея механического сокращения количества населения военными методами себя не оправдала. Погибали сотни миллионов, но всплеск рождаемости возмещал потери с лихвой. Удачные, с точки зрения "господ", эксперименты их ставленников - Ленина, Троцкого, Сталина, Гитлера, Мао, Пол Пота и им подобных - по геноциду собственных и чужих народов, унёсшего миллионы жизней и выкосившего интеллектуальный и культурный слой наций - был результатом недостаточным. Вторая Мировая Война только частично оправдала возложенные на неё надежды этих вурдалаков. До Третьей, термоядерной войны у них достало здравомыслия не доводить. Дело могло закончиться гибелью планеты. Ядерные удары 13 декабря 2012 года сумели нанести далеко не все установки, имеющиеся в мире. Их точность оказалась крайне низкой, в связи с гибелью спутниковых систем наведения и смещением оси вращения планеты. Множество носителей погибло в процессе старта или в полёте. Иначе мы беседовали бы сейчас на небесах, в лучшем случае - под чёрным небом ядерной зимы.

В 1980-х началась реализация "мягкого" варианта. Не оправдавшие себя "красные" режимы были свергнуты, на места авторитарных правителей поставлены марионетки-демократы. Они повели человечество к "светлым либеральным ценностям": наркомания, алкоголизм, терроризм, преступность, а самое главное - духовное убожество, культивируемое в сознании детей и взрослых средствами массовой информации и поп-культуры. К тому времени мощностю идеологического оружия уже не уступала мощности ядерного, а с наступлением 21-го века по результативности его превзошла. Вот уж действительно, пришла

информационная эра. Наряду с культивируемыми пороками, организованной преступностью и бесчеловечной политикой глав государств, успехи в генетике, химии и фармацевтике позволили сокращать "лишнюю биомассу" темпами и средствами, не соизмеримыми даже с мировыми войнами. Но человеческий геном оказался настолько устойчивым, что даже в таких условиях нас становилось всё больше и больше, а общественный разум всё чаще стал задавать вопросы, на которые сильным мира сего отвечать не хотелось. Пошли в ход экологическое, климатическое и геофизическое оружие, СПИД, туберкулёз, гепатит, экзотические гриппы и лихорадки. Тестовые землетрясения, цунами, наводнения и засухи подавались обществу, как естественные природные явления. Глобальное потепление, финансовые кризисы, обвал экономик, глобализация мировой промышленности... Воистину, человечество оказалось несокрушимым! Мы теряли миллионы жизней, но возрождались миллиардами. И тогда наш враг решил: пришла пора Генеральной Зачистки. В его руках уже было оружие, способное потрясти планету Земля в космическом масштабе. Что это за оружие, нам ещё предстоит выяснить. Известно одно: на сегодняшний день оно не может быть применено во второй раз, его компоненты разбросаны по всей планете и в большинстве случаев разрушены.

Главный бункер управления и элитный персонал Комитета находятся под ледниками Антарктиды. Мифическая Новая Швабия Третьего Рейха на поверку оказалась не такой уж и выдумкой. Идея гитлеровцев пришлась по вкусу владыкам планеты, и в 1946-м году тайные сооружения были захвачены силами экспедиционного корпуса адмирала Бёрда. Общество получило отрывочные сведения о провале его экспедиции, на самом же деле под тысячелетними льдами обосновались самозваные хозяева Земли. Несметные сокровища, награбленные нацистами в оккупированных странах, они прибрали к своим рукам и пустили на обустройство под ледяным куполом титанических галерей, согреваемых вулканическим теплом и гейзерами. Десятилетиями туда добровольно, а то и силой направлялись высококлассные специалисты самых разных отраслей науки и промышленности. Целое тайное государство, поставившее своей целью безоговорочную власть над человечеством!

Этот регион усиленно изучается из космоса, несколько беспилотных аппаратов держат под контролем Землю Королевы Мод. Там происходят крупные изменения: смещение Южного Полюса вызвало таяние вечных льдов, пробудились древние вулканы, материк просыпается после тысячелетий вечного холода и буквально бурлит потоками воды и гигантскими ледяными оползнями, в атмосфере над ним происходят невиданные и грозные явления.

Но враги существуют, они не отступятся, они продолжают свою войну. Недавнее генеральное покушение на наш Союз - только первый удар. Мы выдержали его на грани наших возможностей. Следующий удар может оказаться смертельным. Сможем ли мы его предотвратить – зависит от наших решений. Время работает против нас. Наши враги тоже торопятся: Антарктида стала для них ловушкой. Мы располагаем сведениями о поспешной эвакуации личного состава и материально-технической базы тайных убежищ. Где находятся резервные базы и командные пункты – неизвестно. “Пиранья” отследила несколько крупных подводных кораблей в море Уэддела, поразила торпедами два из них. Они появляются из-под льда в районе мыса Норвегия и представляют собой очень опасного противника. Чудом удалось избежать гибели нашей субмарины: она была атакована неизвестными летательными аппаратами, взлетевшими из подводного носителя. Морис Эдда вынужден был укрыться под слоем шельфового льда. Его последняя радиограмма с просьбой о помощи получена вчера вечером, больше сведений от него мы не получали. Беспилотные самолёты-разведчики в этом районе сбиты. Мощная облачность не позволяет спутникам вести разведку.

- Эту задачу должна решать авиация. Экипажи и машины готовы её выполнить, - озвучил наше решение полковник Гринёв.

- “Быстрый” и “Шельде” с вертолётами на борту прибудут в заданный район послезавтра. Транспортная авиация уже приступила к заброске десантных подразделений Прибежища и Новой России на мыс Норвегия. У них шесть мобильных плазменных батарей и два взвода беспилотной разведки с десятью аппаратами. Готовность – завтра к 10 часам по времени Ковчега. К сожалению, мы потеряли один самолёт Республики. Связь с ним внезапно прервалась на подходе к Берегу принцессы Марты. Похоже, противник обладает аппаратами, мало уступающими нашей “Стреле”. Вам следует быть крайне осторожными. Стратегический план операции – обнаружение и уничтожение главной базы противника подо льдами Антарктиды, блокирование выходов из неё в открытое море. Эта база существует не одно десятилетие и на её эвакуацию нужно время и транспорт. Корабли получили задачу обложить вероятные маршруты их транспорта минными полями и акустическими станциями слежения, блокировать любые попытки выхода из ловушки, в которой они оказались. Задача вашему подразделению – разведка и непосредственное участие в боевых столкновениях с морскими транспортом и авиацией противника. Самая основная цель – обнаружение бункеров. Сможем их уничтожить – половина проблем будет решена.

Опыт ночных полётов очень пригодился. В этих краях стоит полярная ночь. Кроме того, атмосфера представляет собой смесь сплошной облачности, снегопадов и ураганных ветров. Полёты даже парой аппаратов стали невозможны: слишком высока опасность столкновения машин в этом невообразимом непредсказуемом хаосе. Каждый вылет – отдельная неповторимая история.

Третий день наша “Стрела” прочёсывает район предполагаемого местоположения “Пирании”. Аппаратура настроена на частоту аварийной связи субмарины. Живы! Хуан фиксирует сверхкраткий сигнал на боевом планшете. Доклад командованию. Приказ: вступить в прямой контакт с подлодкой, получить рапорт командира и переслать его через нашу радиостанцию во избежание обнаружения корабля противником. По приборам выходим на точку, с огромным трудом сажаю машину на огромную льдину. Пришлось подсвечивать место посадки мощным бортовым прожектором. Где же они? В паре сотен метров сквозь снежную завесу еле рассмотрели световые проблески. Пешком эти торосы будем форсировать несколько часов. Поднимаемся в воздух, двадцать минут борьбы с ураганом – и мы снова плюхаемся в десятке метров от перископа, торчащего из ледяной шуги. Да, в этих условиях могут летать только такие аппараты, как наша “Стрела”. Аж спина взмокла. Десантникам можно посочувствовать: вчера потерпел крушение один из “Русланов”, несколько бойцов тяжело ранены. Как им приходится выживать и вести разведку – страшно подумать.

Рубка появляется над поверхностью, едва мы с Хуаном спускаем на воду надувную лодочку. Взрыв! Упругой волной нас бросает в смесь воды со льдом. Вынырнув благодаря предусмотрительно одетому жилету, вылавливаю подозрительно обмякшее тело товарища. Вроде дышит. На месте нашего самолёта – яркое пламя пожара. Чьи-то руки подхватывают нас из обжигающей холодом воды, волокут сквозь узкий люк.

- Срочное погружение! Глубина двести, курс сто девяносто! Санитара в центральный пост!

Гулкие удары снаружи, шипение уходящего воздуха в балластных цистернах.

- Добро пожаловать на борт.

С нас стягивают мокрые комбинезоны, над Хуаном склонился медик.

- Живой. Похоже, крепко ударился головой, сотрясение мозга. Если бы не шлем – было бы совсем плохо. В лазарет!

- Чиф, как вы?
 - Как в космосе. В ушах звенит, но вроде цел. Жалко машину.
 - Счастье, что вас в ней не оказалось.
 - Что это было?
 - Уже несколько дней за нами охотится пара неизвестных летательных аппаратов. Не дают нос высунуть. У них мощное ракетное оружие.
 - Мой радар их не обнаружил.
 - Наш тоже. Но от этого они не исчезли. Надо срочно менять позицию. Скоро прилетит разведчик и обложит бучами со всех сторон. Следом появится пара субмарин. Мы потопили уже четыре штуки. Чудом сами увернулись от двенадцати атак. Я принял решение уходить вглубь Китового залива. На глубине более семидесяти метров мы обнаружили аномально тёплое, до плюс десяти градусов, течение. Полагаем, оно идёт со стороны материка, из области возвышенности Ритшера. Там горы боле двух тысяч метров, не исключены вулканы или гейзеры. Возможно, там и следует искать бункеры.
 - Как у вас с энергией?
 - Батареи успели зарядить. На восемь суток экономным ходом хватит, спасибо учёным. Кислорода достаточно. Торпед маловато, осталось всего четыре. У нас один путь: бороться до конца. В открытое море нас просто не выпустят. Или мы обнаружим и разгромим их базу, или они нас уничтожат.
 - Вы собираетесь атаковать бункер своими торпедами?
 - Я не настолько наивен. Мне нужны их координаты. Возвратимся под шельфовый лёд, подрываем миной полынью, поднимаем перископ и даём наводку плазменным батареям.
 - Прошу включить меня в ваш экипаж помощником инженера.
 - Добро. Приведите себя в порядок, сухую одежду вам выдадут. Скоро обед, там и обсудите с командиром группы движения ваши обязанности.
- Судьба-злодейка. Спустила меня из заоблачных высот в преисподнюю тесного машинного отсека субмарины. Казалось, каждый насос ехидно улыбался мне в лицо: от нас не уйдёшь, господин судомеханик!

Глава 44.

Затерянный мир.

2015, июль, 31. Антарктида.

Морис Эдда оказался прав. Мы уже третьи сутки углублялись в материковую часть Антарктиды. "Пиранья" медленно двигалась против течения гигантской пресноводной реки, проложившей своё русло под толщей вечного льда. Её дельте могли позавидовать величайшие реки планеты, и найти фарватер среди множества островов, мелей и ледяных полей удалось только случайно. Высокий класс показал акустик, а без помощи водолазов Джо Мунке мы бы давно считались пропавшими без вести. На карте материка появились новые обозначения. В том числе и циклопических тоннелей во льду, промытых тёплой водой настолько, что большую часть пройденного пути субмарина преодолела в надводном положении. Воздух в них был холодный и влажный, но вполне пригодный для дыхания.

Стоп машина. Я отработал команду.

- Чиф, прошу вас прибыть на верхний ходовой мостик.

- Есть!

Передаю вахту дежурной смене. Поднимаюсь. Корабль в позиционном положении, то есть только рубка видна на поверхности воды. Застыл в абсолютном мраке. Нет, не в абсолютном! Вдали мигают такие знакомые навигационные буи, красный и зелёный. Их цепочки, плавно изгибаясь, исчезают за далёким поворотом. Нашли! Только вряд ли фарватер отмечен для нежеланных гостей. Такую секретную базу хозяева наверняка обезопасили всеми доступными средствами, от мин и акустических станций до сетей и стационарных постов предупреждения и защиты. Переть на них – самоубийство. Посовещавшись, спускаем на воду надувную лодку. В ней занимают места Джо Мунке с напарником, акустик Антуан Савой со своей аппаратурой и старпом. Мне тоже очень хотелось, но командир решил не рисковать такой ценной персоной. Включив бесшумный электродвижок, лодочка растаяла во мраке. Приказ: разведка, максимальная скрытность.

Субмарина ложится на дно в сторонке, высунув на поверхность лишь перископ и антенну лучей Тесла для питания движка разведчиков: через гигантскую толщу льда над нами ни эти лучи, ни радиосигналы Ковчега сюда не проникают.

Мучительное ожидание тянулось пять суток. Живы ли? Не находим себе места, коротаю время в лазарете с Хуаном, куда нас определили ввиду отсутствия гостевых кают. Играем в шахматы. Парень уже почти в норме,

волнуется о семье, ведь о нашей судьбе дома никто не знает. Командир при всём желании не может связаться с начальством. Обнаружили прохождение четырёх крупных подлодок вниз и одной – вверх по течению. Не трогали, у нас иная задача. Но и этому пришёл конец: получен акустический сигнал, вскоре разведка поднимается на борт.

Они прошли более семидесяти миль вверх по течению. Обнаружили несколько плавучих батарей, множество мин и охранных устройств.

- Дальше двигаться мы не могли. Там начинаются обитаемые места. Река разделяется на несколько впадающих рукавов, два из них очень тёплые. Берега освещены, на них много капитальных строений, проложены дороги и тоннели, движется транспорт, в бинокли видели много людей. Целый город! Какие же средства и сколько труда нужно было затратить на его создание!

Старпом разворачивает карту с нанесёнными данными.

- Считаю задание выполненным. Очередная задача – передать координаты командованию.

Морис отдаёт команды. Лодка уходит под перископ, насторожив всю свою аппаратуру. Невзирая на усталость, акустик не покидает свой пост. От него сейчас зависит не только наша судьба!

Только опыт и талант командира позволили нам безнаказанно покинуть эти мрачные места. Сразу по выходу из дельты он, рискуя напороться на подводные скалы или ледяные заторы, повернул корабль вдоль побережья, скрываясь под шельфовыми льдами. На остатках энергии аккумуляторов ушли подальше. Мощной миной подорвали полыню, несколько часов прислушивались и осматривались, выставив на поверхность лишь перископ и приёмник лучей Тесла. Краткий импульс радиодонесения – и снова смена позиции, хитрые виражи и петли во избежание обнаружения противником. Да, несладок хлеб подводника. Когда я, наконец, вдохнул свежий морозный воздух, показался он мне кислым и каким-то невкусным, что ли. Но всё это – мелочи! Динамики громкой связи надрывались от нагрузки: нас поздравляли все, кто знал служебные частоты и имел микрофон. Лодку нещадно швыряло штормовыми валами, но командир приказал не покидать поверхность до тех пор, пока каждый член экипажа не поговорит по радио со своими близкими. Ева держалась пару минут молодцом, затем всё-таки всплакнула, можно её понять. Сара по каналу "Стрелы" выпросила у Монаха полчаса, чтобы подобрать нас с Хуаном на своей машине после семичасового боевого вылета на патрулирование окрестностей массивной бомбардировки вечного льда. Как она умудрилась не разбиться при нашей эвакуации о рубку субмарины – я её ещё спрошу.

Сам тоже герой, не мог потерпеть. Лишь когда ступил на палубу "Шельде", осознал, что в жизни такого экстрима себе больше не позволю. Обслуга крепила аппарат на качающейся палубе, пока мы выбирались из вспомогательного отсека. Наконец открылся фонарь, и похудевшая, повзрослевшая на глазах девушка выпорхнула прямо в мои объятия.

- Папа!

Уткнулась личиком в мою грудь, плечи вздрагивают. Лётчики обнимают Хуана, нам деликатно не мешают.

- Всё хорошо, милая. Вытирай слёзки, командир смотрит.

Отец Фёдор подошёл, когда она немного успокоилась.

- Товарищ полковник! При выполнении задания мой аппарат был уничтожен противником. Экипаж здоров, готовы понести наказание за потерю машины.

- Живы, и за то спасибо Господу Богу. Как в воду канули, я в глаза ребёнку не мог смотреть. Дай-ка тебя обниму.

- В точку попали, Фёдор Иванович. Канули сразу на глубину двести метров. Пришлось вспомнить основную специальность. Скажу я вам, адская у них служба. Но – герои! Таким надо при жизни памятники ставить. Какая обстановка?

- Рабочая. В указанном вами месте наступило локальное лето. Лёд выжжен до грунта в радиусе двадцати километров. Мало плазмы, так ещё взрывами разбудили несколько дремлющих вулканов. Что там творится – в святом писании не описано. Ближе ста километров не пролететь, космические снимки показывают гигантские вихри пара, воды и пепла. Выследили и уничтожили несколько крупных подводных кораблей. Сара отличилась: производя поиск вашей машины, встретила пару неизвестных самолётов. Радар их почти не брал, с ходу уничтожила один из пушки, второй решил её наказать и ввязался в ближний бой. Так Дауд его плазмой, на кормовом пеленге, визуально наводил. Золотые у нас ребята.

- А вообще, так сказать, в мире?

- Мир притих. Видно, мы успели уничтожить голову этой гадины.

- Не оказалась бы она гидрой...

- Вряд ли. Если кто-то и успел унести ноги – затаится и не пикнет. Многим мы уже укоротили руки. За последние дни добровольно сдались

восемнадцать стратегических бункеров по всему свету, авиации не хватает доставлять десанты.

- Наш десант в Антарктиде не пострадал?

- Успели эвакуировать. Вадим со своими бойцами сейчас в Америке. Зачищают одно упёртое гнездо в штате Юта. Ну и мистер Шепард с ними. Сказал, что напали на след крупного зверя.

- Добудет.

- Добудет, он такой!

Корабли ложились курсом на север. Завывал холодный ветер, солёные капли срывались со вспененных волн, недалеко возвышался гигантский айсберг. Но на сердце было тепло и радостно. Мы возвращались домой.